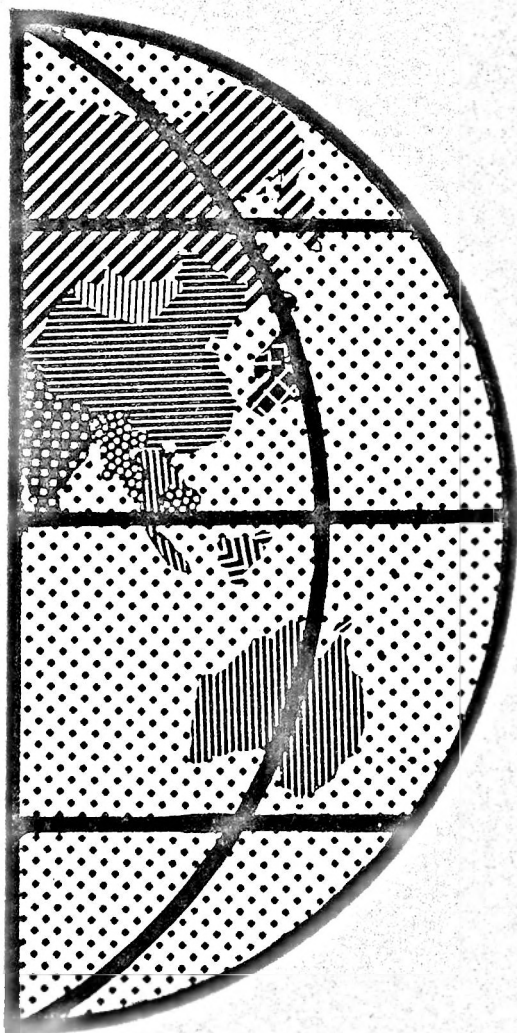

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Сотрудничество СЭВ — СРВ

Пути развития
сельского хозяйства Китая

Новый канал
советско-японского диалога

КНР и СОИ

По страницам
китайской печати

Ученые КНР
о самостоятельности
предприятий

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

3/88

НОВЫЕ КНИГИ

Очерки истории дальневосточных организаций КПСС. 1938—1987. Редкол. Г. С. Хохлюк и др. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1987. — 478 с. — 1 р. 60 к. 5000 экз.

Го юй (Речи царств). Пер. с кит., вступ. и прим. В. С. Таскина. — М.: Наука, 1987. — 472 с. — 4 р. 90 к. 5000 экз.

Серебряков И. Д. Из блокнота индолога. — М.: Наука, 1987. — 154 с., ил. — (Рассказы о странах Востока) — 55 к. 30 000 экз.

Индия: Рек. библиогр. справочник, Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; Авт. — сост. И. В. Сахаров. — 2-е изд., доп. — М.: Кн. палата, 1987. — 192 с. — (Страны и народы мира). 50 к. 6020 экз.

Горев А. Роса на лотосе. Индира Ганди: мечты и свершения. — М.: Политиздат, 1987, — 319 с., ил. — 80 к. 100 000 экз.

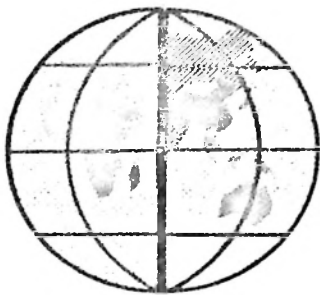
Промышленные роботы: Внедрение и эффективность. К. Асаи и др.; Пер. с япон. — М.: Мир, 1987. — 384 с. — 2 р. 15 000 экз.

Бессмертный лотос: Слово об Индии. Сост. А. Сенкевич. — М.: Мол. гвардия, 1987. — 382 с., ил. — 2 р. 65 000 экз.

Корни баньяна: Поэтич. сб. Пер. с хинди; Сост. А. Кумарджайн. — М.: Мол. гвардия, 1987. — 95 с. — 50 к. 15 000 экз.

Шлык Н. Л., Катков Г. А. Все флаги в гости: Сов. Дальний Восток и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Грани сотрудничества. — Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. — 175 с. — 35 к. 3000 экз.

Голоса молодых: Поэзия и проза, Пер. с монг.; Сост. Б. Намжилов, Г. Ярославцев. — М.: Радуга, 1988. — 493 с. — (Б-ка монг. лит.). 3 р. 30 к. 10 000 экз.

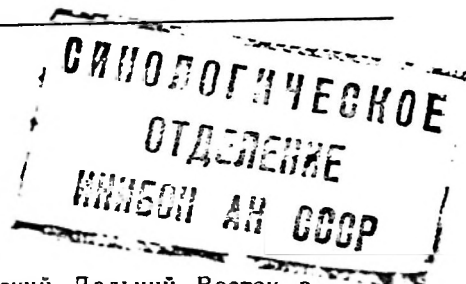
ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/88

3 [69] 1988
Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал, выходит
шесть раз в год на русском, английском, японском
и испанском языках

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

- Б. Ф. КЛЮЧНИКОВ.* Советский Дальний Восток в «тихоокеанском столетии» (К разработке новой концепции развития региона) 3
- Е. Г. ПАШЕНКО.* Китайские ученые о юридических основах самостоятельности государственных предприятий 15 ✓
- М. Е. ТРИГУБЕНКО.* Сотрудничество СЭВ—СРВ: преодоление торможения 24
- В. В. КУЗНЕЦОВА.* Поиск путей развития сельского хозяйства КНР 37 ✓
- Ц. БАТБАЯР.* Об экономической реформе в Автономном районе Внутренняя Монголия (1979—1986) 51
- А. В. ВОРОНЦОВ.* Корейский полуостров: между войной и миром 62
- М. В. СЕНИНА, А. А. СОЛОВЬЕВА.* К вопросу о борьбе за рынок компьютеров в АТР 72
- Ю. С. СТОЛЯРОВ.* Проблемы торгово-экономических отношений СССР в азиатско-тихоокеанском регионе 82
- М. В. КОВАЛЬ.* Американская синология: конфликт поколений? 95
- А. В. РАЙКОВ.* Импералистическая Япония и индийское освободительное движение в период войны на Тихом океане 103

ИСТОРИЯ

Из истории отечественного
востоковедения

НАУКА И КУЛЬТУРА

- В. С. МЯСНИКОВ.* Пекинские письма доктора Кирилова 115
- Н. Т. ФЕДОРЕНКО.* Принципы изучения китайской литературы (опыт и проблемы) 127
- В. С. АДЖИМАМУДОВА.* Тянь Хань — «совестливое дитя Китая» (К 90-летию со дня рождения) 140
- Г. С. САДВАКАСОВ.* Уйгуроведение в СССР 150

**СООБЩЕНИЯ.
ОБЗОРЫ.
СПРАВКИ**

- Т. В. КАРЫМОВ.* Позиция КНР в отношении стратегической оборонной инициативы США 160
Ю. В. МИНАКОВ. Проблемы и перспективы использования природных ресурсов в Китае 167
М. ЗЭНЭЭ. Литература и искусство Внутренней Монголии 175
К. О. САРКИСОВ. Новый канал советско-японского диалога 180

**ПО СТРАНИЦАМ
ПЕЧАТИ КНР**

Вопросы теории

- ХУАНЬ СЯН.* О китайско-американских отношениях 189
ВАН ЦЗЮЭ. К вопросу о методологии изучения начального этапа социализма 193
ЦЗИНЬ СЮН. Реальный социализм и модернизация общества 196
ДАЙ ЯНЬНЯНЬ. Начальный этап социализма 203
ДАЙ ЯНЬНЯНЬ. Важное положение о строительстве социализма 205

**КНИЖНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ**

- М. Ф. ЮРЬЕВ.* Пути китайской революции 207
А. В. НИКОДА. Перспективы развития промышленности КНР 208
Ю. Е. ЕВГЕНЬЕВ. По страницам ежегодника «Япония 1986» 213
А. А. ДОЛИН. Мир японской книги 218

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

- Л. А. СКОРОДУМОВА.* Международная встреча переводчиков-монголоведов 221

**НОВОСТИ
ВАКИТ**

- Деятельность ассоциации в 1987 г. 223

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1988

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. С. МЯСНИКОВ,
В. Я. ПОРЯКОВ, С. С. РАЗОВ, О. Б. РАХМАНИН,
И. А. РОГАЧЕВ, Б. В. САГАРЕВ (и. о. зам. главного редактора),
А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО.

**Советский
Дальний Восток
в «тихоокеанском
столетии»**

**(К разработке новой концепции
развития региона)**

*Б. Ф. КЛЮЧНИКОВ,
доктор экономических наук*

Славяне, которым три столетия суждено было напирать против солнца, к востоку, стоят теперь со своим неизмеримым царством перед Соединенными Штатами, отраслью германского племени, которая между тем столь же неудержимо стремилась вслед за солнцем, к западу»¹. Так писал в 1860 г. русский ученый и путешественник Миддендорф. Он был одним из тех, кто понял историческое значение почти одновременного выхода на Тихий океан двух нынешних «сверхдержав». Как шли американцы на Дальний Запад, знает весь мир, если не по научным источникам, то по бесчисленным фильмам. Мы оказались менее признательными потомками. Мы до сих пор мало знаем историю открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока.

Между тем это одна из удивительных страниц общечеловеческой истории — эпопея, длившаяся три с лишним века, полная упорной борьбы с суровой природой и правительственной бюрократией, с косностью и непониманием великого исторического дела. Идти «против солнца» было много труднее, чем плыть по морю. А наше море было студеным. В ледяной пустыне, в борьбе с необъятным пространством, морозом, болотами и лесами проявились недюжинные ум, воля и дальновидность русских землепроходцев. Кто они и зачем шли в неведомые дали, за Урал, как тогда говорили — «за Камень»; как уживались с финскими, тюрскими, монгольскими, маньчжурскими народами и племенами? Первыми, как и во многих других начинаниях, были непоседы из Новгорода Великого и их потомки — поморы да вольные ватаги казаков. Шли вначале без ведома правительства, шли не только за соболями, но и из простой человеческой любознательности, чтоб узнать, а что там дальше, за той рекой и сопкой? Среди первых — Строгановы, знаменитый Ермак, атаманы Максим Перфильев, Хрипунов. Василий Бугор с десятью казаками уже в начале XVII в. вышел на Лену, десятник Елисей Буза в 1636 г. спустился по Лене к «студеному морю», так и не узнав, «где они серебро емлют». Семен Дежнев в 1648—1649 гг., почти за 80 лет до Беринга, разрешил спор, «сходится ли Азия с Америкой». Беринг знал о донесении Дежнева, много лет лежащем в архивной пыли.

За Камень, от гнета на волю уходило все больше русских семей. В 1645 г. в семи западносибирских уездах уже было 8 тыс. русских дворов при 5 тыс. семей местного населения. Вскоре правительство стало стимулировать переселение казенных крестьян. Оно наказывало выбирать для поселения людей «крепкожительных и учительных и небражников». Переселенцам начали давать «подмогу в $1\frac{1}{2}$ —2 рубля, а попам — 30 рублей», разные вольности и льготы.

Так случилось, что Дальний Восток стали осваивать с севера. На пустынный Амур атаманы Поярков и Хабаров пришли из Якутска. Но скоро проложили срединный и южный пути к Охотскому морю. В 1696—1697 гг. Атласов высадился на Камчатке. Впереди был Великий океан. Но океан не остановил русского движения. Напротив, оказалось, что «на море легче отыскивать новые земли» и промыслы. В 1711 г. Иван Козыревский и Данило Анцыфилов на байдарках добрались до Курильских островов. До Петра Первого шли и плыли как бог на душу положит. Из Москвы не было совета. Иное дело из Петербурга! Из Петербурга присылали «матрозов», компасы и карты. Сподвижник Беринга — удачливый капитан Чириков 15 июля 1740 г. первым подошел к пустынным берегам Америки. Ломоносов прославил его подвиг в оде в честь Елизаветы Петровны: «К тебе от восточных стран спешат уже Американские волны...»

В конце XVIII — начале XIX в. промышленники начинают осваивать Тихоокеанское побережье Америки. Вновь созданной Русско-американской компанией многие годы руководил купец Баранов, человек широкого размаха и неиссякаемой энергии. Промыслы и фактории компании распространялись до Калифорнии. Но, как и в Сибири, случилось так, что скудные силы и средства тратились на ледяную Аляску. Только в 1803 г. Крузенштерн по плану Адмиралтейства отправится в кругосветное путешествие. Между прочими делами он прокладывал морской путь в русскую Америку. При Александре I правительство стало проявлять к русским владениям в Америке, особенно в Калифорнии, большой интерес. Любопытно, что в это же время (в 1803 г.) Наполеон беззаботно продает США богатейшую французскую колонию Луизиану. Русское правительство, напротив, стремилось к тому, чтобы превратить северную часть Тихого океана в русское внутреннее море. Но случилось то, что так часто случалось в нашей истории. Замечательные начинания губили бюрократизм и рутинная, бестолковщина, от которых у наиболее энергичных и предприимчивых людей опускаются руки.

Известный историк Г. Вернадский, как, впрочем, и другие специалисты, справедливо считал, что роковой ошибкой было запоздание с освоением Амура как главного пути к океану. Капитан Невельской получил дисциплинарное взыскание за то, что, изучая пустынное Приморье, своевольничал — плывал к устью Амура. В 1849 г. опальный капитан прокричал рупор губернатору Муравьеву: «Сахалин — остров, а не полуостров!» Между тем николаевский канцлер Нессельроде десятилетиями запрещал изучение и освоение бассейна Амура, настаивая, что поскольку Сахалин полуостров, то «Амур не имеет значения»². Недооценка Амура как главного пути выхода в океан задержала освоение Приморья, развитие русской Америки. Отказ от русской Америки начался в 40-е гг. по настоянию Нессельроде. В 1867 г. мы расстались с последними американскими владениями России. За 7,2 млн. долл. была продана Аляска, страна величиной в три Франции. Там уже начиналась добыча золота. В придачу отдали архипелаг Александра, Алеутские острова, острова Прибылова, Кадьяк и др. Не было людей, не хватало средств, а главное — взяла верх политическая близорукость. Именно отсутствие перспективного, исторически масштабного взгляда на будущее севера Тихоокеанского бассейна привело к легкомысленной сдаче занятых позиций, к уходу из русской Америки, хотя никто русских тогда не теснил.

Оставались неизведанными просторы Приморья, Амурской области, Сахалина, Камчатки — места с благоприятными для жизни условиями. Петербургскому правительству понадобилось без малого два столетия, чтобы понять наконец разницу между северными и южными регионами Дальнего Востока, раскинувшимися на 4,5 тыс. км — от Арктики и зон вечной мерзлоты, на

которые падает $\frac{1}{5}$ огромной, в 6,2 млн. кв², территории, до регионов с умеренным и субтропическим климатом. В основе этого заблуждения лежала односторонняя ориентация на добычу сырья, а часто — только золота.

Начало заселения Амурской области и Приморья относится к 50-м гг. прошлого века. В 1855 г. появилась первая станица. По тому времени заселение шло довольно быстро. В 1897 г. только в Приморском крае уже осело 221 тыс. человек, население Владивостока составило 29 тыс. человек, Хабаровска — 15 тыс. В 1858 г. на Амуре уже было 28 поселений³. Поток переселенцев рос такими стремительными темпами, что правительство вынуждено было принять меры для ограничения «самовольного неосмотрительного переселения, без достаточных средств» (закон 1889 г.). Русские писатели оставили нам зарисовки бедствий, которые претерпевали переселенцы в пути. Сухим путем переезд длился не менее двух лет. С 1883 г. началась перевозка крестьянских семей морским путем, из Одессы и вокруг света. Чтобы преодолеть у крестьян боязнь моря, им полагались бесплатный проезд, продовольствие на полтора года, 100 руб. на обустройство, семена, простейший инвентарь, пара голов рабочего скота и корова.

В конце XIX и начале XX в. заселение южных плодородных земель Дальнего Востока было признано делом особой государственной важности. Этим объясняется необычная щедрость и льготы переселенцам. Они освобождались от подушной подати и от рекрутских наборов на 10 лет, от поземельной подати на 20 лет. На семью отводилось по 100 десятин земли, которые она обязана была освоить не менее чем за 5 лет. Иначе земля отбиралась. Вскоре, однако, переселение за казенный счет было прекращено. Спрос на землю был так велик, что необходимость денежного стимулирования переселения отпала. Край постепенно осваивался, росли села, города, промыслы, приграничная торговля. Тогда же из черниговских, орловских, полтавских, симбирских крестьян сложился костяк нынешнего постоянного населения. Дальний Восток стал их родиной. Это дало В. И. Ленину основание сказать в первые годы после революции, что Владивосток далеко, но ведь город-то нашенький.

История освоения Сибири и Дальнего Востока после Октябрьской революции широко известна. Успехи и достижения за 70 лет Советской власти бесспорны. Строительство в годы первых пятилеток Урало-Кузнецкого комбината явилось реализацией ленинской идеи создания в Сибири индустриального комплекса. В то же время строился и Комсомольск-на-Амуре. В послевоенные годы началось формирование территориально-производственных комплексов и, наконец, строительство БАМ — опорной магистрали для наступления на Север.

Возможно самым значительным достижением стал рост населения, малых и крупных городов, создание экономической инфраструктуры. За годы Советской власти население Владивостока и Хабаровска увеличилось в несколько раз, достигнув соответственно 615 и 591 тыс. Население Уссурийска составляет уже 155 тыс., а Южно-Сахалинска — 166 тыс. человек⁴. Население Дальневосточного экономического региона (ДВЭР) за последние тридцать лет увеличилось с 4,3 млн. до 7,2 млн. человек. Правда, эти цифры не дают представления о численности и составе постоянного населения.

Да, достижения есть, и немалые, в некоторых отношениях они больше, в других меньше. Главное, однако, ясно уже сейчас: нам предстоит сделать много больше.

Все дело в том, с чем и как сравнивать. Часто пишут, что в начале века обрабатывающая промышленность Дальнего Востока составляла всего лишь 0,35 % от общероссийской, что его валовая продукция выросла в 100,

173, 202 раза и т. д.⁵ Судить о развитии Дальнего Востока по нашей статистике не просто, потому что цифры даются, как правило, на всю РСФСР. Думаю, Дальний Восток и Сибирь заслуживают особой графы. Из имеющихся данных следует, что в 1986 г. доля ДВЭР в общем промышленном производстве страны составила 3 % и почти столько же тридцать лет назад (2,8 % в 1958 г.). Это означает, что ускоренного развития региона не произошло. Застойные явления в 70—80-е гг. здесь проявились особенно резко, о чем много сейчас пишут в нашей экономической литературе и прессе.

Программы освоения Дальнего Востока во многих случаях основывались на сиюминутных интересах. Их диктовали сама жизнь, суровые обстоятельства, огромные трудности, с которыми сталкивалась страна. Отсюда рывки, аритмия в развитии производительных сил Дальнего Востока. При том составе населения и в политической обстановке «холодной войны» трудно было помышлять о включении Дальнего Востока в мировое хозяйство и региональное разделение труда, о развитии связей с Китаем, Японией, многими другими странами региона. Наша главная задача состояла в том, чтобы уберечь наши владения от империалистических поползновений. Эта задача выполнена. На Дальнем Востоке для нас возникают новые задачи, новые перспективы, которые надо связывать с тем, что происходит в Тихоокеанском бассейне и ближе — в азиатско-тихоокеанском регионе.

* * *

В 70-е гг. началась разработка различных программ развития ДВЭР, в том числе 26 целевых программ, составляющих Комплексную программу «Дальний Восток». XXVII съезд КПСС поставил задачу обеспечить опережающий рост экономики и уровня жизни в Сибири и на Дальнем Востоке. Пришла пора взглянуть на наши тихоокеанские владения по-новому, как на часть взаимозависимого, во многом целостного мира. Ныне появились новые мощные факторы, которые настоятельно диктуют превращение советского Дальнего Востока во второе, а вернее, восточное лицо страны, так, как это произошло с Дальним Западом США и Канады, которые еще в середине прошлого века были в основном атлантическими странами.

Поездка М. С. Горбачева в июле 1986 г. на Дальний Восток стала серьезным толчком для переосмысления роли и перспектив нашего Дальнего Востока в контексте новых тенденций развития мирового хозяйства. «США, мы ясно отдаем себе отчет, являются великой тихоокеанской державой», — заявил М. С. Горбачев. Но и «Советский Союз — тоже азиатская и тихоокеанская страна»⁶.

Случилось так, что именно азиатско-тихоокеанский регион в последние 30 лет стал центром беспрецедентного экономического динамизма. Ускоренно развивались пять тихоокеанских штатов США, в том числе и Аляска. Многие страны мира, включая Австралию и Канаду, даже далекие западноевропейские страны, постепенно переориентируют свои экономические связи на Тихоокеанский бассейн. Уже сейчас на него приходится половина мирового промышленного производства и треть мировой торговли. Наиболее проницательные умы предсказывали это еще в прошлом веке. К. Маркс, например, писал: «...Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море, — роль великого водного пути для мировых сношений; а Атлантический океан будет низведен до роли внутреннего моря, какую теперь играет Средиземное море»⁷.

Человечество в канун XXI в. достигло наконец такого уровня развития

производительных сил, что может наконец вплотную заняться освоением гигантских просторов Великого океана.

Размышляя о будущем советского Дальнего Востока, надо понять значение того непреложного факта, что географически он есть часть азиатско-тихоокеанского региона. Следует учитывать в полной мере, что здесь в рамках взаимозависимости идут мощные интеграционные процессы, возникают новые региональные внешнеэкономические связи. Это приводит к сдвигам в относительном значении и в перспективности регионов. Повышение роли стран Тихоокеанского бассейна представляет собой важнейшую тенденцию в мировой экономике. XXI в. обещает стать веком Тихого океана, тихоокеанским столетием.

Важнейшим фактором перемещения центра экономической жизни планеты на Тихий океан является быстрый рост Японии, которая стала великой экономической державой. Она бросает вызов США. Сравнительно быстрый экономический рост наблюдается и в развивающихся странах АТР, которые находятся в непосредственной близости от Приморья и Сахалина. Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, население которых составляет 2 % населения «третьего мира», производили в 1982 г. более 7 % валового продукта развивающихся стран, давали 20 % их экспорта, в том числе 60 % экспорта готовых изделий⁸. Китай быстро расширяет свои внешнеэкономические, научные связи. Быстро, хотя и с трудностями, развиваются его особые экономические зоны.

В США происходят бурные процессы «вестернизации». Экономический вес тихоокеанских штатов неуклонно растет: в 1950 г. в пяти штатах Тихоокеанского побережья США производилось 28 % того, что в восемнадцати атлантических штатах; в 1960 г. уже 35 %, в 1982 г. — 42, в 1985 г. — 43 %. Население тихоокеанских штатов в 1960 г. составляло 30 % населения атлантических штатов, а к 1985 г. уже почти 40 %⁹. К тому же в западных штатах, прежде всего в Калифорнии, концентрируются самые современные наукоемкие отрасли производства, связанные с новым этапом НТР. В результате того что экономика США и Канады во все большей мере переориентирует свои внешнеэкономические связи на Японию и другие страны АТР, идет ускоренный процесс формирования тихоокеанского экономического региона.

Стоит внимательно обдумать последствия следующего знаменательного факта: к началу 80-х гг. США торговали больше со странами Тихоокеанского бассейна, чем со странами Европы. В формировании АТР наиболее активно участвуют пока 15 стран. Представление об их месте и роли в мире дает следующая таблица: (см. стр. 8).

Из приводимых данных видна доминирующая роль Японии в АТР, которую она не собирается никому, в том числе и США, уступать. Вместе с тем еще три страны, могут и стремятся играть значительную роль в тихоокеанском регионе — это США, Китай и Австралия, все три с огромным экономическим потенциалом.

Представляется политически чрезвычайно важным разобраться: в какой мере оправдан вывод о перемещении центра экономической жизни планеты в бассейн Тихого океана и что из этого следует для нас?

Приведем некоторые данные, относящиеся к началу 80-х гг. Они уже тогда были весьма показательны. Четверть всего того, что производилось в мире, приходилось на долю тех пятнадцати тихоокеанских стран, которые активно включились в тихоокеанское региональное сотрудничество. С учетом потенциала прочих стран бассейна эта доля несравненно выше. Далее, обращает на себя внимание тот факт, что за сравнительно небольшой срок — всего

Таблица № 1

Население, площадь и валовой внутренний продукт (ВВП)
стран Тихоокеанского бассейна (1982 г.)

Страна	Население (млн. человек)	Площадь (тыс. км ²)	ВВП (млрд. долл.)	ВВП на душу населения (тыс. долл.)	Доля в ВВП Тихоокеан- ского региона (%)
Япония	118	372	1062	10 080	46,8 %
Юж. Корея	39	98	68	1 910	3,0
Тайвань	18	36	46	2 500	2,2
Гонконг	5	1	24	5 340	1,1
Сингапур	2,5	1	15	5 910	0,7
Малайзия	15	330	26	1 860	1,1
Таиланд	49	514	37	790	1,6
Индонезия	153	1919	90	580	4,0
Бруней	0,2	6	4	20 000	0,2
Филиппины	51	300	40	820	1,8
Папуа-Новая Гвинея	3	462	24	820	0,1
Австралия	15	7687	164	11 140	7,3
Китай	1008	9561	260	310	11,5
Тихоокеанские штаты США	32	2386	406	12 280	17,9
Новая Зеландия	3	269	24	7 920	1,1

Источник: The Pacific Century. Economic and Political Consequences of Asian — Pacific Dynamism. By S. B. Linder. N. Y., 1986.

за 22 года — доля только стран АТР в мировом валовом продукте достигла 16,4 %, то есть стала такой же, как доля всех стран Тихоокеанского бассейна, включая тихоокеанские штаты США, западные провинции Канады, Китай и т. д., в 1960 г. Наиболее показательно, однако, соотношение того, что производится в бассейнах Атлантического и Тихого океана. За те же 20—25 лет произошло серьезнейшее перемещение производительных сил планеты: экономика Тихоокеанского бассейна быстро нагоняет Атлантику. Она составляла 38,5 % в 1960 г. и 57,3 % в 1982 г. Эти данные суммированы в таблице 2.

Таблица № 2

	1960 г. (%)	1970 г. (%)	1980 г. (%)	1982 г. (%)
ВВП стран Тихоокеанского бассейна (ТБ.) к мировому валовому продукту	16,2	20	21,6	23,3
ВВП стран ТБ к ВВП Атлантического бассейна	38,5	45,9	49,4	57,3
ВВП стран Азиатско-Тихоокеанского региона к мировому валовому продукту	7,8	11,5	15,5	16,4
ВВП АТР к ВВП США	18,0	29,7	53,4	58,4
ВВП АТР к ВВП стран Западной Европы	27,5	37,4	43,9	54,0

Источник: The Pacific Century. Economic and Political Consequences of Asian — Pacific Dynamism. By S. B. Linder. N. Y., 1986.

По предварительным подсчетам, в настоящее время указанные 15 стран Тихоокеанского бассейна производят уже почти 30 % мирового валового продукта. Особенно быстро развивалась экономика стран АТР. Правда, решающую роль здесь играет экономика Японии, которая к 1970 г. давала 69 % ВВП АТР по сравнению с 47 % в 1960 г. Однако в 80-е гг. ввиду опережающего роста ряда стран Юго-Восточной Азии и Китая доля Японии стала снижаться, составив к 1985 г. 64 %¹⁰.

Размышляя о будущем развитии советского Дальнего Востока, надо не только реально оценивать то, что произошло в регионе, но и что можно здесь ожидать в ближайшие десятилетия. Прогнозирование развития тихоокеанского региона ведется во многих, даже далеких от него странах. Выводы повсеместно очень схожи и свидетельствуют о том, что центр гравитации мировой экономики неуклонно смещается на Тихий океан, точнее, в азиатско-тихоокеанский регион, к которому географически принадлежит наш Дальний Восток. Недавно группа японских экономистов во главе с известным ученым, бывшим министром иностранных дел Японии Сабуро Окита опубликовала прогнозы развития АТР и всего Тихоокеанского бассейна. Они собраны в полуофициальном докладе «Япония в 2000 году»¹¹.

Доклад берет за основу умеренный сценарий, согласно которому следует предвидеть снижение темпов роста как в Японии, так и в других странах АТР и их сближение с темпами роста других развитых капиталистических стран. Этот умеренный сценарий указывает на дальнейшее повышение веса АТР в мировой экономике, с 15 % мирового валового продукта в 1980 г. до 20 % в 2000 г. ВВП этих стран и без Китая составит 75—80 % совокупного ВВП США и Западной Европы и 90 %, а возможно, все 100 % с учетом ВВП Китая. Дело в том, что ныне преобладает мнение, что ВВП КНР обычно серьезно недооценивают. Следует ожидать весьма быстрого роста экономики Китая в будущем. Японские экономисты рассчитали также, что если в 90-е годы темпы роста Японии будут соответствовать более оптимистическому сценарию и составят 5,9, а не 4,4 %; а прочих стран АТР не 6, а 7 % (что вполне возможно, учитывая прошлое), то АТР и без КНР обгонит экономику США и Западной Европы, вместе взятые. За экономикой следуют, как правило, изменения в соотношении сил в мировой политике.

Мы остановились столь подробно на тенденциях развития экономики в бассейне Тихого океана, и особенно в АТР, для того, чтобы показать, в каком контексте будет развиваться наш Дальний Восток. Некоторое повышение темпов его развития по сравнению с европейской Россией или другими республиками не изменит положения, которое не может нас удовлетворять. Положение Дальнего Востока может стать в полном смысле драматическим в ближайшие десятилетия. Мы не имеем более права утешаться отдельными успехами его экономики. Мы должны сравнивать его экономику с другими странами АТР, как количественно, так и качественно. Как это ни печально, но мы обязаны глубоко осознавать всю серьезность отставания развития советского Дальнего Востока в контексте ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе.

Глубокую тревогу должны вызывать бездумно оптимистические заявления о неисчерпаемых богатствах края, о неразведанных кладовых природы. Настораживают такие оценки, как «успехи здесь скромны относительно союзных масштабов», «производительность труда ниже, чем в других регионах, на 15—20 %», «лишь частично раскрыт собственно природно-экономический потенциал региона», значительная часть рабочей силы непостоянна и стремится поскорее вернуться на «материк», на «Большую землю».

На бескрайних пространствах нашего Дальнего Востока, раскинувшихся

на 4500 тыс. км с севера на юг, производится только 0,7 % того, что дают страны Тихоокеанского бассейна, в 30 раз меньше того, что производит Япония, и в 12—15 раз меньше того, что дают тихоокеанские штаты Америки. Удивительно ли, что зарубежные экономические прогнозы не принимают наш Дальний Восток в расчет. Мы не только слабо представлены, но сами долгое время тормозили включение ДВЭР в мирохозяйственные связи.

Не следует строить иллюзий. Ни США, ни Япония, ни другие крупные страны не заинтересованы в ускоренном развитии нашего Дальнего Востока. Важно также понимать, что только под давлением обстоятельств эти страны признают Советский Союз тихоокеанским партнером и откроют двери для широкого сотрудничества в АТР. Конечно, в США и Японии существуют различные политические силы, отношение которых к экономическому сотрудничеству с Советским Союзом в ТБ далеко не одинаково. Военно-промышленный комплекс США, например, однозначно против какого-либо усиления позиций СССР на Тихом океане.

Гуверовский институт США внимательно изучает советский Дальний Восток. В одном из последних исследований¹² слово было предоставлено адмиралу Р. Фоли. Он делает следующий далеко идущий вывод: «Запад едва ли может себе позволить оставаться безучастным и не противодействовать становлению Советского Союза как азиатско-тихоокеанской державы» (с. 264).

Авторы упомянутого издания Гуверовского института откровенно злорадствуют по поводу слабых темпов развития советско-японского экономического сотрудничества: «Кажется, что Советы абсолютно не приспособлены для того, чтобы иметь дело с японцами», хотя «объективно они естественные партнеры» (с. 228). Западные политики не заинтересованы в улучшении советско-японских, советско-китайских, советско-индийских и др. отношений. Не верьте русским, вашим историческим врагам, не верьте разрядке и перестройке, вешают они. «Япония может стать слишком зависимой от потенциального советского противника», — пишет американский специалист по советскому Дальнему Востоку Р. Свиринген.

В последние годы в конгрессе США все чаще рассматривают перспективы развития тихоокеанского региона. Наш Дальний Восток высокомерно называют «задворками», «заброшенным двором» на Тихом океане, где русские, как и в XVIII в. представлены промысловыми факториями, рудниками, вооруженными силами и ссылками. Раздавались голоса, требующие объявить слабоосваиваемые районы и природные богатства мира «общим достоянием человечества».

Тихоокеанское направление занимает все большее место во внешней политике США, которые готовятся принять вызов, брошенный Японией. Выступая весной 1987 г. на конференции Американско-азиатского института, госсекретарь Д. Шульц заявил, что США считают себя тихоокеанской державой не столько из-за значительной береговой линии на Тихом океане, сколько из-за того, что удельный вес традиционных отношений США со странами Тихоокеанского бассейна и Азии растет стремительными темпами. Все более внимательно, опасаясь упустить исторические возможности, рассматриваются к беспрецедентному динамизму на Тихом океане западно-европейские страны, а также Канада, Австралия, Мексика.

Реальности мирового хозяйства заставляют признать, что уровень и темпы развития на нашем Дальнем Востоке значительно уступают соответствующим показателям других стран АТР и тихоокеанских штатов Америки.

Толчком к осознанию реальностей стала поездка М. С. Горбачева 25—31 июля 1986 г. на Дальний Восток. Политбюро ЦК КПСС обсуждало результаты этой поездки и отметило принципиальную важность поставленных крупномасштабных проблем. Оно признало необходимым разработать долговременную государственную программу комплексного развития производительных сил Дальнего Востока на период до 2000 г. М. С. Горбачев особо подчеркнул опасность «политической неадекватности» относительно этого региона. Дальний Восток нуждается в разработке концепции развития.

Разрабатывая такую концепцию развития советского Дальнего Востока, надо прежде всего отбросить традиционные мерки и подходы. Здесь есть простор для нового политического мышления, для социальных и экономических экспериментов. Обстановка в этом районе мира складывается так, что мы должны принять в самое ближайшее время чрезвычайные меры. Не претендуя ни на полноту, ни на правоту во всех вопросах, попытаемся изложить, что имеется в виду под новым взглядом и чрезвычайными мерами для Дальнего Востока.

Начать надо с того, чтобы преодолеть в сознании самого народа европеоцентристский взгляд на нашу страну, на карту страны, согласно которому голова страны в Европе, а хвост где-то на Дальнем Востоке, Дальний Восток должен перестать быть дальним необжитым краем.

Страна должна в 20—30 лет буквально «развернуться на восток», направить туда миллионы наиболее энергичных, предприимчивых и трудолюбивых людей. Они должны в течение одного поколения создать второе, тихоокеанское лицо страны, широко распахнуть окна и двери для регионального сотрудничества.

Сейчас по объективным экономическим показателям мы в большей мере европейская страна. Естественно, что в сознании большинства нашего народа Дальневосточный край еще не стал прочным и надежным домом. Дальний Восток должен перестать быть дальним, так же как из сознания американцев ушло понятие «Дальний Запад».

Это не простая задача. Средствами массовой информации ее не решить. Нужно осознание особой национальной важности ДВЭР, особых его задач в контексте мирового хозяйства. Нужно понимание простого непреложного факта: огромного значения Дальнего Востока для нашего дальнейшего существования. Здесь, на Дальнем Востоке, прежде всего необходимо ускоренное развитие, потому что если в ближайшие годы не будут приняты меры, то будет совершена историческая ошибка, которую потомки нам не простят. И меры должны быть чрезвычайными. Программа развития Дальневосточного края должна быть сравнимой по масштабам, по концентрации сил с индустриализацией или послевоенным восстановительным периодом.

Разрабатывая новую концепцию развития ДВЭР, необходимо преодолеть устоявшиеся взгляды, привычные стереотипы, идеологические догмы, которые сдерживают развитие производительных сил региона.

Начать можно было бы с переоценки потенциалов различных зон Дальнего Востока. Почему нас три века как замороженных влечет белое безмолвие северных пространств? Они наполнены сказочными богатствами, но взять-то их при нынешней технике и технологии очень трудно, очень дорого. Может быть, следует до поры до времени отдать приоритет южным краям, Приморью, Южному Сахалину, Амурской области, Камчатке, которые находятся на широтах Крыма, Северного Кавказа, Украины, которые близки к Китаю и Японии? Здесь есть и субтропики. Всемирно известный исследователь Приморья и Амурской области В. К. Арсеньев восхищался поразительными богатствами края. «Кажется, природа нарочно избрала эти места для того,

чтобы показать, какова может быть производительная сила земли»¹³.

Климат здесь местами суров, но благоприятен для полнокровной жизни и деятельности. Южный край может стать надежным домом для нескольких десятков миллионов советских людей, какими стали для японцев их северные острова. Не пришло ли время еще раз поразмыслить над тем, насколько соответствует действительности мнение о том, что перспективы увеличения роли Дальнего Востока в народнохозяйственном комплексе СССР связаны именно с Севером, который считается богатейшей кладовой полезных ископаемых нашей страны.

Ставку нужно делать на южные зоны, на развитие в них обрабатывающей промышленности, на создание собственной мощной научной базы и наукоемких перспективных отраслей. Трудность состоит в том, что из факторов производства есть только один — земля, других — рабочей силы, капитала, науки — недостаточно.

Огромные возможности предоставляет освоение ресурсов океана, интенсификация сельскохозяйственного производства, создание развитой транспортной сети, развитие связи, внедрение передовой технологии. Экономическое развитие ДВЭР должно быть ориентировано на создание мощного экспортного сектора, и не только за счет редких, стратегически важных природных ресурсов. Современный экспортный сектор основывается на готовой продукции. Сфере потребления и сфере услуг следует уделять первостепенное внимание.

И все-таки главным звеном представляются трудовые ресурсы. Необходимо использовать неоспоримое преимущество социализма в способности концентрировать усилия на приоритетных программах. Стратегия ускорения развития южных зон Дальнего Востока не должна быть калькой с общей стратегии ускорения. Что хорошо в Донбассе, не обязательно привьется здесь. Характерно, что, говоря о проблемах Дальнего Востока, многие по-прежнему ставят вопрос о «выравнивании социальных различий». Если мы хотим, чтобы в новые края переселились и осели миллионы людей, нужно создать значительно более благоприятные, скажем, даже более притягательные условия, чем в европейских областях.

Как можно привлечь людей в края, где завозное продовольствие, где круглый год не хватает овощей и фруктов, где мало жилья, где работа много труднее? Неудобства не компенсируются надбавками. Кто же будет решать все эти бесчисленные проблемы, создавать условия для новоселов? Государство может и должно сделать многое, но главная ставка должна быть на самих людей, на самих новоселов, на их предприимчивость, личную инициативу и заинтересованность. Здесь можно провести важный эксперимент по не ограниченной никакими бюрократическими рогатками перестройке основ хозяйствования, дать полный простор человеческому фактору. Это значит привлечь и поддержать в трудовых дерзаниях наиболее энергичную, образованную, целеустремленную, способную на творческий поиск и на риск часть народа. Собственно, та же забота, что в древнерусском указе: привлечь к переселению «людей крепкожильных и учительных и небражников». Ставка на самодеятельность, на кооперацию, на местную промышленность, ремесло и промыслы облегчит задачи «перегруженного» государства. Она поставит препоны гигантомании, низкой фондоотдаче и бюрократизму. Главная задача государства должна состоять в создании основных звеньев инфраструктуры, того, чего кооперативы на первых порах не потянут. Государство должно также заботиться о порядке и охране окружающей среды. Чрезвычайная программа потребует особого механизма ее осуществления. В 1920—1922 гг. существовала Дальневосточная Республика. Конечно, причины ее возникновения и цели были другими, поскольку обстановка была совершенно иной.

Важно, однако, принцип выделения этого региона, чрезвычайность его положения и оценка влияния на будущее страны. Другой важный принцип — отказ от сложившихся стереотипов экономической политики, от полумер, от робких шагов.

Нужен продуманный, смелый комплекс мер, который обеспечит быстрый рост всех факторов производства: рабочей силы, инвестиций, науки. Главное звено, повторяем, — это рабочая сила. Необходимо создать в законодательном порядке условия, которые привлекут миллионы людей к добровольному переселению на Дальний Восток. Это не только возможность заработать в два-три-четыре раза больше, но и купить то, чего не купишь в европейских районах. Это широкие возможности для самостоятельности населения, для индивидуальной трудовой деятельности, для создания кооперативов. Чтобы жизнь сделать в этих местах привлекательной, а экономику здоровой, надо открыть простор закону стоимости, в том числе смело включать местные предприятия в международное и региональное разделение труда, прежде всего в сотрудничество с социалистическими странами. Большую роль могут сыграть «заимы развития Дальнего Востока» и развитие системы кредита. Принимаемые шаги следует широко рекламировать, поощрять туризм для ознакомления. Рабочих рук у нас на все хватит, особенно если значительно уменьшить управленческий аппарат.

Много интересного делается в прибрежных районах Китая. Видимо, есть смысл разработать и опробовать на нашем Дальнем Востоке подобные радикальные меры, пойти на смелые эксперименты. Важно дать мощный импульс экономике. Следует облегчить экономические связи с Китаем, с Японией, с КНДР, развивать с ними прибрежную и приграничную торговлю, облегчить выезд советских граждан по делам за рубеж, практиковать обмен опытом, направление талантливой молодежи на учебу за границу.

Очень важно создать систему поощрения производства на экспорт. Экспортный сектор должен включать производство продукции в кооперативах, на мелких и средних предприятиях, которые должны иметь прямые связи с иностранными фирмами. Особо следует проработать вопрос об оптимальных размерах производственных единиц для этого региона, как и структуру регионального хозяйственного комплекса.

Заманчивые условия жизни и труда могут быть созданы не только экономическими льготами, но и другими мерами, например кредитованием строительства жилья высокого качества, высоким качеством и сравнительно простым доступом к профессиональному образованию, интенсивными учебными и научными связями с другими странами региона, в первую очередь с социалистическими. Ничто не должно ограничивать предприимчивость и творчество переселяющихся людей.

В условиях внутреннего экономического динамизма можно будет по-новому подойти и к совместным предприятиям, предоставив им на Дальнем Востоке, в определенных зонах или только в открытых портах, условия наибольшего благоприятствования. Их можно будет заинтересовать растущим дальневосточным рынком сбыта, а не только сырьем.

Это всего лишь некоторые элементы для новой концепции развития нашего Дальнего Востока. Важно понять всю серьезность того вызова, который бросает нам ускоренное развитие других стран Тихоокеанского бассейна. Как бы велики, многочисленны и срочны ни были другие задачи, которые партия и народ решают в ходе перестройки, забывать об этом вызове мы не вправе.

¹ Цит. по: Г. Вернадский. Против солнца. М., 1915, с. 3.

- ² См.: «Русская мысль», 1914, № 8.
- ³ Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., Т. 45, 1904, с. 275.
- ⁴ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987, с. 395.
- ⁵ БСЭ, т. 7, 1972, с. 516.
- ⁶ За новое политическое мышление в международных отношениях. Внешнеполитические аспекты перестройки. Документы и материалы. М., 1987, с. 324, 320.
- ⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 233.
- ⁸ S. B. Linder. Pacific Century. Economic and Political Consequences of Asian-Pacific Dynamism. N. Y., 1986, p. 39.
- ⁹ Ibid., p. 6.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ "Japan in the Year 2000". Tokyo, 1983.
- ¹² См., напр.: Siberia and the Soviet Far East. Strategic Dimensions in Multinational Perspective. Ed. by R. Swearingen. Stanford, 1987.
- ¹³ В. К. Арсеньев. Дерсу Узала.— Сквозь тайгу. М., 1972, с. 78

Китайские ученые о юридических основах самостоятельности государственных предприятий

Е. Г. ПАЩЕНКО,
кандидат исторических наук

Во всем спектре вопросов, связанных с созданием «жизнедеятельной хозяйственной системы» в ходе экономической реформы, китайское руководство закономерно ставит на первое место проблему повышения «жизнеспособности предприятий» (в первую очередь крупных и средних госпредприятий). Пути ее решения в целом намечены. Конституция КНР 1982 г. впервые установила новый принцип деятельности госпредприятий: предприятия «в рамках, установленных законом, имеют право на самостоятельное ведение дел и управление ими при условии подчинения единому руководству государства и полного выполнения государственного плана» (статья 16). В Постановлении ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы (октябрь 1984 г.) говорится о необходимости преодоления стереотипа «отождествления общенародной собственности с осуществлением государственными органами непосредственного управления предприятиями», о необходимости широкого применения экономических рычагов в регулировании деятельности госпредприятий, резком повышении их самостоятельности. В основе этого курса лежит сформулированная в этом же документе установка на то, что «в соответствии с теорией марксизма и практикой социализма право собственности можно надлежащим образом отделять от права хозяйствования»¹. Фактически речь идет о разграничении между правомочиями государства как собственника и как органа власти и управления, о наделении госпредприятий определенными полномочиями управлять государственным имуществом в интересах государства и в своих особых, находящихся в диалектической связи с общими интересами государства.

Определенные в 1984 г. направления повышения производственно-хозяйственной самостоятельности предприятий также подтверждены XIII съездом КПК (октябрь 1987 г.). Чжао Цзыян в своем докладе на съезде подчеркнул необходимость добиться «подлинной передачи» права хозяйствования предприятиям, «действенной охраны» их законных прав в интересах перевода предприятий на самокупаемость².

Эти вопросы решаются в непосредственной связи с концепцией строительства «плановой товарной экономики», которая была закреплена на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва и развита в решениях XIII съезда КПК. Сочетание плановых и рыночных начал хозяйствования выступает основной чертой современного подхода к управлению экономикой. При этом за последними признается все возрастающая роль. Если на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.) говорилось о «вспомогательной роли» рыночного регулирования³, то на XIII съезде

выдвинута задача сформировать в условиях социалистического товарного хозяйства такой экономический механизм, который в целом должен быть механизмом «государственного регулирования рынка и рыночного ориентирования предприятий»⁴. Все большая относительная независимость предприятий, их самостоятельная имущественная ответственность выступают предпосылкой введения в формирующийся новый механизм конкурентных начал, в связи с чем предусматривается возможность банкротства предприятий. Иными словами, в сфере регулирования экономических отношений возрастающая роль отводится самостоятельной воле госпредприятий как субъектов хозяйствования.

Процесс превращения китайских госпредприятий в относительно самостоятельные субъекты хозяйствования протекает непросто, приходится преодолевать наследие прошлого. Китайские авторы признают, что в прошлом игнорировалось применение права как важного средства регулирования общественных отношений, пренебрежение правом «было еще более привычным» в сфере экономики⁵. Что касается взаимоотношений между государством и предприятиями, то прежде «государство абсолютно, намертво заорганизовывало всю деятельность предприятий, осуществляя единое управление, единое хозяйствование, единое материальное снабжение, единые закупки и сбыт продукции, единое распределение финансовых средств, единую ответственность за результаты хозяйствования»⁶.

В настоящее время ситуация меняется. Предприятие из «бессловесного» объекта управления со стороны государственных органов постепенно превращается в самостоятельный субъект права, за которым признан статус юридического лица. Сужение возможностей государственных органов для вмешательства в производственно-хозяйственную деятельность предприятий (в основу чего заложена установка на сокращение бюджетных средств и увеличение собственных средств предприятий) соотносится как с расширением прав последних, так и с апробацией в рамках реформы методов и путей дальнейшего расширения их самостоятельности. Кратко кардинальные изменения в имущественных правах госпредприятий заключаются во введении системы возмездного обладания основными фондами, в предоставлении предприятиям прав в рамках закона использовать оставляемую им прибыль для формирования различных фондов, используемых самими предприятиями, сдавать в аренду, передавать бездействующие основные фонды, распоряжаться излишними материальными ценностями для участия в различных формах хозяйственных объединений и т. д.

Китайское законодательство содержит общепризнанное в социалистическом праве положение о единстве фонда государственного имущества, собственником которого является государство (статьи 6, 7 Конституции). Государственные предприятия, которым передается часть фонда государственного имущества, таким образом, не являются его собственниками, а приобретают на него иное право, производное от права государственной собственности. Впервые такое право — право хозяйствования (или хозяйственного управления) — было признано за госпредприятиями во Временном положении о государственном промышленном предприятии, принятом Госсоветом КНР 1 апреля 1983 г., которое до сих пор остается основным (правда, как отмечается в печати, частично устаревшим) комплексным актом хозяйственного законодательства, регулирующим правовой статус госпредприятия. Судя по статье 8 данного положения, в содержание этого права входит возможность по закону владеть, пользоваться и распоряжаться государственным имуществом. Это же имущественное право госпредприятия подтверждается и в Общих положениях гражданского права КНР (статья 82), принятых очередной

сессией ВСНП в апреле 1986 г. В целом, на наш взгляд, эти законодательные установления выдержаны в духе советской концепции права оперативного управления государственным имуществом как основной правовой формы осуществления права государственной собственности, разработанной в 40-х гг. академиком А. В. Венедиктовым, поддержанной советской правовой наукой и закрепленной в советском законодательстве. С теми или иными модификациями эта концепция отражена и в законодательстве многих социалистических стран.

В условиях крутой ломки закостенелого хозяйственного механизма, поисков решений принципиально новых задач вопрос оптимального сочетания государственного планового руководства с самостоятельностью и инициативой предприятий становится непосредственно связан с вопросом о правовых основаниях имущественного статуса предприятий, который, отражая необходимость их экономического обособления как хозяйствующих субъектов в условиях товарного производства, юридически гарантирует их самостоятельность в хозяйственной деятельности. Не случайно этот вопрос стал одним из предметов дискуссий, развернувшихся в китайской юридической науке в последние годы.

Вопрос о природе самостоятельности госпредприятий в их производственно-хозяйственной деятельности и ранее затрагивался в работах китайских специалистов в ходе развернувшейся с конца 70-х гг. в научных кругах дискуссии о реформе экономической системы. Частным примером тому может служить статья Ли Цзэчжуна⁷, в которой критиковалось мнение экономиста Цзян Ивэя⁸ о «теории обособленности предприятия», согласно которой социалистические государственные предприятия должны обладать самостоятельностью, сопоставимой с самостоятельностью частных предприятий при капитализме. Ли Цзэчжун подчеркивал, что при социализме госпредприятия являются «экономическими клетками такого единства, как экономика общенародной собственности», поэтому их самостоятельность «взаимосвязана с целым» и является «неполной или относительной». «Предприятия социалистической общенародной собственности и капиталистические предприятия воплощают два различных по существу вида экономических отношений, им присущи различные законы хозяйственной деятельности, поэтому невозможно и не следует делать выводы о самостоятельности предприятий общенародной собственности, исходя из самостоятельности капиталистических предприятий», — писал он⁹.

Следует также отметить, что попытки китайских юристов теоретически обосновать самостоятельность предприятий в новых условиях хозяйствования, предложить для этого свои правовые концепции, схемы, не просто связаны с реформой, но и отражают относительную новизну этой проблемы для Китая, в котором правовая мысль не развивалась долгие годы.

В ходе дискуссии по вопросу о характере имущественных прав предприятия выявилось немало различных точек зрения.

В общих чертах о спектре мнений относительно ключевого вопроса — о природе правомочий госпредприятия на имущество, собственником которого оно не является, — можно судить по словам Лю Лунхэна (не все работы, в которых излагаются эти мнения, оказались нам доступны). Лю Лунхэн перечисляет несколько мнений, по-разному объясняющих характер отношений между государством и госпредприятием. К их числу относится, например, взгляд на данное отношение как на «право представительства». Здесь, отмечает Лю Лунхэн, упускается из виду то обстоятельство, что представитель (в данном случае — предприятие) действует не от своего имени, а от имени представляемого, в то время как фактически речь идет о том, что госпредприятие должно осуществлять производственно-хозяйственную деятельность от своего имени, а не от имени государства. Мнение о характере правоотношений между государством и предприятием как «правоотношения на праве владения» также неверно. Лю Лунхэн

ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ АН СССР

правильно подчеркивает: хотя право владения — это одно из прав, производных от права собственности, но содержание имущественных прав предприятия не исчерпывается этим. Такая концепция, как «право аренды», также непригодна, ибо аренда — это договорные отношения между двумя юридически равными лицами, чего нельзя сказать о государстве и предприятии. Не отражает действительного положения вещей и мнение, будто характер имущественного положения госпредприятия можно объяснить с помощью «права пользования выгодой». Такой подход, отмечает Лю Лунхэн, рассматривает право собственности государства как «чистое» право, от которого отделены все правомочия и которое означает только право на окончательное возвращение имущества или право на имущество в денежном выражении¹⁰. Действительно, государство не является «чистым собственником», а реализует свое право собственности, совершая многообразные и всеобъемлющие действия в отношении собственного имущества.

Говоря об «общей слабости» подобных точек зрения, Лю Лунхэн верно подмечает их направленность на то, чтобы, исходя из традиционных понятий гражданского права, отыскать среди них «готовый пронумерованный ярлык», который можно «навесить» на имущественные права предприятий¹¹.

В целом же китайских юристов, обеспокоенных тем, как обеспечить юридические основы определенной имущественной самостоятельности предприятий, можно разделить на два лагеря. Одни авторы стремятся, как правило, доказать непригодность и даже нереальность законодательно закрепленного института права хозяйственного управления и для этого нередко начинают с критики советской концепции права оперативного управления, «унаследованной», по их словам, Китаем, а затем предлагают новые решения. Другие же авторы в целом поддерживают концепцию этого права, хотя и не говорят о ее происхождении.

Общим моментом позиции первых является, как нам представляется, в чем-то некорректная трактовка венедиктовской теории. Тот же Лю Лунхэн, например, утверждает, что «с традиционной точки зрения» предприятие рассматривается всего лишь как объект права собственности государства, не обладающий никакими самостоятельными имущественными правами, ибо «в противном случае разрушается чистота системы общенародной собственности»¹². У других авторов присутствует мнение о том, что в контексте «влияния сталинских экономических идей» хозяйственная деятельность предприятия в Китае рассматривалась как действия государства. Фактически предприятие было не более чем его «органом» или придатком административного механизма, а имущественные права предприятия истолковывались только как одно из правомочий права собственности государства¹³. Недостаток советской концепции Ли Шичжун и Ван Лимин усматривают в смешении управленческих прав государственных органов и имущественных прав предприятий¹⁴, то есть в конечном счете тоже присоединяются к одностороннему пониманию концепции А. В. Венедиктова как способа осуществления государством своего права собственности через госпредприятие, которое якобы если и наделяется какими-то имущественными правами, то как орган государства, а сами эти права в то же время не могут не быть правами самого государства. При подобном подходе китайских авторов отрицается возможность имущественных отношений между госпредприятиями как самостоятельными участниками хозяйственного оборота, эти отношения превращаются в связь государства с самим собой. Однако концепция права оперативного управления, как известно, была разработана именно с целью определенным образом разграничить права государства как собственника и имущественные правомочия, которыми наделены хозяйственные организации на закрепленное за ними государственное имущество¹⁵. Именно такое различие дает возможность противо-

поставить госпредприятие всем другим участникам гражданского оборота, а также самому государству.

Видимо, истоки подобного отношения ряда китайских юристов к пониманию вопроса о правовых основаниях относительной самостоятельности госпредприятий лежат в прежней ситуации в китайской экономике, характеризующейся «бесправным» положением госпредприятий и отсутствием у них своих собственных интересов и воли, и служат своего рода иллюстрацией известной аксиомы, что тот, кто не обладает собственной волей и собственными интересами, не может считаться самостоятельным субъектом права.

Какие же предложения высказываются китайскими юристами в целях обеспечения производственно-хозяйственной самостоятельности госпредприятий в условиях нового режима хозяйствования, который значительно отличается от предыдущего?

Среди авторов, выступающих с новыми предложениями, есть такие, которые, с одной стороны, видят, что конкретное содержание права хозяйственного управления госпредприятий пополнилось в новых условиях, а с другой, — признавая принцип единства фонда государственной социалистической собственности, слишком буквально понимают установку на отделение права собственности от права хозяйствования. (Здесь следует упомянуть, что данная установка носит в значительной степени лозунговый, наглядный характер, но буквальное отделение не означает.)

Пожалуй, наиболее наглядно стремление обосновать тезис об отделении права собственности от права хозяйствования выразилось у Ван Лимина и Ли Шичжуна. Эти авторы, предлагая расширительную трактовку содержания понятия права собственности, считают, что с точки зрения его внутренней структуры главное значение принадлежит праву «господства» (контроля), именуемому ими «ядром и душой» права собственности. Поэтому в условиях реформы, утверждают они, другие правомочия в составе права собственности (владение, пользование, извлечение выгоды, распоряжение) можно отделить и передать предприятиям, а за государством сохранить право «господства», что не только будет означать признание за ним в конечном счете права собственности, но и даст возможность обеспечить социалистический курс предприятий¹⁶. Однако подобная механическая по характеру модель обеспечения самостоятельности и имущественных прав предприятий повторяет критикованную Ли Лунхэном концепцию «чистого» права собственности государства и не соответствует его природе.

Во-первых, правомочия государства как собственника носят наиболее всеобъемлющий характер, так же как и его право собственности в субъективном смысле, поскольку положение государства таково, что оно в своем лице соединяет собственника и носителя верховной власти. Поэтому правомочия всех организаций, наделенных от имени государства определенными правами на его имущество, даже в сумме не могут дать правомочий государства, которые имеют свое, самостоятельное содержание. Во-вторых, даже если допустить «отделение» части правомочий государства и «передачу» их субъектам хозяйствования, то в силу положения государства это не означает, что оно лишается соответствующих возможностей совершения действий в отношении принадлежащего ему имущества.

В отдельную группу можно выделить авторов, так или иначе полагающих, что хозяйственная самостоятельность предприятий не будет надлежащим образом обеспечена, если их в той или иной форме не рассматривать собственниками имущества. При этом обоснование такого взгляда ведется в основном с той позиции, что этого требует характер китайской экономики на современном этапе. Так, например, в начале 80-х гг. Лян Хуэйсин, осуждая не-

достатки китайской экономической системы и призывая «разорвать путы, связывающие предприятия по рукам и ногам», настаивал на том, что в условиях, когда «мы теоретически уже признали социалистическую товарную экономику, уже признали курс на взаимосвязь планового и рыночного регулирования», а также «поскольку мы уже пустили средства производства на товарный рынок», «традиционная теория, согласно которой предприятие не может обладать относительным правом собственности, уже потерпела поражение на практике»¹⁷. Подобный подход проявлялся и у других авторов. Ши Хуэйжун, например, полагал, что признание предприятия только объектом права государственной собственности и субъектом права хозяйственного управления «не позволяет в полной мере объяснить объективно существующие отношения товарообмена в экономике общенародной собственности»¹⁸. Лу Чжэнпин (ранее поддерживавший концепцию права хозяйственного управления в ее традиционном понимании¹⁹) считает, что «природу имущественного права собственности» предприятия общенародной собственности можно отыскать, «только исходя из условий социалистической товарной экономики, признавая положение предприятия как товаропроизводителя и хозяйственника»²⁰. Из положения предприятия как относительно самостоятельного товаропроизводителя вытекает необходимость признания его «относительно самостоятельного права собственности», — считают Ян Юнбу и Ли Шии²¹.

Иначе говоря, по мнению этих авторов, товарная форма производства требует доведения экономической обособленности госпредприятий до такой степени, которая гарантируется их положением в качестве субъектов какого-то особого права собственности. Подобная точка зрения подвергается обособленной критике. Так, Сюй Ушэн, отмечая, что товарную экономику порождает общественное разделение труда, подчеркивает: «Поэтому общим критерием того, выступает ли та или иная продукция товаром, является только наличие разделения труда в обществе, а не система собственности и имущественные правоотношения, отражающие ее»²². «Причина, по которой госпредприятия как несобственники выступают субъектами отношений обмена, заключается в общественном разделении труда, материальных интересах и распределении по труду», — отмечают Тун Жоу и Чжоу Вэй²³.

Действительно, товарное производство при социализме, будучи порожденным (как и при других социально-экономических формациях) общественным разделением труда, хотя и подразумевает экономическую обособленность производителей в рамках общенародной собственности, но придает этой обособленности иной характер, коренным образом отличающийся от обособленности частных предприятий. Главными, принципиально иными моментами при этом выступают определенность содержания процессов производства государством как собственником средств производства на госпредприятиях и действие закона планомерного развития народного хозяйства, который лишает товарно-денежные отношения стихийности.

Логика авторов, рассуждающих по схеме «товарообмен осуществляется между товаропроизводителями и сопровождается переходом права на товар от одного собственника к другому», равно как и их ссылки на необходимость «последовательного отделения права собственности государства и права хозяйствования», имеют результатом взгляды, согласно которым за государством должно признаваться «абсолютное», «высшее» или «окончательное» право собственности, а госпредприятия наделяются «вторичным», «относительным» или «товарным» правом собственности. Эти авторы, осуждая прежнюю абсолютизацию права государственной собственности, считают, что ныне данное право становится «двухуровневым», «двуслойным»²⁴. Тем не менее, говоря о «двухуровневом» праве собственности, авторы не раскрывают сколько-нибудь

обстоятельно режим «относительной» собственности, а фактически исходят из концепции права хозяйственного (оперативного) управления с признанием ее ограниченности, зависимости прав предприятий на государственное имущество от права собственности государства.

Что же касается таких аргументов в пользу признания за госпредприятиями «относительного» права собственности, будто «само владение, пользование, распоряжение предприятиями средствами производства означает выражение права собственности»²⁵, то подобная трактовка, по сути дела, дает представление о явлении, но не раскрывает его сущности.

С другой стороны, стремление путем объявления госпредприятий в той или иной форме собственниками имущества (еще раз напомним, что это делается в целом с положительным побуждением надежнее обеспечить их производственно-хозяйственную самостоятельность) ведет к противопоставлению, абсолютизации интересов предприятия и государства как двух собственников. Но в социалистическом обществе интересы государства и госпредприятий не противостоят друг другу. На это же обращают внимание и китайские авторы, подчеркивающие, что рассматривать право собственности социалистического государства в качестве «чуждой силы по отношению к рабочим и предприятиям неверно»²⁶. Игнорирование диалектической взаимосвязи интересов государства и госпредприятий в социалистическом обществе, трактовка государства как «верховного», а предприятия — как «неполного» собственника ведет, кроме того, к возрождению концепции так называемой «разделенной собственности», базирующейся на идее о плюрализме прав собственности противостоящих друг другу субъектов этих прав. Как известно, в истории права модель разделенного права собственности сформировалась применительно к феодальному обществу, а нормы, построенные на ее основе, регулировали положение взаимно противостоящих по интересам субъектов права²⁷. Именно с историко-правовой точки зрения доказывают несовместимость конструкции «двойного права собственности» с современной правовой системой КНР Тун Жоу и Чжоу Вэй²⁸. На уязвимость подобного подхода указывают и другие авторы: «Если на имущество предприятия одновременно существуют два вида права собственности, то между ними неизбежно будет иметь место не только единство, но и противоречие»²⁹.

Дискуссия китайских юристов также показывает, что те из них, кто отвергает как концепцию А. В. Венедиктова (понимаемую ими узко), так и по-иному раскрываемые другими авторами правовые основания имущественной самостоятельности предприятий, главную трудность в формулировании содержания самостоятельного права госпредприятия в отношении закрепленного за ним имущества усматривают в том, что правоотношения между государством и предприятиями «в целом не являются отношениями между субъектами гражданского права, как не являются и административными отношениями подчинения». По мнению таких авторов, это «специфические отношения прав и обязанностей, возникающие на основе общенародной собственности»³⁰. Китайские авторы единодушно приветствуют зафиксированную в Постановлении ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы установку на признание за предприятиями «должного права на самостоятельную хозяйственную деятельность», которым они должны обладать в качестве юридических лиц. Изменения в экономических отношениях между государством и предприятием означают, что «принципиально разделены собственник и хозяйственник», — отмечают Ян Чуньтан и Лю Чунь³¹. Одновременно авторы, последовательно придерживающиеся того взгляда, что определенные части общегосударственного имущественного фонда, переданные предприятиям, продолжают оставаться собственностью государства, подчеркивают необходимость гарантий самостоя-

тельности предприятий в складывающихся условиях нового механизма хозяйствования.

Право хозяйствования, которым обладает госпредприятие, — это гарантия его самостоятельности, но одновременно оно предполагает наличие «хозяйственных обязанностей» предприятия перед государством. В условиях «четко выраженных обязанностей предприятия перед государством последнее также непременно должно иметь соответствующие обязанности перед предприятием», — отмечают Ян Чуньтан и Лю Чунь³². Следует четко разграничить функции органов государства по управлению экономикой с правом хозяйствования предприятий «во избежание явлений, когда занимаются не своим делом и вмешиваются наперекор всему», — подчеркивает Сун Хаобо³³.

Для китайской юридической науки и законодательной практики несомненно актуальность решения вопроса создания надлежащего правового механизма, обеспечивающего интересы предприятий, превращения права хозяйственного управления в такое субъективное право, которое реально может быть противопоставлено любому лицу (организации) как в гражданско-правовом, так и в административно-правовом аспектах. Однако эту задачу приходится решать в сложных условиях. На проведенном в августе 1986 г. в городе Инчане (столице Нинься-Хуэйского автономного района) семинаре по гражданскому и хозяйственному праву признавалось, что на пути повышения жизнеспособности предприятий стоят препятствия. Главная их причина заключается в трудностях перестройки старой системы управления экономикой, в том, что традиционные представления, подходы по-прежнему действуют, а соответствующие нормативные акты не дают должного эффекта. Встает задача совершенствования законодательства о предприятиях, в котором необходимо ясно определить их права и обязанности, а также как можно скорее изменить сложившееся положение, когда «есть закон, но на него нельзя положиться»³⁴.

¹ Жэньминь жибао, 23.X.1984.

² См. там же, 4.XI.1987.

³ См. там же, 8.IX.1982.

⁴ Там же, 4.XI.1987.

⁵ См.: Сун Хаобо. Коротко о правовых требованиях в ходе реформы хозяйственной системы Китая. — «Фасюэ яньцзю», 1985, № 3, с. 1.

⁶ Лю Юаньчжи. О внутренней структуре права собственности по вертикали и горизонтали. — «Фасюэ яньцзю», 1986, № 1, с. 53.

⁷ См.: Ли Цзэчжун. О характере предприятий общенародной собственности. — «Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь», 1982, № 3, с. 81—84.

⁸ См.: Цзян Ивэй. Мнение о характере предприятия при социализме и отношениях государства с предприятием. — «Цзинци гуаньли», 1979, № 6, с. 20—27.

⁹ Ли Цзэчжун. Указ. соч., с. 84.

¹⁰ См.: Лю Лунхэн. Реформа экономической системы и создание хозяйственно-правовой системы. Пекин, 1985, с. 74—75.

¹¹ См. там же, с. 76.

¹² Там же, с. 73.

¹³ См.: Лу Чжэилин. Кратко о дуалистичности права собственности на имущество предприятия общенародной собственности. — «Фасюэ цзикань» (Чунцин), 1986, № 3, с. 36.

¹⁴ См.: Ван Лимин, Ли Шичжун. Исследование вопроса о праве государственной собственности на предприятие общенародной собственности. — «Чжунго шэхуэй кэсюэ», 1986, № 1, с. 24.

¹⁵ Следует отметить, что в настоящее время, в условиях перестройки, некоторые советские юристы защищают концепцию права оперативного управления, считая, что все дело в том, какое социально-экономическое и правовое содержание будет в нее вложено. Другие же говорят о том, что этот институт рассчитан на применение административных методов в управлении экономикой, что он так и не был подробно зафиксирован нормами права, и это позволило заглушить самостоятельность предприятий ведомственным нормотворчеством. Кроме того, поскольку право оперативного управления по отношению к праву государственной собственности носит зависимый характер, это ограничивает возможность обеспечения первого права юридическими гарантиями. Отмечается также, что, по концепции А. В. Венедиктова, предприятие находится на положении хозяйственного органа государства, что противоречит понятию государственного органа, главной характерной чертой которого считается наделенность государственно-властными полномочиями. Понимание же предприятия как хозяйственного органа государства чревато превращением государства в базисную категорию.

¹⁶ См.: Ван Лимин, Ли Шичжун. Указ. соч., с. 3—4.

¹⁷ Лян Хуэйсин. К вопросу о предприятии как юридическом лице и праве собственности предприятия как юридического лица. — «Фасюэ яньцзю», 1981, № 1, с. 30.

¹⁸ Ши Хуэйжун. Размышления о проблеме права собственности предприятия общенародной собственности. — «Фасюэ цзюкань» (Чунцин), 1986, № 2, с. 81.

¹⁹ См.: Лу Чжэньпин. Предварительные соображения относительно особенностей предприятия общенародной собственности как юридического лица. — «Фасюэ цзюкань» (Чунцин), 1985, № 3, с. 31—32.

²⁰ Лу Чжэньпин. Кратко о дуалистичности права собственности..., с. 36.

²¹ Ян Юнбу, Ли Шини. О теоретических основах расширения самостоятельности государственных предприятий. — «Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь», 1984, № 4, с. 19.

²² Сюй Ушэн. Относительно имущественных прав государственного предприятия как юридического лица. — «Фасюэ яньцзю», 1986, № 2, с. 51.

²³ Тун Жоу, Чжоу Вэй. О праве хозяйствования государственного предприятия. — «Фасюэ яньцзю», 1986, № 3, с. 14.

²⁴ См.: Лю Юаньчжи. Указ. соч., с. 54; Ян Юнбу, Лю Шини. Указ. соч., с. 17.

²⁵ Ян Юнбу, Лю Шини. Указ. соч., с. 17.

²⁶ Тун Жоу, Чжоу Вэй. Указ. соч., с. 15.

²⁷ См.: А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М. — Л., 1948, с. 65.

²⁸ См.: Тун Жоу, Чжоу Вэй. Указ. соч., с. 15.

²⁹ Сюй Ушэн. Указ. соч., с. 49.

³⁰ Лю Лунхэн. Указ. соч., с. 76.

³¹ Ян Чуньтан, Лю Чунь. Об экономико-правовых отношениях государства и предприятия. — «Фасюэ яньцзю», 1985, № 1, с. 8—9.

³² См. там же.

³³ Сун Хаобо. Указ. соч., с. 2.

³⁴ «Фасюэ яньцзю», 1986, № 5, с. 96.

Сотрудничество СЭВ— СРВ: преодоление торможения

*М. Е. ТРИГУБЕНКО,
кандидат экономических наук*

В июне 1988 г. исполняется десятая годовщина сотрудничества СРВ в СЭВ¹. Вступление Вьетнама в Совет Экономической Взаимопомощи было справедливо расценено в СРВ как «переход к новому этапу в развитии экономики страны и ее сотрудничества с СЭВ»². Вместе с тем десятилетний опыт показывает, что использовать все возможности и преимущества такого сотрудничества пока не удалось. Более того, имеет место его торможение, особенно чувствительное для СРВ, поскольку последняя принадлежит к числу менее развитых социалистических стран. Предмет данной статьи — попытка исследовать, на примере взаимоотношений СЭВ — СРВ, причины появления негативных моментов в деятельности механизма экономического взаимодействия социалистического содружества и выявить пути и возможности их преодоления.

* * *

Итак, в чем же состоят причины проявившихся в последнее десятилетие моментов торможения в развитии сотрудничества между Советом Экономического Взаимодействия и социалистическим Вьетнамом? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно, поскольку сказался целый комплекс причин и обстоятельств.

Необходимо учитывать, что экономический потенциал неевропейских стран — членов СЭВ (Вьетнама в том числе) пока невелик, хотя по численности населения и размерам территории они, вместе взятые, представляют довольно крупную величину. В 1985 г. объем произведенного национального дохода в расчете на душу населения составлял по отношению к усредненному уровню европейских стран СЭВ: в СРВ — 7%, МНР — 40 и на Кубе — 60 %³. На душу населения во Вьетнаме производится менее 100 долл. национального дохода. Производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной (за некоторыми исключениями) продукции в расчете на душу населения в СРВ значительно уступает Кубе и Монголии (см. табл.).

На развитии сотрудничества между СЭВ и Вьетнамом, несомненно, сказались общая неблагоприятная хозяйственная конъюнктура, сложившаяся в начале 80-х гг. в некоторых европейских странах социалистического содружества, а также трудности экономического развития Вьетнама в период 1976—1986 гг. В текущей пятилетке темпы развития СССР и европейских стран — членов СЭВ несколько возросли, однако их экономическая отдача, особенно с учетом «издержек по перестройке», будет ощущаться не сразу.

Т а б л и ц а

Производство основной продукции на душу населения

	Ед. изм.	СРВ		Куба		МНР	
		1975	1985	1975	1985	1975	1985
Электроэнергия	кВт	51	87	708	1208	587	1475
Уголь	кг	109	91	—	—	1067	1767
Удобрения минеральные	»	9,4	8,6	16,2	21,5	—	—
Цемент	»	11,3	24	225	315	110	79,6
Мыло	»	0,5	0,9	6,4	5,8	2,4	2,8
Зерно	»	243	304	50,6	56,3	371	469
Картофель	»	2,8	3,2	13,0	30,4	28,2	60,2
Овоши	»	32,9	43,3	43,2	57,9	14,7	21,8
Фрукты (цитрусовые)	»	0,5	1,9	18,3	74,0	—	—

Источники: Статистический ежегодник стран — членов СЭВ, 1986. М., 1986, с. 112—117, 204—206.

Менее развитые социалистические страны к началу 80-х гг. оказались в затруднительном финансовом и экономическом положении, а СРВ столкнулась, как отмечалось на VI съезде КПВ, с экономическим кризисом. Новая экономическая политика вьетнамского руководства позволяет стимулировать рост производства, сдвинуть экономику с мертвой точки, особенно в традиционных отраслях⁴. Однако отсутствие целостного хозяйственного механизма и собственных источников накопления в условиях сокращающейся в целом помощи европейских стран — членов СЭВ и малоэффективной отдачи от помощи Советского Союза⁵ не позволяют надеяться на устойчивую динамику темпов роста и, следовательно, прогнозировать ускорение в ближайшем будущем выравнивания развития СРВ в рамках СЭВ.

Среди трудностей, переживаемых менее развитыми социалистическими странами, следует также указать на усиливающуюся неблагоприятную для них мировую конъюнктуру цен на сырьевые товары.

Вместе с тем главная причина торможения лежит, на наш взгляд, не в плоскости внутренних или внешних объективных причин, а в отсутствии выверенной стратегии сотрудничества европейских стран — членов СЭВ с менее развитыми социалистическими странами как на многостороннем, так и на двустороннем уровне. В течение длительного времени СЭВ подходил к этим странам с позиции стимулирования ускорения индустриализации, отбрасывая тем самым целый исторически неизбежный период их развития. Этот этап называют теперь в СРВ преиндустриальным, или начальным этапом перехода к социализму.

Только в 80-х гг. во Вьетнаме начала вырисовываться стратегия начального этапа, основными чертами которой являются:

— поддержка и стимулирование как собственными средствами, так и с помощью социалистических стран традиционных секторов экономики, в первую очередь сельского хозяйства, кустарного производства, использование экономических возможностей всех укладов;

— неущемление мелкого производства, полная загрузка имеющихся мощностей в промышленности и кустарных промыслах, подъем уровня жизни трудящихся;

— ограниченное строительство новых объектов, преимущественно некрупных, в промышленности, восстановление и развитие транспортной инфраструктуры;

— развитие экспортного сектора.

Однако в силу того, что экспортные производства создаются первоначально в аграрном секторе, возникает серьезная проблема, напрямую затрагивающая интересы самих производителей. Поднять уровень потребления и оживить тем самым человеческий фактор возможно только за счет развития собственного продовольственного сектора. Вместе с тем общий низкий уровень агротехники, ограниченность обрабатываемых земель, отсутствие квалифицированных кадров и т. д. существенно сужают потенциал возможностей развития экспортного сектора. Производить для потребления или накопления — извечная дилемма стран с низким уровнем экономического развития. При этом необходимо исключить чисто технократический подход, не учитывающий социальный фактор. Так, практика СРВ показала, что задача превращения в 1976—1986 гг. вновь осваиваемых сельских районов в специализированные экспортные зоны не была выполнена в том числе и потому, что с большим напряжением решалась проблема обеспечения продовольствием приехавших сюда людей.

Еще один важный аспект начального этапа состоит в создании необходимых предпосылок для перевода натуральной (патриархальной) аграрной экономики на товарную основу через прямой товарообмен между городом и деревней, стимулирование производства для продажи. Трудность состоит в том, что городу нечем платить за зерно и другую продукцию, покупаемую у крестьян. Следовательно, СРВ требуется помощь в создании промышленности, производящей разнообразную, нужную населению продукцию, в первую очередь такую остро необходимую, как ткани, домашняя утварь, товары длительного пользования, цемент, удобрения и т. д., для наполнения рынка и развития смычки города и деревни.

Издержки курса на индустриализацию путем прежде всего осуществления крупных проектов имели в СРВ негативные последствия не только внутреннего характера (так, утрата материального интереса у непосредственного производителя в подъеме производительных сил сельского хозяйства, производительности труда и пр. вызвала, в частности, застойные явления в экономике), но и международного: Вьетнам стал устойчивым импортером продовольственного зерна.

* * *

Новый подход к сотрудничеству с менее развитыми странами былработан на Экономическом совещании стран — членов СЭВ в 1984 г. На рабочей встрече руководителей стран СЭВ, состоявшейся в Москве в 1986 г., была высказана идея разработки специальной концепции сотрудничества с неевропейскими странами — членами СЭВ. Спустя год, в октябре 1987 г., на 43-й (внеочередной) сессии СЭВ ее участники договорились о разработке специальных программ многостороннего сотрудничества с Вьетнамом, Кубой, Монголией в рамках коллективной концепции международного социалистического разделения труда стран СЭВ на 1991—2005 гг.⁶

При этом на передний план вышел вопрос о том, на какой основе и в каких формах должны строиться взаимоотношения стран с различным уровнем развития. Его правильное решение поможет расчистить завалы пессимизма и инертности, дать побудительные мотивы взаимодействию. Стержнем новой модели сотрудничества могут стать взаимный интерес и взаимовыгода. Исключает ли такая модель сохранение в их взаимоотношениях принципов социалистического интернационализма? Конечно, нет, но понятия интернациональной помощи и интернационального долга предстоит наполнить новым содержанием. Долгие годы в теории существовало одно-

стороннее толкование тезиса о том, что внешняя помощь — решающий фактор в развитии экономически отсталых стран, порождавшее настроение инертности и пассивности. Социалистический (пролетарский) интернационализм зачастую понимался как необходимость предоставления безвозмездных даров (и как право на них). К этому надо добавить, что нередко «дары» вкладывались без точно выверенного адреса, а потому не вызвали желаемого эффекта. Подобная трактовка интернациональной помощи не только не ликвидировала, а иной раз усугубляла трудности менее развитых стран, поскольку не стимулировала их экономического развития, фактически консервируя существующие проблемы.

«Детская болезнь» во взаимоотношениях стран с различным уровнем развития выражалась в стремлении как можно больше и быстрее построить всевозможных объектов в счет по существу невозвратных кредитов. На практике это привело к тому, что многие объекты, построенные при экономическом (невозвратном) содействии СЭВ в неевропейских странах, работают неэффективно, их мощности зачастую простаивают.

Безусловно, достигнуть взаимовыгодности в отношениях со странами дефицитной, многоукладной экономики и преимущественно мелкого производства нелегко. В этой связи требуется серьезная ломка сложившихся стереотипов. При этом, во-первых, нужно отказаться от попыток строить здание сотрудничества «с крыши», то есть начинать предоставление крупномасштабной помощи до того, как ее получатель «дозрел» до способности ее «усвоить».

Во-вторых, пора преодолеть шаблонный, валовой подход к выделению средств помощи неевропейским странам по принципу «всем сестрам по серьгам» без учета масштабов страны, исходных рубежей и проблем ее развития. Так, по уровню национального дохода на душу населения СРВ отстает от Кубы и МНР примерно в 10 раз, а выделенная ей странами СЭВ помощь в расчете на душу населения в 15 раз меньше, чем помощь Монголии и Кубе (последней с учетом преференциальных цен). Конечно, дело не в собственно объеме помощи, а в ее качественном наполнении, но зачастую важен и объем, если, например, речь идет о товарной помощи.

В-третьих, требуется изжить некомпетентность центральных плановых органов при составлении долгосрочных планов сотрудничества, их ведомственный подход, при котором двусторонние и многосторонние проекты часто не стыкуются между собой или наблюдается неоправданный параллелизм.

Задача состоит в том, чтобы точно определить, какое место займут менее развитые страны в перестройке международных экономических отношений социалистических стран, при переходе от преимущественно торговых отношений к научно-производственной кооперации на основе развития прямых связей.

Страны — члены СЭВ занимают решающие позиции во внешнеэкономических связях СРВ. На их долю приходится около 70 % внешней торговли Вьетнама. За счет импорта из стран СЭВ удовлетворяются основные потребности СРВ в топливе, сырье, металле, машинах и оборудовании; этого нельзя сказать о потребительской продукции, особенно о потребительских товарах массового спроса. На внутреннем рынке СРВ товары из стран — членов СЭВ почти не присутствуют. В то же время здесь можно купить по высоким ценам разнообразные товары из Таиланда, Гонконга и Сингапура или изготовленные в местном частном секторе. Отсутствие товаров широкого потребления из стран — членов СЭВ создает у вьет-

намских трудящихся искаженное представление о помощи социалистических стран, ухудшает социально-политический климат в СРВ.

Есть и другие трудности. В 1976—1985 гг. экспорт Вьетнама составлял 34,5 % от уровня импорта. Правда, в торговле с европейскими странами СЭВ дисбаланс значительно меньше, поскольку последние в прошедшей пятилетке приняли курс на сбалансирование торговли с Вьетнамом. Удельный вес СРВ на рынке СЭВ составляет 0,4 %; при этом структуру торговли Вьетнама с СЭВ определяют не потенциально большие топливно-сырьевые ресурсы, а изделия низкой стоимости и низкого спроса: главным образом продукция мелкой промышленности и кустарных промыслов (68,3 % стоимости экспорта). На сельскохозяйственные товары приходится только 12,5 % экспорта СРВ на рынки СЭВ.

В этом отношении в перспективе важно не только изменить структуру вьетнамского экспорта на рынке СЭВ с повышением в целом доли готовых изделий и сырья с высокой среднемировой стоимостью, но и решить ряд важных валютно-финансовых вопросов, связанных с определением реального курса переводного рубля по отношению к донгу, валютных коэффициентов донга, ценообразованием.

* * *

Новый подход к сотрудничеству с менее развитыми странами СЭВ состоит в определении более эффективного механизма управления внешнеэкономическими связями и структурной политикой нового типа.

В отношениях между странами, находящимися на различных этапах социально-экономического развития, видимо, неизбежно сохранение двух уровней отношений: на межгосударственном (межправительственном) уровне и на уровне прямых связей. Соответственно, должна осуществляться разработка двух взаимосвязанных уровней управления внешнеэкономическими связями⁷. Сохранение приоритета за первым уровнем продиктовано уже подписанными долгосрочными программами и соглашениями (это касается в основном СССР, так как на него приходится от 90 до 95 % всех выделяемых неевропейским странам кредитов).

Межгосударственный уровень сотрудничества в основном охватывает сферу технического содействия. В этой сфере зачастую негативно сказывается отсутствие персональной ответственности и интереса со стороны конкретных предприятий и объединений, участвующих в строительстве. Выяснилось также, что для того, чтобы построенное предприятие «заработало», стране необходимо решить дополнительную массу проблем: обеспечить рабочих продовольствием, жильем, товарами широкого потребления и т. д. А средств у нее на эти цели нет.

При непосредственном привлечении отрасли или предприятия к сотрудничеству с СРВ в области строительства или модернизации объектов более выгоден новый механизм, рекомендованный 43-й сессией СЭВ: госзаказ предприятию или объединению с участием государства в финансировании технического содействия. Это позволит теснее увязать два уровня управления внешнеэкономическими связями.

Второй тип взаимоотношений стран — прямые связи — требует наполнения его новым содержанием в силу технико-экономической отсталости, архаичных форм управления, неотлаженности звеньев общественных отношений в менее развитых странах. В этой связи предпочтительнее развитие более простых форм производственно-трудовой кооперации с неевропейскими странами: переработка давальческого сырья, предоставление заказов,

кооперация в сфере услуг, сервиса, организация туризма и совместное строительство туристских комплексов. По линии прямых связей наиболее перспективным является налаживание прямого товарообмена, при котором производственные товары и ширпотреб для села из развитых стран в обмен на сельхозпродукцию могут поставляться отдельным областям и провинциям, получившим право выхода на внешние рынки. В прямых связях со стороны СССР могут непосредственно участвовать Госагропром, Центросоюз, Министерство торговли. Это крайне важно для товарного наполнения экономической смычки города и деревни во Вьетнаме, нейтрализации частного и спекулянта, снижения инфляции и сбоев цен на неорганизованном рынке. Прямой товарообмен может быстро подтвердить свою эффективность в силу большой заинтересованности сторон и сравнительно простого механизма управления.

В настоящее время формируются правовые условия взаимодействия СРВ по прямым связям со странами СЭВ. В ноябре 1987 г. СССР и СРВ подписали межправительственные соглашения «Об основных принципах создания и деятельности совместных предприятий и международных организаций» и «О порядке осуществления прямых производственных и научно-технических связей между объединениями, предприятиями и организациями СССР и СРВ». Правовую основу для указанных соглашений составили: в СССР — постановление Совета Министров СССР от 13 января 1987 г. «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций СССР и других стран — членов СЭВ», в СРВ — Закон об иностранных капиталовложениях в Социалистической Республике Вьетнам (утвержден Национальным собранием в декабре 1987 г.).

Согласно принятому в июне 1987 г. сессией Верховного Совета СССР Закону «О государственном предприятии (объединении)», директорам предоставлены широкие возможности на внешнем рынке: выбор партнера, определение экономических условий, сотрудничества, цен, самостоятельное (без внешнеторговых организаций) подписание контракта на поставки кооперированной продукции⁸.

С 1987 г. 22 министерства и ведомства СССР, а также 77 объединений, предприятий и организаций получили право непосредственного осуществления экспортно-импортных операций на внешнем рынке. После принятия указанного выше постановления в СССР создано 12 совместных предприятий (СП) и 43 международных объединения и организации⁹.

В СРВ децентрализация управления внешнеэкономическими связями произошла в первой половине 80-х гг.

Для повышения эффективности прямых связей в СЭВ предполагается перестроить механизм валютно-финансовых отношений, использование (в порядке эксперимента) группой стран национальных валют для расчетов за товары и услуги в рамках прямых связей, деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций, в том числе при реализации заданий Комплексной программы научно-технического прогресса рассматривается возможность поэтапного введения обратимого рубля. С вьетнамской стороны для успешного использования нового валютно-финансового механизма СЭВ требуется нормализация внутреннего товарно-денежного обращения, снижение уровня инфляции.

Важно иметь в виду, что вьетнамская сторона проявляет готовность изменить, модернизировать механизм сотрудничества. Так, руководитель вьетнамской делегации на 43-й сессии СЭВ, первый заместитель Председателя Совета Министров СРВ Во Ван Кьет заявил в своем выступ-

лении: «Что касается осуществления сотрудничества и координации планов на трех уровнях (имеются в виду межгосударственный, отраслевой уровень сотрудничества и сотрудничество на уровне предприятия (объединения). — М. Т.), то... это соответствует содержанию обновления механизма управления экономикой во Вьетнаме, создает благоприятные условия для развития инициативы хозяйственных организаций в установлении прямых связей с партнерами других стран»¹⁰.

Возможность создания совместных предприятий — трудный вопрос в отношениях с менее развитыми странами. Из-за высокой стоимости и финансово-экономического риска страны СЭВ пока неохотно идут на их создание, не ясен механизм деятельности таких предприятий, особенно в обрабатывающих отраслях промышленности. Опыта создания СП в агропромышленной сфере или сфере услуг и туризма в мировой системе социализма почти нет.

В МНР и СРВ созданы крупные совместные советско-монгольские и советско-вьетнамские предприятия в добывающих отраслях промышленности, в результате чего возникло множество правовых, юридических, валютно-финансовых и прочих вопросов, увеличился скептицизм относительно целесообразности создания СП в менее развитых странах. Европейские страны — члены СЭВ ориентируются больше на организацию некрупных СП, включая добычу и переработку минерального сырья. Последние более управляемы, требуют меньшего объема совместных капиталовложений, быстрее окупаются.

Многое в торгово-экономических отношениях Советского Союза с СРВ будет зависеть от осуществления радикальной реформы управления народным хозяйством СССР. Реформа открывает в этой сфере большие возможности, ранее по существу не использовавшиеся. Так, представляется перспективным первоначально пойти по пути создания преимущественно некрупных совместных предприятий в агросфере, швейной, обувной, пищевой и легкой промышленности, в электронике, то есть предприятий с быстрой окупаемостью вложенных средств. Могут быть созданы вьетнамские филиалы предприятий стран СЭВ, изготавливающие преимущественно продукцию по заказам для стран — участниц Совета или для реализации ее в АТР. Работа СП по производству продовольственных и промышленных товаров должна охватывать весь цикл: производство — переработка — реализация (в том числе части продукции непременно в самой СРВ через сеть государственной розничной торговли). Разрыв этой цепи или недостающее звено единого процесса в условиях низкого уровня управления, ведомственных преград могут свести на нет деятельность СП в производственной сфере.

Может принести пользу подключение к работе СП по производству товаров рыночного фонда Министерства торговли СССР с организацией в СРВ сети универмагов, специализированных магазинов, предприятий сервисного обслуживания.

Целесообразно подумать и о создании совместных торговых объединений СРВ и стран СЭВ, например по продаже овощей и фруктов, с сетью магазинов, хранилищ, специализированным транспортом. Со стороны СССР учредителем такой организации мог бы выступить Госагропром. Могла бы быть организована и совместная фирма, занимающаяся комиссионной торговлей особо модными изделиями, изготовленными из давальческого или собственного сырья; несомненно перспективна организация ярмарок, выставок купли-продажи изделий, изготовленных на предприятиях, сотрудничающих в рамках СП, или каких-либо иных форм прямых связей.

* * *

На современном этапе назрела необходимость коренной перестройки социалистической интеграции на базе превращения НТР в мощную двигательную силу социально-экономического обновления стран содружества. Особое внимание должно быть обращено на усиление социальных аспектов интеграции, на разработку более эффективной структурной политики нового типа. По отношению к менее развитым странам это означает переход преимущественно от аграрно-сырьевых связей с СЭВ к созданию специализированных и кооперированных производств на основе интеграции.

С момента вступления СРВ в СЭВ была определена совокупность отраслей, в которых страны — члены Совета на коллективной основе обязались оказать Вьетнаму посильную помощь. При этом учитывались в основном запросы СРВ и в меньшей степени — других стран СЭВ, что вело к снижению заинтересованности последних в результатах сотрудничества.

Коллективное взаимодействие хотя и осуществлялось на скоординированной плановой основе, но горизонт согласования планов был узок (пять лет), планы неоднократно корректировались, не был найден действенный механизм сотрудничества. Как и в двустороннем сотрудничестве, основную нагрузку в отношениях с Вьетнамом в масштабах СЭВ взял на себя Советский Союз. Надо признать, однако, что европейские страны были более оперативны с точки зрения внедрения новых, прогрессивных форм (компенсационные соглашения, давальческие операции) и утверждения дисциплины сотрудничества. В целом же в первом десятилетии участия СРВ в СЭВ помощь членов последнего была направлена преимущественно на развитие промышленности и реализовалась на двусторонней основе.

На 33-м заседании сессии СЭВ (1979) было принято решение о распространении на СРВ принципиальных положений Комплексной программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. В соответствии с этой программой на 99-м заседании Исполкома СЭВ (1981) были утверждены специальные меры, направленные на ускорение развития СРВ. Они охватили 17 мероприятий по осуществлению сотрудничества в геологии, сельском хозяйстве, пищевой, угольной, химической промышленности, транспорте, науке и технике. В последующем список коллективных мероприятий был расширен. На середину 1986 г. СРВ подписала 33 многосторонних соглашения (7,3 % от общего числа), но большинство из них выполняется на двусторонней основе. Определелись основные области взаимодействия: сотрудничество в строительстве новых объектов, развитие внешней торговли, сотрудничество в валютно-финансовой области, науке, технике, подготовке национальных кадров, использовании трудовых ресурсов.

Если взять первую область сотрудничества, то за последние годы качественно изменились подходы к оказанию содействия. Сначала страны-доноры увлекались «валом», то есть стремились построить как можно больше предприятий, цехов в счет кредитов. При этом не учитывалось, что у Вьетнама крайне мало собственных средств, которые можно было бы вложить в строительство в качестве своей доли. Поэтому рос объем незавершенного строительства, не была решена проблема топлива, сырья, электроэнергии. Мало-рентабельное промышленное строительство не увеличивало фонд накопления. СРВ имела на середину 80-х гг. долю фонда накопления в использованном национальном доходе на уровне 7—9 %, тогда как Куба — 20—22, МНР — 40—42, а европейские страны СЭВ — в среднем 25 %. Кроме того, в содействие не закладывалась идея возвратности кредитных средств путем развития экс-

новые специальности. Только в СССР на предприятиях угольной, автомобильной, легкой промышленности, в энергетике, а также в других отраслях экономики вьетнамские рабочие обучаются 70 профессиям. Использование вьетнамских трудовых ресурсов за границей связано с определенными трудностями. Поэтому целесообразно их применение в социалистических странах включать как часть долгосрочного баланса трудовых ресурсов в масштабах страны и по отраслям. С другой стороны, следует всемерно развивать сотрудничество на давальческой основе для загрузки имеющихся в СРВ мощностей, что в свою очередь снижает число незанятых. СССР и СРВ подписали Комплексную программу сотрудничества в области производства товаров легкой промышленности до 2000 г. Давальческая основа сотрудничества развивается и в других сферах (швейная, обувная, ковровая промышленность), прорабатываются меры по привлечению кустарных промыслов и выборочных отраслей машиностроения. При этом главным является обеспечение высокого качества изготавливаемых на вьетнамских предприятиях изделий из давальческого и местного сырья.

* * *

Итак, первое десятилетие показало, что при наличии заинтересованности можно усилить участие СРВ в СЭВ на многосторонней основе. Новым этапом в этом отношении станет участие СРВ в Комплексной программе научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 г., которая объединила вокруг себя все другие формы взаимодействия стран в Совете и является главным объектом их сотрудничества на перспективу на коллективной основе. Вьетнамская сторона выразила заинтересованность в разработке 42 из 93 проблем по всем 5 приоритетным направлениям с учетом стратегии развития и необходимости выполнения комплексных целевых программ по продовольствию, товарам широкого потребления и экспортным товарам. Определено 135 заданий, в которых примут участие вьетнамские организации, причем задания по КП НТП идут отдельной строкой в государственной программе научно-технического прогресса и народнохозяйственного плана СРВ на 1986—1990 гг.

На первом этапе участия СРВ в КП НТП предусмотрено дооснастить имеющиеся предприятия, реконструировать научно-поисковую и экспериментальную базу. Вьетнам имеет, например, хорошие перспективы в развитии электроники: 16 предприятий по производству и сборке промышленных и бытовых электронных изделий (черно-белых и цветных телевизоров, радиоприемников, электронных элементов, микро-ЭВМ, карманных калькуляторов). Он способен усилить свое участие в КП НТП с точки зрения обеспечения некоторых программ собственным сырьем (редкоземельными элементами, выращиванием агароносных водорослей и производством агар-агара, производством стерилизованного кокосового молока для клеточной инженерии). Наладивается механизм сотрудничества, в реализации отдельных программ КП НТП принимают участие (по состоянию на конец 1986 г.) 88 организаций СРВ. Участие Вьетнама в КП НТП предполагает увязку двусторонних программ сотрудничества, подписанных СРВ с СССР, ЧССР, ВНР, НРБ, ГДР на 1986—1990 гг., с соглашениями, подписанными странами — членами СЭВ в соответствии с КП НТП. Предполагается, что СРВ из 400 уже подписанных соглашений примет участие не менее чем в 40.

Участие в КП НТП менее развитых стран предполагает создание им некоторых льготных условий, в том числе передачу на безвозмездной основе научно-технической документации и результатов научно-технических исследований и разработок, соответствующих технологий, включая и «ноу-хау» для

производства изделий с высоким техническим уровнем и стабильным качеством. Предполагается также создание в СРВ совместных исследовательских баз для НИОКР, временных международных научных коллективов. Представляется, что часть расходов по НИОКР и по реконструкции головных предприятий мог бы взять на себя Международный инвестиционный банк СЭВ.

Продуктивна, на наш взгляд, идея создания в рамках СЭВ Фонда помощи неевропейским странам на добровольной основе. Средства фонда могли бы расходоваться преимущественно на «просветительские» цели, на оказание помощи в развитии социальной и, может быть, частично производственной инфраструктуры, так как от последних в конечном счете зависит и эффективность взаимодействия, и готовность страны начать развитие своих производительных сил. Культура, просвещение, образование должны опережать или по крайней мере идти параллельно с экономическим развитием. Средства фонда могут, таким образом, расходоваться на подготовку менеджеров, преподавателей, ученых, на строительство центров культуры, знаний, здоровья, на обмен передовым опытом, на частичное финансирование исследования результатов КП НТП (агротехника, биотехнология, генная инженерия, использование возобновляемых и новых источников энергии и т. д.).

Говоря о разработке более эффективной структурной политики взаимодействия СРВ в СЭВ на коллективной основе, следует упомянуть и о региональном аспекте интеграции. Требуются новые подходы и к этой проблеме. СРВ находится в наиболее динамично развивающемся регионе мира — АТР, который начинает в нарастающей степени определять основные направления мировой политики и экономики. Кроме того, на повестке дня стоит вопрос о региональной интеграции трех стран Индокитая: СРВ, ЛНДР, НРК и более активного сотрудничества этих государств с другими государствами ЮВА. Страны СЭВ могут рассматривать страны Индокитая, и прежде всего СРВ, также и с позиции укрепления связей с ЮВА. Это полезно прежде всего для самой СРВ, поскольку посредством подобной «смешанной» региональной интеграции она получает доступ к передовой технике и технологии через многосторонние связи в рамках СЭВ — Вьетнам — страны АТР. У СРВ есть что вложить в общую копилку — не только аграрными и трудовыми ресурсами, но и сырьем для биотехнологии, новыми конструкционными материалами, наконец приобретенными знаниями в этих важнейших областях НТП.

При этом взаимодействие возможно в различных формах: совместное предпринимательство, общие проекты научно-технического развития, участие стран СЭВ в глобальных или региональных проектах (например, в коллективной программе сотрудничества СРВ, ЛНДР, НРК и Таиланда по Меконгу). Искать различные формы взаимодействия, вести наступательную, активную политику по привлечению новейшей технологии и капиталов Запада в менее развитые социалистические страны, привлекать последние к посильному участию в проектах сотрудничества членов СЭВ с капиталистическими странами на своей территории (например, Дальневосточный экономический район СССР и государства АТР) — в этом может состоять коллективная работа стран, объединенных в Совете Экономической Взаимопомощи.

* * *

Страны — члены СЭВ стоят на пороге создания новой модели сотрудничества с менее развитыми странами социализма. Эффективность этой модели будет зависеть и от более продуманной, взвешенной стратегии социально-экономического развития Кубы, МНР и СРВ, и от общих усилий членов Совета в разработке и реализации специальных программ сотрудничества

с ними на коллективной основе. Научно-практический поиск в этом направлении становится насущной задачей обществоведов и специалистов социалистических стран.

¹ СРВ стала десятым участником СЭВ после принятия ее на 32-м заседании сессии СЭВ, состоявшейся 27—29 июня 1978 г. в Бухаресте.

² «Нян зан», 3.VII. 1978.

³ Удельный вес в СЭВ СРВ, Кубы и Монголии вместе взятых: численность населения — 16 %; величина территории — 7,9 %; национальный доход — 2,8 %; валовая продукция сельского хозяйства — 2,8 %; валовая продукция промышленности — 1 %; внешнеторговый оборот — 6 %. — См.: «Аргументы и факты», 1987, № 39, с. 2.

⁴ См.: Е. Р. Богатова, М. Е. Тригубенко. VI съезд КПВ о социально-экономическом развитии Вьетнама. — «Проблемы Дальнего Востока», № 2, 1987.

⁵ См.: «Правда», 6.I.1987; «Нян зан», 8.V.1985.

⁶ См.: «Правда», 15.X.1987.

⁷ Выделение Кубы, Вьетнама, Монголии в особый блок в СЭВ и в отдельную задачу общего курса на выравнивание уровней социально-экономического развития всех стран СЭВ налагает на СССР и другие страны — члены Совета определенные обязательства по оказанию им экономической, в том числе безвозмездной, помощи, применение некоторых льготных условий: кредитование расчетов по товарообороту, более низкие процентные ставки по кредитам и льготные тарифы, преференциальные цены на особо важные экспортные товары.

⁸ См.: «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1987, № 10, с. 44.

⁹ См.: «Коммунист», 1987, № 15, с. 26.

¹⁰ См.: «Правда», 14.X.1987.

¹¹ 16 октября 1980 г. шесть стран СЭВ (НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, СССР, ЧССР) подписали генеральное соглашение о сотрудничестве в проведении геологоразведочных работ на территории Вьетнама. За прошедшие годы выявлен ряд крупных месторождений, уточнена геологическая карта, проведены комплексные исследования на залежи бокситов, вольфрама, молибдена, других полезных ископаемых. — См.: «Экономическая газета», № 41, октябрь 1985, с. 20.

¹² Меры включают совместное проведение научно-исследовательских работ и оказание СРВ содействия в дооснащении научно-технических объектов. Обозначены 8 проблем в области сельского хозяйства (продовольственные культуры, животноводство), здравоохранение (лекарственное сырье, тропическая медицина), геологии (бокситы, кварцевый песок), машиностроения (изготовление научных приборов), использования атомной энергии в мирных целях. В соответствии с соглашением созданы совместные коллективы; преимущественно это селекционно-экспериментальные пункты: с СССР — в области растениеводства, с Кубой — в области животноводства и создания пастбищ, с ВНР — в области свиноводства, с ЧССР — в области развития бобовых культур и др. Организован также Временный международный коллектив по разработке методологии борьбы с малярией. Кроме того, страны — члены СЭВ оказали Вьетнаму содействие в оснащении НИИ: СССР — 4-х НИИ (механизации сельского хозяйства, угля, связи, центр испытаний сельскохозяйственной техники), ВНР — 3-х институтов (животноводства, ветеринарии, защиты растений), ЧССР — 4-х НИИ (в том числе станков и инструментов, технологии машиностроения, лекарственного сырья).

¹² См.: «Нян зан», 7, 8, 9. XII. 1983.

Поиск путей развития сельского хозяйства КНР

*В. В. КУЗНЕЦОВА,
кандидат исторических наук*

С конца 70-х гг. по настоящее время в Китае происходит перестройка основ экономической и социальной жизни деревни. Процесс формирования аграрной политики в КНР, когда на протяжении 80-х гг. постоянно вносились существенные изменения в проводимые социально-экономические преобразования в деревне, свидетельствует о том, что в китайском обществе и руководстве менялось представление о задачах реформ. Поэтапный характер их проведения был частично обусловлен сложными экономическими, социальными и демографическими проблемами, вскрывавшимися в ходе осуществления аграрных преобразований, которые решались путем изменения отдельных политических установок. Параллельно с проведением в жизнь предлагавшихся в документах мероприятий шло теоретическое осмысление как происходящих в деревне процессов, так и их значения с точки зрения целей строительства социалистического общества.

Анализ документов ЦК КПК и Госсовета КНР за 1978—1986 гг. позволяет выделить несколько этапов этого периода исходя из характера политических установок и конкретных практических мероприятий по аграрной реформе. В течение первого этапа (лето 1978 г.—осень 1980 г.) документы отражали как элементы новой аграрной политики, так и отдельные установки старой. Свидетельством начала процесса изменений стали два документа ЦК КПК, принятые летом 1978 г. и поставившие вопрос о необходимости снижения «чрезмерного бремени» крестьянства¹. Решения ЦК КПК, критикующие практику «чрезмерных» изъятий из сельского хозяйства и у крестьянства в уездах Сянсян провинции Хунань и Сюньи провинции Шэньси, послужили началом кампании в китайской печати по разоблачению недостатков в аграрной политике, способствовали изменению в стране общественного сознания и формированию социально-психологического климата, благоприятствовавшего началу реформ в области сельского хозяйства. Поиск решения проблем сектора шел одновременно по трем направлениям: пропаганда опыта «образцовой бригады Дачжай»; использование методов «политики послаблений» (повышение закупочных цен, снижение налогового обложения, развитие подсобного хозяйства крестьян, открытие сельских рынков и др.); использование новых форм и методов хозяйствования на низовом уровне — в производственных бригадах, юридически являвшихся основным собственником средств производства в сельском хозяйстве страны. Как отмечал заведующий Центром по изучению политики в деревне Секретариата ЦК КПК Ду Жуньшэн, «в первые два года борьбы с «четверкой» акцент по-прежнему делался на пропаганду «опыта Дачжая» и на планах осуществления механизации сельского хозяйства в основном к 1980 г. Это рассматривалось как основная перспектива решения проблем сельского хозяйства, а ключевой вопрос —

создание системы производственной ответственности — оставался без должного внимания»². Важную роль в деле реформ сыграл 3-й пленум ЦК КПК (1978).

Выбор основного направления развития аграрного сектора нашел отражение в двух документах ЦК КПК, принятых осенью 1980 г.³ В одном из документов была дана развернутая критика «опыта Дачжая», а тем самым заявлено об отказе от аграрной политики 60—70-х гг.; в другом — утверждались, хотя и с серьезными оговорками, положения нового курса. В этот период в решениях Госсовета КНР и ЦК КПК нашли отражение переоценка и отрицание использовавшихся ранее методов управления сельским хозяйством, признавалось, что перестройка хозяйственного механизма в деревне возможна лишь путем предоставления производственным бригадам и членам коммун хозяйственной самостоятельности и установления прямой зависимости оплаты труда крестьян от конечных результатов их деятельности.

На втором этапе осуществления реформ (осень 1980 г. — конец 1982 г.) происходило законодательное оформление системы производственной ответственности и ее повсеместное распространение⁴. В этот период полный подворный подряд⁵ стал наиболее распространенной формой системы производственной ответственности в сельском хозяйстве. Если использовать выражение Ши Шаня (в тот период — заместитель председателя Всекитайского общества по экономике сельского хозяйства), подворный подряд из «неразрешенного» в 1978 г. метода организации производства к концу 1981 г. превратился в основную «форму производственной ответственности социалистической коллективной экономики»⁶. На этом этапе подрядные отношения становятся фундаментом формирования нового хозяйственного механизма в китайской деревне.

— Таким образом, на протяжении 1978—1982 гг. постепенно сложились основные черты новой («подрядной») модели развития китайской деревни, проявились ее отличия от «опыта Дачжая».

Если, абстрагируясь от реальной практики, попытаться квалифицировать суть «опыта Дачжая», как он зафиксирован в популяризовавшихся политических установках, то в экономическом и социальном плане он означал особую модель развития китайской деревни. В самых своих общих, сущностных чертах «опыт Дачжая» состоял в следующем. Отношения между государством и бригадой базировались на нескольких политических установках: «производство зерна — основа»; политика «трех нет» (не просить помощи, дополнительного зерна, ссуд); гарантия «трех не менее» (предоставить государству не меньше запланированного объема поставок, не уменьшать отчислений в фонд общественного накопления, не снижать зерновой паек коммунарам). Осуществление этих и других установок предполагало передачу и отчуждение государством максимального объема произведенной коллективом продукции при минимальных затратах государства, позволяло произвольно повышать уровень обобществления, осуществлять, по выражению видного китайского экономиста Сюй Дисиня, «переход в условиях бедности»⁷. Большая производственная бригада выступала основным собственником средств производства, распорядителем финансовых средств, организатором производства и управления всеми сторонами жизни деревни по принципу достижения наибольшего самообеспечения и ограничения любых товарных и торговых отношений. При совершенно определенных обязательствах бригады ее права в рамках структуры «народных коммун» не были четко зафиксированы. Подобная неопределенность служила основой командно-административных методов управления сельским хозяйством. Руководство «народной коммуны», бригады являлось представителем интересов государства, а не крестьян. По отношению к крестьянам бригада выступала как орган принуждения и насилия, устанавливала

строгий контроль за личной жизнью крестьян, проводила массовые политические кампании.

«Подрядная модель» принципиально отлична от «опыта Дачжая». Однако в первые годы введения подряда отношения между государством и бригадой практически не претерпели существенных изменений. Бригада по-прежнему выступала основным налогоплательщиком, отвечала за выполнение государственного плана (сева, закупок, поставок и пр.), распределяла по дворам трудовые и материальные повинности. Введение подряда преследовало цель обязательного претворения в жизнь принципа первоочередности выполнения государственных заданий, удовлетворения интересов государственных организаций и вышестоящих уровней собственности в структуре «народных коммун»⁸.

Вместе с тем важно отметить, что в положении бригады как основной производственной и хозрасчетной единицы со временем произошли значительные изменения. Полностью зависящая низовая производственная единица — бригада — постепенно стала становиться более самостоятельной. Однако положения Конституции КНР (1978), в отличие от положений Основного закона КНР (1975), закрепляли как подчиненное положение бригад в структуре «народных коммун», так и возможность повышения уровня обобществления. Конституция КНР (1978) по сути юридически оправдывала возможные «поветрия коммунизации» — укрупнения и объединения производственных бригад, нивелирования их собственности⁹.

Производственная бригада официально осталась собственником земли, ирригационных сооружений, дамб, крупной сельскохозяйственной техники, но право пользования средствами производства было передано подрядным дворам. Бригада осталась распорядителем и различных общественных фондов. Порядный двор получил право самостоятельного решения вопросов непосредственной организации процесса производства. Стал проводиться курс на поощрение всемерного развития товарного производства, большое значение в этом плане имели решения о поощрении занятия крестьян подсобными промыслами (семейными и коллективными), многоотраслевым производством, открытие рынков и отмена ограничений на рост доходов крестьян. В то же время обязательство бригады перед государством не изменились, сохранилось ее подчиненное положение в структуре трехступенчатой собственности «народных коммун». Поставленная в зависимое положение, бригада осталась органом принуждения крестьян¹⁰. Вместе с тем в отношениях с крестьянами в большей мере стали использоваться такие важные экономические рычаги, как раздача подрядных договоров, определение условий подряда и пр. Можно сказать, что прямые отношения принуждения стали исчезать, модифицируясь в условие неукоснительного выполнения подрядчиком договорных обязательств перед государством и коллективом.

Характер реализации экономических преобразований в китайской деревне на этом этапе, особенно противоречивый процесс формирования подрядных отношений свидетельствовали о незавершенности процесса перемен и неизбежности изменения политических установок в отношении сельского хозяйства.

На третьем этапе (конец 1982 г. — весь 1984 г.) в соответствии с измененной Конституцией КНР (1982) ликвидируются «народные коммуны», в сельской местности осуществляется отделение органов государственной власти от хозяйственных организаций¹¹. Документы ЦК КПК¹² и Госсовета КНР в это время были направлены на совершенствование системы производственной ответственности и стимулирование развития товарных отношений в деревне. В начале 80-х гг. подряд распространился во всех отраслях народного хозяйства Китая. В сельском хозяйстве «подворно-порядная» экономика стала основой аграрного строя, а подрядные отношения определяли все многообразие экономи-

ческих отношений в деревне. Подрядный договор стал регулировать экономические связи между органами власти и бригадами, между отдельными бригадами, бригадами и крестьянами-подрядчиками, между крестьянскими дворами. Например, на конец 1984 г. в стране было зарегистрировано более 9 млн. частных промышленных и торговых предприятий крестьянских дворов и новых хозяйственных объединений, осуществлявших свою деятельность на основе подрядных отношений¹³. В целом формы подряда стали многообразными, но они еще находились в динамике становления. В материалах XII съезда КПК и последующих документах получило оформление представление о путях будущего развития китайской деревни.

В этот период был сделан первый важный шаг, направленный на изменение отношений между государством и бригадой¹⁴, — ликвидация народных коммун и трехступенчатой системы собственности. В то же время сохранились административные методы управления сельским хозяйством, курс на ограничение государственных капиталовложений в аграрный сектор и подход к нему как к источнику финансирования остальных секторов народного хозяйства страны. Так, по данным группы по изучению проблем развития китайской деревни, благодаря стимулирующему воздействию повышения цен наиболее высокими темпами в годы шестой пятилетки росли поставки государству сельскохозяйственной продукции (в среднем за 1979—1984 гг. на 17,2 % в год) и валовая продукция промышленных предприятий волостей и поселков (в среднем на 17,9 % в год). Согласно выводам группы, в годы шестой пятилетки увеличение потребления и накопления крестьянства обеспечило 62 % прироста национального дохода, а рост производства первичной сельскохозяйственной продукции явился главным фактором роста всего народного хозяйства страны¹⁵.

Производственная бригада получила юридически оформленный статус самостоятельной единицы. Предоставление бригадам большей хозяйственной самостоятельности сопровождалось усложнением отношений собственности в деревне, это было вызвано в первую очередь неопределенностью отношений собственности на землю. В этом плане показательна позиция упоминавшегося выше Ду Жуньшэна, который в одной и той же статье называет собственником земли и коллектив, и государство. Так, Ду Жуньшэн пишет: «Некоторые экономисты считают, что по прошествии 15 лет подряда собственность на землю только номинально, но не фактически будет коллективной». Однако, продолжает автор, в Китае такая ситуация возникнуть не может, поскольку «конституцией установлена социалистическая общественная собственность всего государства... на землю». В данном случае Ду Жуньшэн ссылается на статью 9 Конституции КНР (1982), «забывая» о статье 10, зафиксировавшей, что «земля в деревнях и пригородах является коллективной собственностью»¹⁶.

Образование многоукладной экономики, возникновение и распространение разнообразных форм собственности явились катализатором сложных социальных процессов в деревне. Мероприятия, направленные на ускорение развития товарного хозяйства и поощрение сельской индустриализации, также способствовали углублению процесса социально-экономической дифференциации крестьянства. По данным обследования, проведенного Центром по изучению политики в деревне Секретариата ЦК КПК, к концу 1984 г. в деревнях появились частные основные фонды, составившие 32,4 % всех основных фондов производственного характера в деревне. В 34 % деревень произошло увеличение коллективных основных фондов; как правило, эти деревни расположены в экономически развитых районах страны. В 66 % деревень произошло уменьшение коллективных основных фондов. Стали активно развиваться новые хозяйственные объединения; на конец 1984 г. в них участвовало

3,2 % крестьянских дворов и было занято 3,4 % сельской рабочей силы¹⁷. На смену единообразной форме собственности в деревне пришло многообразие ее форм. При этом некоторые китайские авторы подчеркивают, что наибольших успехов достигали хозяйства там, где волостные правительства активно подключались к руководству экономическими процессами. В первую очередь об этом свидетельствовали данные обследования 112 уездов КНР, добившихся к 1984 г. удвоения объема сельскохозяйственного производства¹⁸.

В целом, положение бригад в этот период однозначно охарактеризовать сложно. В экономически развитых районах страны положение коллективных хозяйств укрепилось, они активно развиваются (например, юг провинции Цзянсу). Для остальных районов страны становится характерным распад коллективных хозяйств и развитие частного и индивидуального хозяйствования (например, в районе Вэньчжоу) или же превращение бригад в коллективные формы обслуживания подрядных дворов (например, в уезде Датун провинции Шаньси).

Соответственно изменились и отношения бригад со своими членами: в первом случае идет процесс формирования общих для всех членов данного объединения интересов; во втором — наиболее наглядно противопоставляются интересы бригады и подрядных дворов, за исключением тех случаев, когда бригада выступает гарантом самого существования крестьян; в третьем — бригада выступает независимой единицей, опосредующей связи между подрядными дворами, между ними и «остальным миром». В этот период благодаря предоставлению подрядным дворам важных политических и экономических прав (продление сроков подряда, введение права наследования подрядного участка, разрешение покупки в собственность основных средств производства, предоставление права выхода из бригады, вступления в добровольные объединения и др.) крестьянин из прикрепленного к земле производителя постепенно становится полноправным гражданином китайского общества. Параллельно с этим превращенная форма принуждения крестьян через экономические рычаги воздействия подряда все в большей мере начинает принимать образ «свободного выбора» профессии или рода деятельности.

На четвертом этапе, начиная с 1985 г. (рамки этого этапа не ограничены, поскольку документ № 5 за 1987 г. в китайской печати на момент подготовки работы не был опубликован и о содержании предложенных в нем мероприятий можно было судить только по косвенным и разрозненным публикациям), как официально было объявлено в выступлении Чжао Цзыяна¹⁹, в китайской деревне начался «второй этап» реформы аграрного сектора — преобразование структуры цен на сельскохозяйственную продукцию, а тем самым изменение производственной структуры. В это время основной упор был сделан на уменьшение сферы воздействия директивного планирования и постепенное введение элементов рыночного регулирования структуры сельскохозяйственного производства, поиск новых источников самофинансирования деревни. Огромное значение имело также расширение гражданских прав крестьян (постепенное, начиная с 1985 г., введение паспортной системы, предоставление права свободного передвижения по стране и смены места жительства без смены прописки и др.). Специальные мероприятия китайского правительства направлены на уменьшение различий в уровне экономического и социального развития отдельных районов страны, в первую очередь на преодоление бедности и отсталости («Комплексная программа преодоления бедности») ²⁰.

В этот период продолжился процесс изменения отношений между государством и бригадой: постепенно, хотя и не совсем последовательно, вводятся

методы экономического управления сельскохозяйственным производством, в основном через ценовые и кредитные рычаги. При этом административное вмешательство государства сохраняется, а в отдельные периоды даже усиливается. Особенно наглядно об этом свидетельствовала кампания 1985—1986 гг., направленная на предотвращение сокращения посевных площадей под зерновыми культурами и падения производства зерновых.

Создание в китайской деревне таких отношений между государством и бригадой, которые полностью базировались бы на экономической основе, затруднено рядом серьезных обстоятельств. С одной стороны, государство вынуждено сохранять методы административного регулирования для обеспечения всех граждан прожиточным минимумом (слишком незначителен излишек продукции). Китайская печать подчеркивает, что хотя по показателю валового национального продукта в 1986 г. КНР занимала восьмое место в мире, но в расчете ВВП на душу населения — ниже сотого²¹. В 80-е гг. китайская экономика развивалась быстрыми темпами, в 1980—1986 гг. среднегодовые темпы прироста национального дохода составляли 9 %. В 1986 г. в КНР на душу населения приходилось 740 юаней национального дохода, прирост по сравнению с 1985 г. составил более 70 юаней, или в расчете на день — около 20 фэней. Практически это означает, по разъяснению «Жэньминь жибао», что если каждый гражданин КНР в течение дня съест больше одного яйца, то от прироста национального дохода ничего не останется²².

С другой стороны, без сколько-нибудь существенных изменений остается пока общий подход к аграрному сектору как к источнику финансирования остальных отраслей народного хозяйства, что в наибольшей мере возможно через административные методы управления. Так, в период подготовки плана социально-экономического развития КНР на седьмую пятилетку группа по изучению проблем развития китайской деревни прямо указывала, что на «переломном этапе» экономического строительства «деревня должна взять на себя основное бремя нового этапа возмужания народного хозяйства»²³. О том, что возобладал указанный подход, свидетельствуют следующие данные: удельный вес государственных капиталовложений в сельское капитальное строительство, ирригацию, метеорологию в общей сумме государственных ассигнований в годы шестой пятилетки составлял 5,1 %, в том числе в 1985 г. — 3,4 %, а в 1986 г., в первый год седьмой пятилетки, — лишь 3,1 %. В то же время государственные расходы на капитальное строительство постоянно возрастали, в годы шестой пятилетки по сравнению с пятой они увеличились на 145,6 %, а в 1986 г. по сравнению с 1985 г. — на 109,5 %²⁴.

Таблица

Рост закупок государства у крестьян, %

	1980	1982	1983	1985	1986
Закупки у крестьян (в текущих ценах)	100	128,6	150,2	199,5	235,3
Индекс закупочных цен	100	108,2	112,9	127,6	135,7
Фактический рост физического объема закупок	100	118,8	133,0	156,3	173,4

Рассчитано по: Чжунго цзинци няньцзянь — 1987. Пекин, 1987, с. III-50 — III-51.

Что касается экономического положения бригад, продолжался процесс углубления дифференциации их экономического и социального развития. Как крайние примеры можно выделить, с одной стороны, бригады, создавшие

высокоразвитые (по китайским понятиям) промышленные предприятия. В ряде районов страны такие бригады постепенно превращаются в коллективных собственников, использующих наемную рабочую силу. Так, в деревне Дабинчжуан (бывшая большая бригада) в пригороде Тяньцзиня на 50 промышленных предприятиях в 1985 г. работало 2590 человек, в том числе 1470 наемных рабочих²⁵. С другой стороны, сохраняются бригады, не имеющие возможности обеспечить своим членам прожиточный минимум. В настоящее время можно выделить четыре группы бригад в зависимости от их экономического положения: а) бригады, где происходит укрепление коллективной экономики; часто они превращаются в крупные промышленно-сельскохозяйственно-торговые объединения, иногда имеющие выход на международный рынок; как правило, в таких хозяйствах широко применяется наемный труд жителей других районов; б) бригады с благополучным экономическим положением; в этих хозяйствах получают развитие и земледелие, и промышленность, абсорбирующая излишнюю для земледелия рабочую силу; как правило, такое развитие обусловлено целенаправленным вмешательством в экономическое строительство органов КПК и перераспределением средств местных бюджетов в пользу сельского хозяйства²⁶; в) формальное объединение в рамках бригады подрядных хозяйств; в этом случае функции бригады, как правило, сводятся к раздаче земельных участков в подряд и контролю за выполнением государственного плана; иногда бригада полностью отделяется от своих членов, превращаясь в независимую от них экономическую организацию; г) коллективное хозяйство бригады, получившее в прежних формах как бы «второе дыхание», поскольку его поддержание является гарантией обеспечения хотя бы минимального прожиточного уровня для ее членов.

Если члены коллективных хозяйств, принадлежащих к первым двум направлениям, относятся к наиболее динамично развивающейся части аграрного сектора и их экономическое и материальное положение довольно быстро улучшается, то для членов остальных хозяйств «свободный выбор» вида деятельности или профессии будет заключаться в отказе (как правило частичном, поскольку земля в китайской деревне еще долгое время будет оставаться главным источником существования) от подрядного участка и в поиске временной работы в городах, найме на бригадные или семейные промышленные предприятия в других районах страны, отходничестве. Этому процессу способствует то, что почти четверть сельских тружеников имеет низкий уровень грамотности и квалификационной подготовки.

Социальная ситуация внутри крестьянства за 80-е гг. кардинальным образом изменилась. Если еще в 1983 г. китайские специалисты характеризовали крестьянство как «однородный класс крестьян-тружеников кооперативной экономики»²⁷, то в последующие годы печать стала уделять много внимания процессам имущественной и социальной дифференциации внутри крестьянства. Так, со второй половины 1986 г. на страницах китайской печати оживленно обсуждались вопросы развития частного хозяйства и допустимые пределы применения наемного труда. По данным известного экономиста Лю Гогуана, в настоящее время в китайской деревне удельный вес хозяйств, использующих наемный труд, незначителен. В целом по стране их насчитывается примерно 1% от общего числа крестьянских дворов, а удельный вес крестьян, работающих по частному найму, составляет 2—3% от численности трудоспособных в деревне. Несмотря на ограниченные масштабы частного хозяйства в деревне, его появление и развитие стали объектом пристального анализа специалистов. Например, на научной конференции, организованной в конце 1986 г. теоретическими отделами газет

«Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», китайские специалисты поставили следующие проблемы: 1) сущность понятия «частное хозяйство» и его характер при социализме; 2) причины быстрого развития частного хозяйства в китайской деревне; 3) роль частного хозяйства в экономическом развитии страны; 4) какую политику следует проводить в отношении частного хозяйства²⁸.

В 1987 г. были опубликованы результаты обследования 66 836 крестьянских дворов в 846 уездах страны. Согласно обнародованным данным, удельный вес крестьянских дворов со среднедушевым доходом менее 200 юаней («бедные») сократился с 61,6 % в 1980 г. до 11,3 % в 1986 г.; со среднедушевым доходом от 200 до 500 юаней (дворы, достигшие уровня «тепла и сытости») — возрос с 36,8 % в 1980 г. до 60 % в 1986 г.; со среднедушевым доходом свыше 500 юаней (дворы «малого и среднего достатка») — с 1,6 % в 1980 г. до 28,7 % в 1986 г.²⁹

Проведенная выборка достаточно репрезентативна. Однако при экстраполяции полученных данных на всю страну следует учесть некоторые моменты. Во-первых, в публикации не раскрываются методы учета натуральной части потребления. В целом, крестьяне стали лучше питаться, но учет натурального потребления, как правило, ведется в низких государственных закупочных ценах, т. е. он невыгоден крестьянским дворам, осуществляющим натуральное производство. Во-вторых, не разъясняется, как и в какой мере учитываются пострадавшие от стихийных бедствий. Так, в 1985 г. почти 16 % посевного клина страны пострадало от различных стихийных бедствий³⁰, что, естественно, повлияло на доходы крестьянских дворов, проживавших в пострадавших районах. Большое значение также имеют учет мобильности отдельных групп сельского населения и ряд других обстоятельств. В целом, данные «Жэньминь жибао» свидетельствуют, что сохраняется относительно высокий удельный вес «бедных» крестьянских дворов. Поэтому закономерно, что в китайских публикациях подчеркивается, что после многих лет пропаганды эгалитаристских идей общество «очень болезненно воспринимает» как быстрый рост доходов у одной части граждан, так и положение тех групп, которые оказались незатронутыми преобразованиями. «Как бы это беспокойство ни оценивать,— заключает группа по изучению проблем развития китайской деревни,— трудно избежать противоречий», предлагая сочетать решение вопросов социальной справедливости и повышения экономической эффективности³¹.

Практические мероприятия по смягчению этих противоречий заключались, в частности, во введении на протяжении 1986 г. налога на индивидуальные доходы граждан и на доходы от промышленно-торговой деятельности самохозяйствующих дворов³². Одновременно китайская печать вновь стала популяризировать конкретные образцы перераспределения доходов между отдельными группами трудящихся, осуществляемого коллективными хозяйствами в деревне («модель Сунань»). На страницах китайских изданий значительно уменьшилось количество публикаций, пропагандирующих успехи отдельных крестьянских дворов, «достигших зажиточности раньше других».

К середине 80-х гг. в китайской деревне сложилась обстановка сосуществования различных типов хозяйств: хозяйства, созданные на основе смешанного китайского и иностранного капитала, частные, самохозяйствующие, индивидуальные торгово-промышленные и специализированные дворы; подрядные дворы; коллективное хозяйство бригад и новых хозяйственных объединений и др. В публикациях китайских специалистов, предшествовавших XIII съезду КПК, стало употребляться понятие «многоукладность». Как отме-

чал советник АОН Китая, член Комиссии советников ЦК КПК Юй Гуаньюань, с 1956 г. до решения шестого пленума ЦК КПК (1981) понятие «разнообразные экономические уклады» в партийных документах не употреблялось. Разнообразные экономические уклады вновь стали «исторической реальностью» Китая только после того, как внутри страны отказались от курса на монообщественный уклад и стали проводить «политику послаблений». Юй Гуаньюань подчеркивает, что к настоящему времени ситуация в китайской деревне после введения полного подворного подряда пока еще теоретически полностью не изучена³³.

На протяжении второй половины 70-х и в 80-е гг., то есть на протяжении всех лет социально-экономических преобразований в стране, особое внимание китайские специалисты сосредоточивали на разработке теоретических вопросов строительства социализма в КНР в связи с проведением политики реформ. В публикациях накануне XIII съезда КПК подводились итоги теоретических исследований в стране за прошедшие со времени 3-го пленума ЦК КПК (1978) годы и определялись направления дальнейшего поиска.

Успешному осуществлению экономических преобразований в КНР способствовало изменение морально-психологического климата в стране, чему во многом содействовали публикации конца 70-х гг., в первую очередь направленные на развенчание наиболее одиозных идей «культурной революции» (например, «классовая борьба — основа»). Кампания «критики чрезмерного бремени крестьянства», дискуссия по вопросу об основном и главном противоречии текущего периода, о практике как критерии истины и др., с одной стороны публично вскрыли «болевые точки» в развитии страны, с другой — показали насущную необходимость серьезных теоретических исследований. В общественно-политических дискуссиях конца 70-х гг. особую остроту приобрел вопрос о том, какого уровня достигла КНР за годы социалистического строительства. Осенью 1979 г. в городе Уси была организована первая в истории КНР научная конференция на тему «Закономерности развития социалистического общества», на которой обсуждались ставшие в последующие годы центральными в общенациональных дискуссиях четыре комплекса проблем: этапы развития социалистического общества; классы и классовая борьба в социалистическом обществе; основное и главное противоречие социалистического общества; социалистическая демократия, законность и программа «четырех модернизаций».

Выступление участников конференции выявили широкий спектр взглядов по всем проблемам, при этом общим был подход к первому вопросу как к «основе стратегии и тактики пролетарской партии»³⁴. В отчете о работе конференции было выделено четыре различных подхода к вопросу периодизации процесса социалистического строительства: концепции длительного, среднего и короткого переходного периода и теории «дополнительного урока» производительных сил у капитализма. Сторонники этих подходов соответственно по-разному определяли как достигнутый уровень развития КНР (переходный период, несовершенный социализм, социалистическое общество; говорилось, что «не нужно спешить переходить к социализму», нужно «сознательно пройти дополнительный урок у капитализма»³⁵), так и те мероприятия, которые необходимо осуществить для ускорения социально-экономического развития страны. В последующие годы отдельные положения всех четырех подходов находили то или иное отражение в официальных документах.

Процесс формирования концепции начального этапа социализма, с точки зрения Юй Гуаньюаня, начался с решений 6-го пленума ЦК КПК (1981).

В решении пленума «О некоторых вопросах истории Коммунистической партии Китая со времени образования Китайской Народной Республики» было определено, пишет Юй Гуанъюань, что в настоящее время строительство социализма в Китае находится на начальном этапе, который является особым этапом, отличающимся от среднего и высшего этапов социализма. На этом этапе социализм носит несовершенный характер, и переход к сравнительно совершенному социалистическому обществу займет довольно продолжительный исторический период. Эти положения были включены в Отчетный доклад ЦК КПК XII съезду (1982)³⁶.

Однако зафиксированное в официальных документах положение о том, что современное китайское общество находится на начальном этапе строительства социализма, оставляло открытыми многие важные теоретические и практические вопросы. Например, насколько страна продвинулась по пути социалистического строительства и какой следует быть экономической политике на начальном этапе. Теоретическое осмысление и детальная проработка отдельных положений концепций «начального этапа социализма» наиболее оживленно возобновились в ходе подготовки к 6-му пленуму ЦК КПК (1986) и в разнообразных общественно-политических дискуссиях накануне XIII съезда КПК. Новый этап общенациональной дискуссии по проблемам теории марксизма, социализма с китайской спецификой продемонстрировал широкий спектр взглядов китайских ученых, вскрыл общественную потребность решения таких вопросов, как то: что такое смешанная экономика и многоукладность, как соотносятся коллективное хозяйство бригад и кооперация, какими должны быть отношения собственности на начальном этапе социализма, до каких пределов допустимо использование наемного труда и какой может быть норма эксплуатации, какой следует быть «социалистической плановой товарной экономике». Ответы на многие эти вопросы сформулированы в Отчетном докладе ЦК КПК XIII съезду (1987)³⁷.

Что же касается теоретического осмысления проблем, стоящих перед аграрным сектором, и процесса формирования подходов к аграрным преобразованиям, то во многом характер обсуждения в китайской печати, да и сам круг рассматриваемых вопросов развития деревни изменялись вслед за изменением политической обстановки. На рубеже 70-х — 80-х гг. основные усилия специалистов были направлены на обоснование необходимости преобразования социально-экономического строя китайской деревни. В 1981—1982 гг. с наибольшей остротой обсуждался вопрос о характере подряда, устанавливающего связь с объемом производства, особенно полного подворного подряда, его совместимости с социалистическим коллективным сельскохозяйственным производством, а претворение в жизнь полного подворного подряда было проблемой серьезного политического выбора. Подводя итоги дискуссий по проблемам развития китайской деревни в 1978—1982 гг., Ду Жуньшэн писал, что в конце 70-х — начале 80-х гг. «все уже понимали вред администрирования, высоких заданий по сельскохозяйственным поставкам, ножниц цен, ликвидации «малых свобод», и по этим вопросам было легко достичь единого понимания». Что же касается экономических методов управления или же системы производственной ответственности, продолжал Ду Жуньшэн, то по этому вопросу преодолеть «левые» ошибки удалось только к 1982 г.³⁸ В 1983—1984 гг. в публикациях китайских авторов социалистический характер подворного подряда прямо под сомнение не ставился³⁹. Подворный подряд был объявлен «развитием на практике» марксистско-ленинского учения о кооперации, а «неизбежность» введения подряда обоснована ссылками на исторические особенности развития китайского общества⁴⁰.

Можно выделить три большие группы проблем, связанных с деревней,

стоявших в центре обсуждения в 1983—1984 гг.: 1) теоретическое осмысление значения перестройки аграрного строя деревни на основе подворного подряда в связи с определением «социализма с китайской спецификой»; 2) оценка характера распределения в условиях подворного подряда; 3) вопросы «ножниц цен», себестоимости сельскохозяйственной продукции, роли централизованных закупок. В рамках первой группы проблем затрагивались следующие вопросы: определение политэкономической сущности подряда, в том числе подворного: обоснование или выявление причин его введения в Китае; выяснение конкретного содержания подряда, особенно сочетания коллективного хозяйства («централизация») и подрядного («децентрализация»). Вопрос об укладной принадлежности подворного подряда ставился лишь косвенно, через обсуждение таких, например, вопросов, как характер распределения при подряде, отношения собственности и др.

В последующем на страницах китайской печати активизировалось обсуждение вопроса выбора пути развития деревни. Особую остроту дебатам придало существенное снижение темпов роста сельскохозяйственного производства в 1985 г., сопровождавшееся сокращением пахотных площадей под зерновыми культурами и уменьшением объема товарного зерна, находящегося в распоряжении государства. По определению Центра изучения развития деревни Госсовета КНР, с 1985 г. темпы роста деревенской экономики вступили в полосу «всестороннего снижения — предвестника этапных изменений»⁴¹.

На рубеже 1985—1986 гг. китайские ученые сделали новые важные выводы, в их работах произошло известное переосмысление прежних подходов. Как подчеркивал Чжэн Хунцин (Государственный комитет по хозяйственной реформе), первоначально китайские специалисты придерживались точки зрения, что налаживание подворного подряда позволит деревенской экономике без проблем развиваться в течение 10—20 лет⁴². До недавнего времени большинство китайских специалистов утверждало, что успехи деревенской экономики в первой половине 80-х гг. объясняются ростом индивидуальной трудовой активности крестьян, ликвидацией в определенной мере обезлички и уравниловки, предоставлением крестьянам большей хозяйственной самостоятельности, сопровождавшимися такими государственными мероприятиями, как повышение закупочных цен, расширение сельских рынков и т. д. Считалось, что именно отмеченные мероприятия способствовали небывало высоким темпам роста деревенской экономики, в том числе и производства зерновых в годы шестой пятилетки.

С 1985 г. в печати КНР стали появляться новые оценки высоких темпов роста сельскохозяйственного производства в 1979—1984 гг. Так, китайские специалисты к наиболее важным факторам высоких темпов роста стали относить «высвобождение экономических потенциалов, накопленных прежней народнохозяйственной структурой», увеличение денежных доходов крестьян за счет расширения поставок государству сельскохозяйственной продукции, увеличение оборота первичной сельскохозяйственной и простейшей промышленной продукции⁴³. Согласно другим оценкам, 35 % прироста валовой продукции сельского хозяйства за годы шестой пятилетки было обеспечено за счет агротехнических нововведений⁴⁴.

Несмотря на различия в подходах, китайские экономисты подчеркивают, что к началу седьмой пятилетки факторы, лежавшие в основе роста сельскохозяйственного производства в предшествовавшие годы, были исчерпаны и что необходимо активизировать поиск альтернативной политики. Все выступающие в печати согласны, что аграрные преобразования должны быть продолжены, однако практические предложения специалистов существенно разли-

чаются. Большинство китайских авторов связывало продолжение реформ в деревне с процессом урегулирования народнохозяйственных противоречий и решением сложных социально-экономических проблем. Так, в 1987 г. упоминавшийся выше Чжэн Хунцин в качестве наиболее крупных новых проблем и противоречий деревенской экономики, которые необходимо решить в ходе углубления экономических реформ, выделил следующие: в условиях сокращения государственных средств, выделяемых на нужды сельского хозяйства, крестьяне не увеличивают собственные капиталовложения; процесс формирования масштабного хозяйствования и концентрации земли в руках мастеров урожая сталкивается с трудностями; масштабы хозяйствования, как правило, ограничены семьей, и выход за эти рамки сопряжен с преодолением серьезных ограничений; не завершенность становления деревенского рынка, выражающаяся, в частности, в оторванности городского и сельского рынков друг от друга, что обуславливает разрушительные колебания цен⁴⁵.

Китайские специалисты и ученые сходятся во мнении, что нужно продолжать изучение особенностей семьи и семейного хозяйствования при социализме и шире использовать его возможности. При этом делаются попытки осмыслить, что представляет собой крестьянский двор как социально-производственная единица. Отмечается, например, что в любой экономике «нельзя обойтись без индивидуальной ответственности и активности» и что индивидуальное хозяйство крестьянских дворов в рамках коллектива еще не исчерпало своих потенциалов, оно обладает рядом преимуществ высокоэффективного производства⁴⁶.

С начала проведения аграрных преобразований в КНР все выступающие в печати подчеркивали, что будущее китайской деревни — это социалистическая кооперация, созданная в результате «добровольного и взаимовыгодного объединения» крестьян. Со времени XII съезда КПК в китайской печати наибольшее внимание уделяется методам реализации подобного «объединения», которые также получили распространение в практике последних лет. При этом значительные усилия китайских специалистов концентрировались на разработке теоретических и практических вопросов концепции «двух переходов», нацеленной на прорыв замкнутого круга натуральной экономики и развитие товарных отношений в деревне. В соответствии с концепцией «двух переходов» предполагается, что китайская деревня после введения полного подворного подряда сможет достигнуть высокоразвитого товарного производства, совершив два перехода: первый — от самообеспечивающихся крестьянских дворов, появившихся после введения подряда («малый и универсальный» двор), к специализированным товаропроизводителям («спецдвор»); второй — появление по мере углубления процесса общественного разделения труда и развития товарных отношений специализированных и объединенных хозяйств. Однако концепция «двух переходов» пока не дает ответа на ряд основополагающих вопросов, например, каким образом будут развиваться отношения между бывшими производственными бригадами и вновь создаваемыми коллективными хозяйствами, что будет с крестьянскими дворами, не превратившимися в крупных товаропроизводителей, каким образом практически будут осуществляться эти «переходы». В настоящее время китайская печать уделяет значительное внимание путям конкретного осуществления концепции «двух переходов», в первую очередь концентрируясь на проблемах образования спецдворов⁴⁷, условиях их появления и функционирования, на становлении масштабного хозяйствования, развитии отношений собственности. При этом подчеркивается, что появление в деревне «спецдворов» «исторически неизбежно», поскольку они создают тип хозяйствования, являющийся «наилучшей организационной формой постепенного перевода сельскохозяйственного производства на путь специализации и обобществления»⁴⁸.

Провозглашенная на XIII съезде КПК цель увеличить к концу XX в. валовой национальный доход в два раза с целью обеспечения среднезажиточного уровня жизни гражданам КНР диктует необходимость поиска методов решения проблем социально-экономической перестройки китайской деревни, новых организационных форм коллективного хозяйства, уточнения роли индивидуального крестьянского хозяйства. Как отмечалось в отчетном докладе Чжао Цзыяна на XIII съезде КПК, Коммунистическая партия Китая со времени 3-го пленума ЦК КПК (1978) развила «ряд научных теоретических положений», представляющих собой «контуры теории строительства социализма с китайской спецификой»⁴⁹. Поэтому с уверенностью можно полагать, что в предстоящие годы продолжатся оживленные теоретические дискуссии и крупномасштабные экономические эксперименты, нацеленные на выработку направлений дальнейших преобразований, осуществление задач, поставленных XIII съездом Коммунистической партии Китая.

¹ См.: «Жэньминь жибао», 5.VII.1978.

² «Синьхуа вэньчжай», 1982, № 11, с. 42—43.

³ Указанные документы были опубликованы в китайской печати только через несколько месяцев после их принятия. См.: «Жэньминь жибао», 12.II.1981.; «Баньюзтань», 1981, № 8, с. 4—10.

⁴ Подробнее см., напр.: Л. А. Волкова. Тенденции изменений форм хозяйственной организации в китайской деревне в начале 80-х годов.— «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 1, с. 73—82.

⁵ В работе используется следующая терминология: «подворный подряд», «полный подворный подряд», «специализированный двор», «опорный двор», «самохозяйствующий двор», «новое хозяйственное объединение».

⁶ См.: «Цзинцзи вэньти» (Тайюань), 1982, № 2, с. 4—8.

⁷ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1979, № 4, с. 2—7.

⁸ В начале 80-х гг. на страницах китайской печати критиковались различные аспекты деятельности «народных коммун», особенно трехступенчатая система собственности, соединение в лице коммун низовых органов государственной власти и экономических организаций, применявшиеся методы управления и распределения. См., напр.: «Цзинцзи яньцзю», 1980, № 2, с. 80—81.

⁹ См.: «Жэньминь жибао», 8.III.1978.

¹⁰ В 1979 г. был сделан первый шаг в изменении политических отношений в деревне: ЦК КПК принял решение о пересмотре классовой принадлежности помещиков и кулаков. Текст документа в полном объеме в китайской печати опубликован не был. О результатах осуществления мероприятий, намеченных документом, см.: «Beijing review», 1980, vol. 23, № 3, p. 14—21.

¹¹ К концу 1984 г. в 98,3 % народных коммун страны было проведено отделение органов государственной власти от хозяйственных. В стране было образовано более 84 340 волостных правительств, свыше 822 тыс. комитетов деревенских жителей. См.: «Жэньминь жибао», 23.I.1985.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 5.XII.1982.

¹³ Там же, 5.III.1985.

¹⁴ Далее под бригадой понимается обозначение сельскохозяйственных кооперативов, образованных в ходе административной реформы на базе естественных деревень, для их отличия от иных кооперативов, создаваемых в деревне.

¹⁵ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 7, с. 4.

¹⁶ «Синьхуа вэньчжай», 1985, № 11, с. 66; «Жэньминь жибао», 5.XII.1982.

¹⁷ См.: «Цзинцзи сюэ чжоубао», 1986, № 46, с. 3.

¹⁸ См.: «Нуьне цзинцзи вэньти», 1984, № 4, с. 16.

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 31.I.1985.

²⁰ О социально-экономической ситуации в китайской деревне, сложившейся к концу 1986 г., об основных мероприятиях по реформе аграрного сектора подробно см.: Социальные и экономические аспекты новых явлений в аграрной политике Коммунистической партии Китая (Материал для обсуждения на II-м рабочем совещании «Аграрно-крестьянский вопрос на современном этапе развития»). — М., ИМПД АН СССР, 1986, 112 с.

²¹ См.: «Жэньминь жибао», 23.XI.1987.

²² См.: там же, 17.VII.1987.

²³ «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 7, с. 13.

²⁴ Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1987. Пекин, 1987, с. III-44—III-45.

²⁵ См.: «Цзинцзи кэсюэ», 1987, № 3, с. 1.

²⁶ В то же время следует отметить, что вмешательство в хозяйственную жизнь органов КПК и перераспределение средств местных бюджетов осуществляются повсеместно, но в каждой провинции, уезде по-своему понимается положение «в пользу сельского хозяйства». См.: напр.: «Нунье цзишу цзинцзи» (Пекин), 1986, № 2, с. 19—21.

²⁷ См.: «Сюэшу юэкань» (Шанхай), 1983, № 6, с. 43.

²⁸ См.: «Гуанмин жибао», 8.XI.1986. В. В. Кузнецова. Социально-экономические сдвиги в китайской деревне в первой половине 80-х годов. М., ИНИОН АН СССР, 1987, с. 29—34.

²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 11, 17.VIII.1987.

³⁰ Чжунго нунцунь тунцзи няньцзянь — 1986. Пекин, 1987, с. 69, 262.

³¹ «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 7, с. 16.

³² Подр. см.: «Синьхуа юэбао», 1986, № 9, с. 125; № 10, с. 108; "Stanford Journal of International Law", 1987, vol. 23, № 2, p. 399—447.

³³ См.: «Чжунго шэхуэй кэсюэ», 1987, № 3, с. 77—78.

³⁴ См.: «Наньцин дасюэ сюэбао», 1980, № 1, с. 40.

³⁵ Там же, с. 44.

³⁶ См.: «Чжунго шэхуэй кэсюэ», 1987, № 3, с. 74.

³⁷ См.: «Коммунист», 1988, № 1, с. 110—127.

³⁸ См.: «Синьхуа вэньчжай», 1982, № 11, с. 42.

³⁹ Обзор точек зрения китайских специалистов по этому вопросу в наиболее систематизированном виде подробно см.: Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1984. Пекин, 1984, с. III-12 — III-15.

⁴⁰ Теоретическому обоснованию указанного подхода были посвящены работы сотрудника Центра по изучению политики в деревне Секретариата ЦК КПК Линь Цзыли. См., напр.: «Хунци», 1983, № 5, с. 9—17.

⁴¹ «Цзинцзи сюэ чжоубао», 1986, № 46, с. 1.

⁴² Там же, 1987, № 43, с. 1.

⁴³ «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 7, с. 3, 4, 8.

⁴⁴ См.: «Баньюэтань», 1986, № 19, с. 45.

⁴⁵ См.: «Цзинцзи сюэ чжоубао», 1987, № 43, с. 1.

⁴⁶ См.: «Сюэси юй таньсо». Харбин, 1985, т. 36, № 1, с. 45.

⁴⁷ После того, как во второй половине 1985 г. Госсовет КНР сформулировал единые для всей страны критерии выделения спецдворов, их число в масштабе страны значительно сократилось: с 22,5 млн. на конец 1984 г. до более 3,5 млн. на конец 1986 г. См.: «Жэньминь жибао», 28.I.1985; 2.V.1987.

⁴⁸ «Цзилинь дасюэ шэхуэй кэсюэ сюэбао». Чанчунь, 1986, № 5, с. 89.

⁴⁹ См.: «Коммунист», 1988, № 1, с. 126.

Об экономической реформе в Автономном районе Внутренняя Монголия (1979—1986)

Ц. БАТБАЯР (МНР)

Внедрение и осуществление различных форм системы производственной ответственности стало основным содержанием организационно-хозяйственных изменений в животноводстве Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ), который является крупнейшим животноводческим районом КНР. Хотя эти изменения во Внутренней Монголии проводились в русле общей сельскохозяйственной политики страны, однако они имели специфические особенности в силу различных факторов, как объективных, так и субъективных. Это в первую очередь относится к традиционным методам ведения пастбищного скотоводства в АРВМ, где используются почти исключительно естественные пастбища. Район отстал в материально-техническом отношении, отсутствует надежная кормовая база, высока зависимость от погодных условий.

Важнейшей особенностью Внутренней Монголии является то, что абсолютное большинство занятых в животноводстве составляет коренное население автономного района — монголы. Усугубившееся в годы «культурной революции» бедственное положение монголов-скотоводов требовало принятия эффективных мер по развитию животноводства, улучшению их жизненного уровня.

На состоявшемся в начале 1979 г. рабочем совещании парткома АРВМ был подвергнут резкой критике метод механического перенесения опыта других районов (речь идет о курсе «основа — зерно». — Ц. Б.), и на основании принципа «во всем исходить из местных условий» был выработан экономический курс «всестороннего развития с упором на животноводство»¹. В конце того же года парткомом было созвано специальное рабочее совещание по животноводству, на котором была сделана попытка экономического районирования животноводства².

Вся территория автономного района с учетом географических и естественно-природных условий разделяется на три хозяйственные зоны: земледельческую, полужемледельческо-полускотоводческую и скотоводческую. Из 1,3 млрд. му (1 му = $\frac{1}{15}$ га) общей площади пастбищных угодий на скотоводческие районы приходится почти $\frac{3}{4}$, тогда как на земледельческие и полужемледельческие районы всего 300—330 млн. му. Между тем 56—58 % всего поголовья скота находится в скотоводческих районах, а остальные 42—44 % приходятся на земледельческие и полужемледельческие районы. В то же время именно в скотоводческих районах, где хозяйство ведется традиционными методами пастбищного скотоводства, намного выше степень зависимости от погодных условий, чем в земледельческих районах, и этим объясняется, что более 70 % ежегодного падежа поголовья скота в АРВМ приходится на скотоводческие районы.

В 1979 г. в сельскохозяйственных районах проживало около 13 млн. человек (в основном ханьцы). Население скотоводческих районов составляло 332 тыс. дворов, или 1 млн. 739 тыс. человек, абсолютное большинство которого — монголы³.

С конца 1979 — начала 1980 г. в АРВМ начался переход от административных к экономическим методам организации труда, от уравниловки к оплате по труду. Решение из 10 пунктов о некоторых вопросах политики в сельских районах, принятое в феврале 1979 г. парткомом АРВМ, рекомендовало по-следовательно проводить в жизнь принцип распределения по труду, шире внедрять различные формы производственной ответственности, в скотоводческих районах закреплять производственные задания за звеньями⁴.

Для мобилизации производственной активности скотоводов партком АРВМ решил прибегнуть в первую очередь к испытанным ранее формам организации труда, распределения доходов. Раньше других была восстановлена практиковавшаяся в годы урегулирования перед «культурной революцией» система начисления трудовых единиц на основе нормирования (так называемые «два обязательства, одно вознаграждение»).

Суть этой системы сводилась к следующему. Производственная бригада определяла план развития животноводства, включающий следующие показатели: 1) объем животноводческой продукции, которую надо получить за предстоящий год, 2) процент приплода, 3) процент допустимого падежа скота. Исходя из утвержденного плана устанавливался объем необходимых работ, исчисляемых в трудовых единицах (аналогичны трудовым дням). Эти единицы оставались неизменными, независимо от складывающихся погодных и других условий. Контроль за произведенной работой и подсчет трудовых единиц производились в животноводческих звеньях. В конце года скотоводам на основе отработанных трудовых единиц начислялась плата. За перевыполнение нормы выработки полагалось вознаграждение, за невыполнение — штраф. В 1980 г. такая система получила широкое распространение. Так, на декабрь 1980 г. ее осуществляло в скотоводческих районах 86,7 % производственных бригад⁵.

Наряду с бесспорными преимуществами по сравнению с формами организации труда времен «культурной революции», эта система, как отмечает китайская печать, обладала некоторыми серьезными недостатками и ограничениями⁶. В первую очередь из-за сложной системы разных показателей скотоводам ее трудно понять и применить. В производственном отношении она ограничивает в известной мере самостоятельность скотоводов. Эта система все еще содержит значительные элементы уравниловки в распределении, что ведет к снижению материальной заинтересованности скотоводов.

Поэтому систему начисления трудовых единиц на основе нормирования труда постепенно уже с 1980 г. стала вытеснять система закрепления скота за дворами. Хотя конкретные методы осуществления этой системы были неодинаковы в разных местах, но основное содержание совпадало. Наибольшее распространение получила одна из основных форм этой системы ответственности — так называемый «новый суруг», которая широко практиковалась еще в 50-е гг.

По системе «новый суруг» коллектив (производственная бригада. — Ц. Б.) в зависимости от количества членов или рабочих рук семьи закрепляет определенное количество скота за скотоводческим двором. Двор обязуется сохранить взрослое поголовье, приплод делится в установленной пропорции, животноводческая продукция также или делится между двором и коллективом, или целиком остается в распоряжении двора. Скотоводческий двор в договорной форме обязуется выплатить животноводческий налог и выполнить госпоставки, сделать соответствующие отчисления в фонды бригады. При этой системе отпадает необходимость начислять трудовые дни, а все производственные расходы, связанные с

содержанием скота, несет подрядный двор. Срок подряда обычно устанавливается от трех до пяти лет.

Переход к новым формам организации труда был направлен на рост поголовья скота и доходов животноводов, на решение насущной проблемы «питания и одежды» скотоводов. Китайская печать отмечала, что за год после введения системы «новый суруг» с 1980 г. произошли заметные сдвиги в животноводстве хошуна Барин-правый, который ранее отличался низкой товарностью скота, бедностью скотоводов. За период с июня 1980 по июнь 1981 г. товарностью скота возросла на 14,8 %. В июне 1981 г. поголовье скота этого хошуна составило 897 тыс. голов, общий рост достиг 24,8 %⁷.

Разумеется, кардинальное решение проблемы «питания и одежды» скотоводов зависело от подъема сельскохозяйственного производства в целом и животноводства в частности. Важную роль сыграло изменение общего курса сельскохозяйственной политики: отказ от установки «основа — зерно» и принятия курса «главное звено — животноводство». В качестве примера можно привести Ихэ-чжоуский аймак, один из беднейших, где средние доходы земледельцев и скотоводов едва достигали 50 юаней. В процессе ликвидации последствий курса «основа — зерно» здесь были восстановлены скотоводческие коммуны и бригады. В хошуне Отог из 8 коммун, не имевших условий для земледелия, 6 сделали упор на животноводство, а 2 коммуны — на лесоводство и скотоводство. В хошуне Эзэн-хоро были восстановлены 5 животноводческих коммун, в результате 172 производственные бригады перешли от земледелия к животноводству. Учитывая нехватку поголовья скота, в Ихэ-чжоуском аймаке были приняты меры по закупке скота, особенно маточного поголовья, в других местах и распределению его среди бригад и скотоводов. Так, хошун Отог закупил на стороне 48 тыс. голов маточного поголовья и распределил среди бригад, перешедших от земледелия к животноводству⁸. В хошуне Эзэн-хоро на 350 тыс. юаней, выделенных из хошунных средств, было закуплено 34 тыс. мелкого рогатого скота и овец, которые были распределены между скотоводческими коммунами и нуждающимися скотоводами⁹.

В результате принятых мер произошло ощутимое увеличение доходов скотоводов Ихэ-чжоуского аймака. Так, в хошуне Эзэн-хоро доходы скотоводов от нескольких десятков юаней до 1978 г. увеличились до 200 юаней в 1982 г.¹⁰ В относительно передовых хошунах аймака — в верхнем и нижнем Отоге доходы на человека от 140 юаней в 1979 г. увеличились до 244 юаней к концу 1981 г.¹¹

Несомненно, существенную роль в повышении доходов сельского населения АРВМ сыграли отмена налогов, а также повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. С 1979 г. государство урегулировало и повысило заготовительные цены на часть животноводческих продуктов, что позволило земледельцам и скотоводам значительно увеличить свои годовые доходы. Так, в целом по стране закупочная цена за 100 цзиней (50 кг) говядины была повышена с 66,30 юаней в 1978 г. до 92,42 юаней в 1979 г., а закупочная цена за 100 цзиней баранины увеличилась за тот же период с 76,51 до 102,54 юаней¹². Кроме того, Внутренняя Монголия была освобождена от уплаты животноводческого налога в течение трех лет, считая с 1980 г.; были также освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога сроком на три года бедные производственные бригады. По сообщению китайской печати, эти две меры по отмене налогов дали возможность земледельцам и скотоводам АРВМ повысить свои доходы в сумме примерно на 50 млн. юаней.

В итоге, в 1979—1981 гг. произошло существенное повышение ежегодных

доходов в расчете на одного скотовода и земледельца АРВМ. По официальным данным «Ежегодника китайской экономики», динамика этого роста выглядела следующим образом. По результатам выборочного обследования 460 земледельческих и 80 скотоводческих дворов в 1980 г., средние ежегодные доходы составили у земледельца 186 юаней, а у скотовода 265 юаней¹³. По данным того же «Ежегодника китайской экономики», в 1981 г. средние ежегодные доходы земледельца составили 228 юаней, а скотовода — 326 юаней¹⁴.

Некоторые разъяснения об изменениях в жизни скотоводов и земледельцев содержатся в выступлении тогдашнего первого секретаря парткома АРВМ Чжоу Хоя на XII съезде КПК (1982). Он рассказал, что «работает во Внутренней Монголии уже 4 года. В недавнем прошлом скотоводы не имели чая с молоком, чаоми (поджаренное просо.— Ц. Б.) и мяса было совсем мало. Теперь пить чай с молоком не стало проблемой, побольше стало чаоми и мяса. Земледельцы имеют излишки зерна, 6—7 или 7—8 дворов из 10 имеют излишки. По сравнению с 1978 г. в 1981 г. средние доходы на человека у скотовода увеличились на 137 юаней, у земледельца — на 102 юаня»¹⁵.

За период с 1982 по 1983 г. различные формы системы закрепления скота за дворами получили широкое распространение. Если в конце 1982 г. эту систему осущестляли 71 % скотоводческих бригад автономного района, то в августе 1983 г. уже 92 % скотоводческих бригад перешли на этот подряд¹⁶.

Таким образом, можно утверждать, что к концу 1983 г. в животноводстве АРВМ в основном стал доминировать подворный подряд, то есть индивидуальное ведение производства. Это подтверждается изменениями в структуре доходов скотоводов в 1983 г. по сравнению с 1982 г. Так, если в 1982 г. средние доходы скотовода в год составили 396 юаней, среди них доходы от коллективного хозяйства — 212 юаней, в том числе поступления по единому распределению — 94 юаня, а доходы от семейного хозяйства — 167 юаней, то в 1983 г. средние доходы скотовода составили 531 юань, среди них доходы от коллективного хозяйства — всего 68 юаней, в том числе поступления по единому распределению сократились до минимума — 9 юаней, а доходы от семейного хозяйства увеличились в несколько раз — до 429 юаней¹⁷. Таким образом, по нашим подсчетам получается, что если доля доходов от коллективного и семейного хозяйств в общем доходе скотовода занимала соответственно 53 и 42 % в 1982 г., то в 1983 г. такие доходы составили соответственно 13 и 81 %.

Чем объясняется такое широкое распространение этой системы в животноводстве АРВМ? Прежде всего простотой и доходчивостью форм организации труда и оплаты, возможностью быстрее увеличить производство и доходы, сокращением численности и роли звеньев, опосредствующих производство и распределение. В производственном отношении скотоводы получили сравнительно больше самостоятельности. В отношении распределения введение натуральной оплаты повышает материальную заинтересованность скотоводов.

При наличии вышеперечисленных преимуществ, в ходе двух-трехлетней практики у этой системы закрепления скота за дворами обнаружились весьма серьезные недостатки. Это в первую очередь относится к подходу скотоводов к содержанию коллективного и личного скота. Как известно, одновременно с внедрением различных форм производственной ответственности был взят курс на всемерное развитие личного подсобного хозяйства, на снятие всяких ограничений на виды и поголовье личного скота.

Несмотря на различного рода препятствия и барьеры как объективного, так и субъективного характера, поголовье личного скота за каких-нибудь два-три года значительно увеличилось, и если перед 1976 г. составляло 6 млн. 620 тыс. голов, то к концу 1980 г. эта цифра увеличилась до 10 млн. 980 тыс.,

составив 34 % от общего поголовья скота. Хотя в 1980 г. в среднем на каждый двор автономного района приходилось 3,8 голов личного скота, это было все еще далеко от уровня перед «культурной революцией» когда в 1965 г. в среднем на каждый скотоводческий двор приходилось 16,3 головы скота, а на земледельческий двор — 3,6. В 1980 г. эти показатели снизились соответственно до 7,6 и 3 голов. Даже были хошуны и уезды, где до 20 % дворов не имели личного скота¹⁸.

Однако в дальнейшем в целом по району и в некоторых аймаках поголовье личного скота увеличивалось довольно быстрыми темпами. Так, поголовье личного скота автономного района резко подскочило вверх в 1981 г. и составило 16 166 тыс., или 48,3 % общего поголовья скота, то есть впервые превысило поголовье коллективного скота, насчитывающего 14 815 тыс.¹⁹ В скотоводческих хошунах Ихэ-чжоуского аймака поголовье личного скота с 301 тыс. в 1979 г. увеличилось до 1 511 тыс. в 1981 г. и соответственно удельный вес личного скота в общем поголовье скота аймака возрос с 9,57 % до 44,14 %²⁰.

Такое быстрое увеличение поголовья личного скота обостряло «противоречие» в подходе к коллективному и личному скоту, особенно после внедрения системы закрепления скота за дворами. Оно проявилось в том, что скотоводы обычно лучших, упитанных, хорошего качества животных «переводили» в разряд личного скота, а слабых, истощенных, плохого качества — в разряд коллективного скота, в случае же непронизводительных потерь последние часто относились на коллективный скот. Отрицательное влияние оказывало то, что личный скот не включался в планы государственных закупок, а также в планы улучшения пород, ветеринарной профилактики. Участились случаи, когда дворы, имеющие достаточно большое число личного скота, не хотели брать коллективный скот на подряд.

С другой стороны, система закрепления скота за дворами еще более обострила так называемое противоречие в вопросе о поголовье скота и площади пастбищ. Как известно, из-за массовой распашки степей и бесхозяйственного использования пастбищных ресурсов к концу 70-х гг. сложилось катастрофическое положение в состоянии землепользования АРВМ. По признанию руководителей автономного района, на конец 70-х гг. одна треть пастбищных угодий всего района подверглась деградации разного уровня, в том числе 80 млн. му пастбищ — опустыниванию²¹. Среди 88 хошунов и уездов автономного района 67 хошунов и уездов подверглись наступлению песка²². Наиболее серьезно пострадали от опустынивания, деградации почвы пастбища Ихэ-чжоуского, Чжо-удаского, Чжиримского аймаков. Так, в одном Ихэ-чжоуском аймаке пески засыпали площадь более 45 тыс. км², количество зерна и скота на душу населения сократилось соответственно на 40 и 30 %, средние доходы на одного человека едва достигали 50 юаней в год²³.

Таким образом, цель «совершенствования» системы закрепления коллективного скота за скотоводческими дворами состояла в первую очередь в том, чтобы снять вопрос о различном подходе к содержанию личного и подрядного коллективного скота. Одновременно этим стремились разрешить проблему использования пастбищ, которая обострилась в результате повсеместного внедрения подворного подряда.

«Совершенствование» подворного подряда происходило в основном двумя путями. В тех отдельных хошунах, где еще были сильны позиции коллективного хозяйства, начиная со второй половины 1982 г. стали оценивать скот и передавать на подряд скотоводческим дворам. А в большинстве хошунов, где значительно ослабли позиции коллективного хозяйства, начиная со второй половины 1983 г. стали оценивать уцелевший коллективный скот и продавать скотоводческим дворам или передавать им бесплатно. Данные «Краткого отчета

обследования об осуществлении системы ответственности в животноводстве АРВМ», предпринятого отделом парткома АРВМ в начале 1984 г., показали, что в то время преобладали три формы пользования коллективным скотом в скотоводческих районах Внутренней Монголии²⁴.

Инициатором первой формы пользования коллективным скотом выступила коммуна Ихтал хошуна Хорчин-северный левого крыла Чжиримского аймака. В этой коммуне со второй половины 1982 г. стали внедрять систему «оценивая скот, передавать дворам на пятилетний срок с обязательством денежных выплат». Конкретные методы осуществления этой системы состояли в следующем. Установив «рациональную» цену на коллективный скот, коммуна раздала его скотоводческим дворам на пятилетний срок с тем, чтобы после истечения срока подряда дворы возвратили коммуне коллективный скот в том же количестве. При этом будет вновь оценен весь подрядный скот по старой цене и произведен денежный расчет с каждым двором. В течение пятилетнего срока подряда двор имеет право обменивать, продавать, забивать на мясо взятый на подряд коллективный скот (за исключением маточного поголовья) с тем, чтобы повышать породу, качество скота или обновлять стадо. Скотоводческие дворы обязуются выполнять госзакупки и выплачивать животноводческий налог. Кроме денежных отчислений в общественные фонды двор выплачивает по 2,68 юаня за каждую голову подрядного скота (в расчете на овец). При этом вся сумма денежных выплат составляет не больше 6 % стоимости подрядного скота.

Вся основная форма заключается в том, что после оценки коллектив продает скот скотоводческим дворам, которые будут расплачиваться по частям в положенный срок. Так, из 51 скотоводческой бригады хошуна новый Баргалевый Хулунбуйрского аймака 23 бригады перешли на эту систему. В этом хошуне коллективный скот продан по цене ниже государственной закупочной цены, а скотоводы обязались расплатиться в десятилетний срок. Зажиточные дворы могут расплатиться раньше положенного срока или за один раз. Бедные дворы могут продлить срок платежа. Производственная бригада образует коллективный фонд из денежных сумм, выплачиваемых ежегодно за купленный скот, средства которого будут использоваться на займы скотоводческим дворам под низкий процент.

Третья форма пользования коллективным скотом состоит в том, что скот передается дворам бесплатно с одновременным закреплением пастбищ за дворами. Эта форма получила распространение прежде всего в бедных хошунах и бригадах. Впервые она нашла применение среди скотоводов хошуна Сяньхуань Шилингольского аймака в начале 1984 г.

Внедрение новых форм пользования скотом шло в скотоводческих районах неравномерно. В этой связи представляют интерес данные о соотношении указанных трех форм пользования скотом в одном из крупных скотоводческих аймаков — Шилингольском. На начало 1985 г. в 24 бригадах аймака (4,3 % всех бригад) был введен подряд скота на стоимостной основе, в 382 бригадах (68,8 %) скот был продан в рассрочку, а в 151 бригаде (27,1 % всех бригад) коллективный скот был распределен бесплатно²⁵.

Китайская печать утверждала, что новые формы пользования скотом обладают большими преимуществами по сравнению с прежними и наиболее соответствуют нынешнему уровню развития производительных сил животноводства в АРВМ. Прежде всего, как считали китайские авторы, продажа скота в рассрочку успокоила скотоводов и сняла их боязнь лишиться закрепленного за ними скота. Во-вторых, она устранила «противоречие» в подходе к коллективному и личному скоту. Кроме того, стоимостный расчет снимает всякие ограничения, ранее предъявлявшиеся к видам и количеству скота, позволяет теперь скотоводам по своему усмотрению регулировать структуру стада, улуч-

шать породу, ведет по пути специализации и развития товарного производства.

Изменения, проходившие в производственных отношениях в связи с введением системы производственной ответственности и «совершенствованием» ее форм, неизбежно требовали пересмотра порядка пользования пастбищами. Это стало очевидным в процессе «совершенствования» подворного подряда, когда фактически упразднились хозяйственные функции народных коммун и отчасти производственных бригад, а вместо них стали функционировать новые низовые производственные единицы: подрядные, специализированные, единоличные дворы и их объединения.

В июле 1983 г. были введены в действие «Правила управления пастбищами» в АРВМ, согласно которым право пользования пастбищами и ответственность за их защиту и обустройство предусматривалось закреплять на длительный срок за подрядными, специализированными и единоличными дворами. Начиная со второй половины 1983 г. эта работа развернулась в масштабе всего автономного района. В тех местах, где работа уже была завершена, правительства хошунов выдали всем паспорта на пользование пастбищами. В тех же местах, где были созданы комитеты по управлению пастбищами, в их обязанность входили контроль и проверка выполнения прав и обязанностей государства, коллективов и частных лиц.

В мае 1984 г. в журнале «Хунци» была опубликована статья первого секретаря парткома АРВМ Чжоу Хоя, специально посвященная вопросам пользования пастбищами²⁶. В ней была изложена идея введения подряда на пастбища или, соединяя подряд на скот с подрядом на пастбища, введения так называемого «двойного подряда». Эти идеи нашли практическое воплощение в решениях совещания о работе скотоводческих районов, созванного парткомом АРВМ в июле 1984 г. На совещании указывалось, что из-за специфических особенностей пастбищного скотоводства подворный подряд не смог решить проблему дифференцированного отношения скотоводов к личному и коллективному скоту, и поголовье последнего стало сокращаться. Как подчеркивалось на совещании, самые серьезные проблемы выявились в использовании пастбищ. Вопрос состоял в том, как изменить положение, когда лучшие пастбища из-за бесхозяйственного отношения продолжали деградировать, а уже деградировавшие пастбища оставались без присмотра²⁷.

Выход из создавшегося положения, как считало руководство АРВМ, состоит в повсеместном введении «двойного подряда». Что касается подряда на скот, то совещание подтвердило уже принятые и широко внедряемые «новые» формы пользования скотом, о которых говорилось выше. Основной акцент в решениях совещания был сделан на второй части «двойного подряда» — подряде на пастбища. Совещание решило вводить его широко, то есть разделить коллективные пастбища между индивидуальными дворами с возложением на них прямой ответственности за состояние пастбищ на длительный срок с условием, что дворы обязаны уплачивать ежегодно соответствующий налог за пользование пастбищами.

Неравномерное размещение пастбищ и их различное состояние заставляли руководство автономного района отказаться от однообразных методов и действовать дифференцированно. Так, по состоянию на февраль 1985 г. в Шилингольском аймаке подряд на пастбища был осуществлен на 60 % общей площади аймака. При этом пастбища были закреплены за 5 507 хотонами в групповом порядке и за 14 043 дворами в индивидуальном порядке. В некоторых хошунах аймака только сенокосные участки были закреплены за единоличными дворами и объединениями дворов, а пастбища оставались в едином распоряжении гацаа (поселков)²⁸.

Следует отметить, что если в ходе осуществления «двойного подряда» руко-

водству АРВМ удалось завершить введение «новых» форм пользования скотом за сравнительно короткое время, то внедрение подряда на пастбища затянулось на неопределенное время, особенно в скотоводческих районах. К середине 1985 г. в скотоводческих районах АРВМ в основном была завершена работа по оценке и продаже коллективного скота скотоводческим дворам. В то же время на июнь 1985 г. право основных хозрасчетных единиц на пользование по всему автономному району было оформлено на 760 млн. му, или 74,3 % всех пригодных для использования пастбищ. Однако в скотоводческих районах подряд на пастбища был осуществлен лишь на 390 млн. му, или 38,7 % пастбищ²⁹.

С осуществлением подряда на пастбища китайская пресса связывает наметившийся в последние годы подъем в деле их восстановления и обустройства. По мнению китайских авторов, на практике начало осуществляться то, чего в прошлом не смогли добиться столькими административными мерами³⁰. Учитывая медленные темпы восстановления пастбищ и нехватку государственных средств, руководство автономного района стремилось проводить мероприятия по обустройству небольших пастбищ силами индивидуальных дворов.

По данным «Жэньминь жибао», за два года — с 1985 по 1986 г. — скотоводы АРВМ из собственных средств вложили 60 млн. юаней на обустройство пастбищ, при этом пришлось по 35 юаней на одного скотовода. Эта сумма превысила в 2,8 раза средства, отпущенные государственными и местными органами на обустройство пастбищ за тот же период³¹. По данным китайской статистики, начиная с 1984 г. каждый год в среднем огороженные и искусственные пастбища составляли соответственно по 4 млн. му³².

Повсеместное внедрение «двойного подряда» в 1983—1985 гг. привело к усилению хозяйственной самостоятельности скотоводческих дворов. Следует отметить, что при введении «двойного подряда» происходила своеобразная концентрация скота в руках так называемых умелых скотоводов. В частности, в Хулунбуйрском аймаке рекомендовалось отобрать уцелевший коллективный скот у тех скотоводческих дворов, которые ухаживая за подрядным скотом в течение предыдущих нескольких лет не только не добились какого-либо роста, но довели дело до того, что от подрядного скота почти ничего не осталось. Не получали подрядов дворы с достаточно большим поголовьем личного скота, а также дворы, у которых не хватало рабочей силы и которые, боясь попасть в долги, не желали брать коллективный скот. Высвободившийся таким образом коллективный скот рекомендовалось передавать тем, кто более «умело» ведет хозяйство³³.

Усиление самостоятельности скотоводческих дворов содействовало разрешению скотоводам самим покупать технику и транспортные средства. Наряду с этим животноводческие помещения и сельскохозяйственная техника, ранее находившиеся в коллективной собственности и пользовании бригад, теперь передавались на подряд или продавались скотоводам. По состоянию на март 1984 г., в личной собственности скотоводов четырех животноводческих хошунов Хулунбуйрского аймака находились 100 автомашин, 299 больших и средних тракторов, 1061 четырехколесных и 322 обычных мотоцикла³⁴.

В изменении традиционного натурального, самообеспечивающегося животноводства и повышении его товарности большое значение придается специализированным дворам. По данным на июнь 1985 г., в автономном районе появилось более 72 тыс. специализированных дворов, которые составляли 2,5 % всех сельских дворов Внутренней Монголии. Среди этих 72 тыс. дворов насчитывалось 4474 крупных специализированных двора. Некоторые имели по 10 и более голов молочных коров, свыше 400 голов овец либо до 100 и более голов свиней, свыше 1 тыс. кур³⁵. В среднем товарность специализированных дворов была значительно выше, чем у обычных. Так, в Эвенкийском авто-

номном хошуне насчитывалось 399 специализированных дворов, занимающихся разведением молочных, мясных коров или овец. Эти дворы, составляя 11,3 % всех дворов хошуна, давали 23 % общей стоимости его животноводческой продукции³⁶.

Тем не менее на данном этапе не следует преувеличивать значение специализированных дворов. Они находятся лишь на начальном этапе становления, численность их невелика. Кроме того, развитие специализированных дворов непосредственно связано со значительными трудностями, ломкой традиционного представления скотоводов о том, что лучше иметь хотя бы малочисленное, но полное стадо, состоящее из всех пяти видов скота.

Наряду с этим китайское руководство придает большое значение развитию сельской промышленности, которая не только смогла бы поглощать высвобождающиеся рабочие руки, но и способствовала бы развитию многоотраслевого хозяйства в скотоводческих районах. По данным на 1985 г., более 11 100 сомонов (волостей) и гацаа (поселков) в этих районах создали свои предприятия. В результате более 40 тыс. скотоводов перешли от животноводства к другим занятиям вроде переработки животноводческой продукции, изготовления стройматериалов, перевозки грузов и т. д.³⁷ К концу 1986 г. в скотоводческих районах насчитывалось в общей сложности свыше 26 тыс. волостных и поселковых предприятий, которые давали $\frac{1}{3}$ валового совокупного продукта скотоводческих районов Внутренней Монголии³⁸.

Организационно-хозяйственная перестройка в скотоводческих районах, связанная с внедрением «двойного подряда», сыграла определенную положительную роль в повышении эффективности животноводства, в улучшении жизни скотоводов. Наблюдается переход от погони за увеличением поголовья к повышению продуктивности скота. Если сравнить 1986 г. с наиболее благополучным животноводческим годом — 1982, то хотя поголовье скота сократилось на 3 млн. голов, стоимость животноводческой продукции увеличилась на 300 млн. юаней, норма реализации скота — на 6,5 %, средние доходы скотоводов — на 250 юаней, достигнув в целом 649 юаней³⁹. По данным китайской статистики, за шесть лет, с 1980 по 1986 г., 80 % скотоводов Внутренней Монголии построили новые дома или поставили новые юрты, более 70 % скотоводческих семей купили что-нибудь из транспортных средств или техники — автомашины, тракторы, мотоциклы, сенокосилки, ветряные двигатели и т. д.⁴⁰.

Широко пропагандируемая установка «пусть сначала богатеют некоторые крестьяне, пусть сначала богатеют некоторые районы» и соответствующая политика в скотоводческих районах Внутренней Монголии привели к увеличению разрыва в доходах скотоводческих семей. Так, в хошуне Абага Шилингольского аймака, как сообщила «Нэймэнгу жибао», появилось около 77 скотоводческих семей, имеющих годовой доход более 10 тыс. юаней⁴¹. Характерная особенность этих семей состояла в следующем: семья обычно содержала 300—400 голов овец или мелкого рогатого скота, 50—100 голов крупного рогатого скота, каждый год продавала около 20 голов крупного скота и более 100 голов мелкого скота после их интенсивного откорма. Средние общие доходы семьи от продажи откормленного скота вместе с выручкой от продажи животноводческой продукции составляли 12—20 тыс., а чистые доходы семьи 10—15 тыс. юаней. Как правило, главами таких семей-«десятитысячников» являлись грамотные бывшие низовые кадры или опытные скотоводы. Однако следует учитывать, что «разбогатевшие в первую очередь» семьи занимали незначительное, даже мизерное число в общем количестве сельских дворов.

Как показывают материалы китайской прессы, в скотоводческих районах не только сохранялась еще значительная доля бедных, испытывающих затруднения дворов, но и вновь появилось некоторое их количество. В 1985 г. пре-

доставлялась помощь 70 тыс. бедных дворов, в том числе делался упор на бедные дворы 200 волостей⁴². В 1986 г. было решено выделить для этой цели 130 млн. юаней, что составляло $\frac{1}{3}$ всех выделенных средств за VI пятилетку. По данным китайской статистики, оказана непосредственная помощь 200 тыс. бедных дворов, из них 80 тыс. удалось разрешить проблему «питания и одежды». При этом критерием избавления от бедности служил средний доход на душу населения в 120 юаней у земледельцев, в 150 юаней у скотоводов⁴³.

Для большинства аймаков и хошунов рекомендовалось прежде всего опираться на собственные силы, вести борьбу с бедностью, исходя из местных условий и особенностей. В этом отношении характерен пример Шилингольского аймака. В скотоводческих районах этого аймака начиная с 1981 г. стали практиковать метод так называемого «сменного суруга». Его суть состоит в следующем: соответствующие организации аймака на деньги, выделенные для помощи бедным, закупают маточное поголовье скота и распределяют его между бедными дворами. При этом между ними заключается договор, предусматривающий, что за определенный договором срок весь приплод и животноводческая продукция без всяких условий целиком принадлежат бедному двору. После истечения срока договора двор обязан вернуть «сменный суруг» в том количестве и качестве, в каком он ранее его принял. Таким образом этот скот переходит от одного бедного двора к другому. Поэтому он получил название «сменный суруг».

Хозяйственная реформа в скотоводческих районах, связанная с осуществлением «двойного подряда», еще полностью не завершена. Но анализ рассмотренных нами изменений в этой области позволяет сделать предварительные выводы.

Учитывая крайне запущенное положение скотоводческих районов с компактно расселившимся монгольским населением, руководство АРВМ признало целесообразным проводить более гибкую экономическую политику. На первых порах, наряду с отменой животноводческого налога, повышением закупочных цен на животноводческую продукцию, были возрождены испытанные в 50-е гг. формы организации труда и распределения, применяемые в рамках единого коллективного хозяйства. Одновременно были приняты меры по снятию всяких преград на пути увеличения личного поголовья скота.

В 1981—1982 гг. основной формой производственной ответственности становится закрепление производственных заданий за дворами, а затем к концу 1983 г. повсеместно утверждается полная ответственность двора за производство, называемая подворным подрядом. Несмотря на ряд преимуществ по сравнению с прежними формами, подворный подряд не смог решить проблему дифференцированного отношения скотоводов к личному и коллективному скоту, и поголовье последнего стало резко сокращаться. Одновременно из-за бесхозяйственного отношения еще более обострилась проблема использования пастбищ. Все это послужило непосредственной причиной совершенствования подворного подряда. Но основная причина состояла в том, что начавшийся с конца 70-х гг. процесс «деколлективизации» привел к такой черте, когда потребовалась радикальная ломка существующей формы ведения пастбищного скотоводства.

Эти обстоятельства вынудили китайское руководство пойти на внедрение так называемого «двойного подряда», что означало, с одной стороны, продажу коллективного скота скотоводам в рассрочку, с другой — выделение пастбищных участков этим же скотоводческим дворам на длительный срок. Стержень «двойного подряда» является подряд на пастбища. В условиях, когда скот находится фактически в личной собственности скотоводов, именно осуществле-

ние индивидуальной формы пользования коллективными пастбищами создает те правовые нормы, согласно которым регулируются отношения между скотоводческими дворами и вышестоящими органами.

В целом, в ходе рассматриваемого нами этапа хозяйственной реформы в скотоводческих районах Внутренней Монголии осуществлен переход от административных к экономическим методам организации труда, от уравниловки к оплате по труду, от системы народных коммун к системе семейного подряда. Но обеспечение устойчивого роста животноводческого производства и коренное улучшение жизни скотоводов требуют внедрения интенсивных методов развития, укрепления материально-технической базы животноводства.

-
- ¹ См.: «Жэньминь жибао», 17.VI.1979.
² См. там же, 5.XII.1979.
³ См.: А б э Д з и х э й. Подъем и проблемы осуществления системы «новый суруг» в животноводстве Внутренней Монголии. — «Монгору кэнкю», 1984, № 7, с. 58 (на яп. яз.).
⁴ См.: «Жэньминь жибао», 13.II.1979.
⁵ См.: А б э Д з и х э й. Указ. соч., с. 72.
⁶ См.: Сборник материалов о хозяйственной реформе в АРВМ. Хух-хотэ, 1984, с. 277 (на кит. яз.).
⁷ См.: «Цзинцзи гуаньли», 1981, № 11, с. 15—18.
⁸ См.: «Жэньминь жибао», 23.I.1980.
⁹ См.: Сборник материалов съезда по национальному сплочению АРВМ. Хух-хотэ, 1984, с. 284 (на монг. яз.).
¹⁰ См. там же, с. 284.
¹¹ См.: «Нунъе цзинцзи вэньти», 1983, № 2, с. 52.
¹² См.: Чжунго нунъе няньцзянь — 1981. Пекин, 1982, с. 108.
¹³ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1981. Пекин, 1982, с. IV—244.
¹⁴ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1982. Пекин, 1983, с. VI—33.
¹⁵ «Жэньминь жибао», 7.IX.1982.
¹⁶ См. там же, 9.X.1983.
¹⁷ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1983. Пекин, 1984, с. VI—30.
¹⁸ См.: А б э Д з и х э й. Указ. соч., с. 80.
¹⁹ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь — 1983, с. V—24.
²⁰ См.: «Нунъе цзинцзи вэньти», 1983, № 2, с. 51.
²¹ См.: «Хунци», 1984, № 10, с. 6.
²² См.: «Нэймэнгу шэхуэй кэсюэ», 1983, № 1, с. 43.
²³ См.: «Жэньминь жибао», 20.III.1982.
²⁴ См.: «Данды цзяюй», 1984, № 6, с. 22—31.
²⁵ См.: «Нэймэнгу жибао», 12.II.1985.
²⁶ См.: «Хунци», 1984, № 10, с. 6—9.
²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 16.VII.1984.
²⁸ См.: «Нэймэнгу жибао», 12.II.1985.
²⁹ См.: там же, 26.VI.1985.
³⁰ См.: «Хунци», 1985, № 13, с. 12.
³¹ См.: «Жэньминь жибао», 21.VII.1987.
³² См. там же.
³³ См.: «Нэймэнгу сюймусе», 1984, № 4, с. 2.
³⁴ См. там же.
³⁵ См.: «Жэньминь жибао», 9.XI.1985.
³⁶ См.: «Хунци», 1985, № 13, с. 13.
³⁷ См.: «Жэньминь жибао», 5.VI.1985.
³⁸ См.: «Нэймэнгу жибао», 1.XII.1986.
³⁹ См.: «Жэньминь жибао», 21.VII.1987.
⁴⁰ См. там же, 19.VII.1987.
⁴¹ См.: «Нэймэнгу жибао», 6.IV.1985.
⁴² См.: там же, 26.III.1985.
⁴³ См.: «Жэньминь жибао», 26.VII.1987.

Корейский полуостров: между войной и миром

А. В. ВОРОНЦОВ,
кандидат исторических наук

Хотя на протяжении всего периода после второй мировой войны «корейская проблема» прочно занимала заметное место в иерархии наиболее острых, нерешенных международных вопросов на Дальнем Востоке, внимание к Корейскому полуострову значительно возросло в последние годы. Это объясняется целым рядом как внешнеполитических, так и внутрикорейских факторов.

С одной стороны, обе части Кореи существенно укрепили свои экономические позиции. КНДР успешно осуществляет задачи 3-го семилетнего плана. Заметных результатов добилась и Южная Корея, которая, по существующим на Западе прогнозам, при сохранении до конца века нынешних темпов экономического роста (в 1980—1987 гг. ежегодный прирост ВВП составил 7—8 %, а в 70-е гг. — примерно 10 %) к 2000 г., с населением 50 млн. человек, должна достигнуть уровня ВВП 250 млрд. долл., дохода на душу населения — 5 тыс., экспорта — 230 млрд., импорта — 224 млрд. долл. и в результате может занять 15-е место в мире по объему ВВП и 10-е — по объему торговли¹. Вместе с увлекательной и неожиданной интригой развития внутривнутриполитической ситуации в этой стране, приведшей в 1987 г. к определенной демократизации одного из наиболее долговечных в современной истории диктаторских режимов, это обстоятельство немало способствовало повышению интереса в мире к процессам на Юге и в целом на Корейском полуострове. Интерес был усилен возобновлением в первой половине 80-х гг. диалога между Севером и Югом Кореи и его постепенным, хотя и неровным развитием, несмотря на все имеющиеся трудности.

Возросший экономический потенциал стал источником значительного роста международной активности КНДР и Южной Кореи, в результате которой они были избраны местом проведения крупнейших международных форумов, что в свою очередь вовлекло полуостров в эпицентр внимания мировой общественности. Речь идет о проведении XXIV летних Олимпийских игр в сентябре 1988 г. в Сеуле и XIII Международного фестиваля молодежи и студентов летом 1989 г. в Пхеньяне.

Одновременно эти же факторы с новой силой напомнили о нерешенности «корейской проблемы», об опасной степени конфликтности на полуострове, где между противостоящими друг другу в течение более 40 лет в изнурительной конфронтации сторонами до сих пор не заключен мирный договор и продолжает существовать непрочное перемирие, периодически подвергающееся испытаниям многочисленными инцидентами на демаркационной линии, где плотность концентрации на ограниченной территории находящихся в постоянной боеготовности войск и современных вооружений всех видов и типов, включая ядерное (имеется в виду ядерное оружие США на Юге Кореи), не имеет аналогов в мире.

Складывающаяся ситуация вновь побуждает заняться вопросом о причинах, характере, современном состоянии и перспективах урегулирования конфликтной ситуации на Корейском полуострове. При этом уместно выделить некоторые ее существенные особенности.

Конфликт в Корее развивается в условиях раздела страны на две части с различными общественно-политическими системами, что предопределило сложное сочетание в нем классового и национального содержания. Вместе с тем принадлежность КНДР и Южной Кореи к противоположным системам, наличие договорных отношений с лидерами этих систем стали причиной глубокой вовлеченности в «корейский конфликт» внешних сил*.

При этом необходимо иметь в виду, что, как показывает даже краткий исторический экскурс, вовлеченность «великих держав» в дела Кореи и, наоборот, Кореи в конфликты между первыми имели место и задолго до ее раздела. Важное геополитическое положение Корейского полуострова предопределило повышенное к нему внимание со стороны сильных соседних государств и их стремление установить контроль над полуостровом, в результате чего корейский народ на протяжении почти всей своей многовековой истории был вынужден многократно вести оборонительную и освободительную борьбу.

В средние века и в новое время до появления на Дальнем Востоке европейцев главными соперниками за влияние на Корейском полуострове были Китай и Япония. Правящие круги Японии традиционно рассматривают Корейский полуостров как «кинжал, направленный в сердце Японии», не забывая, что единственная попытка вторжения на Японский архипелаг предпринималась монгольскими завоевателями в 1274 и 1281 гг. именно с территории покоренной ими в тот период Кореи. С другой стороны, в периоды нарастания экспансионизма японских правящих кругов, попыток реализации их захватнических замыслов на Азиатском континенте, как это было, например, во время их агрессивных войн в 1592—1598 гг. и в конце XIX — первой половине XX в., Корея служила «мостом» на материк, необходимым плацдармом для завоеваний в континентальной Азии.

В свою очередь правители Китая всегда усматривали в Корее, как это однажды образно сформулировал видный деятель последнего периода цинской династии Юань Шикай, «веко, предохраняющее глаз», то есть Китай. Не случайно главной причиной, приведшей к японо-китайской войне 1894 г., стало соперничество за контроль над Кореей.

С началом проникновения ведущих капиталистических держав на Дальний Восток они, в том числе и царская Россия, активно включились в борьбу за укрепление своих позиций на полуострове. Эта борьба, как известно, стала одной из основных причин русско-японской войны, которую В. И. Ленин, назвав «преступной и позорной», охарактеризовал как: «Русско-японская война (1904) (из-за Кореи и части Китая)»². Победа Японии в этой войне открыла ей путь для установления колониального господства в Корее в 1910—1945 гг.

После разгрома японского милитаризма и освобождения Кореи частями Советской Армии в августе 1945 г. были созданы благоприятные условия для национального возрождения, образования независимого демократического го-

*Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР (1961 г.), КНР и КНДР (1961 г.); Договор о взаимной обороне между США и Южной Кореей (1953 г.), на основе которого на территории последней на постоянной основе размещены более 40 тыс. американских военнослужащих и военные базы всех родов войск; Договор 1965 г. об «основах отношений» между Японией и Южной Кореей.

сударства. Однако односторонние шаги руководства США привели к срыву решений московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г., предусматривающих восстановление Кореи как суверенного государства, развивающегося на демократических началах.

Практические действия американского империализма в первые послевоенные годы, направленные на срыв демократических преобразований и удушение прогрессивных сил в южной части Кореи, на раздел страны, посеяли семена той острой конфликтной ситуации на полуострове, которая существует и в настоящее время. В результате создания сепаратного марионеточного южнокорейского государства в августе 1948 г. 38-я параллель превратилась из временной разграничительной линии военных действий американских и советских войск против милитаристской Японии в Корею в границу, разделяющую до сих пор страну на две части. Незавершенность демократического процесса в южной части Кореи является источником постоянно усиливающейся политической нестабильности на Корейском полуострове и в регионе. Кровавопролитная, разрушительная война 1950—1953 гг. драматически углубила раскол страны, породила чувства ожесточенности и недоверия в обеих частях Кореи. (Общие потери обеих сторон составили 2,4 млн. человек в боевых действиях плюс 2 млн. жертв среди мирного населения³).

Необходимо отметить, что уже в тот период правящие круги США рассматривали обострившийся до состояния гражданской войны внутрикорейский конфликт не как локальное явление, а как важный элемент в рамках своей глобальной стратегии. Американские исследователи Д. Мендел и Чжо Юн Хван утверждают, например, что «корейская война» революционизировала американскую внешнюю политику... выдвинула на два десятилетия программу сдерживания, подтолкнула перевооружение НАТО, активизировала процесс создания блоков и даже спасла Тайвань...»⁴.

Известно, что Белый дом воспринимал поражения армии лисынмановского режима летом 1950 г. не как изолированное событие, а в широком контексте побед мирового революционного процесса в первые послевоенные годы в различных районах мира, особенно в Восточной Европе и Северо-Восточной Азии. Не секрет, например, что «потеря Китая», то есть разгром чанкайшистов и возникновение в 1949 г. КНР, посеяли панику в правящей элите США. В этих условиях американский империализм решил превратить Корейский полуостров в полигон для реализации своих реакционных концепций «сдерживания» и «отбрасывания коммунизма», в поле боя, на котором прозвучали первые горячие залпы «холодной войны».

Отражением глубокой вовлеченности корейских событий в глобальную политику Белого дома стало не только массированное вмешательство вооруженных сил США во внутрикорейский конфликт, вынудившее даже западных историков прийти к выводу: «Корейская война, по существу, была американской войной»⁵, — но и отчетливое стремление американской администрации к широкой интернационализации и эскалации конфликта уже на его ранних стадиях.

Проведя 7 июля 1950 г. в Совете Безопасности резолюцию о создании так называемого объединенного командования вооруженными силами ООН под руководством Соединенных Штатов, Вашингтон привлек к участию в интервенции в Корею 15 своих верных союзников.

Влиятельные силы в правящих политических и военных кругах США

откровенно стремились к расширению конфликта за пределы полуострова. Главнокомандующий «войсками ООН» в Корее генерал Макартур после того, как части китайских добровольцев пришли на помощь КНДР в отражении агрессии США, армия которых осенью 1950 г. вплотную приблизилась к границе КНР, настойчиво выдвигал программу переноса боевых действий на территорию КНР, в частности блокады китайского побережья, бомбардировки военно-промышленных объектов в Маньчжурии, использования войск Чан Кайши на юге Китая и на фронте в Корее.

Однако понимание более трезвомыслящими руководителями Белого дома того, что США не были в то время готовы к «большой войне», побудило их отказаться от подобных авантюрных планов. Как отмечает американский исследователь Р. Осгуд: «Главным соображением, заставившим правительство ограничить размах войны в Корее, была боязнь вызвать вмешательство России и развязать третью мировую войну»⁶. Столкнувшись с неспособностью достичь поставленные цели в войне обычными средствами, Белый дом в практической плоскости рассматривал вопрос о применении ядерного оружия. Возглавлявший в те годы стратегическое авиационное командование генерал Пауэр назвал позже два конкретных случая подготовки к нанесению ядерных ударов: во время обороны Пусанского плацдарма летом 1950 г. и в период ноябрьско-декабрьского (1950 г.) поражения американских войск в северной части Кореи после вступления в войну частей китайских добровольцев. «Я знал, — вспоминает генерал, — как близки мы были к применению атомных бомб, чтобы спасти наши войска, ибо в обоих случаях мне было приказано подготовить части Стратегического авиационного командования к подобного рода действиям»⁷.

Таким образом, уже в годы «корейской войны», первого крупного военного конфликта после второй мировой войны с участием США, проявились характерные элементы современной конфликтной стратегии империализма, которые в Корее впервые отработывались на практике. Морская блокада Корейского полуострова стала первой крупной блокадой, осуществленной американскими ВМС. Правящие круги США продемонстрировали стремление к использованию локального конфликта в своих региональных и глобальных целях, намерение не только «управлять» конфликтом, но и готовность к его как «горизонтальной» эскалации посредством резкого расширения географических рамок военных действий, так и «вертикальной» — вплоть до применения ядерного оружия, использования ядерного шантажа как средства «управления» конфликтом и т. д.

Стремительное обострение и интернационализация «корейской войны» в результате эскалации агрессивных действий американского империализма вплотную подвели мир к порогу третьей мировой, ядерной войны, вскрыли глубокую вовлеченность «корейской проблемы» в международную политику и стратегические интересы «великих держав», показали тесную взаимосвязь и взаимозависимость противоречий на Корейском полуострове с региональной и международной безопасностью.

Подписание 27 июля 1953 г. в Пханмунджоме Соглашения о перемирии означало завершение наиболее острой, кризисной стадии в развитии конфликтной ситуации в Корее, однако перемирие до сих пор не переросло в мирные соглашения, и напряженное состояние между миром и войной продолжает сохраняться на Корейском полуострове. (Любопытно, что Южная Корея не является участником этого соглашения, поскольку президент Ли Сын Ман отказался его подписывать в 1953 г., настаивая на продолжении войны «до победного конца»).

Попытка достижения политического урегулирования конфликта дипломати-

ческими средствами, создания условий для мирного объединения Кореи на демократической основе, предпринятая делегациями СССР, КНДР и КНР на Женевской конференции, проходившей с 26 апреля по 15 июня 1954 г., закончилась безрезультатно из-за обструкционистской позиции США и их союзников.

Внешнеполитическая практика США в послевоенный период продемонстрировала их стремление в максимальной степени укрепить свои позиции в Корее и на Дальнем Востоке. Как отмечает консервативный американский политолог Д. Загория, «существуют долговременные американские интересы на Корейском полуострове», несмотря на изменение тактического подхода к Корее различных администраций США⁸.

В условиях продолжающегося присутствия войск США в Южной Корее и их постоянной модернизации, нарастающих милитаристских приготовлений сеульского режима, который обладает крупнейшей среди несоциалистических стран региона армией численностью в 600 тыс. человек⁹, правительство КНДР вынуждено принимать необходимые меры для повышения обороноспособности республики, что подстегивает гонку вооружений на полуострове, повышает напряженность конфликтной ситуации. Достаточно сказать, что в настоящее время вдоль 38-й параллели противостоят друг другу шестая и седьмая крупнейшие по численности армии мира¹⁰.

Чисто военные параметры соотношения сил на полуострове, будучи чрезвычайно важными, естественно, являются лишь одним из многих элементов, составляющих сложное уравнение. Соотношение этих элементов, их взаимодействие, степень их воздействия на развитие конфликтной ситуации различны, постоянно изменяются, но требуют их комплексного учета при анализе самой ситуации на каждом этапе ее развития. Попытаемся выделить некоторые наиболее существенные из этих факторов.

Очевидна взаимозависимость состояния ситуации на полуострове с внутренним развитием обеих частей Кореи. В этой связи большой интерес представляет не только рост их экономического, промышленного потенциала, что само по себе чрезвычайно важно и непосредственно связано с их военными возможностями и т. д. Не менее важное влияние на развитие ситуации на полуострове оказывает и существующая в них внутривнутриполитическая обстановка. Остановимся лишь на некоторых примерах.

Известно, что диктаторские режимы в Южной Корее всегда обосновывали необходимость «ограничения» демократии, репрессивных методов правления в стране наличием некоей «угрозы с севера», необходимостью в условиях напряженной обстановки на полуострове жесткого контроля над обществом. Однако диктаторская форма правления, подавление оппозиции стали источником перманентной политической нестабильности, периодических кризисов сеульских режимов.

Вместе с тем единодушно признается, что преданность идеалам социализма, монолитная сплоченность населения КНДР вокруг ТПК и руководства республики, высокая степень организованности и дисциплинированности всего общества являются безусловным активом КНДР при учете соотношения сил; фактором, способствующим поддержанию самого баланса сил и, следовательно, стабилизирующим в целом положение на полуострове.

Не менее очевидна взаимосвязанность внутрикореической ситуации с развитием глобальной и региональной международной обстановки. Так, во второй половине 60-х гг., в период продолжения «холодной войны», эскалации агрессии американского империализма в Индокитае, серьезно обострилась ситуация в Корее.

Кульминацией обострения напряженности в этот период стал инцидент с американским шпионским кораблем «Пуэбло», задержанным в территориальных водах КНДР в январе 1968 г., который Вашингтон использовал для нагнетания военного психоза и военно-силового шантажа против КНДР, закончившихся, однако, полным фиаско.

С другой стороны, в первой половине 70-х гг. успехи политики разрядки международной напряженности создали благоприятные условия и для снижения напряженности в Корее, сделали возможным первую серьезную попытку политического диалога между Севером и Югом в 1972—1974 гг. (В данном контексте как важный фактор разрядки на Дальнем Востоке, оказавший непосредственное влияние на начало диалога, необходимо выделить нормализацию и развитие отношений между США и КНР после визита Р. Никсона в Китай в 1972 г.)

Последующие изменения международной и региональной обстановки также имели определенное влияние на состояние ситуации в Корее. Поражение американского империализма в Индокитае повысило значение Южной Кореи в стратегических планах Вашингтона. На следующий день после падения Сайгона министр обороны США Дж. Шлесинджер заявил, что теперь «фронтальной зоной обороны является Западная Европа и Южная Корея»¹¹.

С приходом к власти в США нынешнего консервативного руководства во главе с Р. Рейганом, реализующего на практике курс противоборства с миром социализма, статус сеульского союзника в иерархии приоритетов официального Вашингтона поднялся еще выше. После визита Чон Ду Хвана в США в феврале 1981 г., который, кстати, стал первым высоким иностранным гостем, принятым Р. Рейганом после избрания президентом, в Белом доме заявили: «С американской точки зрения, стратегическая важность Южной Кореи повысилась со времени прихода к власти администрации Рейгана»¹².

Р. Рейган не только полностью отказался от планов предыдущей администрации вывести часть сухопутных войск США из Южной Кореи, но и приступил к наращиванию американского военного присутствия в ней, дополнительно разместив эскадрилью штурмовиков А-10 и увеличив численность американских военнослужащих на тысячу человек¹³.

Более опасным, чем количественный рост войск США, видимо, является то, что в Пентагоне разрабатываются планы наращивания ядерного оружия США в Южной Корее и развертываются современные средства его доставки. Появились сведения о планах размещения здесь нейтронного оружия, о котором бывший министр обороны США К. Уайнбергер говорил: «Оно будет нужно на поле боя. А им могла бы стать, например, Корея»¹⁴.

В Южной Корее дислоцированы современные самолеты F-16, способные нести ядерное оружие и достигать территории не только КНДР, но СССР и КНР. Таким образом, в военную ситуацию на Корейском полуострове и на Дальнем Востоке в целом были введены новые ракетно-ядерные параметры. Выступая во Владивостоке 28 июля 1986 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул: «...Хотя два из трех государств региона, располагающих ядерным оружием, — КНР и СССР, — дали обязательство не применять его первыми, Соединенные Штаты разместили носители ядерного оружия и ядерные боеголовки в одной из кризисных зон — на Корейском полуострове...»¹⁵.

В результате Южная Корея еще глубже оказалась интегрирована в глобальную стратегию Пентагона, что, безусловно, привнесло дополнительную напряженность в конфликтную ситуацию в Корее.

Рассматривая внешние факторы, воздействующие на положение в Корее, нельзя не сказать, что в последние два десятилетия значительно возросла роль Японии. После нормализации при активном посредничестве США японо-южнокорейских отношений в 1965 г. быстро проявилось распределение ролей двух «старших» партнеров Сеула в рамках общей империалистической стратегии, при котором Вашингтон взял на себя функции в основном по военно-политической, а Токио — экономической стабилизации южнокорейского режима.

В последние годы появились признаки того, что тесное сотрудничество между Токио и Сеулом под нажимом Вашингтона постепенно распространяется и на военную область, хотя официальные японские представители это всячески отрицают. Тем не менее именно в таком ключе объективные наблюдатели оценивают и развивающиеся контакты между военными ведомствами двух стран, и разрабатываемые планы блокады Цусимского (Корейского) пролива в случае конфликта великих держав, осуществимые лишь совместными действиями вооруженных сил Токио и Сеула, и экономическую помощь Японии Южной Корее, которая все более отчетливо приобретает характер стратегической, и т. д.

В результате, по мнению ряда исследователей, на современном этапе проявляется тенденция к развитию неформальной структуры трехстороннего сотрудничества между США, Японией и Южной Кореей, потенциально способной превратиться в военизированный треугольник Вашингтон — Токио — Сеул, как отметил во владивостокском выступлении М. С. Горбачев. Появление такого «треугольника», острием своим направленного против социалистических стран региона, могло бы существенно изменить баланс сил и еще более осложнить ситуацию на Корейском полуострове и на Дальнем Востоке.

Одновременно с этим, характеризуя международную обстановку вокруг Корейского полуострова, следует отметить, что большинство специалистов сходится в мнении, что в настоящее время ни одно из государств, в той или иной степени вовлеченных в «корейскую проблему» (а среди таковых прежде всего называют СССР, КНР, США и Японию), не заинтересовано в дестабилизации военно-политической ситуации на полуострове, а тем более в возникновении нового военного конфликта, чреватого непредсказуемыми последствиями и способного нанести серьезный ущерб их интересам.

Считается, что это обстоятельство — стремление «внешних сил» к сохранению мира и определенного уровня стабильности, принципиально отличает современную ситуацию от периода «холодной войны» и является фактором, препятствующим обострению напряженности в Корее до критической точки.

Характерно, что даже в США, которые рассматривают Южную Корею как важный стратегический плацдарм и в период республиканской администрации укрепили в количественном и качественном отношении свои вооруженные силы в этой стране, в последние годы раздаются голоса, ратующие за осуществление определенных мер, направленных на ослабление военно-политической напряженности в районе 38-й параллели. Предлагаются, в частности, планы полной демилитаризации четырехкилометровой полосы, разделяющей вооруженные силы двух сторон с обеспечением международного контроля за режимом демилитаризованной зоны, обсуждаются варианты соглашений о предварительном уведомлении о военных маневрах, обмене военными наблюдателями на таких маневрах и ограничении масштабов военных учений, прежде всего «Тим спирит»; ставится

под вопрос целесообразность присутствия американского тактического ядерного оружия на юге Корейского полуострова и т. д.¹⁶

При всей важности рассмотренных выше факторов, влияющих на положение в Корее, ключевым в плане решения «корейской проблемы», конечно, остается воля самого корейского народа, позиция и политика КНДР и Южной Кореи.

При этом следует отметить, что в последнее десятилетие происходит повышение роли внутрикореяского фактора в совокупности элементов, определяющих «корейский узел противоречий». Этот тезис подтверждается весьма интересным новым моментом в развитии межкорейского диалога на современном этапе. Он был возобновлен и получил определенное развитие в первой половине 80-х гг. в условиях общего обострения международной напряженности, при котором следуя привычной логике, следовало бы ожидать если не роста напряженности на Корейском полуострове, то застоя в развитии отношений между двумя частями Кореи.

Как уже отмечалось, и КНДР, и Южная Корея заместо активизировали свою внешнюю политику как на международной, региональной арене, так и на Корейском полуострове.

Прежде всего это относится к КНДР, которая, опираясь на поддержку СССР и других социалистических стран, выработала конструктивную программу разрешения внутрикореяского противоречия. Необходимо отметить, что внешнеполитическая деятельность ТПК в последние годы характеризуется не только повышенной активностью, но и значительно возросшей гибкостью, реализмом, учетом новых идей в современной международной политике.

Как известно, правительство и народ КНДР отвергают предложения США и Южной Кореи по урегулированию конфликта. Корейские товарищи оценивают выдвигаемые ими проекты «перекрестного признания» и «одновременного вступления двух Кореи в ООН» как попытки увековечивания раскола страны.

Разработанный ТПК план самостоятельного мирного объединения страны имеет конечной целью создание неприсоединившейся, нейтральной конфедеративной республики Корё, в которой на первом этапе две части страны развивались бы по формуле «одно государство — две системы».

На наш взгляд, серьезным шагом на пути к достижению этой цели стало предложение правительства КНДР в 1984 г. о проведении трехсторонних переговоров между КНДР, США и Южной Кореей, в определенной степени учитывающее инициативу противоположной стороны от 1979 г. о проведении подобных трехсторонних переговоров.

Широкий резонанс в мире вызвало предложение КНДР о создании безъядерной зоны на Корейском полуострове, а также о поэтапном сокращении армий Севера и Юга в 1988—1991 гг. до 100 тыс. человек с параллельным выводом американских войск из Южной Кореи и осуществленное КНДР в рамках этой инициативы одностороннее сокращение своих вооруженных сил на 100 тыс. человек в 1987 г. Имея в виду комплекс последних внешнеполитических инициатив ТПК, М. С. Горбачев в речи во Владивостоке подчеркнул: «Есть возможность не только снять опасную напряженность на Корейском полуострове, но и начать движение по пути решения национальной проблемы всего корейского народа. Если исходить из действительно корейских интересов, нет разумных причин уходить от серьезного диалога, который предлагает КНДР»¹⁷.

Возможность для серьезного диалога, конечно, существует, но было бы,

наверное, опрометчиво ожидать, что в ближайшем будущем он сможет привести к радикальному прогрессу в деле урегулирования конфликта на полуострове. Слишком серьезные препятствия лежат на его пути, коренящиеся и в прошлом, и в настоящем проблемы.

Но так же неверно было бы описывать перспективы решения «корейского вопроса» только в мрачных тонах. События первой половины 80-х гг. показали, что и при наличии тех неблагоприятных факторов, о которых говорилось выше, возможен пусть и органичный, но реальный прогресс в развитии контактов Север — Юг, возможно достижение договоренностей по второстепенным вопросам при условии действительной готовности руководства КНДР и Южной Кореи к диалогу. Имеется в виду факт оказания экономической помощи со стороны КНДР осенью 1984 г. населению Южной Кореи, пострадавшему во время тайфуна, которая была принята Сеулом, и беспрецедентный случай обмена делегациями из 200 человек, в составе которых находились члены разделенных семей, журналисты, артисты и др., в августе 1985 г., ряд встреч правительственных делегаций в 1984—1985 гг., обсуждавших вопросы развития экономических связей, перспективы заключения договора о ненападении, проект будущей Конституции Кореи в случае объединения страны и т. д.

Новые предложения правительства КНДР в этом направлении, содержащиеся в новогоднем выступлении Ким Ир Сена 1 января 1988 г.: призыв сделать 1988 г. годом примирения, а не конфронтации на полуострове; отказаться в этот период от проведения военных маневров, в том числе и «Тим спирит-88»; созвать международную конференцию по проблемам разоружения в Корее с участием КНДР, США, Южной Кореи, нейтральных стран, входящих в комиссию по наблюдению за осуществлением перемирия (ПНР, ЧССР, Швеции и Швейцарии), а также широкое совещание с участием правительств и общественности Севера и Юга для обсуждения проблемы объединения; отказ от взаимных публичных нападок и обвинений и т. д. — подтверждают готовность руководства и всего народа КНДР следовать этим курсом.

Вместе с тем необходимо отметить, что имевшие в 1987 г. место изменения внутривнутриполитической обстановки на Юге Кореи привнесли новые моменты и в общую ситуацию на полуострове. Столкнувшись с беспрецедентным по размаху и организованности движением оппозиции за демократизацию, достигшим кульминации летом, и мощным забастовочным движением, прерывающий режим под давлением США пошел на уступки и принял ряд требований оппозиции, главным из которых было проведение прямых президентских выборов. И хотя на состоявшихся 16 декабря 1987 г. первых в истории страны прямых выборах из-за раскола оппозиции победил преемник Чон Ду Хвана, тоже бывший генерал Ро Дэ У, 12 млн. голосов — больше половины избирателей — было подано за кандидатов оппозиции, то есть за продолжение процесса демократизации внутри страны и развитие диалога с Севером. И новый президент не может не считаться с такой расстановкой сил внутри страны и волей большинства населения.

С целью укрепления собственных как внутренних, так и международных позиций Ро Дэ У выступил с рядом широко разрекламированных дипломатических шагов сеульского режима осенью 1987 г. В их числе заявление о том, что в деле продвижения идеи «перекрестного признания» Южная Корея готова на то, чтобы США и Япония признали бы КНДР раньше, чем СССР и КНР — правительство в Сеуле. Южнокорейский МИД разрешил дипломатам контактировать с коллегами из КНДР на международных форумах. Ро Дэ У,

еще будучи претендентом на пост президента, объявил о том, что в случае победы на выборах он предложит руководителю КНДР Ким Ир Сёну обменяться визитами и выступить по телевидению противоположной стороны. Очевидно, что эти шаги Сеула во многом рассчитаны на внешний пропагандистский эффект с целью создать у мировой общественности образ более открытой и демократичной страны при новом руководстве, но они указывают также и на то, что официальный Сеул вынужден предпринимать новые усилия, чтобы адаптироваться к изменяющимся внутри- и внешнеполитическим условиям.

Стремление большинства корейского народа в обеих частях страны к воссоединению является тем мощным и долговременным фактором, который в обозримом будущем, как и в прошлом, будет стимулировать поиски новых путей к достижению результатов по линии диалога Север — Юг.

¹ In: Facts about Korea. Seoul, 1985. p. 144, 147.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 135; т. 28, с. 492.

³ Clay Blair. The Forgotten War. America in Korea 1950—1953. USA, 1987. p. 975.

⁴ U. S. Foreign Policy in Asia: An Appraisal. Oxford, 1978. p. 4, 375.

⁵ A. De Conde. A History of American Foreign Policy. N. Y., 1963. p. 706.

⁶ Р. Э. Осгуд. Ограниченная война. М., 1960, с. 219.

⁷ T. S. Power. Design for Survival. N. Y., 1965, p. 232.

⁸ In: "Korea Newsreview". Seoul, 2.I.1982, p. 11.

⁹ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 1, с. 11—12.

¹⁰ Two Koreas — One Future? USA, 1987, p. 2.

¹¹ «New York Times», 2.V.1975.

¹² Ibid., 3.II.1981.

¹³ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 1, с. 20.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Правда», 29.VII.1986.

¹⁶ Ralph N. Clough. Balancing Act. The Republic of Korea Approaches 1988. Wash., 1987, p. 22; William H. Cleysteen Jr., Alan D. Romberg. Korea: Asian Paradox. — "Foreign Affairs", Summer 1987, p. 1051.

¹⁷ «Правда», 29.VII.1986.

К вопросу о борьбе за рынок компьютеров в АТР

М. В. СЕНИНА,
А. А. СОЛОВЬЕВА

Возрастающая роль ЭВМ в современной экономике определяет огромный интерес к ним в деловом мире капиталистических стран. Оказание услуг, связанных с использованием компьютеров, стало одной из важных форм международного бизнеса, доминирующие позиции в котором занимают американские компании. Вместе с тем в настоящее время происходит стремительное развитие мощностей техникоемких отраслей экономики в Японии, а также в новых индустриальных странах (НИС) азиатско-тихоокеанского региона. Это создает базу для увеличения объема экономических отношений между США и указанными странами и территориями. Именно поэтому одним из самых перспективных рынков для электронной промышленности США стал АТР, прежде всего Япония и НИС (Сингапур, Южная Корея, Тайвань и др.). Одновременно они представляют собой и быстро растущих конкурентов Соединенных Штатов.

Деловая активность как в сфере производства компьютеров, так и в создании их программного обеспечения непосредственно связана с общим состоянием экономики той или иной страны или группы стран. По оценкам американских экономистов, кризис 1985 г. был самым тяжелым за всю историю существования электронной промышленности. Замедление темпов развития в 1985 г. сказалось на рынке ЭВМ, особенно персональных (ПЭВМ). Было отмечено сокращение производства электронных компонентов в США. Несмотря на сохранение Соединенными Штатами доминирующих позиций в этой сфере, падение производства продолжалось и в 1986 г. Доля США в общем объеме производства электронных компонентов сократилась с 51,6 % в 1985 г. до 44,8 % в 1986 г.

Вторым по величине продуцентом электронных компонентов является Япония. Ее доля в выпуске этих изделий в 1985 г. составила 35,4 %, а в 1986 г. — 42 %. При этом удельный вес Японии в продаже полупроводников возрос в 1986 г. до 50 %¹. В целом за последнее десятилетие (1977—1987 гг.) на мировом рынке полупроводников зафиксировано снижение доли США с 60 до 40 % и увеличение доли Японии с 25 до 45 %, что свидетельствует об огромных возможностях и конкурентоспособности последней².

Общий экономический спад привел к замедлению темпов развития, а в отдельных случаях — к сокращению капиталовложений в рассматриваемую отрасль. В США инвестиции предприятий полупроводниковой промышленности сократились в 1985 г. на 20 % (в 1984 г. наблюдался рост на 85 %). В Японии общий объем инвестиций 16 основных фирм — продуцентов интегральных схем увеличился всего на 11 % (в 1984 г. возрос на 90 %), а объем инвестиций 14 основных компаний, выпускающих полупроводниковые приборы, сократился на 8 % (в 1984 г. возрос на 136 %)³. Кризис отразился и на начавшей набирать силу компьютерной промышленности новых индустриальных стран.

Вместе с тем важно отметить, что рынок Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии сохранил повышательную тенденцию для компьютерного бизнеса, несмотря на падение спроса в США. Многие азиатско-тихоокеанские филиалы американских крупных компаний увеличили объем продажи своей продукции в странах этого региона. Так, «Ванг лэбраториз», заявившая в 1985 г. о первом за свою 12-летнюю историю сокращении производства в США, смогла реализовать в Азии в том же году продукции на 35 % больше, чем в предыдущем.

Даже те американские компании, которые не испытывали на себе удара экономического спада, полагались в основном на вывоз продукции, причем в первую очередь в страны Азии. Исполнительный директор «Прайм компьютер» (производитель мини-компьютеров) Д. Кендел заявил по этому поводу: «Рост реализации компьютеров на рынках азиатского региона, особенно в Гонконге, Сингапуре и Японии, можно рассматривать как важный фактор в нашем развитии»⁴. В свою очередь представитель компании «Эппл компьютер» на Дальнем Востоке Л. Дэвид отметил, что «дальневосточный рынок компьютеров в настоящее время не сравним с американским, но представляет огромные возможности в будущем»⁵. В целом с такими оценками азиатско-тихоокеанского рынка компьютеров можно согласиться.

Так, Япония в развитии новейших модификаций наукоемких отраслей пока отстает от США. Однако положение постепенно меняется.

В сентябре 1985 г. компания «Джи-эс-и интернэшнл» заявила о намерении осуществить экспортные поставки в США первых японских пакетов коммерческого программного обеспечения для персональных компьютеров, а затем поставки их европейской разновидности.

Характерной особенностью японского рынка программного обеспечения является усилившееся проникновение иностранных компаний, среди которых следует особо отметить американскую «Майкро про». Она разработала программное обеспечение, позволяющее вести параллельную обработку текста на английском и японском языках.

В последние годы Япония добилась больших успехов в области прикладного программного обеспечения и уже превратилась в силу, способную конкурировать с США и в этой сфере. В 1987 г. японская компания «Оки электрик индастри» представила систему, автоматически осуществляющую перевод текста с японского языка на английский, которую она продемонстрировала на международной выставке «Телеком-87». Система действует на базе искусственного интеллекта, созданного этой же компанией. Под руководством МВТП осуществляется также 10-летняя программа создания компьютера пятого поколения, которая ставит своей целью создание нового компьютера с рудиментарными зачатками «мышления»⁶.

После длительного пренебрежения японскими научными исследованиями в области ЭВМ руководители американского бизнеса с начала 80-х гг. стали проявлять к ним все больший интерес. Учитывая стремление Японии к технологическому превосходству, они пытаются быть в курсе ее последних достижений. Подкомиссия конгресса США опубликовала доклад, в котором подчеркивается беспокойство американских деловых кругов по поводу быстрого развития японской технологии. С 1985 г. в Массачусетском технологическом институте впервые началось преподавание японского языка. Министерство торговли США предложило создать совместно с представителями промышленности смешанную фирму по разработке программ ЭВМ, занимающихся переводом с японского на английский. При помощи нескольких американских компаний и получив субсидию министерства торговли, американская Ассоциация электронной промышленности открыла в Токио отделение, в задачи которого входит изучение японской технологии⁷. С 1987 г. наблюдается уже сво-

его рода бум изучения японского языка в американских университетах, которые предлагают не только курс языка, но и курсы, посвященные японскому обществу, управлению коммерческими предприятиями и экономике. В США к концу 1987 г. насчитывалось 19 обществ дружбы «США — Япония»⁸.

При сохранении общего отставания от США в Японии наметились значительные достижения. Развитие электронной промышленности стимулируется главным образом высокими темпами обновления продукции (обусловленными острой конкуренцией). За последние годы четко видна динамика роста преобладания промышленной электроники в общем объеме продукции электронной промышленности.

Таблица № 1
Производство продукции электронной промышленности, %

Год	Бытовая электроника	Промышленная электроника	Компоненты
1984	28	36	36
1985	27	39	34
1986	25	42	33
1987	23	45	32

Источник: Japan electronic almanac. То-
кью, 1987, р. 15.

Повышения конкурентоспособности своей продукции японской электронной промышленности удалось достигнуть в основном благодаря сочетанию высокого уровня технологии производства с высоким уровнем управления качеством продукции. Основная часть капиталовложений направлена на перестройку производства, в частности на расширение выпуска запоминающих устройств (ЗУ) емкостью 256 кбит, а также на подготовку к серийному производству ЗУ емкостью 1 мбит («Тосиба»). Освоение массового выпуска новых моделей японскими продуцентами существенно усиливает их позиции на капиталистическом рынке электронных компонентов. Для японской электронной промышленности характерна высокая производительность труда. Так, сумма продаж в расчете на одного занятого колебалась в 1984—1985 гг. от 154 тыс. долл. до 247 тыс. долл., а у 200 американских электронных компаний этот показатель составил в среднем 103,2 тыс. долл. Высоки также и темпы роста продаж: среднегодовые показатели достигли за период 1981—1985 гг. 15 %, в то время как в США этот показатель равен 12 %⁹.

Для совершенствования технических отраслей у Японии существует довольно мощный стимул — ее подхлестывают новые индустриальные страны в Азии, экономические потенции которых достаточно велики. Они не только производят компьютеры различных модификаций, но и переходят уже к созданию систем программного обеспечения.

Электронная промышленность в НИС уже длительное время является одной из приоритетных и быстроразвивающихся отраслей экономики. Эти страны обеспечивают около 5 % мирового капиталистического производства электронного оборудования. В 1986 г. в Южной Корее производство продукции этой отрасли оценивалось в 10,6 млрд. долл., на Тайване — 3 млрд. долл. (в сравнении с 10 млн. долл. в 1980 г.)¹⁰.

Отличительной чертой развития электронной промышленности НИС является ее практически полная ориентация на экспорт; только в последние несколь-

ко лет спрос на продукцию этой отрасли на внутреннем рынке несколько увеличился. В Южной Корее доля электронного оборудования в экспорте страны за период с 1970 по 1986 г. поднялась с 6,6 до 21,9 %; в Сингапуре электроника составила в 1987 г. 40 % экспорта, увеличившись за год на 50 %; на Тайване ее доля в экспорте составляет 16 %¹¹. В стоимостном выражении в 1987 г. экспорт электронного оборудования из Южной Кореи составил 11,2 млрд. долл. Уже сейчас Южная Корея вышла на шестое место в мире по экспорту продукции электронной промышленности. По предварительным прогнозам, этот показатель увеличится в 1988 г. до 13 млрд. долл., в 1991 г. составит 20 млрд. долл., а к 2000 г. — 72 млрд. долл.¹²

Вместе с тем, развитие электронной промышленности этих стран и территорий сталкивается в настоящее время с рядом трудностей. Главные из них заключаются в высокой степени зависимости от американского рынка и рынков других империалистических держав, а также в усложнении самого процесса производства электронной продукции: в последнее десятилетие произошло переключение спроса с относительно простых видов электронной аппаратуры, в особенности бытового назначения — черно-белых телевизоров, радиоприемников, кассетных магнитофонов, на более совершенные — цветные телевизоры, видеоманитофоны, микроволновые печи, ЭВМ. В связи с этим промышленность НИС оказалась в серьезной зависимости от импорта многих компонентов и сложного технического оборудования, стоимость которых возрастает с каждым годом. В целях снижения такой привязанности необходимо значительно увеличить затраты прежде всего на научно-исследовательские разработки, что, однако, пока еще трудно достижимо.

Проявлением тесной зависимости экономического развития НИС от состояния американской экономики стал спад 1985 г., являющийся следствием общего спада в экономике США. Однако на практике наукоемкие отрасли, во-первых, в меньшей степени ощутили на себе его воздействие, во-вторых, именно эти отрасли способствовали достаточно быстрому выходу экономик новых индустриальных стран из кризиса. За последнее десятилетие электронная промышленность этих стран приобрела навыки практически мгновенного реагирования на изменение конъюнктуры: по некоторым оценкам, скорость приспособления возросла за этот период в 12 раз¹³.

Кризис 1985 г. побудил правительства НИС уделить повышенное внимание привлечению иностранных и местных компаний: в Сингапуре, например, правительство разрешило министерству торговли и промышленности предоставлять налоговые льготы на 20 лет компаниям, осуществляющим вложения в электронную промышленность, и выделило на эти цели 20 млн. долл. Показателен тот факт, что первые положительные отклики поступили от американских компаний. Кризис послужил также своего рода катализатором диверсификации внешних связей за счет Западной Европы и отчасти Китая. Растущая маневроспособность электронной промышленности выразилась также в намерении приступить к началу будущего десятилетия к обслуживанию ЭВМ, оставив на втором плане сам процесс их производства.

Производство электронного оборудования в каждой из трех стран имеет и некоторые специфические особенности, определяющие более узкую их специализацию и позволяющие в определенной мере избежать конкуренции на внешних рынках. Южная Корея специализируется на выпуске цветных телевизоров, видеоманитофонов, микроволновых печей. Наряду с этим в стране высокого уровня достигло производство компонентов, среди которых первостепенное значение придается полупроводниковым приборам. По предварительным оценкам, в 1988 г. отправка за границу полупроводниковых устройств принесет Южной Корее 1,5 млрд. долл.¹⁴ В течение последних нескольких

лет в эту отрасль осуществлялись усиленные инвестиции, значительно усложнилась номенклатура производства, причем упор был сделан на динамические ЗУ емкостью 256 кбит и 1 мбит и статистические ЗУ емкостью 256 кбит.

Тайваньские компании специализируются на производстве клонов ЭВМ, т. е. на сборке более дешевых копий машин иностранных фирм. Для освоения сборки в 1986 г. первого 32-битного персонального компьютера американской фирмы «Компак» тайваньские компании затратили всего 2 месяца, а спустя год выпуском этих клонов занимались уже 58 крупных и мелких производителей. В будущем, однако, это направление, вероятно, потеряет свою приоритетность в связи с тем, что в 1986 г. некоторые крупные американские компании выступили против практики клонирования: толчком к этому послужил переход ИБМ на производство персональной системы, использующей многие нестандартные части. Вместе с тем данные системы не сразу смогут заместить другие на международных рынках, и тайваньские компании продолжают совершенствовать сборку предыдущих типов ЭВМ — АТ, увеличивая их объем памяти и скорость работы, в чем успешно соперничают с японскими компаниями «Тосиба» и НЭК.

На первой тихоокеанской конференции по компьютерам, состоявшейся в сентябре 1985 г. в Мельбурне, вице-президент ИБМ Дж. Конрадс заявил, что тихоокеанский рынок растет так быстро, что к концу столетия ни ИБМ, ни ее конкуренты не сумеют удовлетворить потребности этого региона. Он предположил, что к 2000 г. программное обеспечение для компьютеров будет осуществляться здесь же на месте¹⁵.

С начала 80-х гг. изделия электронной промышленности указанных стран АТР стали в быстро возрастающих количествах поступать на американский рынок. Согласно оценке американской исследовательской фирмы «ИДС Америка, инк», в общем объеме продаж ПЭВМ в США в 1985 г., равном 22 млрд. долл., на долю продуцентов из ЮВА и Дальнего Востока приходится минимум 20 %¹⁶. По мнению специалистов, этот показатель имеет тенденцию к росту.

Ряд крупных американских фирм по выпуску ЭВМ («Спэрри», «Тэнди» и «Интернэшнл телефон энд телеграф корп.») начали закупать за границей некоторые модели в полностью собранном виде. К 1987 г. азиатские фирмы уже доминируют на некоторых рынках сбыта таких электронных устройств, как датчики, дисководы и запоминающие устройства. Азиатские производители добиваются больших успехов в то время, когда сбыт у многих американских конкурентов сокращается. Уже в 1985 г. в США имел место большой спрос на новую модель портативной ЭВМ японской фирмы «Шарп», южнокорейскую модель «Д» ПЭВМ, изготовленную фирмой «Дэу», и модель «Экуити уан» японской фирмы «Сэйко-Эпсон», успешно конкурировавшие с продукцией крупнейших американских компаний ИБМ и «Компэк компьютер». Большим преимуществом азиатских продуцентов ЭВМ являются низкие издержки производства данного товара. Представители азиатских компаний умело используют и хорошее знание рыночной конъюнктуры ЭВМ в США.

Азиатские продуценты, предлагая более дешевые модели, дают возможность торговцам получить прибыль вдвое, а то и втрое выше той, которую последние получают при продаже американской продукции. Они используют также много других материальных стимулов, таких, например, как выплата торговцам премий наличными и бесплатная доставка в случае закупок крупных партий.

Представители американской полупроводниковой промышленности выражают большое недовольство тем, что потребитель в их стране предпочитает покупать сравнительно дешевые японские компьютеры вместо дорогих, произ-

веденных в Соединенных Штатах. Правительству США стали поступать жалобы, в которых японские фирмы обвинялись либо в продаже на американской территории компьютеров по демпинговым ценам, либо в попытках «закрыть» японский рынок для американских компаний¹⁷. Обстановка накалилась настолько, что в апреле 1987 г. администрация Рейгана была вынуждена объявить о введении 100 % пошлин на импорт ряда товаров японской электронной промышленности. Однако предпринятые меры не привели к увеличению числа продаж американских микросхем в Японии и сокращению дефицита торговли продукцией электронной промышленности. Результатом этого стало частичное снятие в ноябре 1987 г. ограничений (сохранены санкции на 164 млн. долл. из 300 млн. долл.)¹⁸.

Хотя азиатские фирмы проникли на американский рынок, это обстоятельство не так уж очевидно, поскольку на изготавливаемых ими изделиях обычно стоит товарный знак той американской фирмы, которая их продает.

По мере усиления ценовой конкуренции сами американские компании стали все чаще обращаться к иностранным поставщикам частей для ЭВМ, так как это обходится дешевле, чем их производство в США. Таким образом осуществляется так называемое «бесшовное разделение» рынка между американскими и азиатскими компаниями.

Проникновение азиатских фирм на американский рынок в значительной мере способствует быстрому росту дефицита США в торговле электронными изделиями. Если учесть, что вся торговля США с этими странами и территориями азиатско-тихоокеанского региона сводится с солидным дефицитом, то подобная ситуация в торговле ЭВМ дополнительно накаляет отношения США с Японией и НИС и обостряет существующие противоречия.

В 1987 г. американцы покупали практически все электронные бытовые приборы у Японии. Кроме роста пассивного сальдо торгового баланса для США, это явилось еще одной из составных новой важной тенденции, заключающейся в том, что японские банки и инвесторы начинают играть жизненно важную роль в американской экономике, финансируя долларами из активного сальдо торгового баланса, и не в последнюю очередь от торговли ЭВМ, значительную часть дефицита американского федерального бюджета.

Быстрое проникновение электронной продукции из Азии на американский рынок вызывает опасение в деловых кругах США. Некоторые азиатские концерны осуществляют капиталовложения в наукоемкие проекты на территории США, предусматривающие разработку перспективных моделей ЭВМ и СМО для них. Так, летом 1985 г. японская «Мицубиси электрик» приобрела долю капитала «Микрорим», фирмы — разработчика СМО; «Санъё электрик» приобрела 42 % капитала фирмы «Айкон системз» — производителя супермикро-ЭВМ, а южнокорейская фирма «Дэу» — 5 % акций компании «Кордэйта» — производителя ПЭВМ (Калифорния)¹⁹.

Чрезмерная активизация азиатских, особенно японских, электронных компаний на американском рынке вызывает настороженность и беспокойство правящих кругов США. Так, фирма «Фудзицу» намеревалась приобрести 80 % капитала американской компании «Фэрчайлд», что дало бы ей возможность установить контроль почти над половиной капиталистического производства логических схем со связанными эмиттерами для суперЭВМ. Однако министерство обороны США воспрепятствовало заключению этой сделки. Компания «Интел», занимающая сейчас очень прочные позиции в электронной промышленности США, отказала японской НЭК в приобретении доли ее капитала²⁰.

В основе беспокойства Вашингтона лежит опасение, что американская промышленность уступит технологическое превосходство Японии. Члены подко-

митета по делам вооруженных сил палаты представителей США считают, что 80 % полупроводников, используемых в системах оружия, сделаны в Азии²¹.

Помимо большого количества микросхем, ввозимых японскими фирмами в США, Япония начала поставлять «жизненно важные компоненты» для систем оружия. Например, она поставляет весь кремний, получаемый методом «плавающей зоны», необходимый для размещаемого в космосе вооружения. Она также является основным поставщиком микросхем на арсениде галлия, имеющих огромное значение для СОИ.

Новым веским симптомом усиления борьбы за капиталистический рынок ЭВМ является недавно налаженная японской фирмой «Хитати» разработка новых пакетов программ, предназначенных для ПЭВМ компании ИБМ. Фирмы ИБМ, «Эпл» и «Компэк» сталкиваются с тем, что американские розничные торговцы предлагают компоненты ЭВМ под своим товарным знаком, но изготовленные, как правило, в Азии. Уже на прилавки американских магазинов поступают дешевые ПЭВМ, полностью собранные в Азии, и начинают вытеснять с американского рынка более дорогие ПЭВМ местного производства.

В последние годы получило распространение такое явление, как создание изделий, совместимых с машинами фирмы ИБМ, изготавливаемыми как в США, так и за их пределами. Ориентируясь на образец этой компании как на признанный стандарт в отрасли, многие производители выпускают машины, выполняющие те же операции, что и ИБМ (часто даже с тем же программным обеспечением), но по ценам на 15—25 % ниже. Ориентация на оборудование ИБМ открыла доступ для выхода на международный рынок некоторым азиатским компаниям, предлагающим совместные изделия по более низким ценам, в том числе «Эпсон Америка» (филиал японской компании «Сэйко»), южнокорейским компаниям «Дэу» и «Хёнде». Характеризуя процесс проникновения азиатских производителей на американский рынок ПЭВМ, представитель американской Ассоциации электронной промышленности Дж. Хэтч как-то сравнил его с ледником, который «движется медленно, но неуклонно».

Это вызвало шумные и длительные судебные процессы между американскими и японскими компаниями, так как речь шла о жизненной проблеме — рынке сбыта полупроводниковой продукции. ИБМ обвинила японскую компанию «Фудзицу» в использовании американской технологии в производстве своей продукции на незаконном основании.

Путь решения был найден в арбитраже. Арбитры с двух сторон будут решать все проблемы, возникшие между компаниями, без привлечения правительств, суда и огромного штата компаний на неформальной основе. Одно из основных условий договора между ИБМ и «Фудзицу» дает арбитрам большие полномочия в формировании будущих отношений между этими двумя компаниями и применении закона об авторских правах в сфере производства ЭВМ. Экономист из Гарвардского университета Р. Рейх сказал, что это «может быть новой моделью более тесного сотрудничества американских и японских корпораций и даст возможность избежать опасности утечки информации о своей технологии»²².

Большинство специалистов в данной области считают эту форму наиболее удачной для решения сложных технических проблем. По этому же пути разрешения своих отношений пошли американская «Интел» и японская НЭК. Попытки поиска компромисса между американскими и японскими производителями высокотехнологической продукции не снижают, однако, накала борьбы в этой сфере.

О динамике роста продаж полупроводниковых приборов главными производителями в капиталистическом мире, в основном американскими и япон-

скими компаниями, свидетельствуют следующие данные компании «Дэйтакуэст».

Таблица № 2
Продажи полупроводниковых приборов, млн. долл.

Место, занимаемое компанией в 1985 г.	Компания	1985 г.	1986 г.
1	НЭК	1904	2638
4	«Хитати»	1671	2305
5	«Тосиба»	1408	2261
2	«Моторола»	1830	2025
3	«Тексас инструментс»	1742	1820
6	«Филипп-Синтетикс»	1008	1358
7	«Фудзицу»	1020	1310
9	«Мацусита»	906	1233
10	«Мицубиси»	642	1177
8	«Интел»	1020	901

Эти данные отражают существенный прогресс японской электронной промышленности. НЭК занимает первое место, а «Хитати», «Тосиба», «Мацусита» и «Мицубиси» переместились в 1986 г. по сравнению с 1985 г. соответственно с 4-го и 5-го на 2-е и 3-е места, с 10-го и 11-го на 8-е и 9-е места, т. е. продажи японских производителей впервые были выше, чем американских. Это определяет и растущую роль японских компаний на международном, в частности на американском, рынке.

1987 г. и последующие годы, вероятно, будут отмечены расширением японскими фирмами производства полупроводников на заграничных, в частности американских, предприятиях в связи с сохранением части 100 % пошлин на импорт ряда японских микросхем. Например, компания «Сони» планирует увеличить долю производимой за рубежом продукции с 25 % в 1987 г. до 40 % в 1990 г. Компания НЭК, крупнейший производитель интегральных схем в мире и один из лидеров в производстве компьютеров и средств связи, предполагает, что к 1990 г. 2/3 продаваемой в США продукции будет производиться на месте в сравнении с 1/3 в 1987 г.²³

Одним из путей, которые Япония прокладывает на американский рынок для сбыта своей полупроводниковой продукции, является строительство японскими компаниями своих заводов на границе США, в частности в Мексике. Это фирмы «Санъё», «Хитати», «Тосиба», «Сони». Согласно программе, разработанной США и Мексикой, для ускорения развития экономически бедных районов, расположенных вдоль границы, иностранные компании могут беспошлинно ввозить американские компоненты, собирать в Мексике готовые изделия, используя дешевую рабочую силу, и затем отправлять их в США. Поэтому компании уплачивают пошлины только за сборку изделий в Мексике. Японцев в данном случае привлекают даже не низкие пошлины, а большой рынок дешевой и свободной рабочей силы, граничащий с самой богатой потребительской экономикой в мире. Некоторые японские компании уже платят пошлины в полном размере, поскольку они используют в основном японские компоненты в полупроводниковой продукции.

Присутствие на американской границе крупнейшего заокеанского торгового конкурента США вызвало в некоторых кругах Соединенных Штатов негатив-

ную реакцию. Так, в конгрессе обсуждался вопрос о том, что японцы будут использовать эти компании, чтобы обойти торговые ограничения, которые сейчас рассматриваются. Эти опасения уже оправдываются. Так, когда в апреле 1987 г. США ввели торговые санкции против Японии, на продукцию приграничных компаний это не распространилось²⁴.

В то же время японцы стремятся привлечь иностранные, прежде всего американские, компании, применяющие самую высокую технологию, к участию в развитии японской полупроводниковой промышленности. На острове Кюсю, который называют «кремниевым островом», — центре японских разработок в области ЭВМ — действуют американские компании «Тексас инструменте», «Фейрчайлд», «Матернал рисерч корпорейшн» и др.

Новым шагом для США и Японии в области производства полупроводников явилось создание совместных предприятий. По мнению экспертов, соглашения о сотрудничестве дают возможность как американским, так и японским компаниям решить много проблем. Теперь американские компании все чаще идут на предоставление передовой технологии в обмен на капитал, производственную базу и доступ к рынкам. Примером может служить подписанное в 1986 г. соглашение между фирмами «Моторола» (США) и «Тосиба» (Япония) о создании в Японии совместного предприятия по производству запоминающих устройств и микропроцессоров. Это соглашение облегчает проникновение американской компании на японский рынок, а также открывает ей доступ к технологии производства стандартных интегральных схем. В свою очередь «Тосиба» получает доступ к технологии производства микропроцессоров американской фирмы.

«Эдванст майкро дивайсез» и японская «Сони» заключили соглашение о совместном производстве микросхем. Представитель «Эдванст майкро» заявил, что это наиболее всеобъемлющее совместное предприятие, в которое когда-либо входила компания. Оно предполагает широкую возможность включения других компаний в разработку многостадийного развития (в отличие от других подобных договоров).

1986—1987 гг. ознаменовались расширением мощностей филиалов крупнейших иностранных продуцентов, в первую очередь японских и американских, в ЮВА и на Дальнем Востоке. Они стремились обеспечить снижение издержек производства за счет использования более дешевой силы.

В 1986 г. к выпуску полупроводниковых приборов в Сингапуре приступила фирма «Фудзицу». Фирма расширила производственные мощности на своих предприятиях в Индонезии, Южной Корее, на Филиппинах и острове Тайвань. В 1987 г. расширила свои мощности компания «Хитати электроник дивайсиз» (сингапурский вариант концерна «Хитати»). Фирма «Санъё» в 1986 г. построила новое предприятие по выпуску полупроводников в Южной Корее, а в 1987 г. начала производство линейных интегральных схем для аудиовизуальной аппаратуры на своем предприятии на острове Тайвань. Фирма «Санъё» намеревается к 1990 г. перенести на предприятия своих заграничных филиалов половину всего выпуска полупроводниковых приборов. Активно осуществляли вывоз капитала в ЮВА американские фирмы — продуценты полупроводниковых приборов: «Эдванст майкро дивайсиз» — в Малайзию, «Хьюлет-Паккард» и «Нэшнл семикондактор» — в Сингапур.

Эти примеры свидетельствуют о том, что производство полупроводниковых приборов в капиталистическом мире во все большей степени приобретает международный характер.

Пример с ЭВМ — одна из сторон общего активно развивающегося процесса роста связей США со странами азиатско-тихоокеанского региона. Успех последних в области развития полупроводников и в результате убе-

длительное «завоевание» ими американского рынка можно рассматривать как одно из направлений возрастающего процесса внутрирегионального развития, когда расширение контактов становится естественной необходимостью и определяется степенью экономического развития стран региона, исторически сложившимися связями партнеров и сложной сетью отношений зависимости и взаимозависимости стран азиатско-тихоокеанского региона с США. Этому способствует также капиталистическое разделение труда, происходящее на высших ступенях, в данном случае — в области производства наукоемкой продукции.

Соперничество между американскими и азиатскими компаниями, производящими полупроводниковую продукцию, будет со временем усиливаться. Конкурентная борьба в этой одной из наиболее современных отраслей является компонентом, и очень существенным, дальнейшего обострения противоречий между США и наиболее развитыми странами и территориями азиатско-тихоокеанского региона, которые, быстро наращивая темпы развития, выходят на новый уровень отношений с Соединенными Штатами.

¹ См.: БИКИ, 14.IV.1987.

² In: "Far Eastern Economic Review" (FEER), 5.XI.1987, p. 37.

³ См.: БИКИ, 20.II.1985.

⁴ "FEER", 31.X.1985, p. 61.

⁵ Ibid., p. 54.

⁶ In: "Financial Times", 15.VII.1987.

⁷ In: "New York Times", 8.IX.1985.

⁸ In: "FEER", 5.XI.1987, p. 37.

⁹ In: "Electronic Business", 15.IV.1986.

¹⁰ In: "FEER", 14.I.1988, p. 46.

¹¹ In: "Journal of Asia Electronics Union", 1987, № 5, p. 18.

¹² In: "FEER", 7.I.1988, p. 42—43.

¹³ Ibid., 14.I.1988, p. 46.

¹⁴ Ibid., 7.I.1988, p. 47.

¹⁵ Ibid., 31.X.1985, p. 73.

¹⁶ In: "Wall Street Journal", 10.I.1986.

¹⁷ Ibid., 19.II.1986.

¹⁸ Ibid., 6.XI.1987.

¹⁹ Ibid., 10.I.1986.

²⁰ Ibid.

²¹ In: "FEER", 5.XI.1987, p. 37.

²² "Wall Street Journal", 18.IX.1987.

²³ In: "Financial Times", 24.XI.1987.

²⁴ In: "US News and World Report", 3.VIII. 1987, p. 40, 42.

Проблемы торгово-экономических отношений СССР в азиатско-тихоокеанском регионе

Ю. С. СТОЛЯРОВ,
кандидат экономических наук

До последнего времени торгово-экономические связи СССР в азиатско-тихоокеанском регионе осуществлялись в основном в форму двусторонних отношений. В современных условиях наряду с этим подходом очевидной стала необходимость нового видения указанных связей — регионального. Назрела также необходимость их активизации по всем направлениям.

Вырисовывающийся поворот вызван комплексом причин внутри- и внешнеполитического порядка. К первым из них следует отнести экономическое положение, сложившееся на Дальнем Востоке нашей страны и требующее быстрейшего преодоления имеющихся здесь место негативных тенденций на основе, в частности, использования преимуществ международного разделения труда. Другая группа причин обусловлена крупными сдвигами в АТР и прежде всего долгосрочными тенденциями повышения его удельного веса в мировой экономике и политике, интенсивным развитием здесь процессов всестороннего сближения стран и территорий и формированием на этой основе их определенной экономико-политической общности.

Советский Союз, являющийся тихоокеанской страной, естественно, может и должен участвовать в отмеченных процессах, способствовать развитию позитивных тенденций в регионе, прежде всего в области укрепления мира и безопасности и общерегионального сотрудничества. В целом, как заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «Советский Союз заинтересован в широком торгово-экономическом обмене и с социалистическими странами, и с такими партнерами, как Япония, Австралия, Индонезия, Таиланд, другие страны Азии и Тихого океана»¹.

С какими проблемами и трудностями в этой связи сталкивается СССР и каковы пути их преодоления? В настоящей статье делается попытка ответить на поставленные вопросы.

Общая оценка торгово-экономических отношений

Торгово-экономические обмены СССР с государствами АТР пока значительно отстают и по масштабам и по качественным показателям от соответствующих отношений в других регионах. Более того, в отдельные годы и периоды наблюдалась тенденция уменьшения значения АТР во внешнеэкономических связях Советского Союза, а в ряде случаев и абсолютное сокращение. Другими словами, устойчивой динамики указанные связи еще не приобрели.

Весьма неравномерно торгово-экономические отношения развиваются с отдельными группами государств региона. До начала 80-х гг. первое место среди них занимали капиталистические страны; со второй половины 80-х гг. главную роль стали играть социалистические государства. Что же касается развивающихся стран, то торгово-экономические отношения с ними остаются незначительными и даже имеют тенденцию к падению. Выдвижение на первый план связей с социалистическими государствами региона отвечает долгосрочным приоритетам, определенным в директивных документах партии и правительства во внешнеполитической области. Вместе с тем рассматриваемые связи пока не приобрели того качественного рубежа, который ведет к оптимальному хозяйственному сближению социалистических государств региона, способствует выработке ими общих подходов к решению задач социально-экономического строительства, к региональному экономическому сотрудничеству, двусторонним связям и т. д. Здесь, таким образом, остаются нерешенными много проблем.

В торгово-экономических отношениях СССР в регионе традиционно преобладает внешняя торговля. Другие, более прогрессивные формы — прямые хозяйственные связи, новые типы инвестиционного сотрудничества («разделение производства»; субконтрактные соглашения; контракты «на управление»; соглашения на условиях встречной закупки и софинансирования; трехстороннее сотрудничество и др.), совместные предприятия на территории СССР — либо развиты недостаточно, либо отсутствуют вообще. Не соответствует нынешнему этапу НТР и состояние научно-технических связей с большинством стран региона.

Оставляет желать значительно большей степень вовлеченности СССР в общерегиональные процессы экономического сотрудничества. Советский Союз задержался с использованием многих возможностей участия в региональных организациях, экономических и научно-технических проектах регионального значения, в валютно-финансовых центрах, туристических, культурных и прочих обменах. К тому же некоторые капиталистические и развивающиеся государства АТР либо прямо препятствуют большему вовлечению СССР в общерегиональное сотрудничество, либо занимают в ряде случаев настроенную позицию.

К трудностям осуществления торгово-экономических отношений в регионе следует отнести и слабую пока еще координацию советских министерств и ведомств в указанной области, другие факторы. Так, недостаточно развиты в экономическом отношении дальневосточные районы страны, непосредственно представляющие СССР в азиатско-тихоокеанском регионе.

Вместе с тем было бы неверно говорить лишь о негативных тенденциях. Успешно осуществляется внешняя торговля и экономическое сотрудничество с социалистическими странами АТР, рыболовство и рыбохозяйственные исследования, транспортные перевозки в Тихом океане, участие СССР в ЭСКАТО и ряде региональных экономических проектов.

Главное место в торгово-экономических связях СССР в регионе занимает, как отмечалось выше, внешняя торговля. Здесь складывается следующая картина.

В товарообороте страны доля АТР практически не меняется, составляя 7,6 % в 1970 г. и 8,0 % в 1986 г.² Доля региона в советском экспорте за тот же период увеличилась с 4,2 до 7,8 %, а в импорте с 7,0 до 8,1 %. Однако это увеличение достигнуто прежде всего за счет роста торговли с социалистическими государствами; относительное значение товарооборота с развитыми капиталистическими и особенно развивающимися странами сократилось (см. табл.).

Таблица

**Внешняя торговля СССР
со странами азиатско-тихоокеанского региона**

	1970		1980		1985		1986	
	млн. руб.	доля, %	млн. руб.	доля, %	млн. руб.	доля, %	млн. руб.	доля, %
Товaroоборот	1675	7.6* (100)**	6758	7,2 (100)	10 125	7,0 (100)	10 497	8,0
В том числе:								
с социалистическими странами	787	3,6 (47,0)	2426	2,6 (35,9)	5790	4,0 (57,2)	6380	4,9 (60,8)
с развивающимися странами	154	0,7 (9,2)	658	0,7 (9,7)	483	0,3 (4,7)	320,5	0,2 (3,1)
с капиталистическими странами	734	3,3 (43,8)	3674	3,9 (54,4)	3852	2,7 (38,1)	3796	2,9 (36,2)
Экспорт	931	4,2 (100)	2648	5,3 (100)	4878	6,7 (100)	5347	7,8 (100)
В том числе:								
в социалистические страны	574	5,0 (61,6)	1628	3,3 (61,5)	3838	5,3 (78,7)	4298	6,3 (80,4)
в развивающиеся страны	14	0,1 (1,5)	62	0,1 (2,3)	50	0,1 (1,0)	55	0,1 (1,0)
в капиталистические страны	343	3,0 (36,8)	959	1,9 (36,2)	946	1,3 (19,4)	993	1,5 (18,6)
Импорт	743	7,0 (100)	4109	9,2 (100)	5247	7,6 (100)	5149	8,1 (100)
В том числе:								
из социалистических стран	213	2,0 (28,7)	797	1,8 (19,4)	1907	2,8 (36,3)	2081	3,3 (40,4)
из развивающихся стран	140	1,3 (18,8)	596	1,3 (14,5)	434	0,6 (8,3)	266	0,5 (5,2)
из капиталистических стран	390	3,7 (52,5)	2715	6,1 (66,1)	2906	4,2 (55,4)	2802	4,5 (54,4)

Источник: Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. За соответствующие годы.

* Доля во внешней торговле СССР

** Доля во внешней торговле со странами региона

Структурная слабость экспорта и импорта, преобладание разовых сделок при отсутствии общей стратегии подхода predeterminedелили значительное отрицательное сальдо в торговле, составившее за 1980—1986 гг. 6,3 млрд. руб. и образовавшееся прежде всего в расчетах со странами со свободно используемыми валютами. В этом ярко проявляются основные проблемы внешней торговли СССР в целом: недостаточность экспортных фондов, преобладание в них сырья с низкой степенью обработки, отсутствие необходимой оперативности, гибкости и т. д.

Особенно наглядно сложившееся положение предстает в торговле с развивающимися государствами АТР, прежде всего с входящими в АСЕАН. Экспорт СССР в страны ассоциации ограничивается сравнительно небольшим кругом товаров, включающим в себя мочевину, калийные и другие удобрения, хлопок, а также машины и оборудование, стоимость которых достигает лишь нескольких миллионов рублей. Несбалансированность торговли (дефицит для СССР) составила за тот же период более 3 млрд. руб., что серьезно лимитирует советские закупки в этих странах.

СССР ввозит из АСЕАН прежде всего сырьевые и продовольственные товары: каучук (Малайзия и Индонезия), пальмовое и кокосовое масло, копру (Филиппины и Малайзия), олово (Малайзия и Сингапур), сахар-сырец (Филиппины), кукурузу и рис (Таиланд). При этом наблюдаются резкие перепады в размерах заключаемых сделок. К примеру, в 1980 г. СССР приобрел каучук в Малайзии на 140 млн. руб., а в 1984 г. были произведены закупки исключительно индонезийского каучука на 34 млн. Импорт СССР сахара-сырца с Филиппин составил 142 млн. руб. в 1982 г. и всего лишь 8,2 млн. в 1984 г. Нестабильностью отличаются и закупки СССР олова.

Остаются в силе различные политические препятствия, мешающие развертыванию торгово-экономических обменов между СССР и АСЕАН. Так, для заходов советских судов в Индонезию открыто только четыре порта. Индонезийские бизнесмены редко участвуют в проводимых на территории СССР ярмарках. В 1985 г. между СССР и Малайзией велись переговоры о закупке сложной аппаратуры советского производства новейшей модели, однако под давлением США переговоры в дальнейшем были приостановлены, а по сути — прерваны. Среди правящих кругов некоторых стран АСЕАН довольно сильны опасения, что СССР может стать и уже выступает в качестве конкурента ассоциации и на рынках третьих стран, в частности Японии, по лесу и другим сырьевым продуктам.

Вместе с тем несомненно и другое: в АСЕАН заметно усилились настроения в пользу расширения торгово-экономических связей с Советским Союзом. Эти позитивные тенденции были закреплены во время поездки министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в Индонезию и Таиланд в 1987 г. и визитов в Советский Союз премьер-министра Малайзии М. Мохамеда и министров иностранных дел Таиланда С. Саветсила и Индонезии Мохатра Ку-сума-Атмаджи.

Свою специфику имеют торгово-экономические связи СССР с социалистическими государствами АТР. В торговле с ними Советский Союз имеет за 1980—1986 гг. значительное положительное сальдо в 10,4 млрд. руб. Оно фактически представляет собой кредитование этих государств (за исключением КНР), испытывающих различные трудности в социально-экономическом развитии, и представляет собой форму братской помощи. Возрастающая часть товарооборота осуществляется в рамках экономического сотрудничества в соответствии с межправительственными договоренностями.

На сегодняшний день рассматриваемое сотрудничество достигло уровня, когда на повестку дня ставится переход от сооружения отдельных объектов к разработке и осуществлению концепции комплексного повышения экономического потенциала этих стран и коренное совершенствование форм и методов сотрудничества с целью резкого повышения его эффективности. В первую очередь сказанное относится к МНР и СРВ.

Применительно к МНР в Госплане СССР, МВЭС и других советских ведомствах совместно с монгольскими специалистами разработана генеральная схема развития производительных сил и трудовых ресурсов республики. Она предусматривает, в частности, расширение и укрепление производственных связей на основе более широкой кооперации с предприятиями Сибири и Киргизской ССР, перераспределение капитальных ресурсов для ускоренного наращивания строительных мощностей, железных дорог, развитие промышленных узлов (Бага-Нурский, Таван-Толгойский, Хубсугульский) и др.³

Крайне остро поставлен вопрос о преодолении ведомственной разобщенности и несогласованности действий, отрицательно сказывающихся на реализации Долгосрочной программы развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и МНР. Нуждается в коренном улучшении

качество проектной документации, необходимо совершенствовать механизм ценообразования. Не случайно поэтому возникают неувязки по экспорту Монголией плавикового шпата, электроэнергии, угля. На сегодняшний день нет расчетов по комплексному развитию ряда отраслей МНР, интеграции их с экономикой стран социалистического содружества. Требуется поэтому участие других социалистических стран, более четкая координация их долгосрочных программ по торговле с МНР.

Советско-вьетнамское экономическое сотрудничество концентрируется на производстве и переработке сельскохозяйственной продукции, выпуске товаров народного потребления, развитии в СРВ энергетики, транспорта, машиностроения, электронной, химической, горнодобывающей промышленности, на более полном использовании производственных мощностей и трудовых ресурсов⁴. В этих целях страны подписали долгосрочные соглашения о сотрудничестве в 1987—1990 гг. и в период до 2000 г. в производстве товаров легкой промышленности, электротехнического оборудования, в выращивании и переработке чая, производстве кокосового масла. В 1986—1990 гг. экономическая помощь СССР Вьетнаму в два раза превысит ее объем за предыдущее пятилетие.

22 июня 1987 г. в ЦК КПСС было проведено специальное совещание по рассмотренным выше проблемам. На нем были отмечены растущие масштабы экономической помощи и содействия Вьетнаму и Монголии. Вместе с тем серьезной критике была подвергнута деятельность ряда министерств и ведомств, не сделавших должных выводов из решений ЦК КПСС по совершенствованию экономического сотрудничества с братскими странами. Особое внимание должно быть обращено на широкое внедрение в практику сотрудничества новых прогрессивных форм — прямых производственных и научных связей, создание совместных предприятий и объединений, развитие других интеграционных связей⁵.

Внешняя торговля и особенно экономическое сотрудничество СССР с капиталистическими государствами АТР развиты в значительно меньшей мере. Подавляющую долю в них занимает Япония, на которую приходится более 80 % всего товарооборота с этой группой стран. В торговле с ней, а также Австралией и Новой Зеландией, у Советского Союза образовалось нарастающее отрицательное сальдо, составившее только в 1986 г. 1,8 млрд. руб. Учитывая сложившуюся структуру торговли с указанными государствами, торговopolитический климат и другие обстоятельства, ожидать быстрого решения накопившихся здесь проблем было бы нереалистично. Вместе с тем обнадеживает то обстоятельство, что со стороны Австралии и Японии проявляется желание улучшить ситуацию. Об этом говорят результаты XI совещания Советско-японского и Японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству, а также переговоров советского руководства с руководителями Австралии в 1987 г.⁶

Научно-технические связи СССР с государствами АТР, прежде всего капиталистическими и развивающимися, степень вовлеченности Советского Союза во внутрирегиональный обмен технологией в целом пока невелики.

Значительным препятствием для расширения научно-технических обменов выступают попытки ряда стран, в первую очередь США и Японии, всемерно ограничить передачу передовой технологии в СССР, навязать странам АТР организационные решения, препятствующие установлению более тесных научно-технических контактов с социалистическими странами. С этой целью «США намерены подписать соглашение со странами Тихого океана, включая Южную Корею, Сингапур, Австралию и другие, предусматривающее... соблюдение таких же требований, какие установлены для стран — членов КОКОМ в

отношении экспорта технологии в Советский Союз»⁷. Совместно с Японией США уже обратились с подобной просьбой к Сингапуру, Индонезии, Малайзии, Австралии и другим странам АТР. Сингапур был вынужден выработать меры по ограничению продаж в социалистические страны высоко-сложных технологий, поскольку ранее был занесен США в «черные списки» и подвергался угрозам применения карательных санкций. В конце 1987 г. Япония направила специальную делегацию в страны АСЕАН, а также Южную Корею, Тайвань и Гонконг с целью разработки такого механизма передачи им японской технологии, который бы исключал ее утечку в СССР. С октября 1987 г. США и Япония начали регулярные консультации по вопросам создания азиатского варианта КОКОМ.

Основными партнерами СССР по научно-техническим связям в регионе являются социалистические страны. Наиболее развитые отношения в этой области сложились с СРВ, осуществляемые через СЭВ на базе долгосрочных соглашений как на двусторонней, так и на многосторонней основе. С 1972 г. действует Межправительственная советско-вьетнамская комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Комиссия и ее рабочие группы по ведущим направлениям сотрудничества (энергетика, угольная промышленность, транспорт и др.) регулярно рассматривают выполнение взаимных обязательств.

В 1981—1985 гг. осуществлялось взаимодействие 24 советских вузов и НИИ с 22 вьетнамскими научными учреждениями. За это время в Советском Союзе подготовлено свыше 20 тыс. вьетнамских специалистов, в том числе 2 тыс. кандидатов и 100 докторов наук. 6 тыс. советских специалистов были командированы во Вьетнам для передачи опыта⁸.

В соответствии с межправительственным соглашением от 2 апреля 1981 г. в СССР работают и овладевают специальностями несколько тысяч вьетнамских граждан на многих предприятиях в энергетике, угольной, химической и легкой промышленности и других областях экономики Советского Союза. Советские специалисты оказывают помощь в организации четырех профессионально-технических училищ в СРВ. Академия наук СССР, Национальный центр научных исследований СРВ и Комитет общественных наук СРВ в 1981—1985 гг. сотрудничали в исследованиях по 27 темам естественных и общественных наук. Развиваются связи по линии ГКНТ, между отраслевыми НИИ и научно-производственными объединениями двух стран.

На основе Долгосрочной программы развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и СРВ от 31 октября 1983 г. согласованы проблемы и темы научно-технического сотрудничества двух стран на период до 1990 г.

Анализ состояния торгово-экономических отношений СССР в азиатско-тихоокеанском регионе со всей очевидностью говорит о необходимости решительной активизации усилий по преодолению накопившихся за предыдущие годы трудностей. Промедление в этом деле будет усугублять сложившееся положение, в частности с точки зрения возможностей СССР позитивно влиять на укрепление мира и безопасности в этом динамично развивающемся регионе.

Представляется, что развертывание необходимой работы целесообразно одновременно вести по двум взаимосвязанным направлениям: во-первых, придать ускорение развитию производительных сил советского Дальнего Востока и, во-вторых, предпринять комплекс мер во внешнеэкономической области. При всей важности последних ключевую роль играют усилия внутриэкономического порядка. Чем же располагает сегодня советский Дальний Восток?

Роль советского Дальнего Востока

Географически советский Дальний Восток включает Хабаровский и Приморский края, Амурскую, Магаданскую, Камчатскую, Сахалинскую области и Якутскую ССР. Его площадь превышает 6 млн. км², что составляет почти 28 % территории Советского Союза. На Дальнем Востоке сосредоточена значительная часть природных ресурсов страны: 35 % лесопокрытых площадей, 26 % запасов древесины, 27 % потенциальных гидроэнергетических ресурсов, 17 % морских биоресурсов шельфовой зоны, выявлено более 70 видов полезных ископаемых, включая цветные и благородные металлы, сырье для черной металлургии и горнохимических производств. Между тем в регионе производится менее одной двадцатой части промышленной продукции страны, здесь проживает лишь 2,5 % ее населения (7,8 млн. человек)⁹. Регион практически находится в начальной стадии своего экономического развития.

Приходится констатировать, что, несмотря на принимавшиеся решения, в годы девятой — одиннадцатой пятилеток в силу ряда причин не удалось добиться ускорения социально-экономического развития дальневосточного региона; здесь накопились крупные структурные диспропорции, наметился спад в темпах прироста производительности труда, которые оказались ниже средних по стране, стали нарастать другие трудности. Их характер еще более рельефно высвечивается на фоне тех тенденций развития, которые складываются в соседних с советским Дальним Востоком странах, в АТР в целом.

Отмеченное выше диктует необходимость ускорения экономического развития советского Дальнего Востока, активизации его участия, как и всего СССР, в международном разделении труда в бассейне Тихого океана. В соответствии с поручением Политбюро ЦК КПСС была утверждена и принята к исполнению государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, а также Бурятской АССР и Читинской области до 2000 г. Ее цель — создание здесь органически включенного в систему общесоюзного и международного разделения труда высокоэффективного народнохозяйственного комплекса с собственной крупной ресурсной и научно-производительной базой, оптимальной структурой экономики, развитой социальной сферой. Планируется направить на развитие ДВЭР 198 млрд. руб. из централизованных капитальных вложений и средств предприятий. Всего же с учетом средств, которые будут вложены в подъем экономики Забайкалья, намечено затратить 232 млрд. руб. До 2000 г. здесь должны увеличиться темпы роста товарной продукции в 2,4—2,5 раза, выработки электроэнергии — в 2,6, добычи нефти и газового конденсата — в 3,1—3,8, газа — в 7,2—9,3 раза и т. д.¹⁰.

Для реализации поставленных задач предусмотрено коренное техническое перевооружение и реконструкция предприятий машиностроительных отраслей. Они будут ориентированы на выпуск машин и оборудования, необходимых для эффективного освоения природных ресурсов района. Это, в свою очередь, требует технического перевооружения и реконструкции действующих здесь металлургических заводов. Более того, на основе использования дальневосточных железных руд и коксующихся углей решено построить новую мощную металлургическую базу СССР. Первую очередь завода мощностью 3 млн. т проката предусмотрено ввести в строй в 2000 г.

В программе выделены и другие первоочередные направления работы.

Она, таким образом, представляет собой по существу первый подобного рода документ, в котором столь обстоятельно на основе комплексного подхода намечены направления перспективного развития Дальневосточного региона страны. Естественно, что жизнь будет вносить необходимые допол-

нения и уточнения. Однако уже сейчас хотелось бы обратить внимание на необходимость значительного усиления внешнеэкономических аспектов программы, учета быстрых и крупных сдвигов в системе международного разделения труда в АТР. Главная нацеленность мер во внешнеэкономической области должна состоять в том, чтобы ускорить развитие региона и совершенствование структуры его экономики на основе использования преимуществ международного разделения, прежде всего с социалистическими странами¹¹. Дальний Восток, работая на нужды всей страны, должен стать в то же время неотъемлемой частью экономики АТР и тем самым выполнять важную роль материального подкрепления миролюбивой внешней политики СССР на этом направлении.

Подобный взгляд на особую роль региона требует пересмотра некоторых уже сложившихся стереотипов. В связи с этим не представляется целесообразным закрепление за ДВЭР лишь роли «подземной кладовой» страны. Подобный путь не приведет к прорыву региона на рынки АТР. Ничуть не умаляя важности развития добывающих отраслей ДВЭР, прежде всего для нужд СССР, следует помнить, что для экономики АТР, имеющей богатые природные ресурсы в ряде его стран, поставки сырья, даже с более высокой степенью его переработки, будут иметь минимальное значение. Представляется поэтому, что должно получить приоритетное развитие машиностроение для сырьедобывающих и перерабатывающих отраслей с выходом его продукции на внешний рынок.

Неплохие перспективы имеет существенное расширение перевозок на Тихом океане советским флотом, превращение его в одного из главных перевозчиков здесь грузов и пассажиров. Ежедневно до ста тысяч дальневосточных моряков, рыбаков и ученых находятся в море, посещают более четырехсот портов семидесяти государств мира¹². Намечаемые в программе меры по развитию соответствующих отраслей было бы целесообразно усилить, имея в виду, что перевозки грузов в Тихоокеанском бассейне будут устойчиво расти и в перспективе. Это может принести СССР немалые валютные доходы в случае умелого использования складывающейся конъюнктуры.

Имеются и другие возможности для развития ряда отраслей экономики Дальнего Востока, что позволило бы ему более продуктивно подключиться к региональному разделению труда. Среди них строительство в одном или нескольких выгодно расположенных районах Дальнего Востока предприятий с привлечением иностранных партнеров в машино- и судостроении, строительной и туристической индустрии и др. Будут ли это экспортные зоны или отдельные совместные предприятия на основе принятого в СССР законодательства, покажет практика. Однако уже сейчас видно, что успешно двигаться в рассматриваемом направлении невозможно без учета соответствующих законодательств в других странах АТР, как правило отличающихся значительно более либеральным режимом¹³. К тому же следует иметь в виду, что развитие прямых хозяйственных связей, кооперации и специализации производства надежнее всего идет в случае создания совместных предприятий. Уже поступившие на этот счет предложения от партнеров было бы целесообразно дополнить собственной активной политикой, исходя, конечно, в первую очередь из нужд экономики ДВЭР.

В условиях нового политического мышления, открытости и гласности, провозглашенных в нашей стране, недопустимо затягивать рассмотрение идеи Генерального Секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о том, чтобы со временем «решить вопрос об открытии Владивостока для посещения иностранцами... Владивосток мог бы стать одним из крупнейших международных центров, очагом торговли и культуры, городом фестивалей, спортивных встреч, кон-

грессов, научных симпозиумов. Мы хотели бы его видеть нашим широко открытым на восток окном»¹⁴. Положительное решение этого вопроса имело бы принципиально важное значение для всей политики СССР в АТР.

В этом контексте хотелось бы подчеркнуть, что для такого рода изменения статуса Владивостока имеются весьма существенные предпосылки. В первую очередь, это относится к его научному потенциалу, который с декабря 1986 г. сконцентрирован в Дальневосточном отделении АН СССР (ранее ДВНЦ АН СССР). Отделение располагает более 40 научно-исследовательскими институтами и другими самостоятельными научными подразделениями, в которых занято несколько тысяч специалистов различного профиля¹⁵.

В этой связи нельзя не отметить тот факт, что в течение 1986—1987 гг. Владивосток посетили ученые КНР, США, Японии и некоторых западноевропейских стран; в мае 1987 г. в городе была проведена японская торговая выставка, в которой приняли участие 40 фирм. Хотелось бы думать, что движение в направлении придания городу «открытости» будет продолжено.

Перестройка во внешнеэкономических связях

Несмотря на ведущую роль советского Дальнего Востока в решении стоящих перед СССР проблем в торгово-экономической области в азиатско-тихоокеанском регионе, одних только усилий ДВЭР здесь недостаточно. Необходимо содействие и реальный вклад экономики всей страны, четкая координация министерств и ведомств во внешнеэкономических связях в Тихоокеанском бассейне, выработка новых подходов. Под этим углом зрения вырисовывается следующий круг проблем.

Во-первых, требует скорейшего завершения работа по переводу на практические рельсы нормативных документов постановлений директивных органов по развитию внешнеэкономических связей страны с учетом специфики региона. В Государственной внешнеэкономической комиссии Совета Министров СССР уже начата эта сложная работа с организациями, которым разрешен непосредственный выход на внешний рынок. Однако, эта работа еще далека от завершения. Немалое содействие в ее дальнейшем развертывании могло бы оказать налаживание тесных и постоянных отношений со специалистами советских научных организаций, занимающимися тихоокеанской проблематикой, а, возможно, и постоянного механизма такого взаимодействия. ГВЭК в этом смысле могла бы показать пример нестандартных организационных подходов.

При внедрении в практику новых нормативных документов особое внимание было бы целесообразно уделить уточнению и пересмотру инструкций, регулирующих осуществление предприятиями Дальнего Востока прибрежной (приграничной) торговли. Существующий порядок не создает у них необходимой заинтересованности в ведении прибрежной торговли (например, изъятие у них большей части валютной выручки, экспортных фондов для общесоюзной внешней торговли и др.). Не случайно поэтому неоднократно принимавшиеся ранее распоряжения Совета Министров РСФСР о развитии прибрежной торговли не принесли желаемых результатов, и коренных сдвигов здесь пока не произошло¹⁶.

Во-вторых, нуждается в дальнейшем развитии организационно-правовая основа внешнеэкономических связей СССР в АТР. За последние годы в этом направлении удалось достичь немало. В 1986—1987 гг. созданы смешанная советско-индонезийская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, межправительственная совместная советско-тайландская комиссия по торговле, подписано соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленной па-

латой СССР и национальной торгово-промышленной палатой Малайзии, подписаны соглашения об избежании двойного налогообложения с Японией и Малайзией, программа развития торгово-экономического сотрудничества с Австралией на 1988—1995 гг. и с ней же соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, в области медицинской науки и здравоохранения и др. Советский Союз установил дипломатические отношения с Папуа-Новая Гвинея, Западным Самоа, Фиджи, Республикой Кирибати, Тувалу, Республикой Вануату и другими государствами южной части Тихого океана. С Кирибати и Вануату в 1986 г. заключены соглашения в области рыбной ловли, позволившие советским рыболовным судам вести лов рыбы в прибрежных водах этих стран и заходить в их порты.

Вместе с тем с рядом государств региона, в первую очередь с капиталистическими и развивающимися, еще не созданы двусторонние органы, занимающиеся взаимными торгово-экономическими связями; их договорно-правовая основа остается недостаточно развитой. Здесь еще предстоит проделать немало работы, с тем чтобы создать надежный механизм осуществления внешнеэкономических контактов с партнерами, перейти на более высокий уровень их реализации на базе долгосрочных программ и соглашений. Имеются неиспользованные возможности и с точки зрения совершенствования структуры и объема торгово-экономических связей практически с каждой страной региона.

В современных условиях очевидным становится необходимость гибкого сочетания развития двусторонних отношений в торгово-экономической области с выработкой и осуществлением общерегионального подхода. Идея тихоокеанского экономического сотрудничества, особенно применительно к несоциалистическим странам региона, уже воплощается на микро- и макроуровнях. К последнему следует отнести сотрудничество государств АТР в интеграционных группировках, а также в региональных экономических организациях. Именно в этом направлении Советский Союз стремится уже сегодня внести позитивный вклад. Нельзя не обратить внимания на ясно выраженную готовность СССР установить прочные отношения с такой важной и крупной группировкой развивающихся стран, как АСЕАН. В приветствии председателю третьей встречи ассоциации на высшем уровне, президенту Филиппин К. Акино М. С. Горбачев подчеркнул, что «Советский Союз открыт для различных, в том числе коллективных, форм взаимоотношений со странами АСЕАН, готов поддерживать отношения с этой ассоциацией как с таковой»¹⁷.

В АТР значительно активизировали свою деятельность и другие организации интеграционного характера, прежде всего Южно-тихоокеанский форум (ЮТФ), объединяющий 13 стран и занимающий общую площадь около 8,5 млн. км². Вызывают одобрение и поддержку СССР важные позитивные шаги ЮТФ по созданию в южной части Тихого океана зоны, свободной от ядерного оружия, в соответствии с Договором Раротонга, по налаживанию внутрирегионального экономического сотрудничества.

По-новому сегодня стоят проблемы участия СССР в региональных экономических организациях. В силу ряда внутренних и внешних причин Советский Союз не смог ранее включиться в работу названных организаций, за исключением ЭСКАТО. Но ведь из-за этого СССР не перестал быть азиатско-тихоокеанской страной. Не способствует «задержка на старте» и развитию широкого тихоокеанского сотрудничества в интересах всех государств АТР. Поэтому попытки некоторых высокоразвитых стран изолировать СССР от участия в региональных организациях или его ограничить носят на себе

печать стереотипов старого мышления, узкоэгоистического подхода и не способствуют решению проблем регионального сотрудничества.

Постоянным и конструктивным является вклад СССР в деятельность ЭСКАТО¹⁸. Советские специалисты представлены во всех девяти постоянных комитетах этой организации, в действующих под ее эгидой исследовательских институтах. СССР непосредственно участвует как в выработке рекомендаций, так и в реализации проектов и программ ЭСКАТО, прежде всего в рамках региональной стратегии развития на 80-е гг. Важнейшими проектами здесь определены освоение реки Меконг, разведка полезных ископаемых, строительство трансазиатской железной дороги, трансазиатского шоссе. СССР осуществляет подготовку кадров для молодых государств региона, направляет экспертов для работы в специализированных органах ЭСКАТО, выполняет ряд исследований в рамках ее программ и т. д.

В 1986 г. Советский Союз впервые участвовал в качестве наблюдателя в работе V Конференции по экономическому сотрудничеству стран бассейна Тихого океана в Ванкувере и выразил заинтересованность в том, чтобы стать полноправным членом этой неправительственной организации. В 1987 г. наша страна также в качестве наблюдателя приняла участие в очередной сессии Азиатского банка развития. В СССР создан Советский национальный комитет по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, в котором представлены специалисты из практических, научных и общественных организаций. Важно, чтобы линия на активизацию участия в региональных организациях осуществлялась последовательно и не потонула бы в затяжных ведомственных согласованиях.

Важным направлением активизации политики СССР в АТР, нацеленным на создание здесь всеобъемлющей системы безопасности, укрепления атмосферы мира и добрососедства, могли бы стать разработка и продвижение в жизнь конкретных принципов экономического сотрудничества стран АТР с использованием уже сложившихся в регионе идей. Они могли бы быть названы концепцией региональной экономической безопасности или каким-либо другим образом, но иметь вполне определенное содержание. Естественно, что предложения по развитию регионального экономического сотрудничества нельзя вырывать из общего контекста предложений СССР по обеспечению международной экономической безопасности в целом. На сороковой сессии ГА ООН был одобрен внесенный СССР проект резолюции «Международная экономическая безопасность». В ней Советский Союз исходит из следующих положений:

во-первых, обеспечение международной экономической безопасности (МЭБ) способствует решению других проблем современности, в том числе главной из них — предотвращения термоядерной войны; во-вторых, необходимо исключение из международной практики всех форм дискриминации, установление нового международного экономического порядка, принятие кодекса поведения ТНК и т. д.; в-третьих, условием обеспечения МЭБ является уважение обязательств и соглашений, заключенных между государствами в соответствии с международным правом; в-четвертых, достижение МЭБ невозможно без сотрудничества во всех сферах торговли, экономики, науки, техники, финансов. Международно-правовой основой регулирования отношений и сотрудничества в этих областях могла бы стать конвенция о новом международном экономическом порядке в случае ее принятия большинством государств мира.

Советский Союз предложил также созвать в ближайшем будущем Всемирный конгресс по проблемам экономической безопасности, где можно было бы обсудить все, что отягощает мировые хозяйственные связи, принять по этим проблемам конструктивные решения.

Применительно к АТР под экономической безопасностью можно было бы подразумевать развитие равноправного взаимовыгодного и устойчивого торгово-экономического сотрудничества между всеми его государствами, независимо от их общественного строя и других различий, что создавало бы максимально благоприятные условия для социально-экономического прогресса и исключало бы использование средств экономического давления для достижения экономических и внешнеполитических целей. «Анализ имеющихся возможностей,— как заявил М. С. Горбачев,— убеждает нас в том, что лучший путь к этому заключен в реализации принципа «разоружение для развития»¹⁹.

Отметим, что в качестве отдельных элементов тихоокеанского экономического сотрудничества, выдвинутых СССР, могут рассматриваться его предложения, содержащиеся в Заявлении советского правительства от 23 апреля 1986 г., в выступлении М. С. Горбачева во Владивостоке 28 июля 1986 г. и в его интервью индонезийской газете «Мердека» от 23 июля 1987 г., в Делийской декларации о свободном от ядерного оружия и ненасильственном мире (27 октября 1986 г.), подписанной руководителями СССР и Индии, и некоторые другие документы. В них Советский Союз предложил начать широкий обмен мнениями между всеми заинтересованными государствами АТР по налаживанию равноправного, взаимовыгодного и устойчивого торгово-экономического, научного и технологического сотрудничества; были названы его конкретные направления (развитие производительных сил, подготовка кадров, использование новых источников энергии, меры по охране окружающей среды и др.); выражена готовность принять активное участие в поиске новых форм сотрудничества, в разработке и реализации крупных долгосрочных проектов и программ. Особо была подчеркнута необходимость осуществлять программу немедленных действий по облегчению долгового бремени развивающихся стран путем расширения оказания межгосударственной помощи этим странам на льготных условиях.

Состоявшиеся в 1986—1987 гг. переговоры советского руководства с руководителями ряда стран региона показали, что некоторые предложения СССР нашли поддержку и понимание. Это в первую очередь можно сказать о перестройке международных экономических отношений на справедливой и демократической основе и установлении нового международного экономического порядка, а также об устранении всякого рода дискриминации²⁰. Важно перейти теперь от провозглашения общих принципов к их конкретному наполнению и реализации, используя механизм двусторонних консультаций и региональных организаций.

* * *

В данной статье обозначены далеко не все проблемы торгово-экономических отношений СССР в азиатско-тихоокеанском регионе. Невозможно также в рамках одной статьи сколь-нибудь подробно разобрать пути решения и подходы к накопившимся здесь проблемам. На первых порах поэтому важно привлечь внимание специалистов к затронутым вопросам и вместе искать пути продвижения вперед в рассматриваемой области.

¹ «Правда», 20.V.1987. В статье под государствами АТР понимаются социалистические (КНР, СРВ, КНДР, МНР, Лаос, Кампучия), развивающиеся (члены АСЕАН и малые государства южной части Тихого океана) и развитые капиталистические страны (Япония, Австралия, Новая Зеландия).

² Здесь и далее расчеты по изданию «Внешняя торговля СССР. Статистический сборник» за соответствующие годы.

- ³ См.: «Правда», 17.VIII.1987.
- ⁴ См.: «Коммунист», 1987, № 9, с. 111.
- ⁵ См.: «Правда», 23.VI.1987.
- ⁶ См.: Ю. С. Столяров, В. Г. Швыдко. СССР — Япония: торгово-экономические отношения.— «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 5. «Правда», 5.III, 2.XII.1985.
- ⁷ «Нихон кэйдзай симбун», 25.X.1985.
- ⁸ См.: Социалистическая Республика Вьетнам. М., 1985; М. П. Исаев, А. С. Чернышев. История советско-вьетнамских отношений, 1917—1985. М., 1986.
- ⁹ См.: В. П. Чичканов и др. Дальний Восток на карте Родины. Владивосток, 1986; П. Минакир, О. Рензин, В. Чичканов. Экономика Дальнего Востока: Перспективы ускорения. Хабаровск, 1986.
- ¹⁰ См.: «Правда», 26.VIII.1987; «Экономические науки», 1987, № 12.
- ¹¹ Подробно см.: М. Е. Тригубенко, Н. Л. Шлык. К вопросу об усилении непосредственного сотрудничества дальневосточных районов СССР с социалистическими странами Азии.— «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 4.
- ¹² См.: «Правда», 2.III.1986.
- ¹³ См., например: С. А. Манежев. Использование иностранного капитала в КНР.— «Проблемы Дальнего Востока», 1986, № 3.
- ¹⁴ «Правда», 29.VII.1986.
- ¹⁵ См.: «Известия», 24.VII.1986.
- ¹⁶ Подробно см.: И. Н. Королев. Прибрежная торговля между СССР и Японией.— «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 5.
- ¹⁷ «Известия», 14.XII.1987.
- ¹⁸ См.: Э. С. Гребенщиков. ЭСКАТО — возраст зрелости.— «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 4.
- ¹⁹ «Правда», 9.III.1987, 23.VII.1987.
- ²⁰ См.: «Правда», 9.III; 12.V; 6.VIII; 2.XII.1987.

Американская синология: конфликт поколений?

М. В. КОВАЛЬ,
кандидат экономических наук

В процессе весьма неровной послевоенной эволюции китаеведческая наука в США к началу 80-х гг. оказалась в состоянии довольно глубокого кризиса, свидетельствующего об ее теоретической и методологической слабости. Крупные сдвиги, происшедшие и происходящие во внутренней и внешней политике, заметное поправление политического курса США — все эти процессы нашли отражение в американской синологии. Немаловажное значение имел также тот факт, что американские ученые получили в 70—80-е гг. доступ ко многим материалам политической истории КНР, более глубоко познакомились с «реальным» Китаем, что дало толчок к пересмотру ряда прежних представлений об исторических процессах в Китае. Период «разочарований» в оценках событий в Китае, наступивший в 80-е гг., совпал со сменой «поколений» в американской синологии. В науку вступило новое, «третье» поколение американских китаеведов, получивших образование в 70-е гг., владеющих современной методикой исследования, умеющих применять математические, экономические методы, и подвергающих острой критике теории и концепции ученых «первого» и «второго» поколений.

Неудивительно, что среди синологов США идет весьма острая борьба идей и взглядов, которая затрагивает принципиальные, основные концепции ученых, на которых зиждилось американское китаеведение в послевоенный период. Эта борьба открыто выявилась и продолжает выявляться в ходе широких дискуссий на симпозиумах, семинарах, конференциях и других форумах, проводимых научными обществами и университетами США в 80-е гг. по широкому спектру китайской проблематики.

Характерной чертой сегодняшнего периода, особенно после прихода к власти администрации Рейгана, является заметное и все усиливающееся накопление консервативных тенденций во всех сферах американского китаеведения, правое крыло ученых-синологов все больше занимает агрессивно-наступательную позицию. В процессе традиционной борьбы правоконсервативного и либерального направлений в буржуазной синологии идет пересмотр концепций, отказ от старых стереотипов, выдвижение новых концептуальных схем. В ведущих американских журналах в 80-е гг. появилась серия критических статей по целому ряду методологических проблем изучения современного Китая. Ряд ученых, признавая неудовлетворительный характер синологических знаний в США, крушение прежних концепций, отмечают, что американское китаеведение «не располагает сегодня адекватным прочтением современной политико-культурной истории Китая»¹.

80-е гг., видимо, можно охарактеризовать как период переоценок и самокритики (точнее, критики) американской синологии со стороны нового поколения ученых-синологов. В начале 80-х гг. видный ученый Гуверовского института при Стэнфордском университете Р. Майерс и известный историк Т. Мецгер выступили с рядом статей², в которых подвергли жесткой критике основы американского китаеведения, сложившиеся на предыдущих этапах, в частности концепцию Фэрбэнка о «парадигме модернизации» и примыкающей к ней «революционной парадигме». Эти парадигмы рассматривали социально-политическое развитие Китая как «единый поступательный процесс эволюции китайского общества», логическим результатом которого и стала революция 1949 г., завершившаяся победой «коммунистов-националистов». В соответствии с данной концепцией укрепление в Китае идеологии Мао Цзэдуна и его сторонников, рассматриваемой в 60-е гг. в качестве «китаизированного марксизма», также считалось вполне закономерным явлением. Майерс и Мецгер утверждают, что концепция Фэрбэнка и его схема «челлендж — респонс» («вызов» Запада и «ответ» Китая на него) вообще «не работала» в Китае и не соответствует реалиям современного китайского общества. Ученые отвергают фактически все синологические концепции, разработанные ранее в США, считают их несостоятельными и утверждают, что они «серьезно дезориентировали политических деятелей США». В качестве альтернативы и в связи с крушением прежних концепций авторы предлагают новые, вернее, подновленные версии истории Китая — например, концепцию так называемого «китайского развития», или «дивелопментальную парадигму». Мецгер и Майерс призывают отказаться от «одиозного тезиса» о победе в 1949 г. «живой веры марксизма» над «отмирающими ценностями конфуцианства»³. Таким образом, получается, что ученые обвиняют синологов предыдущего периода чуть ли не в прокоммунистических симпатиях (хотя на самом деле и Фэрбэнк, и Рейшауэр, и многие их последователи делали ставку исключительно на национализм). Мецгер и Майерс, отвергая концепции американских ученых 50—60-х гг. как «прокоммунистические», вновь хотели бы поставить на первый план чисто китайскую традиционную специфику («ценности конфуцианства»), как-то приспособив их к современной ситуации, чтобы «осуществить цели национализма и экономического развития» Китая. По мнению Чалмерса Джонсона (профессора политических наук в Калифорнийском университете), Мецгер и Майерс подчеркивают «позитивные аспекты традиционной политической культуры» и утверждают ее «совместимость с модернизацией». Показательно, что в понятие «модернизация» ученые вкладывают свой, весьма ограниченный смысл — «забытые природные ресурсы развивающегося общества».

Существует и иная точка зрения. Так, Л. Пай в противовес Мецгеру и Майерсу подчеркивает не позитивное, а «негативное воздействие традиционной политической культуры» на развитие Китая, что проявилось, по его мнению, «в жестокой фракционной борьбе среди правящей элиты». Объединяя эти разноречивые оценки, Ч. Джонсон говорит, что оба подхода фактически рекомендуют дальнейшее развитие синологии в качестве «лекарства для лечения синологии»⁴. Таким образом, Джонсон также считает, что прежние концепции синологов США были несовершенными и далеко не идеальными, но неправильное в них, по его мнению, — это не отсутствие «культурных параметров», но смешивание «мифических и реальных аспектов конкретной китайской политики». Миф слишком часто принимался за действительность, говорит Джонсон, считая, что американские ученые в своих китайских исследованиях игнорировали разрыв между «идеальным и реальным»⁵. В конечном итоге ученый соглашается с мнением и Мецгера — Майерса и Пая и

предлагает некую новую широкую парадигму, которая должна подчеркивать «влияние китайской культуры на современную политику».

С критикой современного состояния синологии США выступают также Л. Диттмер, директор Центра китайских исследований при Калифорнийском университете (Беркли) и Г. Хардинг, один из ведущих сотрудников Брукингского института в Вашингтоне.

Критикуя «застой» и «современную летаргию», то есть определенный спад активности среди ученых США в деле изучения Китая в конце 70-х — начале 80-х гг., сокращение числа серьезных и глубоких публикаций по китайской проблематике, Хардинг приходит к вполне реалистическому выводу, что в американской синологии наблюдаются «симптомы переходного периода между двумя поколениями ученых» и что концепциям, выдвинутым предыдущим поколением, был брошен «серьезный вызов»⁶.

Хардинг подвергает критике работы, написанные в 60-е гг. рядом ведущих сиологов США, в том числе А. Барнетом, Д. Люисом, Ф. Шурманом, С. Шрамом, Э. Вогелем, Дж. Таунсетом и другими учеными «первого поколения», которых он обвиняет в отсутствии сравнительного анализа, в том, что большинство работ носило «описательный характер», отличалось «формализмом», авторы в основном опирались на официальные китайские источники, искажавшие реальную картину событий в Китае, а также на показания китайских беженцев в Гонконг и радиопередачи. В трудах этого периода наряду с широтой и масштабностью, пишет Хардинг, отсутствовали «собственные концепции авторов», и не случайно некоторые американские ученые писали еще в начале 70-х гг., что «не только сам Китай, но и наука о Китае находятся в кризисе»⁷. Первое поколение, отмечает Хардинг, не только не предсказало «культурную революцию», а, напротив, подчеркивало наличие «единства и стабильности» в китайском руководстве, что не соответствовало действительности.

«Второе поколение» — ученые конца 60-х и первой половины 70-х гг., опираясь в основном на материалы хунвэйбинов, давали свою новую трактовку политики, политической истории и культуры Китая, анализировали официальные и реальные стороны деятельности КПК и смогли выдвинуть интересные концептуальные идеи на базе новых достижений социальных наук. Их работы (например, Р. Соломона, Л. Пая и др.) способствовали, по мнению Хардинга, теоретическому углублению синологических исследований, но и они рассматривали Китай слишком изолированно, некритически относились к позиции маоистов, идеализировали «культурную революцию» и маоизм как «особую», специфически китайскую форму марксизма. Практически они также не смогли определить реальную перспективу событий в Китае, характера и результатов «культурной революции», не смогли предсказать повороты во внутренней и внешней политике Китая к началу 80-х гг.

В работе Хардинга довольно выпукло проявились те изменения во взглядах на Китай, которые наблюдаются в американской историографии с начала 80-х гг. Оценивая процессы, происходящие в американской синологии, Хардинг писал в 1982 г., что отношение американцев к Китаю можно сравнивать с «колебаниями маятника», отмеряющего регулярные циклы «романтизма и цинизма, идеализации и презрения»⁸.

Если для периода «культурной революции» и для всего периода 70-х гг., когда шел процесс быстрого улучшения китайско-американских отношений, была характерна «идеалистическая риторика», то 80-е гг. можно назвать периодом «выздоровления от китайской лихорадки», периодом разочарования американских ученых и «освобождением их от иллюзий по поводу достижений китайских коммунистов»⁹. Так, если в 70-е гг. многие ученые США

считали, что Китай уже достиг больших успехов, позволяющих ему соперничать с развитыми странами, что Китай — образцовая «модель социально-экономического развития» не только для развивающихся, но и для ряда развитых стран¹⁰, то в 80-е гг. дискуссии о «китайской модели» прекратились. Ученые США стали говорить об ошибках, неудачах, неэффективности китайской экономики, что сказалось и на политическом курсе КНР. Этот критический подход характерен и для оценок Хардингом политики Китая на международной арене. Хардинг считает, что в настоящее время новое, «третье поколение» китаеведов США ищет новые концепции и идеи для объяснения процессов, происходящих в Китае. Причем «третье поколение» ученых имеет ряд преимуществ — они не только могут пользоваться новыми источниками информации (архивными, китайскими публикациями, которых раньше не получали, и т. д.), но и наблюдать непосредственно, своими глазами политические процессы в Китае, брать интервью у политических деятелей и ученых Китая, вникать во все события на месте (то есть проводить так называемые «филдстадиз» — «полевые исследования»).

Важной задачей ученых «третьего поколения» является, как отмечает Хардинг, анализ содержания реформ, проводимых в 80-е гг., включая перестройку экономики, «демократизацию и легализацию» политической системы, «либерализацию» культурной жизни, то есть весь круг экономических и социально-политических проблем Китая.

Критике и самокритике подвергаются и внешнеполитические концепции американских ученых, изучающих внешнеполитические проблемы Китая, и особенно китайско-американские отношения. В американской политологии в 80-е гг. развернулась также острая полемика о целях и содержании политики США в отношении Китая и Восточной Азии в целом. Продолжаются серьезные дискуссии по внешнеполитическим проблемам конца 40-х — начала 50-х гг., в частности по вопросу о том, почему США не удалось еще тогда, до начала корейской войны, нормализовать отношения с Китаем.

Этот вопрос всесторонне обсуждался на конференции американских ученых в Нью-Йорке, состоявшейся в июне 1978 г., в которой участвовало более 30 ведущих ученых США — синологов и политологов, в том числе Д. Борг, У. Коэн, В. Хайнрих, С. Левин, М. Хант и др. На конференции были обсуждены и проанализированы взаимоотношения и взаимодействие трех основных сил китайско-американских отношений в 1947—1950 гг. — США, китайских коммунистов и китайских националистов. По материалам конференции в 1980 г. была выпущена книга «Неопределенные годы. Китайско-американские отношения, 1947—1950» под редакцией Д. Борг и В. Хайнриха¹¹. В 1983 г. вышла книга Н. Такер «Неясные контуры политики», посвященная тем же проблемам в период нескольких месяцев конца 1949 — начала 1950 г., которые автор считает наиболее «критическими», «определившими последующее многолетнее китайско-американское разобщение»¹². Американские ученые продолжают искать пути для оправдания политики США в отношении Китая в тот период, пытаются «персонифицировать» вину отдельных политических деятелей и доказать «дружелюбие» США по отношению к Китаю в целом. В конце 70-х — начале 80-х гг. были открыты новые архивные материалы 40—50-х гг., которые позволили ученым по-новому поставить вопрос о том, кто «виноват» в «потерянном шансе» в Китае.

Иногда эти «новые подходы» к процессам, происходившим в Китае 40 лет назад и в политике США в тот период, приводят американских ученых к полному отказу от их же собственных прежних выводов.

Весной 1985 г. в американском научном журнале «Дипломэтик истории», выпускаемом Обществом историков-международников, появились две статьи: статья У. Коэна, профессора истории, директора Центра восточно-азиатских исследований в Мичиганском университете, который уделял много внимания в 70—80-е гг. проблемам американской историографии международных и китайско-американских отношений, и статья М. Шэллера, известного сиолога-международника, профессора Аризонского университета. Статьи различны и по названию, и по подходам, но есть у них один общий момент — они касаются периода 1949—1950 гг., поэтому их можно сопоставлять и делать некоторые выводы, которые могут представлять для нас интерес¹³.

У. Коэн в своей статье «История отношений США с Восточной Азией: самая острая проблема истории» пытается опровергнуть мнение американского ученого-международника Ч. Мэйера, опубликовавшего в 1980 г. критическую статью о слабом изучении в США в 70-е гг. истории международных отношений. Мэйер утверждал, что научные работы того периода были методологически устаревшими, что наука о внешнеполитических проблемах оказалась «жертвой вьетнамской войны», что ученые США отвечали только на те вопросы, на которые у них «уже заранее были готовы ответы», и не изучали по-настоящему сложных проблем в истории взаимоотношений США с другими странами. Он утверждал также, что работы политологов в США были написаны «не на профессиональном уровне», ученые пытались доказать, что в историографии международных отношений США не было ведущего лидера, который мог бы возглавить эту область знаний. Статья Мэйера, так же как и статьи Мецгера — Майерса, взбудоражила научные круги в США. Коэн пишет, что ученые-политологи всех штатов Америки с Востока до Запада начали «копаться в душах друг друга». По инициативе журнала «Дипломэтик истории» в 1981 г. был созван специальный симпозиум, после которого были опубликованы статьи, где аргументы Ч. Мэйера были в основном приняты, но ряд ученых выступил в то же время с критикой его позиций (в том числе А. Ирнэ и У. Коэн).

Коэн отмечал, что задачу изучения отношений США со странами Восточной Азии в 70-е гг. верно определил Фэрбэнк, что на эту тему еще в 30-е и 40-е гг. были написаны добротные работы Т. Деннета, У. Грисуолда, Д. Борг, а в более поздние годы — работы Э. Мэя, Дж. Томсона и ряда других ученых. Особенно высоко он оценивает работы А. Ирнэ, Э. Мэя и М. Шэллера, которые, как отмечает Коэн, написаны по новой методологии и отвечают на самые животрепещущие вопросы. Коэн явно пытается отстоять позиции, характерные для «гарвардской школы» в Китаеведении США, и смягчить происходящую в американской науке международных отношений борьбу, сблизить позиции ученых США. Свои положения он стремится доказать на примере изучения учеными США китайско-американских отношений в «критический период» конца 40-х гг. Однако факты, на которые опирается ученый, не слишком удачны, а что касается его оценки позиции Шэллера (М. Шэллер в 1979 г. выпустил две книги — «Крестовый поход США в Китае» и «США и Китай в XX веке»¹⁴), то здесь у Коэна вообще не сходятся концы с концами. Показательно, что главные положения статьи Коэна прямо противоречат взглядам того же М. Шэллера, изложенным в статье последнего, опубликованной в этом же номере журнала.

Статья М. Шэллера крайне примечательна и заслуживает особого внимания с точки зрения появления новых оценок в американской политологии в 80-е гг., занимающейся изучением отношений США с Китаем в 40—50-е гг. Шэллер пытается опровергнуть распространенное в 70-е гг. в американской науке мнение о том, что существовала «объективная неизбежность» конфликта США и Китая в 1949—1950 гг. Для обоснования своих положений Шэллер анализирует два

новых документа, найденных им в архивах госдепартамента,— письма, написанные в 1950 г. известными учеными и дипломатами США О. Клаббом и Д. Дэвисом. Статья Шэллера так и называется: «Генеральный консул О. Эдмунд Клабб, Джон П. Дэвис и «неизбежность» конфликта между США и Китаем, 1949—1950: новые документы и комментарии»¹⁵. Шэллер полностью дезавуирует идею Коэна о том, что дискуссия в «Дипломэтик хистори» в 1981 г. помогла выяснить причину углубления конфликта между США и китайскими коммунистами. Шэллер считает, что мнения на этом форуме разделились, что часть американских ученых придерживалась традиционных взглядов, характерных для 50—60-х гг., и обвиняла КПК в «догматической позиции», указывая что де тесные связи КПК с СССР «делали невозможным» смягчение отношений между США и Китаем.

Другие ученые, в том числе Хант, напротив, утверждали, что именно отсутствие всякой определенности в политике США, «антикоммунистические предрассудки» в правящих кругах, прямой отказ Вашингтона откликнуться на зондаж со стороны тех, кто сочувствовал КПК,— вот истинная причина китайско-американской враждебности. Клабб, считает Шэллер, встал на сторону Ханта и доказывал и как дипломат-практик, и как ученый, что китайские коммунисты действительно проявляли в 1949 г. большой интерес к установлению отношений с США, активно зондировали возможность установления тесных контактов с правительством США, но этот зондаж был отвергнут правительством Трумэна. Таким образом, Клабб ставит под сомнение саму постановку вопроса о «неизбежности» конфликта, полагая, что более мягкая политика с одной или с обеих сторон в 40-е гг. вполне могла бы привести к частичному сближению США и Китая¹⁶.

Однако Шэллер не считает эту позицию Клабба и других «умеренных» дипломатов и ученых (включая Д. Ачесона, Ф. Спроуза, Ф. Джессапа, Дж. Кеннана, Дж. Дэвиса и др.) достаточно искренней. В статье он разоблачает и едко высмеивает лицемерие и двуличие Клабба, его негативную роль в развитии китайско-американских отношений. К весне 1950 г., пишет Шэллер, многие «умеренные», в том числе и Клабб, «потеряли почти всю свою веру в сближение с китайскими коммунистами». Когда О. Клабб вернулся из Китая в США в начале 1950 г., то уже тогда он выступал за проведение «жесткой линии» по отношению к Китаю, которая, по мнению Шэллера, была лишь «чуть-чуть более сдержанной», чем резко воинственная позиция министерства обороны и генштаба США. А ведь до этого, подчеркивает Шэллер, Клабб «симпатизировал коммунистическому движению в Китае» и даже подвергся преследованиям за это в США в период маккартизма в начале 50-х гг.¹⁷, а его авторитет как ученого, симпатизирующего китайским коммунистам, особенно вырос после публикации в 1974 г. его записок «Свидетель и я»¹⁸.

Ссылаясь на найденное в архивах США сверхсекретное письмо Э. Клабба Джону Кеннану (возглавлявшему Комитет политического планирования при госдепартаменте США), написанное после того, как правительство КНР в январе 1950 г. реквизирировало часть территории американского консульства в Пекине, Шэллер обвиняет Клабба в «откровенно антикитайском настроении» и утверждает, что негативная позиция госдепартамента США по вопросу признания КНР после ее создания определялась именно этим письмом Клабба, которое «циркулировало среди членов Комитета политического планирования» и активно влияло на их мнение. Шэллер говорит, что в этом письме Клабб крайне отрицательно оценил роль китайской компартии в революционном движении Китая, охарактеризовал КПК как «прислужницу Советского Союза», а методы деятельности ее руководителей сравнивал даже с методами «гитлеровского руководства» в Германии. Клабб прямо призывал «готовиться к воору-

женной войне с Китаем» и рекомендовал использовать «японских партизан» для «атаки на коммунистический Китай»¹⁹. Шэллер считает, что подобные оценки и рекомендации Клабба вполне можно сравнить с тактикой «подготовки антисоветских восстаний в Восточной Европе». Судя по данному письму, О. Клабб выглядит как настоящий «ястреб», считающий неизбежной и необходимой атомную войну против Советского Союза, как деятель, прямо пытавшийся настроить китайский народ против СССР, старавшийся подогреть контрреволюционные силы в Китае и добиться их активных выступлений против китайских коммунистов. Показательно, что Клабб в своем письме рекомендует Вашингтону не помогать ни гоминьдану, ни КПК — то есть занять «позицию выжидания»: пусть-де Китай «сам расхлебывает эту кашу, которую КПК и гоминьдан сварили для народа!»²⁰. Одновременно Клабб делает ставку на азиатский национализм, советует проводить политику объединения всех стран Азии, не оказывая помощи местным лидерам типа Чан Кайши, и, учитывая, что «главной эмоциональной силой в сегодняшнем мире является дух объединенного национализма». Клабб призывает к объединению национализма Японии и Германии вокруг США в прямых антисоветских целях, чтобы «вышибить Советы из седла».

Что касается КНР, то Клабб советовал найти новых лидеров в Китае, которые выступили бы против тесного союза с СССР, предлагал введение полной экономической блокады КНР, то есть делал ставку на «жесткую, грубую тактику» в отношении Китая, с тем чтобы его лидеры «поняли свою ошибку» и «отшатнулись бы от Москвы»²¹.

Клабб предлагал также разжигать антикитайские националистические чувства среди вьетнамцев, тибетцев, монголов и других нацменьшинств, а также мусульман в Западном Китае, с тем чтобы и там подогреть реакционный национализм и китайскую ксенофобию²².

Это письмо, откровенно и недвусмысленно направленное против китайских коммунистов, оказало, как свидетельствует Шэллер, прямое воздействие и на позицию Дж. Дэвиса — наиболее влиятельного советника Дж. Кеннана, основного выразителя «умеренных взглядов в госдепартаменте США по вопросу об отношении к Китаю»; как отмечает Шэллер, именно Дэвис сдерживал американских политиков от прямых «выпадов против китайских коммунистов». После же прочтения письма Клабба Дэвис, по словам Шэллера, стал характеризовать Китай в своем секретном меморандуме как страну, «попавшую в орбиту Москвы», предлагал организовать «контрреволюционное движение в Китае и Северной Корее», чтобы «ликвидировать коммунистическую систему», «отколоть революционные силы в Азии от Советского Союза». Он ставил задачу отделения Южного Китая, создания там «регионального правительства», предлагал начать в азиатских странах «революцию снизу», создав там «ситуацию силы», укрепить позиции США в Азии — «от Пакистана до Филиппин», добиваясь полного «отчуждения революционных движений от коммунистов». Настало время, писал Дэвис, открыть «новый фронт в борьбе за умы и чувства» азиатского крестьянства, увеличить помощь и присутствие США в Юго-Восточной Азии и стимулировать «китайско-советский разрыв»²³.

Таким образом, подвергнув резкой критике изменение уже в самом начале 50-х гг. позиции ведущих американских ученых и политических деятелей в отношении КНР и политики руководства КПК, М. Шэллер продемонстрировал тенденциозность американской науки, ее чисто конъюнктурный подход к историческим событиям, что еще раз подтверждает выводы ряда ученых США о перманентном «кризисном состоянии» американской синологии.

Взгляды самого Шэллера по проблеме «потерянного шанса» в Китае, опи-

равшиеся в данной статье на новые архивные материалы, идут вразрез с мнением ведущего большинства ученых-синологов, пытающихся в 80-е гг. выискивать причины для оправдания вашингтонской администрации за непризнание КНР еще в 50-е гг.

Не исключено, что открытие дипломатических и государственных архивов в дальнейшем и появление новых интересных и неизвестных ранее документов по данному вопросу еще больше прольют свет на политику США в Китае в этот острый период.

¹ T. A. Metzger, R. H. Myers. *Sinological Shadows: a Shape of Modern China Studies in the United States.— Methodological Issues in Chinese Studies*. N. Y., 1983, p. 14—50.

² In: R. H. Myers, T. A. Metzger. *Sinological Shadows: the State of Modern China Studies in the United States.— "Washington Quarterly"*, Spring 1980, p. 87—144; T. A. Metzger. *Political Modernization, Utopianism, and Skepticism: Notes on the Present Situation of the Republic of China*. Paper presented at the California Regional Seminar on Chinese Studies. Berkeley, December 5, 1981.— *"Asian Survey"*, 1982, № 10, p. 931.

³ *Methodological Issues in Chinese Studies*, p. 20.

⁴ *"Asian Survey"*, 1982, № 10, p. 920.

⁵ Ch. Johnson. *What's Wrong with Chinese Political Studies.— "Asian Survey"*, 1982, № 10, p. 920—921.

⁶ H. Harding. *The Study of Chinese Politics: toward a Third Generation of Scholarship.— "World Politics"*, 1984, № 2, p. 284—307.

⁷ R. Wilson. *Chinese Studies in Crisis.— "World Politics"*, 23. I, 1971, p. 295—317.

⁸ H. Harding. *From China with Disdain. New Trends in the Study of China.— "Asian Survey"*, 1982, № 10, p. 934.

⁹ *Ibid.*, p. 936.

¹⁰ *Ibid.*, p. 940.

¹¹ *Uncertain Years. Chinese-American Relations, 1947—1950*. N. Y., 1980.

¹² N. Tucker. *The Patterns in the Dust. Chinese — American Relations and Recognition Controversy, 1949—1950*. N. Y., 1983.

¹³ *"Diplomatic History"*, 1985, № 2, p. 101—112, 149—160.

¹⁴ M. Schaller. *U. S. Crusade in China, 1938—1945*. N. Y., 1979; его же: *The United States and China in the Twentieth Century*. N. Y., Oxford, 1979.

¹⁵ *"Diplomatic History"*, 1985, № 2.

¹⁶ *Ibid.*, p. 149.

¹⁷ О. Э. Клабб почти все 30-е гг. провел на дипломатической службе в Китае, во время второй мировой войны работал в посольстве США в СССР, в 1945 г. после поражения Японии вернулся в Мукден в консульство США, в конце 1947 г. стал генконсулом США в Пекине и вплоть до 1950 г. был главным поставщиком информационных и аналитических материалов по Китаю в Вашингтон. — *Ibid.*, p. 150.

¹⁸ O. E. Clubb. *The Witness and I*. N. Y., 1974.

¹⁹ *"Diplomatic History"*, 1985, № 2, p. 151.

²⁰ *Ibid.*, p. 154—155.

²¹ *Ibid.*, p. 156.

²² *Ibid.*, p. 157.

²³ *Ibid.*, p. 152, 159—160.

Империалистическая Япония и индийское освободительное движение в период войны на Тихом океане

*А. В. РАЙКОВ,
доктор исторических наук*

В агрессивных планах японского империализма Индия в течение длительного времени не занимала заметного места, поскольку его первоочередными задачами были выход на границы Советского Союза, захват Китая, Монголии, а также стран Южных морей. В известном «меморандуме Танака» Индия названа как одна из целей агрессивных устремлений именно в таком порядке — ее очередь должна была наступить после порабощения Китая и Монголии.

Однако когда после начала войны на Тихом океане в декабре 1941 г. Япония вышла на границы Британской Индии и в 1942 г. поделила с фашистской Германией будущие сферы влияния, проведя демаркационную линию по 70° восточной долготы (направление Ташкент — Кабул и далее по реке Инд), то стало ясно, что планы относительно Индии у Японии имеются, и достаточно серьезные.

В 1942 г. на оккупированной японскими войсками территории Малайи и Бирмы было начато формирование из пленных индийских солдат так называемой Индийской национальной армии (ИНА), которой вначале командовал капитан Мохан Сингх, а затем видный деятель индийского освободительного движения Субхас Чандра Бос. В 1944 г. части ИНА совместно с японскими войсками вели военные действия на индийской границе. В связи с этим встают заслуживающие внимания вопросы: какими были подлинные цели Японии в отношении Индии, как она относилась к вопросу об индийской независимости, каким был подлинный смысл взаимоотношений японских империалистов с индийским патриотическим движением за пределами Индии, в странах Юго-Восточной Азии.

Эти вопросы представляют далеко не академический интерес. Они оживленно обсуждаются в исторической литературе, и с годами их актуальность не только не утрачивается, но, наоборот, возрастает.

Вскоре после окончания второй мировой войны японское правительство предприняло попытку извлечь политический капитал из факта сотрудничества с С. Ч. Босом. В 1956 г. был опубликован доклад 4-го отдела Азиатского бюро МИД Японии «Субхас Чандра Бос и Япония»¹. После окончания американской оккупации Япония сразу же проявила заинтере-

сованность в налаживании контактов с азиатскими государствами, что и определило общее направление доклада. В нем превозносилась «помощь», оказанная С. Ч. Босу Японией и утверждалось, что японские солдаты проливали кровь в Бирме, чтобы помочь ему вести борьбу за независимость Индии. Авторы доклада выражали надежду на то, что «величайшие жертвы» Японии послужат «мостом» для развития отношений с Индией.

Японские офицеры Иваити Фудзивара, Хидэо Ивакуро и Ямамото (первые два стали позже генералами), обеспечивающие в годы войны контакты между С. Ч. Босом и японским командованием, в своих воспоминаниях и статьях пытаются доказать, что Япония вела войну, чтобы обеспечить азиатским народам возможность обрести независимость; не забывают они и себя представить «искренними борцами» за независимость Индии. Как правило, японские авторы сильно преувеличивают роль С. Ч. Боса в достижении Индией независимости, за чем скрывается прозрачное стремление изобразить Японию причастной к этому делу².

Неблагодарную задачу по реабилитации бывшего врага, а теперь верного союзника США на Дальнем Востоке взяла на себя профессор Калифорнийского университета Дж. Лебра, откровенно сожалея, что «образ Японии, созданный в результате работы Международного военного трибунала в Токио, — образ самой хищной милитаристской силы — долгое время превалировал на берегах Тихого океана». Профессор уверяет, что подлинные цели Японии остались скрытыми в архивах. И эти «подлинные цели» якобы заключались не в том, чтобы поработить азиатские народы, а в «защите своих жизненных интересов, которым угрожала наступательная политика западного империализма». В ее трактовке «азиатская сфера процветания» — это не программа закабаления азиатских народов, а средство обеспечить им возможность для экономического, политического и культурного сотрудничества. Дж. Лебра всячески стремится приукрасить японскую политику в отношении Индии в годы войны, уверяя читателя, что военный преступник Хидэки Тодзио сочувствовал стремлению индийского народа к свободе, и называет И. Фудзивару «повивальной бабкой» индийской революции³.

На диаметрально противоположных позициях стоят индийские авторы. В своих воспоминаниях лидеры индийской общины в странах Юго-Восточной Азии и участники патриотического движения периода войны единодушны в выражении чувства горечи по поводу обманутых надежд, связанных с лицемерными обещаниями японского правительства помочь индийскому народу⁴.

Объективно оценивают роль Японии, последовательно разоблачая ее империалистическую политику в отношении азиатских народов и индийского освободительного движения, и индийские историки — авторы многочисленных трудов о С. Ч. Босе и освободительной борьбе индийцев в странах Юго-Восточной Азии.

Как известно, начиная войну против Соединенных Штатов и Англии в 1941 г., японские империалисты выдвинули демагогические лозунги «Азия для азиатов» и «Вон белых варваров из Азии». Надежд на привлечение на свою сторону лидеров освободительного движения в самой Британской Индии у них не было, поскольку последние стояли на антифашистских позициях и, кроме того, осудили японскую агрессию против Китая. Японцам не удалось привлечь на свою сторону в начале войны ни одного сколько-нибудь видного деятеля индийского освободительного движения. Но оказались безуспешными попытки завязать отношения с представителями индийских патриотических организаций в странах Юго-Восточной Азии, с тем чтобы использовать их в чисто военных целях. Еще в апреле 1941 г. в

Таиланд был послан майор Иваити Фудзивара, который вступил там в контакт с индийским революционером Притам Сингхом, руководившим организацией «Независимая лига Индии». По замыслу Фудзивары, он со своими сторонниками должен был в случае начала войны развернуть антибританскую пропаганду среди индийских солдат в британских гарнизонах и настроить в пользу японцев индийскую общину в странах Юго-Восточной Азии⁵.

Притам Сингх и в дальнейшем поддерживал контакты с японскими представителями. 4 декабря 1941 г., то есть за три дня до начала войны на Тихом океане, японский консул в Бангкоке Тамура подписал соглашение с П. Сингхом, согласно которому Япония должна была поддерживать борьбу «Независимой лиги Индии» за свободу страны, а после ее освобождения не требовать от Индии никаких уступок политического, экономического, территориального или военного характера. В интересах борьбы за независимость предусматривалось и создание воинских контингентов из индийцев, живших в Малайском регионе⁶.

Это соглашение намечало как контуры патриотической деятельности индийцев в странах Юго-Восточной Азии, так и принципы их взаимоотношений с японскими властями. Тамура подписал его от своего имени, и эта акция лишь позже была санкционирована японским правительством с характерной оговоркой, что будущие индийские воинские формирования будут действовать в поддержку Японии, а не в пользу индийской независимости⁷.

Когда в декабре 1941 г. началось японское наступление в Малайе и Бирме, японская армия распространяла среди местного населения листовки, выдержанные в паназиатском духе. Индийских солдат призывали убивать английских офицеров и сдаваться в плен. Вместе с тем была начата разработка долгосрочной политики в отношении Индии. Японское правительство сделало ставку на Раш Бехари Боса, бывшего индийского революционера, который тридцать лет прожил в Японии и давно утратил связи с освободительным движением на родине. Он был поставлен во главе Лиги индийской независимости, многочисленные отделения которой стали создаваться при поощрении японских властей в Малайе и Бирме. К созданию отделений лиги призывали и лидеры индийской общины в этом регионе, рассматривавшие ее как организацию, необходимую для борьбы за освобождение Индии, а также для защиты индийского населения в регионе от произвола оккупационных властей. Один из них, К. С. Гиани, писал, что индийцы «знали японцев слишком хорошо, чтобы сделать вывод, что это безжалостный народ. Их обращение с враждебными народами было жестоким и варварским»⁸.

Так с самого начала обнаружили недоверие и подозрительность во взаимоотношениях двух сторон. Майор Фудзивара щедро расточал обещания о помощи Японии в борьбе индийцев за независимость, оккупационные власти поддерживали деятельность Лиги индийской независимости, премьер Тодзио сделал несколько заявлений, касавшихся Индии. 16 февраля 1942 г., в день падения Сингапура, он заявил, что для Индии возникает блестящая возможность «участвовать» в создании «великой восточно-азиатской сферы процветания»⁹. В выступлениях в парламенте в марте и апреле Тодзио призвал Индию воспользоваться благоприятной ситуацией и реализовать лозунг «Индия для индийцев».

4 апреля 1942 г. Тодзио заявил, что осенью 1942 г. британская власть в Индии будет сокрушена, и выразил надежду на то, что индийцы

избегнут бедствий войны и воспользуются благоприятной возможностью, чтобы свергнуть английское иго¹⁰.

Во всех этих высказываниях, однако, чувствовалась известная неуверенность. Было очевидно, что немедленное вторжение в Индию невозможно: у Японии попросту не хватало для этого сил. Однако дело было не только в этом. Британская Индия была слишком большой, чтобы ее можно было подчинить с такой легкостью, как Малайю или Бирму. У японских империалистов, отдававших себе отчет в сложности этой задачи, прослеживалось в то же время высокомерно-расистское пренебрежение к индийскому народу, сопровождаемое опасениями возможных социальных потрясений. По мнению японских официальных лиц, даже в случае победоносной революции индийцы не смогли бы создать независимое государство, а Япония — установить контроль над субконтинентом с 400 млн. жителей. При таких обстоятельствах, писал германский посол в Японии Отт, «японцы опасаются, что Индия станет жертвой большевизма»¹¹.

Но самым серьезным препятствием для осуществления японских агрессивных планов в отношении Индии было то, что японским империалистам не удалось привлечь на свою сторону лидеров индийского национально-освободительного движения. Индийский национальный конгресс четко сформулировал свое отношение к Японии как к империалистической силе. Агрессия в Китае раскрыла глаза думающим индийцам на подлинную суть японской политики.

В начале июня 1942 г., когда можно было ожидать японского вторжения в Индию, М. Ганди в интервью американскому журналисту Фишеру заявил: «Я никогда не придавал ни малейшего значения или веса дружественным высказываниям «стран оси». Если они придут в Индию, они придут не как избавители, но за своей долей добычи»¹².

Ганди отвергал всякую мысль о том, что он питает расположение к японцам: «Что касается японцев, я уверен, что мы должны отдать свои жизни, чтобы сопротивляться им так же, как мы должны сопротивляться британцам. Разрушение британской власти не зависит от японского или германского оружия»¹³. В августе того же года он назвал возможное вторжение японцев «бедствием первой величины»¹⁴ и выступал за оказание индийцами сопротивления Японии. В таком же духе высказывался Дж. Неру¹⁵.

Учитывая все эти обстоятельства, японское правительство сосредоточило усилия на использовании в своих целях трехмиллионной общины индийцев, проживавших в странах Юго-Восточной Азии. Но и здесь его ожидали значительные трудности. После захвата Малайи и падения Сингапура в руки японской армии попало несколько десятков тысяч пленных индийских солдат из британских гарнизонов. Безвестный до того времени капитан Мохан Сингх, сдавший со своим батальоном в декабре 1941 г., встретился с майором Фудзиварой, который с целью привлечь его на сторону Японии вел разговоры об освободительной миссии Японии в Азии, об исторических связях между двумя странами, об общем для них враге — Британии. Между ними было заключено соглашение о формировании из пленных индийских солдат Индийской национальной армии, которой предстояло якобы бороться за освобождение Индии. Взятый за выполнение этой задачи Мохан Сингх повел среди пленных энергичную агитацию, убеждая их вступать в ИНА. Около 40 тыс. солдат и офицеров, одни — руководствуясь патриотическими побуждениями, другие — чтобы избежать японских концлагерей, изъявили желание вступить в формируемую армию. Впрочем, Мохан Сингх сомневался в искренности уверений японцев в желании

помочь индийскому народу в его борьбе и с самого начала не доверял Фудзиваре. Как писал К. С. Гиани, он хотел создать сильную ИНА, которая «могла бы противостоять даже японцам в случае возникновения непредвиденных обстоятельств»¹⁶.

Со своей стороны японское командование отдавало отчет в наличии сильных антияпонских настроений как среди гражданского индийского населения, так и в ИНА. Лидеры Лиги индийской независимости постоянно подчеркивали, что патриотическое индийское движение в Юго-Восточной Азии лишь дополняет освободительное движение в самой Индии под руководством ИНК, антияпонские позиции которого были хорошо известны японскому правительству. Поэтому японское командование дало согласие на формирование лишь одной дивизии ИНА численностью в 10 тыс. человек. Вооружена она была устаревшим и нередко неисправным легким оружием из захваченных английских складов.

Таким образом, с самого начала ИНА формировалась в противоречивых условиях, когда обе стороны не доверяли друг другу. Если лидеры индийской общины в Малайе и Бирме, а также командиры ИНА руководствовались патриотическими целями, надеясь принять участие в освобождении родины от колониального гнета, то японское командование рассматривало ИНА как пропагандистский инструмент для подрыва лояльности индийских солдат, служивших в британской армии, для использования в качестве диверсантов и разведчиков в Индии. Вопреки прежнему обещанию, индийские пленные, не вступившие в ИНА, не были переданы Мохан Сингху. Японское командование также постоянно стремилось ослабить ИНА, бесцеремонно изымая из ее состава солдат. Как правило, они направлялись небольшими группами на различные острова, где их использовали на вспомогательных и оборонительных работах. Иногда осуществлялись и более существенные изъятия. Так, из ИНА была отозвана тысяча зенитчиков. Их обязали принять присягу на верность императору, придали японским частям, и больше их никто не видел. «Не было сомнений, что японцы хотели господствовать над нами и использовать нас, как им захочется», — писал бывший полковник ИНА Н. С. Гилл¹⁷.

Для осуществления контроля над ИНА и Лигой индийской независимости был создан специальный орган, роль которого с течением времени все больше возрастала. Вначале по имени руководившего им офицера он назывался «Фудзивара кикан», а затем по имени сменившего его более влиятельного полковника — «Ивакуро кикан». Число его сотрудников быстро увеличивалось, пока не достигло 500 человек. Он стал весьма разветвленной организацией и имел департаменты пропаганды, разведывательный, политический и другие, «деятельность которых оставалась тайной»¹⁸. Не случайно индийцы по аналогии с английским министерством по делам Индии называли «Ивакуро кикан» эмбрионом японского министерства по делам Индии.

«Ивакуро кикан» установил жесткий контроль не только над деятельностью лиги и над ИНА, но также над жизнью всей индийской общины в Юго-Восточной Азии.

Очень скоро выявилась грабительская сущность установленного Японией военно-колониального режима, и всякие иллюзии относительно ее «освободительной миссии» рассеялись. Экономика Малайи и Бирмы была подорвана, а местное население, включая индийское, подвергалось беспощадной эксплуатации на строительстве военных объектов. Особенно печальную известность получила так называемая «дорога смерти», строившаяся между Бирмой и Таиландом. Индийских рабочих, схваченных во время полицейских рей-

дов, перебрасывали туда в товарных вагонах, набитых до отказа. Не менее 100 тыс. индийцев погибли от непосильного труда на строительстве этой дороги¹⁹.

Соратник С. Ч. Боса М. Шиварам характеризовал японский оккупационный режим как «безжалостную тираннию». Не удивительно, что для индийцев в те дни, по его словам, было в обычае «не афишировать свое сотрудничество с японцами»²⁰.

Постепенно в отношениях между японскими властями и лидерами Лиги индийской независимости и ИНА начала нарастать напряженность. Многочисленные случаи безжалостного отношения к гражданскому населению, бесцеремонное и наглое обращение с персоналом ИНА вызывали острое недовольство, перераставшее в протест. Когда японское командование задумало направить в Бирму 900 солдат ИНА, Мохан Сингх решительно отказался.

Бесплодные переговоры между сторонами породили вопрос об оставленной бежавшими индийцами собственности: японское командование отказывалось признать ее собственностью лиги.

Когда руководители влиятельного Малайского отделения лиги попытались выяснить отношения с представителями японского командования, то последние в вызывающей форме заявили: «Престиж индийцев — второстепенная вещь по сравнению с выполнением приказов главнокомандующего»²¹. Японские офицеры дали ясно понять индийцам, что они не могут рассчитывать на какую-либо самостоятельность в своих действиях. Полковник Китабэ заявил: «Смешно для Совета действия (руководящий орган лиги) принимать какие-либо решения без попытки узнать, приемлемы они для японского правительства или нет»²². Впервые индийские лидеры почувствовали, насколько опасен их союзник. Мохан Сингх писал по этому поводу, что японцы «открыто показали свой кулак без бархатной перчатки»²³.

Поскольку руководители индийской общины не обнаруживали желания подчиниться японскому диктату, в отношениях между двумя сторонами назревал кризис, который и разразился в конце 1942 г. Поводом к нему послужила постановка индийскими представителями вопроса, который они считали важнейшим для дальнейшего развития движения индийцев в Юго-Восточной Азии за освобождение своей родины. Тревожась за судьбы индийцев Юго-Восточной Азии, испытывая беспокойство по поводу своего сотрудничества с таким опасным союзником как империалистическая Япония, они придавали первостепенное значение официальной декларации японского правительства о признании права на независимость.

Эта тревога особенно проявилась на конференции более ста пятидесяти представителей ИНА и индийцев, проживавших в различных странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Конференция проходила в Бангкоке с 15 по 23 июня 1942 г. Внешне, с точки зрения соблюдения протокола, все было нормально: получены приветствия от Гитлера, Тодзио и Муссолини, перед индийскими делегатами выступали германский, японский и итальянский послы в Бангкоке, которые заверяли, что «страны оси» являются искренними друзьями индийского народа и полны желания помочь Индии стать независимой.

Но эти заявления не ввели в заблуждение делегатов, стремившихся получить четкие официальные заявления правительств «стран оси» об их политике в отношении Индии, от чего они старательно уклонялись. Тройственная декларация фашистских держав о признании независимости Индии в случае ее освобождения так никогда и не была опубликована. Было очевидно, что у фашистских держав свои планы в отношении Индии²⁴. Есть

убедительные свидетельства о стремлении Гитлера прорваться к ее границам в 1942 г. через Кавказ. Зная об этом руководители империалистической Японии с подозрением присматривались к «индийской политике» Гитлера. Не случайно Мохан Сингх свидетельствует, что на бангкокской конференции японские генералы говорили ему, что теперь врагом номер один является Германия, а не британцы, поскольку англо-американский блок через год будет разбит²⁵.

Настроения делегатов конференции, представлявших широкие круги индийской общественности в регионе, нашли отражение в обширной Бангкокской резолюции, имевшей несколько десятков пунктов. Почти каждый из них был направлен на то, чтобы отстоять независимость развернувшегося среди индийцев движения, а также будущей свободной Индии от посягательств японских империалистов. Уже сама постановка вопроса о том, что «программа, план и действия этого движения должны составляться, контролироваться и направляться таким образом, чтобы привести их в соответствие с целями и намерениями Индийского национального конгресса», была открытым вызовом японскому правительству, которому была хорошо известна антифашистская позиция ИНК. Ряд пунктов предусматривал обеспечение самостоятельности ИНА. Она должна была использоваться лишь в операциях против британской «или любой иностранной власти в Индии».

Пункт 26-й резолюции предлагал японскому правительству выступить с «официальной декларацией» о том, что после освобождения Индии оно «будет уважать территориальную целостность и признает полный суверенитет Индии, свободной от всякого иностранного влияния, контроля или вмешательства политического, военного или экономического характера». Оно должно было также «склонить другие державы к признанию национальной независимости и абсолютного суверенитета Индии»²⁶. Имелся и пункт о том, чтобы было дано официальное определение термина «великая восточно-азиатская сфера процветания» в приложении к Индии.

Конференция высказалась за передачу под контроль Совета действия оставленной индийцами собственности и выразила сожаление по поводу того, что в некоторых странах, оккупированных японскими войсками, индийцы рассматриваются как «враждебные иностранцы».

Принятие этой резолюции было, безусловно, очень смелым шагом со стороны делегатов конференции. Япония тогда находилась в зените своего могущества, захватив огромную территорию, а ее союзник фашистская Германия развернула наступление к Волге и Кавказу. Исход второй мировой войны еще не был ясен, но индийские делегаты бесстрашно сформулировали свои требования японскому правительству, потребовав от него ясно и четко изложить позицию в вопросе об индийской независимости. Не случайно японские авторы единодушно уклоняются от характеристики главных пунктов резолюции, стремясь всячески приуменьшить ее значение.

Несмотря на четко выраженное желание индийской стороны получить ответ на Бангкокскую резолюцию по пунктам, японская сторона отказалась это сделать. «Ивакуро кикан» лишь уведомил Совет действия, что резолюция будто бы принята японским правительством.

Уклонение японского правительства от ответа может иметь только одно объяснение: оно не имело никакого желания признавать независимость Индии и рассматривать ИНА как союзную армию, как того требовала Бангкокская резолюция. Для индийских лидеров в Малайе и Бирме стало очевидно, что у японского правительства свои планы в отношении Индии. Напряженность еще больше нарастало из-за постоянных стычек с японской военщиной по самым различным вопросам. Мохан Сингх писал: «Стало совершенно

ясно для нас, что японцы хотели завоевать Индию с помощью индийцев. Предоставив нам некоторую помощь и материальную поддержку, они просто помогали сами себе»²⁷.

Тем временем в Индии начались важные события. ИНК потребовал у английского правительства немедленного предоставления независимости, индийский народ с энтузиазмом откликнулся на призыв М. Ганди: «Англичан прочь из Индии!». Началась так называемая «августовская революция», вылившаяся в массовые стихийные выступления против английских колонизаторов. Эти события получили широкий отклик среди индийцев в странах Юго-Восточной Азии. Митинг в Сингапуре, на котором присутствовало 25 тыс. индийцев, продемонстрировал японским властям силу патриотических чувств индийского населения. Лидеры индийской общины черпали вдохновение в нарастании освободительного движения в Индии, они ощущали себя представителями великого народа и требовали к себе соответствующего отношения со стороны японцев.

После бесплодных переговоров с представителями японского командования касательно ответа на Бангкокскую резолюцию Совет действия 29 ноября 1942 г. через полковника Ивакуро запросил «полную официальную и торжественную декларацию от имени нынешнего и будущих правительств Японии о намерениях Японии признать и поддержать абсолютную независимость Индии немедленно после устранения британского правления в Индии»²⁸. Но Ивакуро даже отказался передать письмо Совета правительству.

Тогда руководители лиги потребовали полного ответа японского правительства не позже 1 января 1943 г. Обстановка настолько обострилась, что Фудзивара ожидал военного столкновения с частями ИНА²⁹.

Японское командование поняло, что индийцы не станут послушным орудием в их руках; начались репрессии. Сначала был подвергнут временному аресту член Совета действия Рагхаван, затем был арестован другой член — полковник Гилл, которого считали правой рукой Мохан Сингха. После этого все члены Совета действия подали в отставку, за исключением президента лиги Р. Б. Боса, явно занявшего соглашательскую позицию.

Мохан Сингх, издавший приказ о роспуске ИНА, также был арестован и вместе с полковником Гиллом до конца войны содержался под стражей. ИНА была разоружена.

Эти драматические события как в капле воды отразили несовместимость позиций двух сторон. Вынашивая агрессивные замыслы в отношении Индии, японские империалисты не хотели связывать себе руки даже формальными обещаниями и стремились превратить индийских лидеров в своих марионеток. Со своей стороны лидеры индийской общины в Юго-Восточной Азии и командиры ИНА, представляя одну из группировок в индийском освободительном движении, вели себя с большой смелостью и достоинством и пошли на открытый конфликт с японской военщиной. Это был первый конфликт между японским империализмом и силами национально-освободительного движения на оккупированной Японией территории, предвестник будущих мощных выступлений против японских оккупантов.

После этих событий более месяца продолжался хаос. Японские власти расправились с непокорными индийцами, сослав на Новую Гвинею более 4 тыс. солдат и офицеров. В результате бесчеловечного обращения с ними лишь очень немногие вернулись после войны домой.

Но «индийский вопрос», занимавший большое место в японской политике, нельзя было решить одними репрессиями, и поэтому были приняты меры для разряжения обстановки. Р. Б. Бос вместе с полковником Ивакуро объезжал лагерь пленных, убеждая их продолжать начатое дело. Лига индий-

ской независимости была реорганизована: согласно новому уставу, Р. Б. Бос получил неограниченные полномочия, было заменено руководство местных отделений лиги. Один из деятелей лиги дает весьма колоритную характеристику тем, кто пришел на смену сторонникам Мохан Сингха: «Преимущество получили эгоистичные и беспринципные элементы, процветали осведомители и интриганы»³⁰.

Вскоре «Ивакуро кикан» был преобразован в «Хикари кикан», который возглавил бывший военный атташе в Берлине полковник Ямамото. «Хикари кикан» усилил контроль над индийским патриотическим движением. С этой же целью японские власти организовали так называемое Индийское молодежное движение — организацию, конкурировавшую с лигой.

Поскольку факторы, породившие ИНА, продолжали существовать (патриотические чувства индийского населения, с одной стороны, а с другой — стремление японского командования использовать ее в своих целях), началось ее постепенное возрождение. К февралю 1943 г. в рядах ИНА насчитывалось 8 тыс. человек. Однако процесс этот шел очень медленно, так как недоверие к японской политике в отношении Индии после конфликта 1942 г. еще более усилилось.

Новый этап в истории ИНА и всего индийского движения в Юго-Восточной Азии начался после прибытия из Германии Субхас Чандра Боса. С. Ч. Бос — президент ИНК в 1938 г., с 1941 г. находился в Германии. Он представлял то маловлиятельное течение в индийском движении, которое пыталось сделать ставку на «страны оси». Ошибочно трактуя международную ситуацию после начала второй мировой войны, он считал, что только победа фашистских держав может привести Индию к независимости, тогда как победа англо-американского блока увековечит ее порабощение. В результате соглашения между Берлином и Токио, достигнутого не без трений, поскольку правящие круги обеих стран имели свои планы использования С. Ч. Боса, он был переброшен на Восток. После короткого визита в Токио летом 1943 г. С. Ч. Бос прибыл в Сингапур и сосредоточил в своих руках все руководство движением.

Вопрос о приглашении С. Ч. Боса обсуждался на совещании трех японских министров — военного, морского и иностранных дел — еще 17 апреля 1942 г. Характерно, что при этом не упоминалось о какой-либо «помощи» Индии в борьбе за независимость. Министры ставили вопрос только об «использовании» С. Ч. Боса «в соответствии с нынешней политикой» Японии и необходимости сделать вывод о его «практической ценности»³¹.

Как лидер индийцев Юго-Восточной Азии С. Ч. Бос устраивал обе стороны. Японское командование надеялось с его помощью подчинить «непокорные толпы» индийцев, тогда как соотечественники, уповая на его авторитет, верили, что он сумеет отстоять независимую позицию перед японским командованием.

Однако надежды индийцев осуществились лишь частично, так как С. Ч. Бос не настаивал на ответе на Бангкокскую резолюцию, удовлетворившись заявлением премьер-министра Тодзио, которое он сделал в японском парламенте 16 июня 1943 г.: «Япония полна решимости оказать всю возможную помощь, чтобы изгнать из Индии англосаксов, освободить ее от влияния врагов индийского народа и дать возможность Индии достичь полной независимости в подлинном смысле этого слова»³².

Легко видеть, что это заявление носило слишком общий характер и не содержало никаких гарантий от вмешательства Японии в дела независимой Индии, как того требовала Бангкокская резолюция. Но С. Ч. Бос заявил, что это как раз то, что требовалось. Индийцев же он успокаивал уверениями

в том, что достаточно умен, чтобы японцы могли его обмануть; призывами стоять на страже индийских интересов не только «против врага — британского империализма, но и против империалистически настроенных японских бюрократов»³³.

В целом политика японских властей по отношению к ИНА и индийскому движению в Малайе и Бирме не изменилась: они по-прежнему не хотели создания сильной индийской армии. С. Ч. Бос вынашивал честолюбивый план формирования 300-тысячной ИНА, но очень скоро столкнулся с жесткими ограничительными мерами японского командования, которое разрешило набрать лишь 20 тыс. бойцов, к тому же слабо вооруженных. Оно явно стремилось использовать части ИНА только в качестве партизанских соединений, а не регулярных частей, подготовленных к ведению войны в современных условиях. Сам С. Ч. Бос констатировал слабость ИНА: «У нас нет современного вооружения, артиллерии, самолетов и т. д. Более того, мы малочисленны»³⁴.

Презрительное отношение к индийскому патриотическому движению со стороны японских властей отчетливо проявилось после создания осенью 1943 г. так называемого временного правительства Индии под руководством С. Ч. Боса. Несмотря на официальное признание его японским правительством, с ним никогда не были установлены соответствующие отношения. Лишь в начале 1945 г. к Босу был направлен «посол» Хатия, но оказалось, что у него не было никаких полномочий, и Бос отказался его принять. По-прежнему все полномочия имел «Хикари кикан», через который С. Ч. Бос должен был сноситься с Токио, что постоянно вызывало его крайнее раздражение.

С. Ч. Бос непрерывно сталкивался с японской администрацией, в частности по вопросам использования людских ресурсов, сбора налогов и т. д. Один из его сподвижников Дж. А. Тхиви писал по этому поводу о японских официальных лицах, которые «вели себя как феодальные лорды в стародавние времена»³⁵.

Противоречия между японскими властями и индийцами со всей силой проявились во время наступления, начатого японской армией при участии частей ИНА в январе 1944 г. на индо-бирманской границе. Ни по времени, ни по месту оно не могло устроить индийскую сторону. К этому моменту патриотические выступления в Индии были подавлены, и С. Ч. Бос не мог рассчитывать на силы внутреннего сопротивления. Кроме того, он, как бенгалец, считал более выгодным наступление на Бенгалию, где мог надеяться на поддержку местного населения. Но время и место были определены японским командованием, руководствовавшимся только соображениями военного порядка.

Инструкция, направленная японским генштабом командующему Южной армией генералу Тэрути, гласила, что наступление на район индийского города Импхал и стратегически важные районы в Северо-Восточной Индии предпринимается, чтобы «усилить оборону Бирмы». Кроме того, сам премьер Тодзио пояснял, что японская армия должна была «перерезать наземные коммуникации между Индией и Китаем»³⁶.

Так были сформулированы командованием задачи наступления, которое С. Ч. Бос именовал «битвой за Индию» и «маршем на Дели». В японских документах об этом не было никакой речи. Индия, как явно недостижимая цель, давно была списана со счета даже самыми агрессивными кругами японских империалистов. Японский генштаб мог рассчитывать лишь на операцию сугубо ограниченного характера и относился к целям С. Ч. Боса с полным безразличием. Привлечением ИНА к операции командование на-

деялось по возможности приглушить антияпонские настроения индийского населения в районе вторжения.

Что касается участия ИНА в военных действиях, то при обсуждении этого вопроса между двумя сторонами возникли ожесточенные споры. Лишь с большим трудом С. Ч. Босу удалось урегулировать проблему взаимоотношений между командованием обеих армий, численность контингента ИНА, привлекаемого к операции, организацию управления освобожденными территориями и т. д. Японское командование обнаруживало все меньше желания считаться с индийцами. В ходе самой операции оно постоянно нарушало предварительную договоренность, стремясь использовать солдат ИНА на тяжелых дорожных работах, доставке продовольствия, охране коммуникаций.

Наступление на Импхал было начато в то время, когда японская армия терпела поражения на Тихом океане, а ее лучшие части находились на советской границе. Оно велось без воздушной поддержки и тяжелого оружия, к тому же, вопреки надеждам С. Ч. Боса, не получило благоприятного отклика в самой Индии. «Люди в Индии были настроены антибритански, но, конечно, не прояпонски», — писал Мохан Сингх³⁷.

Понеся тяжелые потери, японская армия, а вместе с ней и части ИНА были отведены в Бирму. Брошенные «союзниками» части ИНА сдались англичанам в апреле 1945 г.

Так закончилась история временного и, следует отметить, абсолютно бесплодного сотрудничества между империалистической Японией и патриотическим индийским движением в Юго-Восточной Азии.

Вынашивая агрессивные замыслы в отношении Индии, Япония должна была учитывать сложности их реализации, связанные с масштабами страны и уровнем развития освободительного движения внутри нее. Создание ИНА, превышавшей по численности любые другие подобные контингенты в регионе, и ее участие в боевых действиях — существенная особенность японской политики в отношении Индии в годы войны.

Но по своей сути политика Японии в отношении Индии ничем не отличалась от политики в отношении других азиатских стран, ставших жертвами ее агрессии. Японским империалистам своими демагогическими лозунгами не удалось обмануть индийцев, которые очень скоро убедились, что их хотят использовать в качестве пушечного мяса или рабочего скота. Это порождало постоянную напряженность во взаимоотношениях двух стран, приведшую к конфликту 1942 г.

Империалистическая политика Японии в отношении Индии полностью разоблачена в мемуарах индийских участников событий тех лет. В современной Индии не нашла и не могла найти отклика ничем не обоснованная попытка японской буржуазной историографии изобразить Японию в качестве «борца за независимость Индии», спекулируя на чувствах индийцев, строить современные отношения между Японией и Индийской республикой.

¹ In: Subhas Chandra Bose and Japan. Netaji and India's Freedom. Proceedings of the International Seminar, 1973. Calcutta, 1975, p. 329—421.

² In: Fred Saito, Tatsuo Hayashida. Subhas Chandra Bose. — A Beacon across Asia. A Biography of Subhas Chandra Bose. New Delhi, 1973.

³ J. C. Lebra. Jungle Alliance. Japan and the India National Army. Singapore, 1971, p. 25.

⁴ In: A. C. Chatterjee. India's Struggle for Freedom. Calcutta, 1947; K. S. Giani. Indian Independence Movement in East Asia. Lahore, 1947; M. Singh. Soldiers Contribution to Indian Independence. The Epic of the Indian National Army. New Delhi, 1975; M. Sivaram. The Road to Delhi, Rutland etc., 1967.

- ⁵ In: K. K. Ghosh. *The Indian National Army. Second Front of the Indian Independence Movement*. Meerut, 1969, p. 18—19.
- ⁶ In: M. Hauner. *India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War*. Stuttgart, 1981, p. 411.
- ⁷ In: *A Beacon across Asia. A Biography of Subhas Chandra Bose*, p. 154.
- ⁸ K. S. Giani. *Op. cit.*, part I, p. 23.
- ⁹ *A Beacon across Asia. A Biography of Subhas Shandra Bose*, p. 147—149.
- ¹⁰ In: K. K. Ghosh. *Op. cit.*, appendix I, p. 270.
- ¹¹ M. Hauner. *Op. cit.*, p. 419.
- ¹² D. G. Tendulkar. *Mahatma. Life of Mohandas Karamchand Gandhi*. Vol. VI, Bombay, 1954, p. 147.
- ¹³ *Ibid.*, p. 167—169.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 173.
- ¹⁵ См.: П. В. Куцобин. *Аджой Гхosh и коммунистическое движение в Индии*. М., 1985, с. 64.
- ¹⁶ K. S. Giani. *Op. cit.*, part I, p. 89.
- ¹⁷ *Netaji. His Life and Work*. Agra, 1948, p. 194.
- ¹⁸ In: M. Sivaram. *Op. cit.*, p. 76.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 104.
- ²⁰ *Ibid.*, p. 104, 73.
- ²¹ S. A. Das. K. B. Subbaiah. *Chalo India. A Historical Account of the Indian Independence Movement in East Asia*. Kuala Lumpur, 1946, p. 53.
- ²² *Ibid.*, p. 57.
- ²³ M. Singh. *Op. cit.*, p. 152.
- ²⁴ In: G. Seeter. *Indienpolitik der faschistischen deutschen Regierung während des Weltkrieges*. Inaugur. Dissertazion. Leipzig, 1965, м/ф.
- ²⁵ In: M. Singh. *Op. cit.*, p. 127—129.
- ²⁶ Полный текст резолюции см.: Rash Behari Basu. *His Struggle for India's Independence*. Calcutta, 1963, p. 82—95.
- ²⁷ M. Singh. *Op. cit.*, p. 157.
- ²⁸ Sopan. *Netaji Subhas Chandra Bose. His Life and Work*. Bombay, 1946, p. 194.
- ²⁹ In: J. C. Lebra. *Op. cit.*, p. 87.
- ³⁰ M. Sivaram. *Op. cit.*, p. 91.
- ³¹ K. K. Ghosh. *Op. cit.*, appendix I, p. 271.
- ³² M. Sivaram. *Op. cit.*, p. 113—114.
- ³³ P. B. Roy. *The Glory that was INA*. Calcutta, 1946, p. 4.
- ³⁴ K. K. Ghosh. *Op. cit.*, p. 150.
- ³⁵ Rash Behary Basu. *His Struggle for India's Independence*, p. 485.
- ³⁶ K. K. Ghosh. *Op. cit.*, p. 277.
- ³⁷ M. Singh. *Op. cit.*, p. 285.

В. С. МЯСНИКОВ*

В истории русской православной церкви особое место занимает действовавшая более двух столетий в Пекине Российская духовная миссия. Ее зарождение относится к концу XVII в., когда в столице Цинской империи поселилась группа русских, попавших в плен при защите Албазинского острога на Амуре.

В 1683 г. албазинцы построили в Пекине Никольскую церковь, где служил священник Дмитрий Григорьев. Эту церковь посещали и члены русских торговых караванов, которые прибывали в Пекин. Позже она была переименована в церковь св. Софии¹. 80-е гг. XVII в. большинством исследователей рассматриваются в качестве начального этапа деятельности русской православной церкви в Пекине².

Когда Дмитрий состарился, русские власти решили обратиться к цинскому правительству с просьбой о разрешении присылать из России в Пекин «священников для исправления службы божьей и духовных треб всяких чинов людям греко-российского вероисповедания»³. В 1713 г., во время пребывания в Пекине русского торгового каравана, его глава Г. А. Осколков от имени сибирского губернатора М. П. Гагарина обратился с этой просьбой к цинскому правительству. Император Канси, которому было доложено об этой просьбе, разрешил прислать священника, но с условием, чтобы его сопровождал доктор⁴. Когда в 1714 г. цинское посольство во главе с Тулишенем возвращалось из России в Китай, с ним в Пекин был направлен тобольским митрополитом Иоанном Максимовичем архимандрит Илларион Лежайский, который должен был возглавить в Пекине православную церковь. Лежайский в сопровождении 7 человек, лиц духовного звания, прибыл в Пекин 11 января 1716 г. (по другим сведениям, 20 апреля 1715 г.). Император Канси принял русских миссионеров милостиво и назначил им высокое жалованье⁵.

Так было положено начало официальному существованию Пекинской духовной миссии.

Главной задачей миссии являлось «поддержание веры» в албазинцах. Миссия практически не вела широкой деятельности по обращению в христианство китайцев. Один из историков миссии справедливо отмечает: «Пекинская духовная миссия в первые сто лет своего существования находилась в плачевном состоянии. Отдаленный и неизвестный Китай был страшен в глазах большинства русских; поэтому добровольцев за это время, которые не нуждою, но волею шли бы в Китай, находилось мало, да и тем приходилось горько разочаровываться по прибытии в Пекин. По большей же части были посылаемы туда лица в составе миссии неволею, которые при прощании с родиной и отечеством на пути в неведомую страну нередко обливались горькими слезами. Подневольное миссионерство для многих из них было пыткой. Живя среди замкнутых китайцев, презиравших европейцев, и между дичавшими потомками албазинцев — среди самой неблагоприятной азиатской обстановки, миссионеры сами часто дичали и впадали в слабость»⁶. Начальник 8-й миссии архимандрит

* В. С. Мясников — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИДВ АН СССР.

Сафроний Грибовский отмечал, что русские церковники «не только не уловляли китайцев во спасение, но сами часто уловлялись китайцами и, шатаясь пьяными по улицам Пекина, губили этим и последнюю свою репутацию»⁷. Поэтому к прибытию в Пекин 10-й миссии (1821—1830) «крещеных албазинцев было только 22 человека и четверо крещеных китайцев из деревни Дун-дин-я». Во время пребывания 9-й миссии в Пекине в «церковь к службам появлялось только одно семейство из русской сотни, именно семейство старшины Алексея»⁸.

Славу миссии составили отнюдь не деятели церкви, занимавшиеся религиозной пропагандой, а те ее члены, которые с глубоким интересом изучали Китай, его язык, историю, культуру, а затем своими трудами создали великолепную школу отечественного китаеведения. Имена Н. Я. Бичурина, Палладия Кафарова, В. П. Васильева составили золотой фонд не только отечественного, но и мирового китаеведения. Но если труды этих ученых блистали в России и в Европе, то в Китае миссию сделали популярной включавшиеся в ее состав, начиная с 10-й миссии, русские врачи. О. П. Войцеховский, П. Е. Кирилов, А. А. Татаринов, С. И. Базилевский, П. А. Корниевский были известны не только в Пекине, но и далеко за его пределами. Благодаря трудам этих представителей русской интеллигенции Пекинская духовная миссия становилась и своеобразным центром русской культуры в Китае.

На эту сторону деятельности миссии обратил внимание П. Е. Скачков в своей известной работе «Русские врачи при российской духовной миссии в Пекине»⁹. Служба русских врачей в Пекинской духовной миссии вызвала интерес и китайских авторов. Так, Сун Сыси опубликовал статью «Посланцы, установившие культурные связи Китая с Россией, — русские врачи, приезжавшие в Китай в XIX в.». Автор подчеркивает внимательное отношение русских медиков к достижениям традиционной китайской медицины, их широкое знакомство с открывающими ее секреты сочинениями. Сун Сыси отмечает, что русские врачи активно изучали и лекарственные растения Китая. Одной из важнейших сторон деятельности медиков России в Китае, по его мнению, было оказание помощи китайским больным. Китайский историк подчеркивает, что после возвращения из Китая на родину русские врачи являлись распространителями знаний о Китае, пропагандистами китайской культуры¹⁰. Думается, что такой подход к изучению деятельности русских врачей в Китае и деятельности Пекинской духовной миссии в целом является наиболее плодотворным. Наглядным подтверждением этому может служить изучение эпистолярного наследия одного из русских врачей, работавших в Китае, — П. Е. Кирилова.

О докторе П. Е. Кирилове написано достаточно много. Он родился в 1801 г. В Пекин приехал 29 лет от роду в составе 11-й миссии (1830—1840). Перед отъездом в Китай он, как и другие члены миссии, брал уроки китайского языка у Н. Я. Бичурина. Находясь в Китае, П. Е. Кирилов по примеру своего предшественника доктора О. П. Войцеховского вел обширную медицинскую практику. За это цинские власти преподнесли ему в 1836 г. две почетные доски. Много сил молодой русский врач отдавал сбору лекарственных растений; хотя к миссии был прикомандирован ботаник А. А. Бунге, П. Е. Кирилов собирал обширные гербарии не только лекарственных, но и других растений Китая. Ему первому пришла в голову мысль привить в России культуру чая. С этой целью, возвращаясь на родину, он захватил с собой чайный куст и семена, в домашних условиях доказав возможность произрастания этой культуры в России. И хотя его опыт разведения чая в России в большом масштабе не увенчался успехом, но на протяжении длительного времени он считался в столичных кругах знатоком чая и этой культуры¹¹. Занимаясь медициной и ботаникой, П. Е. Кирилов одновременно увлекался китайской философией, особенно произведениями Лао-цзы. Член 11-й миссии иеромонах Аввакум Честной отмечал: «Любимейшее занятие г. Кирилова составляет философ Лао-цзы, которого он готов, кажется, поставить выше не только Пифагора и Платона, но даже Канта и Шеллинга». Заканчивая очерк о жизни и деятельности этого интереснейшего представителя русской медицины, П. Е. Скачков с огорчением заметил, что рукописей П. Е. Кирилова пока не найдено.

Действительно, до настоящего времени не удалось обнаружить каких-либо рукописей П. Е. Кирилова, относящихся к его занятиям китайской медициной, ботаникой или философией, но в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) хранится небольшая коллекция писем П. Е. Кирилова из Пекина известному сибирскому торговцу, собирателю редкостей В. Н. Баснину¹².

С Василием Николаевичем Басниным П. Е. Кирилова связала тесная дружба в то время, когда миссия, находясь на пути в Китай, остановилась в Иркутске. Будучи всего на год старше Кирилова, Баснин уже был заметной фигурой в среде иркутского купечества. Дед его еще в XVIII в. торговал по Лене мукою, а отец был иркутским откупщиком и основал торговлю чаем в Кяхте. В. Н. Баснин начал заниматься «делом» с 12-летнего возраста. Чайная торговля была предметом его особых забот. Баснин обнаружил стремление к образованию, занимался историей и естественными науками, особенно ботаникой, «найденный им новый сорт нимфеса до сих пор носит название *Nymphaea Baspiniapa*». В течение нескольких лет В. Н. Баснин был городским головой Иркутска. В конце жизни, отойдя от дел, он поселился в Москве, где и скончался. За год до кончины в 1875 г., В. Н. Баснин опубликовал ряд рукописей и документов, находившихся в его коллекции. Сюда относятся «Копии с бумаг об иеромонахе Арсении, бывшем митрополите ростовском, находившемся в заточении в нерчинском Успенском монастыре», «Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г.», «Восточная Сибирь, записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина», «О посольстве в Китай графа Головкина»¹³. Однако свою довольно длительную переписку с одним из членов Пекинской духовной миссии П. Е. Кириловым В. Н. Баснин, очевидно, не решился предать гласности, а может быть, не считал ее достаточно важной, относя эти письма к своим личным делам. Тем не менее ознакомление с письмами доктора Кирилова показывает, что они являются интереснейшим источником, повествующим о повседневной жизни русских миссионеров в Пекине.

Вся коллекция состоит из 11 писем и занимает 37 листов различного формата. Первое письмо относится к октябрю 1830 г., когда миссия находилась еще на территории Монголии по пути в Пекин. Последнее отправлено из Пекина в октябре 1838 г. Некоторые письма датированы П. Е. Кириловым, на большинстве их поставлена и дата получения их В. Н. Басниным. Кроме того, на многих имеется и написанная рукой Баснина помета о том, когда он отвечал на это письмо. При знакомстве с письмами приходится преодолевать известные трудности, связанные не только с почерком П. Е. Кирилова или с имеющимися в некоторых местах повреждениями текста. В этой коллекции есть еще одна особенность — листы в деле группировались механически и оказались перепутаны, поэтому реконструировать текст приходилось по смыслу.

Эпистолярное наследие П. Е. Кирилова практически неизвестно. Опубликовано лишь одно его письмо, отправленное в 1833 г. своему предшественнику О. П. Войцеховскому при отъезде из миссии студента Курляндцева в Россию, «Теперь бы вволю наговориться с Вами, дражайший Осип Павлович, — писал П. Е. Кирилов. — Но я затеял это 30 июля, а в это время вы, верно, выметали из горницы Вашей в Пекине всякого собеседника, и поверьте, что я лучше бы согласился, чтобы меня выгнали хоть в болото, чем писать теперь»¹⁴. Прежде я не мог подготовиться к этому, поелику до сего месяца жил в горах около двух месяцев, где занимался сборением растений. Мимоходом скажу, что главная квартира или ботанический сенник мой был в кумирне деревни Шичан у подошвы Дзе-тайя, где я жил один, изредка навещаемый Домианом, откуда простирался во все страны. Два раза был в Танджа и имел там пациента, который адресовался было к Вам: При ботанических занятиях занимался и практикою, которою обратил к себе народ из отдаленных деревень Палестины сей, вылечил страдавшую 11 лет удущьем девицу и многих других. Не в похвалу свою скажу Вам, что не только в Китае, но нигде не думал я найти той признательности и уважения, какие видел здесь. Народ, кажется, совершенно забыл, что я иностранец¹⁵, и доверенность эта очаровала меня так, что я неохотно возвращался в русское подворье. К этому побудили меня отъезд товарища Курляндцева и засуха, от которой уже падают перед солнцем жертвы голодной смерти. Появились грабежи. Люди продают себя на гины [на вес. — В. М.], ожидают осенью неминуемого бунта. Престарелому пастырю церкви пекинской и сотруднику его, высокопреподобнейшему отцу Даниилу, любезнейшему Кондрату Григорьевичу, Захару Федоровичу, Алексею Исаковичу и Николаю Ивановичу свидетельствую истинное почтение и признательнейшую память о них»¹⁶.

Письма П. Е. Кирилова, сохранившиеся в коллекции В. Н. Баснина, неравноценны: одни из них сообщают много нового о жизни и деятельности членов Пекинской духовной миссии, открывают различные стороны китайской действительности, другие по-

священы чисто хозяйственным проблемам, просьбам прислать из России те или иные предметы. Как правило, значительные по объему части писем посвящены долгу вежливости: П. Е. Кирилов передает многочисленным приветам знакомым, оставшимся в Иркутске, родственникам В. Н. Баснина. Поэтому, приведя полный текст первого письма, где перечисляются упомянутые лица, мы сочли возможным в последующих письмах провести некоторые сокращения за счет такого рода повторов.

Письмо 1-е

«1830 г., октября 12-го дня

[л. 1]¹⁷ Отгадаете ли, благороднейший, благодетельнейший, любезнейший Василий Николаевич, кто и откуда пишет Вам? Узнаете ли голос вопиющего к Вам в пустыне Вашего друга? Отзовется ли он в душе Вашей? Удостоите ли его Вашего внимания. Вашего отзыва? Думал я, принимаясь за перо, — и в надежде, в уверенности начал письмо! Забыл я в мечте моей и даль, и чужбину, и неверность случая, которому вверяю письмо мое, и задумался о том, что будет с ним в руках Ваших; а как пройдет оно мытарства монгольские, об этом в утешение себе и думать не смею. Я поверяю оное тусулакчию, провожавшему миссию от Урги до сего места, которому ургинские правители позволили принять от нас письма и доставить в Ургу, где они должны пройти через руки амбаней; дай бог, чтобы они не показались им слишком полновесными! Если я успею сделать теперь счастливое начало заграничной переписки, то буду надеяться на продолжение оной. На Василия Николаевича я в этом надеюсь более, нежели на себя, а посему все просьбы, все убеждения мои на сей конец считаю излишними. Итак, господи, благослови!

Вы и без письма моего узнали бы, когда и как оставил я пределы любезного отечества, но я с этой роковой минуты начну письмо мое, чтобы сколько-нибудь да поговорить о русских, русских, с которыми мы под конец познакомились, которыми обласканы, с которыми по сердцу пожили, простились и которых помним и никогда не забудем. О Вас Вам говорить не к чему, равно как и о всех иркутских моих знакомых, моих друзьях, моих благодетелях. В моих глазах, словах, поступках все видели мое сердце, мои к каждому чувства. Я скажу Вам о тех, которым ни времени, ни способов не имел я засвидетельствовать мою глубочайшую признательность, излил только оную в слезах, ручьями пролитых на рубеже земли родной, земли русской. Чтобы сказать Вам о них все, что я чувствую, надо жить вместе с Вами столько, сколько я прожил с ними, и беспрестанно говорить да говорить о них, а в письме и начинать нечего — я только наизусть Вам их. Это в Троицкосавске дом Петра Филипповича, Николая Алексеевича, [л. 1 об.] Осипа Ивановича Ратковского, Федора Василича Марченка, Языкова, Мясникова; прибавил бы дом Александра Ивановича Орлова, но он дома не имеет, его дом в моем сердце; это мой знакомый, мой товарищ, мой друг, мой родной, мой брат! Я с ним так жил, что если проходил как-нибудь день, в который я с ним не свиделся, то день этот я почитал потерянным, — и мы с ним только в бабки не играли и змей не спускали — и для этого надо с ним непременно еще раз в жизни увидеться. Жаль, что по обстоятельствам нынешней корреспонденции не могу говорить об нем больше, я описал бы ему целый акафист! Теперь наизусть Вам на Кяхте друзей моих Федора Васильевича Агафонова, Михаила Андреевича Чижова, Александра Андреевича Кузнецова, Никиту Филипповича Собашникова, Дмитрия Дмитрича Протопопова, но преимущественно напоминаю, прославляю, благодарю, благославляю, почитаю благодетельнейших Ивана Ивановича и Марию Ивановну Котельниковых с их семейством и Надежду Яковлевну Колесову с домашними ее. В этих двух домах я и жил (особенно у Ивана Ивановича), у них забыл я всю свою философию и медицину, ел, пил и веселился против сия природы, они были мои кумиры — я благоговел перед ними! Если бы я пожил с ними более, то не знаю, как бы повезли меня в Китай.

С сими-то друзьями человечества расстался я 30 августа в 6 часов пополудни с горем, тоскою и слезами. С тех пор веду кочевую жизнь в Монголии, где, кроме солнца, не вижу ничего того, что видел в отечестве. Сделав шаг в Монголию, я сделал, кажется, шаг в могилу, с тою только разницей, что в могиле бы ничего не чувствовал, а здесь и чувствую и сокрушаюсь, утешаюсь после мытарств монгольских, в которых аргальный огонь пополам с едким дымом составляет лучшее наслаждение. Но долго, долго еще коптитесь в войлочных юртах; мы едем только по одной станции в день, а о сю пору местами даже мороз в 11 градусов; спали уже на сырой, холодной

земле — от снега, дрожали и под двумя шубами; на берегах Иро стали уже есть сухари и с 20 сентября пьем колодезную воду, похожую более на помой, и с этих от пор не видали ни рек, ни лесов.

Все только стена да стена,
Да гор туманных цепь!

Больше нечего сказать о Гобийской пустыне.

[л. 2] Не дай бог молодому человеку, который вырос в обществах и любит их, странствовать по Монголии несколько месяцев; чтобы после жить десять лет в Пекине! Ничего похожего не видно здесь на те общества, для коих человек предназначен! Кочевая жизнь рассеяла здесь совершенно те общества людей, которых мы привыкли видеть в наших городах, в наших селах. Общества монголов — их стада; где скот находит себе траву, там хозяин его ставит свою юрту. Китайский мелочник найдет его здесь с своим кирпичным чаем и китайкой; овца готовит ему свое руно для войлока на его юрту; корова — молоко для бисалака и урмы; улитанный овен — готов всегда для лакомого его блюда; все жизненные припасы его под рукой, — и он не нуждается в общежитии. Тридцать юрт на расстоянии тридцати верст по дороге делают довольно пестроты для глаз путешественника, а на десять юрт вместе он заглядится, как на город!

После сих бедных видов человеческих обществ Урга показалась мне Вавилоном! Она в окружности имеет около четырех верст, да и в другом отношении нельзя путешественнику оставаться равнодушным ее зрителем. До сих пор не видел он ничего похожего на жилища, в которых он вырос; здесь, хоть в другом виде, находит домики, обнесенные забором, здания храмов и жилища гегена, которое бы могло быть украшением и лучших городов России, а что более всего: видит общество людей. Признаюсь, что после пятнадцатидневного путешествия по Монголии, увидевши Ургу, я не мог выехать из неравнодушная, при всем том, что нас держали здесь взаперти. С одной стороны, воображение при виде ее рисовало мне отечественные виды городов — жилищ моих знакомых, моих друзей, моих благодетелей и манило меня под кров их; с другой — представились еще ужаснейшие для духа виды Гобийской пустыни. Первое было невозможно, а выезд в Гоби неизбежен, — должно было полюбить и Ургу! На безрыбье и рак рыба, — на безлюдье и Фома человек! Вот наслаждение мое после прелестной жизни русской, после очарованной иркутских, кяхтинских!

Я не думаю, благодетельнейший Василий Николаевич, чтобы Вы, прочитавши письмо друга Вашего, положили его под красное сукно и забыли бы меня до свидания со мною. Не думаю, чтобы Вы по совещанию с благодетельнейшим Иваном Ивановичем и со всеми моими дорогими знакомыми в Кяхте не изыскали способов писать ко мне хоть раз в год; и в таком ожидании предлагаю Вам и заклинаю Вас именем дружбы писать ко мне если не прежде, то по крайней мере с теми провожатыми, с которыми старая миссия возвратится в Россию, что, конечно, не раньше будет августа месяца будущего года. Я думаю, впрочем, что и раньше с купцами китайскими Вы писать мне успеете.

[л. 2 об.] Если Вы возьметесь исполнить эту усерднейшую мою просьбу, то, верно, исполните и следующую мою комиссию, о которой я Вас прошу покорнейше. У Вас в Иркутске весьма легко исполнить оную:

Мне весьма нужно бисерные кошельки для себя и для подарков, а у Вас в ремесленном доме, как на фабрике, работают их и скоро, и недорого. Дело в том, чтобы приготовить их по фасону китайских*, какие я у Вас и у многих в Иркутске видел, а именно для табакерок, для курительного табаку ганцзы, для душистых веществ, для пряностей и для ножа, которые все носят китайцы у пояса. Не нужно приделывать ни шнурков, ничего, я отделаю их в Пекине, для ножа и вилки китайских сделаю такие штуки, как у нас делают для чубуков, по длине китайских ножей. Вы уж не покупите приготовить по несколько экземпляров каждого сорта. Если Вам это будет дорого, то не потянитесь этим; я не интересант, — и будьте уверены, что долгом себе поставлю заплатить Вам пекинскою редкостью, вкус Ваш я знаю. Для облегчения своего предложите это моим иркутским пациентам и пациенткам, я уверен, что все не откажутся скинуться по кошельку. Я просил бы о том матушку игуменью, но я чрезвычайно виноват перед нею,

* На левом поле л. 2 об. помета: «с русскими, однако, узорами, а особливо с узорами цветов».

за суетами не успев проститься с нею. Прошу Вас засвидетельствовать ей нижайшее мое почтение. Исполнения моей комиссии я жду от Вас при вышеупомянутых случаях, и жду непременно. К тому времени Вы впрок приготовите, если же и раньше можно, то еще лучше. Письмо Ваше, которым Вы меня почтили с дороги, мне служит залогом надежной и верной с Вами корреспонденции. От меня дожидайте уже писем из Пекина, а до того времени прощайте, благодетельнейший Василий Николаевич! Прошу Вас засвидетельствовать мое истинное почтение Вашему батюшке и матушке, Лизавете Осиповне, Петру Тимофеевичу с семейством, Александру Петровичу и моей незабвенной пациентке Амфисе Дмитриевне. Божественному дому Александра Николаевича прибавьте самых лестных, искренних, чистосердечных [слов] и подтвердите мое к нему высокопочитание. Не потяготитесь еще весьма интересною для меня комиссиею — засвидетельствовать мое истинное высокопочитание и глубочайшую признательность благодетельнейшему для меня дому Ивана Богдановича, а равно Климентине Ивановне с Александром Анисимычем. Усердие Климентины Ивановны, которое и Вы превозносили, похваляли на высокой горе при провожании барона, о сю пору повторяется в душе моей и возбуждает должную признательность. Кишеньку Вашего и огромного великана-крикуна Иосифа целую. Вас осыпаю поцелуями, желаю Вам всех благ и поверяю себя дружбе Вашей с совершеннейшим к Вам высокопочитанием и душевно пребуду по гроб Ваш Порфирий Кирилов.

Станция Эрги Сунитского княжества Монголии,
в Гоби, в 723 верстах от границы»

Читатель вправе спросить, почему это письмо со станции Эрги помещено среди пекинских писем П. Е. Кирилова. Думается, что мы имеем на это право, во-первых, потому, что пекинская жизнь начиналась с дороги в столицу Китая. Даже сейчас, когда скорости невероятны возросли, аэропорт или вокзал, с которого вы отправляетесь в другую страну, становится для вас началом отсчета иного времени. А во-вторых, хотя мы имеем достаточно описаний пути по Монголии, относящихся к тому периоду (Е. Ф. Тимковского, Е. П. Ковалевского), П. Е. Кирилов сумел дополнить их как наблюдательный путешественник. Он передал с несомненным литературным талантом и ту гамму переживаний, которая охватывала многих путешествовавших по этой дороге, но о которой не все сумели поведать.

Следующее письмо, казалось бы, ничем не примечательно. Это даже не письмо, а скорее записка. Но оно лишний раз напоминает нам о том, что к историческим документам не должно быть формального подхода. Ведь эта записка открывает нам интереснейший факт из биографии П. Е. Кирилова: он являлся племянником своего предшественника по миссии доктора О. П. Войцеховского.

Письмо 2-е¹⁶

«[л. 3] Незабвеннейший Василий Николаевич, друг и благодетель человечества! Еще не время писать Вам из Китая в том тоне, которого требует обязанность корреспондента. По сие время я жил в Китае, как в России, и только разлука с соотечественниками дает чувствовать противное. Что будет дальше, о том начнется и переписка с Вами как с другом; что было доселе, о том скажут Вам возвратившиеся счастливые, из коих особенно рекомендую дружбе Вашей любезнейшего дядю своего, Осипа Павловича, который скажет Вам все обо мне. Остается засвидетельствовать истинное Вам высоко [л. 3об.] почитание, любовь и преданность и просить засвидетельствовать все Вашему любезнейшему дому, всем родным, почтеннейшей г-же игуменье и незабвенной Амфисе Дмитриевне. Надеюсь, что Вы продолжением дружеского расположения ко мне впредь заставите меня писать к Вам при всяком случае, и, пожелав Вам всех благ, остаюсь по гроб мой Вам истинно преданным

Ваш Порфирий Кирилов.

Р. С. Степану Василичу Сарачинскому, благодетельнейшему Константину Петровичу Трапезникову с братьями и дому Уткиных-Ураковых и Наквасинных прошу засвидетельствовать нижайшее мое почтение.

Июля 5-го 1831 г.»

Но вот перед нами следующее письмо. И вновь мы не можем его считать всего лишь письмом. Это скорее отрывок из дневника П. Е. Кирилова с октября 1831 по февраль 1832 г. Но дневник своеобразный, охватывающий лишь те дни, когда автор

Сим оканчиваю то, что обещал рассказать Вам. Если Вы пожелаете еще подобной вести, то не забудьте, что я и эту предложил только для того, чтобы сказать Вам, что на месте, где случилась история, живут теперь десять русских, которые как бы за учиненное здесь преступление осуждены небом терпеть длительное заточение, а следовательно, ничего подобного позволить не могут!.. Завтра я не буду, кажется, иметь времени беседовать с Вами, в проклятой аптекарской кухне предстоит мне послушание, которое тягостнее всякой монастырской епитимии.

10-го числа, 11 часов ночи. Я один в моем кабинете, мечтаю о всем мире, а более всего о всех любезных моему сердцу. Но что значат мечты пред наслаждением? Что Вам говорить о них, если Вы ближе к тем предметам, о коих воображаю я. Сегодня хочу побеседовать с Вами о том, что от Вас гораздо далее, нежели от меня все воображаемое, о чем если и мечтаете Вы, то, верно, в превратном виде, и мечты Ваши подобны тем, которые обманули меня и могут обманывать всех любопытных дотоле, пока они не увидят Китая или не поверят очевидцам.

Итак, речь о Китае, и в особенности о Пекине. Прошу уверить всех, кто будет в том интересоваться, что город сей по своей обширности, народонаселению и промышленности представляет столицу; по своим видам — отвратительную оной картину, а по духу общежития — живую карикатуру. С отдаленной возвышенности виден город, вблизи — одни городские стены, внутри невиданное никогда до сего многолюдство в улице, по сторонам коей непрерывный ряд лавочек, которые, будучи раззолочены или раскрашены, составили бы в другом городе невиданную картину, но здесь служат только смешною противоположностью всех безобразных видов улиц, которые в сухое время до крайности пыльны, а в дождливое грязны и всегда завалены или лесом, или кирпичом, или строевыми камнями, или соломенными хлебными закромами. Тут, перед лавками, разбиты торговые палатки, там театральные наметы, везде расставлены с мелочными вещами, или с фруктами, или с куклами и цветами столики или скамейки. На одном месте завалена дорога наполненными свиньями или мешками огромными фурами, на другом — окружающею дерущихся толпою. Между всеми сими видами тянутся непрерывною цепью тележки, меж коими с трудом пробиваются едущие верхами или пешеходы. На одном шагу встречаются отвратительнейшие вместо платья струпьями покрытые нищие, а на другом едва-едва ускользнешь от поливающего смрадными нечистотами улицу будочника, с одной стороны выносит со двора и высыпает на улицу дряхлая на козких ножках старушонка сор, а с другой — выливает подобная ей помой. Ступишь свободно шаг, а на другом должен попятиться назад или податься в сторону, чтобы обойти раскланивающихся, воняющих чесноком, обшарпанных приятелей, которые сию минуту кончили в харчевне лапшу свою. Вот виды столичные!

Теперь не угодно ли побывать у китайца в доме? Вы, конечно, согласитесь, но знайте наперед, что здесь с одним хозяином Вам больше будет и хлопот, и досады, чем на улице, несмотря на то, [л. б] вельможа ли он или простой гражданин, богатый или бедняк, которо[му] судьба позволила еще жить под кровлей. Оставьте лучше любопытство, а не то бу[де те] бранить меня за то, что я выбрал такой предмет для оного! Я оставляю [до] некоторого времени беседу с Вами, в следующие дни должно заняться делением собранных мной растений, для которых три раза прошлое лето выезжал верст за 50 к западу от Пекина. NB! Поздравьте меня Элевом[...?] Николая Степаныча, о котором никто мне ничего не написал, про[шу] засвидетельствовать ему и Семену Семеновичу мое истинное почтение.

22 февраля, 9 часов вечера.

Часы стоят, окованы тоскою,
А месяцы бегут...

Бегут, и так пробежали для меня два месяца, в течение коих я [не] написал Вам ни словечка. Нечего, кажется более писать Вам о них, ска[жу] только, что в это время чрез каждые три часа делал наблюдения над ба[ро]метром и термометром, определил преточно 80 видов растений [й], [ко]торых не знал прежде иначе, как под именем травы; занимался кита[й]ским языком, у которого вынудил несколько слов для полезных замеча[ний], и заставил пилюлями натуру китайского организма сказать мне много правды; был здоров, но... (дело в тоске)... Сегодня недолго побеседу[ю] с Вами — кутухта просит к завтраму лекарства. Хочу сказать, что сегодня написал божественному Александру Николаевичу письмо, но на таком маленьком листочке, на котором

не осталось места сказать, что к следующему разу приготовлю большое послание. Прошу Вас убедить Александра Николаевича в том, что это не от нерадения, ибо с нынешней почтой все почти письма, кроме Ваших, маленького покрою, со всевозможной полнотою впрочем. Сейчас ушел от меня Алексей Иванович [Кованько, студент миссии.— В. М.], с которым три часа сряду с величайшим удовольствием провели мы в разговоре о доме Александра Николаевича и кончили Вами, дражайший наш Василий Николаевич, которому он и все товарищи, а особливо Павел Степаныч и отец Аввакум²⁰, от души свидетельствуют истинное почтение. Всякое искреннее воспоминание, всякое искреннее наше желание, без сомнения, записаны в Небе, но я бы не пожалел себе к этому и песку отшельника, да весь вышел, я высыпал последний в глаза Пекину при первом свидании и не жалею, у меня на сей случай есть некоторые прадедовские еще молитвы, которые Китаю [не понять]. В полночь сегодня все хочу кончить ими. Прошайте до завтра!

23-е, утро, 9 часов. После утренней молитвы моей: Царю Небесный и утешителю... сию минуту отпил чай и тороплюсь писать Вам. После писем благодетельнейшего Ивана Богдановича и Александра Анисимовича, которые я имел счастье получить 13 [ян] варя, должно было скоро ожидать новых и тогда на все отвечать, а иначе при редкой переписке Миссии должны будут оные долго оставаться без ответа, но Вениамин²¹, в затруднении переписки находя свои выгоды, торопится отвечать, и я поневоле должен сократить для того все письма. Не буду по сему говорить сей раз с Вами весьма о многом, но делать нечего; лучше написать что-нибудь, чем ничего. Что же Вы будете отвечать, если какой-нибудь Барон²² св., зная о переписке нашей, захочет пошутить над оною и забросает Вас такими о китайцах из книг своих вопросами, на которые ни одного ответа в письме моем не сыщете? Конечно, пошлете ему из своей библио[теки] аббата Грозы²³ — о Китае, — и он весьма будет рад, что найдет там то, чего и [и] один русский перепиской своей из Китая не доставил, — и ладно! У всякого свой вкус: кто любит попа, кто попадью; а мы с Вами, как кажется, попову дочь! Я разумею здесь правду, а посему если он станет читать панегирики Китаю и китайцам, то скажите ему, что не боги горшки обжигают, что чай, который все хвалят, растет из земли, а китайцы, которые доставляют оный, не что иное, как конфуциевы обезьяны, которые отличаются от всех известных доселе только речью, что и ходят, и едят, и действуют *pes plus ultra*²⁴, как научены тому²⁵. И, наконец, Китай как политическое тело обязан бытием и действием своим на сцене мира не чему иному, как законам составляющих его автоматов. Так, скажите Барону Вашему, пишет русский корреспондент мой из Китая и обещает подтвердить все со временем подробно. А я не ударю лицом в грязь, не бойтесь.

Чтобы отвязаться от другого какого-нибудь любопытного, Вы на скажите ему о том, что по китайскому календарю почти вместе с новым годом началась в Китае весна, что, несмотря на нее, до отпуски письма моего прорывался иногда снежок, что 21-го, напр[имер], февраля было в тени $8\frac{1}{2}$ -град[уса] тепла, а на солнце около 18-ти по

термометру реамюрьюму, что клен в этот день пустил сок из насечек, сделанных на нем дятликом, и показала уже зелень артемизии, что зимой по утрам морозы бывали в 12 градусов, а ночью, говорят, и более, что зимой не подымался барометр выше, как до 30°, 4°, 1; а теперь не упал еще ниже 29°, 6°, 2 [так в тексте.— В. М.], что снег был по-здешнему весьма редкостный и лежал местами цел весь генварь месяц. Прибавьте к сему, что весной терзают природу ветры здесь, но доселе они не всякой день, а перемежаются днями тихими, приятными; узнайте кое-что от Александра Николаевича, о чем пишу к нему. Александр Анисимович расскажет Вам что-нибудь, и, таким образом, целая повесть для любопытного у Вас составитя, а месяцев через несколько подошло Вам новенькую, вот переписка сделается и интереснее. Оканчиваю сегодня письмо мое желанием Вам здоровья доброго да счастья прочного, а завтра кончу все до времени.

[л. 6об]. 24 февраля, утро. Сегодня или завтра должно окончить письмо, окончить и беседу с Вами, [ко]торой не желаю оканчивать до смерти. Приступаю к тому, что должно сказать Вам в доказательство душевной моей к Вам признательности, и в простых выражениях долгом поставляю засвидетельствовать Вам чувство искренней благодарности за память Вашу, за благодетельное внимание Ваше, которым преисполнено письмо, которым движут услуги Ваши, и чувство истинного почтения за святую любовь и дружбу Вашу, на которую не толь[ко] я, но со стороны товарищи мои смотрят с почтением к Вам.

...Пожалуйста, не скрывайте никаких новостей, неизвестность ужас как убийственна, и мы бог знает как благодарны Вам за разные известия. Сделайте милость, всякое слово в строку; хотя б касалось нас самих. Из гостинцев Ваших по несколько штук не знаю, где оставлено и сколько именно на обертках карандашом означено. Кроме тех, что от Амфисы Дмитриевны, я получил всего... штук и не знаю, как благодарить Вас за оные. Замолчу сегодня, завтра еще хочу с Вами побеседовать.

25 февраля. День моего рождения. Утро. Оканчиваю 31-й, начинаю 32-й год жизни благодарением всевышнего за святую любовь его и за любовь и дружбу ко мне дражайших сердцу, коим единственно обязан чувствованием бытия своего. Без того должно бы, сужено забыть минуту рождения своего. Молю милосердного, да продлит жизнь Вашу и всех друзей человечества и устроит счастье Ваше по сердцу Вашему. Примите благодетельнейший, дражайший, незабвеннейший Василий Николаевич, сие искреннейшее чувство в доказательство благодарной признательности к Вам и родным Вашим и засвидетельствуйте оные благодетельнейшему дому Ивана Богдановича, Александра Анисимовича, Александра Николаевича и всем, кто помнит меня.

Скажите всем, что я тогда забуду Иркутск, когда забуду Киев, когда забуду, что я жил на свете; что день, то ближе к нему сердце мое, ближе мечты мои, и с каким нетерпением жду праздника светлого — сказать «Христос воскрес!» дражайшим душе моей, с [каким] нетерпением жду от них ответа себе!

Василий Николаевич! Позвольте надеяться мне, что Вы все это живо представите в сердце своем и не дадите от милых близких вдалеке изныть сиротой другу Вашему! Простите! Осыпаю Вас искреннейшими поцелуями и на всяком шагу искреннейшими желаниями! Простите! С слезами оканчиваю письмо, с слезами прошу — не оставляйте меня, с слезами уверяю Вас, что до гроба вам предан.

Порфирий Кирилов»

Следующее, 4-е письмо от П. Е. Кирилова [л. 7—8] было получено в Иркутске 14 октября 1832 г. Автор отослал его с отъезжающим студентом миссии Курляндцевым. П. Е. Кирилов успел написать лишь обычные приветы своим знакомым и ставшие традиционными просьбы о присылке сувениров. Сам он также направил В. Н. Баснину небольшой подарок: «Прилагаю при сем два корня настоящего маньчжурского жэньшень, который верно, пригодится Вам для стариков Ваших, но прошу не считать этого гостинцем — он мне подарен пациентом, — и я посылаю оный как ненужный для себя. Надо пожить еще в Китае, что [бы] найти для Вас сюрприз здесь, — потерпите!» — пишет он.

Письма 5-е, полученное в Иркутске 5 ноября 1834 г., и 6-е, дошедшее до адреса 6 декабря 1835 г., также практически не содержат информации о Китае и миссии. П. Е. Кирилов объясняет краткость писем занятостью. «Сим листочком, — пишет он, — я хочу только уверить Вас, что и тогда, когда не имею возможности писать другим, я рвусь писать Вам. Обязанность моя — рабская обязанность аптекаря — лишает меня счастья засвидетельствовать долг мой благодетелям и благоприятелям моим, которые для меня дороже того счастья, за коим до самого Пекина гнался я». Об этом же говорится и в 7-м письме (полученном 13 декабря 1835 г.): «[л. 13] Едва успеваю засвидетельствовать Вам, дражайший Василий Николаевич, чувство высокопочитания и глубочайшей признательности! Судьба заставила меня служить иноплеменникам, как соотечественникам, и я служу и прислуживаюсь им без отдыху! Вместо того чтобы наполнять чувствами к Вам письмо, наполняю оными два сосуда, подаренные мне за спасение от смерти тухотюю, и сии чистые сосуды чистейших чувств посылаю Вам в кабинет редкостей Ваших».

Далее П. Е. Кирилов обращается к своему другу с просьбой о присылке ему в Пекин различных вещей. Их перечень представляется нам любопытным, так как характеризует образ жизни русского врача в китайской столице.

«[л. 13об.]... Вместо того чтобы торопиться расплатиться с Вами, я еще снова лезу в долги. Убедительнейше прошу Вас выслать мне десять аршин мериносу голубого или пунцового или какого-нибудь зеленых дамских цветов. Прошу десять аршин, полагая ширину его в два аршина, а если она вдвое уже, то пришлите вдвое более. Кроме сего, прошу выслать десять аршин дредедаму или лилового, или сиреневого, или светло-малинового, или кармезинного цвета, и притом самой лучшей доброты, также одну штуку голубого или какого-нибудь из упомянутых цветов — комплоту, лучшей

доброты, а еще лучше французского. Сверх сего лучших ножничек, аглицких для вышивания иголок различной величины, и как можно поболее, чтобы можно обделить всех интересующихся в оных; пары две серебряных дамских с плоскими стеклышками маленьких женевских часов; пару органчиков или музыкальных табакерок [л. 14] величину в четверть аршина или более; пары две раззолоченных с картинками чашек чайных и золотой, для вышивания кошельков употребляемой здесь канители. За все это прошу выставить итог до скольких бы сот рублей оный ни простирался, а без этого лучше уже не присылайте ничего. Если этой комиссии моей Вы не возьмете на себя, то это будет означать, что в 1836 г. будет страшный суд. Что успеете переслать с провожатым отца Поликарпа, то пришлите через него, а остальное позаботьтесь переслать при посылке от Ивана Богдановича ургинским повелителям к новому году подарков²⁶. Выписываемые вещи весьма для меня нужны в подарки маньчжурским княгиням, а посему прошу Вас позаботиться о доброте оных. В гостинец от Вас прошу себе фунтов десять кофе и курительного табаку, табакерок, гитарных струн и носовых платков, а если есть бисерных штук, то и от этого не откажусь, и особливо не забудьте прислать янтарного мыла, о котором меня очень убедительно просил один вельможа. Если Вам угодно, чтобы на ту сумму, которую Вы издержите на покупку для меня вещей, я купил Вам здешних вещей, то напишите, что Вам отсюда угодно. А если сего не угодно, то я имею всегда случай препроводить Вам следуемую сумму немедленно. С поставщиком серебра я опишу Вам все житье-бытье мое, а до того прощайте, неоцененнейший Василий Николаевич! Будьте здоровы и счастливы!

Ваш друг

Порфирий Кирилов

Р. С. Посылаемые при сем сосуды суть две чашки с крышками из белого юй [нефрита.— В. М.]».

Все изложенные просьбы П. Е. Кирилов повторил в следующем письме, которое пришло в Иркутск в апреле 1836 г. Оказия в пересылке почты образовалась в связи с тем, что миссии не было выплачено жалованье. «Крайность, в которую поверг провожатый Поликарпов, возвратившийся с пустыми руками, заставила миссию обратиться в Трибунал с просьбой об ускорении присылки серебра, а вместе с тем доставила возможность писать в Отечество», — пишет П. Е. Кирилов²⁷.

В бытность свою в Китае П. Е. Кирилов первым из членов миссии совершил по стране небольшое путешествие. О нем он поведал В. Н. Баснину в своем 9-м письме.

Окончание следует

¹ См.: E. Widmer. The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the Eighteenth Century. Cambridge (Mass.), 1976. p. 23—34.

² См.: E. Widmer. Op. cit.; Шань Гуаннай. Российская духовная миссия и китайско-русские дипломатические связи. — «Вестник Цицикарского педагогического института (Философия и общественные науки)», 1984, вып. 1, с. 102—111, вып. 3, с. 95—102; У Ян. О «русской роте» в эпоху Цин. — «Лиши яньцзю», 1987, № 5, с. 83—84

Исключение составляет статья Юэ Фэна «Некоторые особенности распространения православия в Китае», опубликованная в «Вестнике аспирантуры Академии общественных наук Китая» (Пекин, 1987, № 6, с. 60—74, на кит. яз.). Задавшись целью доказать, что «деятельность Русской духовной миссии была средством сбора разнообразной информации, которую правительство царской России использовало для осуществления политики агрессии в отношении Китая» (с. 68), Юэ Фэн дает периодизацию деятельности русской церкви в Китае таким образом, что ее начальный этап относится им к 1665 г., когда русскими была построена церковь в Албазине на Амуре, а заключительный — к 1949—1956 гг. Такого рода «хронологические» рамки не могут быть признаны научно обоснованными. Конечно, история миссии, являясь частью истории русской православной церкви, частью истории русского китаеведения, одновременно является и частью новой истории Китая. Поэтому история Пекинской духовной миссии последние годы привлекает внимание китайских историков. Имн был подготовлен тематический сборник документов «Исторические материалы Русской духовной миссии в Пекине» (вып. 1. Пекин, 1985). К сожалению, не только Юэ Фэн, но и другие китайские авторы крайне тенденциозно освещают деятельность миссии. Они не хотят считаться с объективными фактами, которые свидетельствуют, что члены духовной миссии, немало потрудившись для защиты интересов России в Китае, не меньше сделали и для Китая в России, публично выражая сочувствие китайскому трудовому люду, выступая в защиту Китая от прорисков европейских колонизаторов, активно отстаивая идею мирных, добрососедских отношений нашей страны с ее великим соседом.

³ Аполлон Можаровский. Архимандрит Петр Каменский. — «Русская старина», 1896, февраль, с. 320.

⁴ См.: Амвросий. История Российской иерархии. Ч. II. М., 1810, с. 448.

⁵ См.: Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине, под ред. Н. И. Веселовского. Вып. 1. СПб., 1905, с. 13—16; Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1, М., 1978, с. 289—290. С миссией Н. Лежайского врач послан не был, в ответ на просьбу Канси Петр I направил в Пекин в 1715 г. хирурга петербургской больницы англичанина Томаса Гарфина (Фому Гарвина); который, вылечив цинского императора, в 1717 г. возвратился в Россию (см.: П. Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 302).

⁶ «Русская старина», 1896, февраль, с. 324—325.

⁷ «Православный собеседник», 1886, февраль, с. 179.

⁸ «Русская старина», 1896, февраль, с. 329.

⁹ См.: «Советское китаеведение», 1958, № 4, с. 136—148.

¹⁰ См.: «Цюши сюэкань» (Харбин), 1986, № 1, с. 93—96.

¹¹ Журнал «Отечественные записки», рецензируя книгу Е. Ковалевского «Путешествие в Китай» (СПб., 1853), отмечает, что доктор Кирилов является авторитетнейшим специалистом в вопросах выращивания чая (см.: «Отечественные записки», т. 91. СПб., 1853, разд. V, с. 3—4).

¹² См.: ЦГАДА, ф. 183, д. 181, л. 1—37.

¹³ См.: Чтения Московского общества истории и древностей российских», кн. I, 1875, с. 131—143; кн. II, с. 1—292; кн. IV, с. 1—138.

¹⁴ Это намек на жару в июле, «когда все запершись сидят нагие» — так прокомментировал это место из письма П. Е. Кирилова начальник предыдущей, 10-й миссии П. И. Каменский.

¹⁵ Помета П. И. Каменского: «В Китае всяк в классе уже преступников, кто с иностранцами сведет дружбу».

¹⁶ П. И. Каменскому (архимандриту Петру), в то время уже было 68 лет; Даниил Сивиллов (Сивиллов Дмитрий Петрович) — член 10-й миссии, после возвращения из Китая возглавил первую в России кафедру китайского языка, созданную в Казанском университете; китаевед Кондратий Григорьевич Крымский и Захар Федорович Леонтьевский были студентами 10-й миссии, Александр Иванович Сосницкий и Николай Иванович Вознесенский — причетники 10-й миссии. — См.: «Русская старина», 1896, март, с. 601—602.

¹⁷ Нумерацию листов мы приводим в соответствии с тем, как она сделана в архивном деле. После даты, написанной рукой Кирилова, на л. 1 другими чернилами помета В. П. Басинна: «отвечал от 20 август[а] 31 год[а] (№ 1)». Справа сверху приписка: «п[олучено] ноября 7, 1830, почт[а]. Ир[кутск]». По левому полю л. 1 помета: «Извините, что слишком нехорошим почерком пишу, в дымной юрте нельзя писать лучше».

¹⁸ Сверху помета: «П[олучено] сентяб[ря] 28, 1831, [в] Ирк[утске] через Данила Данилов[ича] Романовского».

¹⁹ Сверху помета: «П[олучено] октября 14, 1832, Иркутск, почта, пятница, утро. Отвечал от 10 марта 34 года». Бумага ветхая. Часть текста по краям утрачена.

²⁰ Очевидно, Павел Степанович — светское имя иеромонаха Поликарпа Тугаринова, который впоследствии стал начальником 12-й миссии; Аввакум Честной.

²¹ Вениамин Морачевич — архимандрит, начальник 11-й миссии.

²² Речь идет о писателе и востоковеде О. И. Сенковском, выступавшем под псевдонимом Барон Брамбеус.

²³ Ж. Б. Грозье (Jean-Baptiste Grosier, 1743—1823) — французский синолог, иезуит, автор семитомного «Генерального описания Китайской империи», изданного в Париже в 1818—1820 гг.

²⁴ Nec (non) plus ultra (лат.). — дальше некуда.

²⁵ Речь идет о дискуссии по поводу происхождения китайского этноса, разгоревшейся в то время в научных кругах. Н. Я. Бичурин на основе китайских источников опровергал как библейские мифы, так и пресловутую «германскую теорию». Журнал «Библиотека для чтения», возглавлявшийся О. И. Сенковским, выступал с нападками на Н. Я. Бичурина. Как видим, П. Е. Кирилов хотя и в иронической форме, но четко поддерживает взгляды на аутохтонность китайской цивилизации, возникшей в общем процессе эволюции.

²⁶ Речь идет об иркутском губернаторе И. Б. Цейдлере. В пекинском архиве хранятся реестры подарков, отправленных И. Б. Цейдлером в январе 1835 г. и в январе 1836 г. ургинским пограничным правителям. В число подарков входят суица, посуда фарфоровая и хрустальная и другие предметы. — См.: Архив Минской и Цинской династий, ф. «Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений», «Цзи», п. 128, (подлинник); «Лю», д. № 18, с. 7—10 (копия).

²⁷ Жалованье серебром выплачивалось русским правительством. Серебро везли в обозе через Монголию. В письме от 2 апреля 1835 г. И. Б. Цейдлер просил у ургинских пограничных правителей разрешения нанять в Кяхте возчиков для провоза серебра в Пекинскую духовную миссию. — См.: АМЦД, ф. «Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений», «Цзи», п. 129 (подлинник).

*Н. Т. ФЕДОРЕНКО,
член-корреспондент АН СССР*

История китайской художественной литературы начиная с ее древнего периода — это процесс становления и развития речевого искусства, в котором нашли свое образное выражение черты национальной самобытности китайской культуры, своеобразные особенности китайского народа. «История развития китайской литературы, — отмечает профессор Лю Даузе, — является частью, можно сказать, наиболее рафинированной частью в истории развития культуры Китая»¹.

Обстоятельный труд по созданию научной истории китайской литературы — задача, быть может, не особенно отдаленного будущего, однако для этого необходимо выполнить много частных подготовительных работ и исследований. Следует принять во внимание еще и то обстоятельство, что древнекитайская литература сама по себе представляет значительные трудности для изучения.

Все это ставит нас в чрезвычайно трудные условия и значительно усложняет решение поставленной задачи.

В строгом смысле слова в старом Китае до начала XX в. не существовало истории литературы, в которой в систематическом виде излагался бы процесс развития отечественной словесности.

«С чувством изумления, — отмечает Чжэн Чжэньдо, — в такой стране, как Китай, с его столь большой историей литературы, богатейшим литературным творчеством, мы видим совершенно неразвитое литературоведение»². Более того, отсутствовал даже сам термин «история литературы», поскольку был несколько иной подход к освещению фактов и явлений литературного творчества. Так, например, довольно широкое хождение имели такие термины, отражающие содержание метода изучения литературы, как «рассказ о поэзии», или «слово о поэзии» («шихуа»), «беседа о литературе», или «литературная беседа» («вэньтань»), «перечень строф» («цыпу»), «повествование о литературе» («вэньюань чжуань»), «записи о литературе» («ивэнь чжи») и т. п. Все это, однако, не представляло собой сколько-нибудь последовательного и законченного изложения истории китайской литературы, а являло собой скорее материал для создания ее истории. В лучшем случае некоторые из таких работ в большей или меньшей мере можно рассматривать как частичные истории отдельных жанров либо же как отдельные стороны истории китайской литературы.

Так, например, прославленное произведение Лу Цзи (261—303) «Поэма о вэнь», или «Поэма о священном слове» («Вэньфу»), рассматривается некоторыми китайскими историками литературы как основополагающее сочинение в области изучения китайской литературы. Однако в этой поэме, несомненно представляющей в высшей степени ценный памятник литературоведческой мысли, вовсе не содержится сколько-нибудь систематического освещения истории литературы.

После поэмы «Вэньфу» появился такой знаменитый памятник, как «Литературный сборник», или «Антология изящной литературы», («Вэньсюань»), созданный поэтом Сяо Туном в VI в. Это нечто близкое антологии древней китайской литературы, где дается классификация 37 различных жанров поэзии и прозы. Выдающийся труд Лю Се (V—VI вв.) «Литературные мысли и резные драконы»³ («Вэньсинь дяолун»), при всей его неограниченной теоретической значимости, может рассматриваться лишь как своеобразный очерк китайской литературы или ее критики. Наконец, один из древнейших литературоведческих трудов «Категории стихов» («Шипинь») Чжун Юна (VI в.), разбирающий природу и категории поэтического творчества, может быть отнесен к разряду литературной критики, но не истории китайской литературы.

С древнейшего периода в Китае также получила широкое развитие энциклопедическая литература, создававшаяся в самых различных видах. Это своеобразные энциклопедии по основным разделам науки и культуры: «Тунчжи» (XII в.) — историческая, «Тундянь» (VIII в.) — политическая, «Вэньсянь тункао» (XIII в.) — историко-литературная. Каждая из них представляет собой огромный свод суммированных сведений. Так, например, знаменитые энциклопедии китайской культуры «Юнлэ дадянь» (XIV в.) и «Тушу цзичэн» (XVIII в.), состоящая из десяти тысяч томов, являются наиболее полным собранием сочинений по вопросам истории и литературы. Это самые крупные в мире энциклопедии, состоящие приблизительно наполовину из обзорных статей и текстов художественной литературы. Они практически дают ответ, по крайней мере с фактологической стороны, почти на любой вопрос литературного творчества, разумеется в пределах имеющихся источников и материалов. Энциклопедия «Юйсюань гувэнь юаньцзянь» представляет собой полное собрание китайской художественной прозы на древних языках гувэнь и вэньянь.

Особое место занимают энциклопедические словари китайской литературы, в частности уникальный словарь «Пэйвэнь юньфу» в семи томах, где сосредоточены тексты китайских поэтических произведений всех времен с расположением всех слов по рифмам.

Вместе с энциклопедическими изданиями создавались различного рода собрания сочинений, антологии. Крупнейшей антологией китайской поэзии является «Юй дин цюсинь танши» (XVIII в.), в которой полностью представлены все поэты танского периода (VII—X вв.).

Все эти наиболее ранние литературоведческие памятники несомненно представляют большую историческую и научную ценность. В них освещаются, разумеется в соответствии с существовавшими представлениями и духом времени, многие стороны словесно-речевого искусства и содержатся весьма глубокие наблюдения и выводы, касающиеся литературного творчества древнего периода. С точки зрения современной литературоведческой науки эти работы, однако, не являются последовательным и систематизированным освещением истории развития китайской литературы.

Первым опытом создания истории китайской литературы считается работа профессора Пекинского педагогического института Линь Чуаньцзя «Чжунго вэньсюэ ши» («История китайской литературы»), вышедшая в свет в 1910 г. Работа Линь Чуаньцзя, слабая композиционно и особенно методологически, в сущности, не вышла за стены Пекинского педагогического института. Вскоре она уступила место другим книгам, которые стали издаваться буквально одна за другой.

Среди них следует назвать «Большую историю литературы Китая» («Чжунго да вэньсюэ ши») Се Уляна, «Историю китайской литературы» («Чжунго вэнь-

сюэ ши») Цзэн И, «Очерк истории китайской литературы» («Чжунго вэньсюэ ши даган») Гу Ши, «Историю китайской литературы» («Чжунго вэньсюэ ши») Хэ Цзунли, а также работы с аналогичным названием Ван Вэнцзэна, Чжан Чжицуня, Ван Цзяньжу, Оуян Боцуня, Цзян Цзяньчжана, Тань Чжэнби, Ху Хуань чэня, Чжао Цзиньшэня, Чжэн Чжэньдо, Ху Сяоши и многих других. Кроме того, к этому времени относится выход в свет важнейших работ Ван Говэя «История драмы Сун и Юань» («Сун юань сицуй ши»), Лу Синя «Краткая история китайской художественной прозы» и др.

Названные работы, особенно такие, как «Краткая история китайской художественной прозы» Лу Синя и «История китайской литературы» Чжэн Чжэньдо⁵, содержат весьма ценный материал и суждения авторов по важнейшим литературным явлениям и, несомненно, представляют собой большой шаг вперед в китайском литературоведении и критике.

Особенно велико значение литературоведческих работ Лу Синя. Он в числе первых исследователей начал создавать научную историю китайской литературы. Ему принадлежит заслуга в принципиально новом освещении вопроса об историческом наследии, а также в правильной оценке роли народного творчества в общем процессе словесно-художественного искусства, которое на протяжении многих веков третировалось помещичье-чиновничьей аристократией и не признавалось достойной литературой. Работа, проделанная Лу Синем по исследованию истории китайской литературы, подготовила почву для подлинно марксистского ее изучения уже в условиях современного Китая.

Однако для большей части книг упомянутых авторов характерен общий недостаток — отсутствие научной методологии, авторская субъективность в отборе и оценке литературных произведений. В этих работах нет четкого понимания и определения литературы — главного объекта самого исследования. Отсутствие объективного взгляда на изучаемый предмет и должных критериев приводит авторов к произвольному обращению с литературными явлениями и фактами, к субъективному толкованию вопроса о сфере речевого искусства и т. д.

Методика литературоведческого анализа, конкретные приемы исследовательской работы не выходят за рамки формального, начетнического перечисления древних источников и традиционных комментариев.

В этих работах не содержится разъяснений смысла образов и характеров в произведениях различных исторических эпох. Здесь нет попыток анализа композиции литературных произведений, установления связи героев с общественной жизнью, идеями и веяниями эпохи и т. д. Тем более нет работ старых китайских авторов, в которых словесно-художественное искусство рассматривалось бы с позиций синтеза теории литературы, эстетики, истории литературы и критики.

На такое положение обращалось внимание в работах историков литературы. Как подчеркивал Чжэн Чжэньдо, «начиная с «Поэмы об изящном слове» Лу Цзи и вплоть до самого недавнего времени изучение китайской литературы поистине не могло войти в должную исследовательскую колею»⁶.

Об этом много писалось и в различных литературно-критических изданиях. В частности, в литературном обзоре «У нас нет истории китайской литературы»⁷, где подвергалось критике сложившееся положение, когда в стране фактически не оказалось научной истории литературы, подчеркивалось, что существующие работы представляют собой простое хронологическое перечисление писателей, некоторые биографические сведения и цитаты из их так называемых характерных произведений. В обзоре указывалось также, что ни в одной из работ по истории китайской литературы творчество не рассматривается во

взаимосвязи с общественной жизнью, с борьбой народа в различных социально-исторических условиях.

В большей части эти работы касаются вопросов не столько собственно литературного движения, сколько традиционных разделов китайской науки: истории (шибу), канонических сочинений (цзинбу), философии (цзыбу) и литературы (цабу). Таким образом, вместо истории собственно литературы затрагиваются проблемы истории философии, канонов конфуцианской классики, логики и т. п.

При этом некоторыми авторами в целях обоснования своей позиции приводится высказывание известного китайского ученого Чжан Тайяня: «Все зафиксированное на бамбуковых планках (чжу) и шелке (бо) называется письменностью (вэнь), а способ рассмотрения ее — литературой»⁸. Столь широкое, всеобъемлющее определение литературы, совершенно очевидно, обращено в прошлое и вытекает из традиционного понимания литературы в отдаленные времена. Это определение, по сути, охватывает все, что было написано со времени использования бамбука и шелка в качестве средств для письма, когда не было необходимости в классификации письменной продукции и научной специализации. Руководствоваться давно пережившей себя формулой в наши дни — значит утверждать догматизм, склоняться к начетничеству. Наиболее ярким примером здесь может служить «Краткая история китайской литературы» («Чжунго-Вэньсюэ шилуэ») Ху Хуайчэня⁹. В ней, строго говоря, вообще отсутствуют сколько-нибудь обоснованные взгляды автора на развитие историко-литературного процесса. Это явилось причиной справедливой критики со стороны многих исследователей, в частности автора «Истории китайской литературы» Ху Юньи, охарактеризовавшего работу Ху Хуайчэня как изобилующую серьезными недостатками, делающими ее «в буквальном смысле бухгалтерской книгой текущих поступлений и расходов...»¹⁰.

Книге Ху Хуайчэня свойственны многие недостатки, встречающиеся и в других работах, — это засилье стародавних концепций, своего рода догматизм в оценке литературных фактов и явлений. Ху Хуайчэнь часто заимствует суждения, содержащиеся в разного рода исторических и литературных источниках прошлого, приводит выдержки и цитаты древних литераторов, однако у него отсутствует свой авторский анализ или комментарий¹¹. Почти всеми авторами повторяются одни и те же высказывания литераторов прошлого, очевидно для придания книге «научной весомости», «большей эрудированности». Все это делается главным образом в силу установившейся традиции — потому, что так поступают другие.

Кроме этого, наблюдается увлечение некоторых авторов «чистой литературой», то есть литературным творчеством, которое, по мнению Ху Юньи, «навеечно настроением» и представляет собой «произведения эстетических эмоций». Именно такой взгляд на литературу, подчеркивает Ху Юньи, является «современным, прогрессивным, правильным». Исходя из сформулированной им позиции, Ху Юньи исключает из понятия литературы, как не имеющие к ней никакого отношения, не только памятники литературы канонической, исторической, философской, естественно-научной, но даже литературные главы в сочинениях «Цзочжуань»¹², «Шицзы»¹³, «Цзычжи тунцзянь»¹⁴. Более того, продолжает Ху Юньи, к «чистой литературе» не относятся произведения на древнем языке (гувэнь) таких художников слова, как Хань Юй, поэта танского периода (VII—X вв.), а также его единомышленников Лю Цзунюаня, Оуян Сю, Су Дунпо и других.

В подобной позиции Ху Юньи, как и других исследователей литературы древнего Китая, нельзя не видеть проявления квазинаучного эстетизма, крайней приверженности «чистому искусству». Чрезмерная однобокость такой по-

зиции приводит к отрицанию литературной ценности таких выдающихся памятников, как «Цзочжуань», «Шицзи» и пр. Достаточно сказать, что «Цзочжуань» — один из наиболее ранних литературных памятников, в котором обнаруживаются черты образного мышления. «Цзочжуань», — отмечает профессор Фань Вэньлань, — прекрасный образец прозы литературного стиля»¹⁵.

Не имеет никакого основания и отрицание, как это делает Ху Юньи и солидарные с ним исследователи, крупнейшего историко-литературного памятника «Шицзи», в котором содержатся непревзойденные образцы речевого искусства, особенно литературные портреты (чжуань), характеризующие их автора Сыма Цяня как подлинного художника слова. «Китайский историограф, — справедливо говорит академик В. М. Алексеев, — есть прежде всего стилист и родоначальник китайской историографии (не считая отца ее — Конфуция). Сыма Цянь считается также одним из родоначальников изящной повествовательной литературы, извлечения из которой всегда занимают весьма значительную часть любой китайской хрестоматии, а подражать ему и в стиле и в методе не перестают китайцы до сих пор»¹⁶.

Наиболее литературная часть династических историй (чжэнши), с полным основанием отмечает В. М. Алексеев, — последний раздел биографий (лечжуань), которые представляют собой как бы самостоятельные литературные произведения, написанные ритмически и часто с приложением особого резюме-хвалы (цзань). Это резюме является вообще литературным шедевром и в качестве такового помещается во всех хрестоматиях, как, например, резюме о Конфуции из его биографии у Сыма Цяня («Кунцы Шицзя цзань»).

Нельзя отделять от литературы и многие философские сочинения, которые либо полностью, либо частично представляют собой подлинные произведения речевого искусства. Так, например, знаменитый трактат «Книга о пути и добродетели» («Дао де цзин»), связываемый с именем древнего мыслителя Лао-цзы, — своеобразная поэма, написанная в высшей степени оригинальным литературным стилем.

К слабой стороне ряда старых работ по истории литературы относится также и то, что их авторы обычно ограничиваются стереотипным и формальным изложением биографии или родословной писателя, разного рода деталей его жизни, подробностей родственных и дружественных связей и т. п.¹⁷. Анализу и разбору творчества писателя уделяется крайне мало внимания. Вопросы же развития литературных процессов, источников и причин возникновения различных жанров и стилей, взаимосвязи художественного творчества с условиями материальной и духовной жизни нередко остаются вне поля зрения авторов старой школы.

В этой связи характерна, например, работа Чжэн Бинюя «История изменения китайской литературы»¹⁸, в которой движение в словесно-речевом творчестве рассматривается с точки зрения возникновения и развития различных жанров и стилей. Из поэтического жанра «ши», подчеркивает автор уже на первой странице своего труда, возникает жанр «фу», далее — жанр «танлюй», затем «сунцы» и «юаньцюй», а в прозе соответственно возникает «гувэнь», «цзавэнь», «сяшо», в свою очередь представляя собой изменение, превращение, творчество. При этом Чжэн Бинюй указывает, что каждому жанру соответствует определенный династический период: жанр «ши» развивался лишь до эпохи Тан, «цы» — до эпохи Сун, «цюй» развивался в период династий Мин и Цин и т. д.

Таким образом, Чжэн Бинюй рассматривает историю развития китайской литературы лишь как изменение форм творчества в соответствии с правлением той или иной династии, игнорируя содержание литературы, идейную

направленность творчества, его социально-историческую значимость, которые возникают в определенных историко-культурных условиях.

Рассматриваемые работы китайских историков литературы старой школы содержат противоречивые и весьма субъективные определения литературы и задачи истории литературы. Несколько примеров. Давая определение природы литературы, Тань Чжэнби¹⁹, автор многочисленных работ по китайской литературе²⁰, отмечает: «С точки зрения психологического анализа можно сказать, что философия относится к области воли, наука — к области знаний, а литература — к области эмоций. Если философия стремится к совершенству, наука — к истине, то литература стремится к прекрасному. Поэтому в природе литературы должны быть заложены эстетические чувства». Далее Тань Чжэнби поясняет, что «эстетические чувства означают нечто художественное и не связанное со с своекорыстием, правдой и неправдой реальной жизни, нечто не имеющее отношения к личным практическим интересам в настоящее время. Литература должна вызывать у людей радостные чувства; она должна возбуждать радостные эмоции даже и в том случае, когда человек испытывает горестное ощущение»²¹.

Стремясь обосновать свою точку зрения, Тань Чжэнби утверждает: «Причина того, что горы, реки, цветы и луна стали почти основным материалом литературы, таится именно в том, что они, возвышаясь над корыстными выгодами реальной жизни, легко вызывают у людей чувства прекрасного. И напротив, мораль, деньги, слава оказались отброшенными из материала литературы из-за того, что они легко попадают под воздействие корысти и вызывают у людей чувство отвращения»²².

Тань Чжэнби подчеркивает, что «литература — продукт эмоций, тогда как история — продукт знаний. Литература стремится к прекрасному, а история — к действительному. Литература склонна к субъективности, а история совершенно объективна... Поэтому, отнюдь не всякая хорошая история является литературой. И наоборот, хорошая литература вовсе не есть история»²³.

С помощью рационального начала, разумеется, не всегда можно все осмыслить, объяснить. В художественном творчестве, особенно в китайской традиционной поэзии, не все рационально, далеко не все однозначно, с нашей точки зрения. Хотя нередко в ней речь идет о таких простых вещах, как деревья, птицы, облака.

По мнению литератора Ян Цзинцзэна (XIX в.), идеалом для настоящего вдохновенного художника, как и для подлинного поэта, является все то же Дао, немислимое, сверхчеловеческое начало, которое, поселяясь в душе сверхчеловека, погружает его как бы в некий транс, сверхчувственное познание истины, не доступное ни поэтам, ни художникам, ни каллиграфам²⁴.

Мы, разумеется, можем с этим не согласиться. И для этого у нас есть основания. Но вместе с тем мы не можем не считаться с тем, что у китайских авторов, в том числе старых, существует традиционный взгляд на вещи, который они в свою очередь обосновывают своим миропониманием, собственным ощущением. Субъективен он или нет, мы вправе судить с точки зрения нашей современной методологии. Неуместны здесь конъюнктурные ветры, определяющие борозды и межи. Проще всего, разумеется, сказать, что данная интерпретация носит иррациональный характер. Но от такого заключения вряд ли изменится то, что зафиксировано в китайских литературных источниках, на которые мы, в частности, только сослались. Тут необходим более широкий исторический подход, который признавал бы своеобразие развития национального мировосприятия в Китае в различных исторических условиях.

В вышедшей в 1940 г. другой книге Тань Чжэнби «Очерк истории китайской литературы»²⁵ автор солидаризуется в определении литературы с автором работы «История китайской литературы» Чжан Чжичунем: «Литература есть провозглашение моих чувств, раскрытие моих идеалов, выражение моего языка — создание произведения путем взаимной связи иероглифических знаков»²⁶.

Нетрудно видеть, что точка зрения Тань Чжэнби глубоко субъективна и ненаучна. Рассматривая литературу лишь как продукт эмоций, Тань Чжэнби игнорирует необходимость понимания внутренних чувств писателя, его творческой фантазии.

Дело, разумеется, не только в правильном определении понятия «литература». Главное в том, чтобы в соответствии с методологически верным положением о природе литературы дать объективно правильную картину движения словесно-художественного творчества. Китайский литературовед Лян Ичжэнь в своей работе «История китайской национальной литературы» дает следующее определение литературы.

«Литература — отражение человеческой жизни, а также изображение эпохи. Положительным или отрицательным было политическое правление, порядок или смуты царили в данную эпоху, горька или радостна жизнь народа, каковы были идеи нации — все это может быть обнаружено в литературе. Чтобы знать подлинное лицо эпохи, нужно изучить литературные произведения, также необходимо изучить подлинную картину эпохи, в которую они возникли»²⁷.

Однако несмотря на эту в общем близкую к научной истине формулировку, автор крайне субъективно и произвольно излагает факты литературного творчества, вследствие чего книга дает искаженную картину китайской национальной литературы.

Шагом вперед на пути изучения словесно-речевого искусства явилась работа Тань Пимо «Очерк истории китайской литературы»²⁸, в которой дается попытка главнейшие явления литературы осветить с позиции прогрессивной литературоведческой науки. Говоря о значении истории литературы, Тань Пимо отмечает во введении, что она, являясь частью общен исторического процесса, не может быть отделена от развития общественной жизни. История литературы, подобно непрестанно движущейся истории вообще, никогда не прекращает своего поступательного развития. Возникновение нового стиля, начало нового движения, рождение нового великого писателя, подчеркивает далее Тань Пимо, — все это явления в общен историческом процессе, освещение причинной связи которых и составляет задачу истории литературы.

В 1958 г. вышла в свет «История китайской литературы»²⁹ — коллективная работа слушателей отделения китайской литературы Пекинского университета. Для нее характерно принципиально новое освещение процесса словесно-речевого творчества. Авторы поставили перед собой задачу марксистской разработки истории китайской литературы.

В этом труде нашли практическое выражение решения Коммунистической партии Китая по вопросам научного освещения проблем культуры и искусства, изучения богатейшего классического наследия. Авторами «Истории китайской литературы» проделана огромная исследовательская работа, привлечен большой оригинальный материал, который подвергнут всестороннему аналитическому разбору.

Несмотря на то что работа эта, несомненно, должна рассматриваться как положительный опыт, как существенное продвижение вперед, не все в ней представляется ценным и бесспорным. В частности, вызывает сомнение метод освещения вопроса о соотношении фольклора и литературы. Фольклорному

творчеству в книге отводится несколько преувеличенная роль, хотя авторы и исходят из бесспорного ленинского положения о двух культурах, о двух направлениях в каждой литературе.

В 1959 г. вышло новое, переработанное и расширенное издание «Истории китайской литературы»³⁰. В нем были учтены многие недостатки первого издания. В целом этот труд свидетельствует о серьезной методологической перестройке в области исследования вопросов истории китайской литературы и является существенным вкладом в создание марксистского литературоведения в Китае. Авторы справедливо подчеркивают в предисловии, что задача истории литературы состоит именно в том, чтобы, правильно применяя марксистско-ленинское мировоззрение и методику, глубоко овладеть богатым материалом литературы различных эпох, исследовать процесс литературного развития, обнаружить закономерности этого развития, объективно оценить место писателя и его творчества в общем историческом плане.

Идейно-художественное значение литературного творчества авторы рассматривают в свете исторической перспективы, с учетом своеобразия общественного развития, философских и эстетических представлений в различные эпохи. Не менее важно и то, что в «Истории китайской литературы» более обстоятельно, чем в других работах, исследуются средства художественного воплощения содержания произведения. Авторы книги стремятся показать, что образное мышление писателя находится в определенной взаимосвязи с разработкой им приемов обобщения окружающих явлений, усовершенствованием словесно-речевых средств, развитием жанров и стилей. Все это характеризует данную работу как наиболее обстоятельный труд среди аналогичных исследований китайских ученых и зарубежных синологов.

Систематическое изучение истории китайской литературы в Европе и появление первых книг по этому вопросу относится к началу XX в. В этой связи должна быть прежде всего упомянута книга английского автора, профессора Х. А. Джайлса (1845—1935), «История китайской литературы»³¹. По довольно широко распространенному мнению, это самая ранняя работа по истории китайской литературы. И сам автор в предисловии указывает, что его труд является «первой попыткой, которая делалась когда-либо на любом языке, включая китайский, создать историю китайской литературы»³².

Это утверждение по меньшей мере не совсем точное. Известно, что «История китайской литературы» впервые вышла в свет в 1901 г. Между тем за двадцать лет до этого русский академик В. П. Васильев в 1880 г. написал книгу «Очерк истории китайской литературы», вышедшую литографическим изданием, и в том же году им были завершены «Очерки истории китайской литературы»³³.

Следует, однако, отметить, что работа В. П. Васильева — первая попытка систематического изложения истории китайской литературы, отмеченная, однако, скорее эмпирическим, а не строго научным подходом.

Это было время эмпирического рассмотрения китайской литературы, когда дело сводилось в основном к описанию отдельных фактов литературы, без теоретического осмысления и обобщения. Притом делалось это весьма приблизительно. Виделось частное, а не общее, целостное. Не было всеохватности процесса движения искусства слова. Не было общей картины развития литературы, смены жанров, стилей и т. д.

Лишь на более позднем этапе, после революции, в нашей стране началось научное изучение китайской литературы, когда предмет исследовался уже не по отдельным, частным явлениям, а по единому целому, в органической взаимосвязи всех его особенностей и своеобразия. Заслуга в этом принадлежит основоположнику советского китаеведения академику В. М. Алек-

сееву. Задача была — изучать не отдельные факты, как бы значительны они сами по себе ни были, не производные и вторичные, а первичные явления. Иными словами, было стремление воссоздать картину в ее целостности, в сложном многообразии ее единства и обусловленности, не упуская одновременно из виду того, что цельное познается через углубленное понимание отдельного. С этих позиций закономерен и подход к определению места и роли китайской литературы в общемировом литературном процессе. Однако недопустимо, с нашей точки зрения, перенесение или распространение на китайскую литературу утвердившихся в изучении европейских литератур стереотипов (например, периодизация или смена стилей — классицизм, романтизм, реализм, натурализм, символизм, авангардизм и т. д.). Едва ли научно оправдано механическое распространение данной схемы на восточные литературы, в частности на китайскую литературу. При этом, сопоставляя литературные явления, произведения искусства слова, жанры и стили, литературные течения, процессы художественного творчества целых эпох, отнюдь не всегда учитываются специфические условия общественной и идеологической действительности исторического движения страны.

Происходит нечто вроде типизации ради самой типизации вместо углубленного изучения соответствующих произведений, конкретной литературы во всем многообразии, специфике и противоречивости развития.

Строго говоря, принятое в нашем обиходе деление времени на прошлое, настоящее и будущее весьма условно. Движение времени неостановимо. Это единый поток. И сама мера времени относительна. Потому деление его искусственно и научно недоказательно. Допускается это по соображениям удобства, так же как мы поступаем при анализе художественного произведения — условно раскладываем его на «составные» части, хотя это всегда опасно. Художественное произведение должно рассматриваться и восприниматься как единая, цельная композиция. Не без причины дзэнский поэт Сэн-цань (VII в.) утверждал: «Нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего — все в одном, одно во всем». Разве прошлое не живет в настоящем, разве нерасторжимо оно с будущим? Каждый человек — носитель единого этого феномена. Можем ли мы сказать, сколько заложено в нас прошлого, настоящего, будущего?

В этом смысле и принцип историзма предстает в должной полноте, обретает реальность, поскольку все предстает в объемном измерении, в условном трехмерном масштабе — прошлое, настоящее, перспектива.

Здесь стоит, пожалуй, упомянуть о некоем опыте сопоставлений. Прошедшие годы в востоковедении словно бы ознаменовались одержимостью к первооткрывательству исторических и культурных феноменов в мировом процессе материального и духовного развития. Довольно широкое распространение получила тематика типологических разысканий, общих исторических явлений, универсалий в периодизации и т. п. Явление это стало буквально повсеместным — открытием целых эпох, в том числе «просвещения», «возрождения», «ренессанса», символизирующих огромные феноменологические комплексы. От локальных и региональных сфер «первооткрывательская» эта лихорадка перекинулась и на общемировые просторы, приобретая, так сказать, вселенскую масштабность. Были обнаружены эпохи ренессанса в Грузии и Армении, Средней Азии, Японии, Корее и других странах. Не остался обойден и китайский литературный континент, где, по одной версии, Ренессанс возник в VIII веке, а по другим гипотезам — он с успехом существовал еще до этого, а также значительно позже... При этом в качестве модели принимается здесь итальянское Возрождение, из которого заимствуется некая программируемая серия «признаков», в том числе «гуманизм», «реализм», «индивидуа-

лизм», «обращение к древности», «критика религиозных взглядов», «светскость» и т. д.³⁴.

Заметим, что сами китайские исследователи, даже обладающие необузданной фантазией, никогда ни в одной из работ и не намекали о существовании в Китае «ренессанса». При этом нельзя сказать, что им не доставало памяти.

Предвзятому набору таких «признаков» силою воли и пространственного воображения придается широкое толкование, а нередко и общечеловеческий смысл. Методика эта, как легко убедиться, позволяет обнаружить Ренессанс где угодно, даже там, где о нем никто и никогда не подозревал. Короче, тут как бы доказывается то, что все было везде, раз это было однажды в Италии.

Западноевропейский Ренессанс приобрел свою значимость отнюдь не потому, что оказался наиболее типичным или образцовым среди всех случившихся «ренессансов», но именно потому, что других «ренессансов» не было. Он оказался единственным.

Мы, однако, менее всего хотели бы посягнуть на священное право ученого на поиски и открытия. Отнюдь нет. Как раз напротив. Но открытие, если это действительно открытие, должно быть доказательно и обладать необходимой исторической конкретностью. Иначе это не более как гипотеза, которая совсем не обязательно содержит в себе истину, гипотеза, лишенная достоверности. Без весомых и объективных данных не может быть достоверной оценки или характеристики. Особенно опасно и рискованно искать ученым взглядом то, чего хотелось бы найти. Это чревато натяжками воображения.

Достойно сожаления то, что концепции первопрородничества строятся на заранее сотворенных схемах, главным образом европоцентристского происхождения, по типу — «античность», «средневековье», «возрождение», «барокко», а не на всестороннем изучении своеобразия национальных литератур, возникших в конкретных историко-социальных условиях.

Попытки схематизации в истолковании Ренессанса приводят к тому, что применяемая терминология становится не более чем аргументом самонадеянных авторов, всеобщим штампом. Поборники этих концепций отказываются от доводов разума, пытаются утверждать мир воображаемый, основанный на неких умозрительных абстракциях.

Возвращаясь к работе Г. А. Джайльса, которому предшествовали труды В. П. Васильева³⁵, заметим, что утверждения Г. А. Джайльса опровергаются и японскими учеными. Так, например, профессор Кураиси в предисловии к своей книге «История китайской литературы»³⁶ отмечает, что Джайльс, читавший лекции по синологии в Кембриджском университете, опубликовал в 1901 г. книгу «История китайской литературы», в предисловии к которой «с гордостью писал о том, что до этой книги ни на одном из языков мира не было создано труда по истории китайской литературы». Фактически, однако, еще за пять лет до этого, в мае 1898 г., японский профессор Кодзэ Тэйкити выпустил в свет «Историю китайской литературы» («Сина бунгаку си»), а в следующем году на японском языке вышла «История китайской литературы» («Сина бунгаку си») Сасакава Ринпу.

Что касается содержания книги Г. А. Джайльса, то ее заглавие едва ли соответствует обязывающему к столь многому названию. В ней отсутствует сколько-нибудь систематизированное или законченное изложение истории китайской литературы. В строгом смысле эту работу нельзя рассматривать как целый очерк истории китайской литературы, фактически она состоит из разрозненных очерков самого общего характера по некоторым вопросам китайской литературы. Она является результатом углубленного изучения литера-

турных памятников и не содержит сколько-нибудь ценных авторских наблюдений, как и литературоведческого анализа. Скорее это переложение китайских популярных хрестоматийных изданий, причем с многочисленными собственными суждениями Джайльса. Достаточно привести, например, утверждение автора о том, что Конфуций «может считаться основоположником китайской литературы»³⁷. Никаких доказательств в подтверждение выдвинутого положения автор, разумеется, не приводит по простой причине — такое утверждение расходится с действительностью. Общеизвестно, что самим Конфуцием не написано ни одной строки. Мудрец строго придерживался им же утвержденного принципа: «Шу эр бу цзо» — «Только излагаю, но ничего не сочиняю сам»³⁸.

Было бы, однако, несправедливо не признать того, что книга Г. А. Джайльса сыграла видную роль, поскольку на протяжении целого века оставалась едва ли не единственной историей китайской литературы на английском языке в Европе и Америке, где, как известно, ни одного исследования по систематическому изложению истории китайской литературы до тех пор создано не было.

Перед историками китайской литературы, как было показано выше, проделавшими в последние десятилетия существенную работу, стоят многие задачи проблемного и частного характера. Это прежде всего изучение закономерностей процесса развития литературы, исследование особенностей творчества и стиля, средств художественной выразительности и языка писателей, изучение фольклорных основ китайской литературы и роли народного творчества, исследование основных направлений словесно-речевого творчества, демократического и аристократического выявления реалистического творчества и т. д.

Мы знаем, что у каждого народа, у каждой эпохи вырабатывается свой взгляд на вещи. И каждое последующее поколение людей фактически лишь продолжает то, что было создано ранее. При этом каждый новый вклад отнюдь не всегда равнозначен или равноценен предыдущему. Здесь нет адекватности, но, несомненно, существует поступательность движения. Справедливо это и в отношении науки, и в отношении культуры. Тут, очевидно, действует закон неравномерности развития общественной деятельности и духовной жизни.

Руководствуемся мы тем, что литературоведению как одной из фундаментальных гуманитарных наук принадлежит важное место в научном исследовании духовного наследия общества, в раскрытии закономерностей и утверждении за ними права на выявление самобытных явлений, индивидуального своеобразия стиля и лексики. Исследование литературного произведения должно вестись в неразрывной взаимосвязи содержания и формы, идейности и художественных средств. При этом должна соблюдаться объективность исследования содержания и формы выражения с научной методологией и методикой.

Литературоведение мы рассматриваем как неотъемлемую часть литературы, искусства слова. Наука об искусстве слова и само искусство, с нашей точки зрения, не замещают друг друга, а скорее дополняют в области познания человека и жизни. И если таких работ еще мало или вообще нет, то полагаем, что правомерно стремление к их созданию. Между тем известно, что многие востоковедные литературоведческие работы написаны невыразительным языком, сухо и уныло.

Создание марксистской истории китайской литературы — главная задача советских китаистов-литературоведов. Критическое освоение научного наследия прошлого будет способствовать решению этой проблемы. Важную задачу в изучении истории китайской литературы мы видим во всестороннем исследовании связей писателя с жизнью своей эпохи, с окружающей его социально-истори-

ческой действительностью, в изучении его мироощущения и творчества в органическом единстве идейности содержания и художественности.

В историко-литературном процессе крайне важно выделить самые существенные явления художественного творчества в Китае, сыгравшие наиболее заметную роль в историческом процессе литературного движения. Значительное внимание при этом должно быть обращено на крупнейшие литературные памятники и на творчество выдающихся художников слова, которым принадлежит особенно видная роль в общем литературном развитии. В этом также одна из серьезных задач историка литературы.

Мы исходим из того, что каждое крупное явление должно рассматриваться не обособленно, не изолированно, но в непосредственной, живой взаимосвязи с общим литературным творчеством, характерным для данной исторической эпохи. Индивидуальное своеобразие каждого отдельного писателя должно быть раскрыто как неотъемлемая, органическая черта общего литературного процесса во взаимосвязи с объективными закономерностями творчества.

Задачу историков литературы мы видим, наконец, в том, чтобы показать развитие художественно-речевого искусства Китая во взаимосвязи и взаимодействии с литературами других народов, с историей мировой литературы. Усилия здесь должны быть направлены на то, чтобы освещение общих закономерностей, характерных для литератур разных стран, в сочетании с конкретным анализом национального своеобразия китайской литературы.

Основным источником для изучения китайской литературы мы считаем оригинальные тексты литературных произведений — поэзию, прозу, драму. Большинство этих произведений дошли до нас лишь в копиях и позднейших изданиях. Однако далеко не все произведения китайской литературы сохранились до наших дней. Одним из источников для изучения китайского художественного творчества являются комментарии и оценки его более поздними литературоведами и критиками. Большой интерес в этом отношении представляют такие источники, как «Антология изящной литературы» («Вэнь жуань»), «Литературные мысли и резные драконы» («Вэньсинь дяолун») и др.

В этой связи уместно отметить, что измененные принципы изучения китайской литературы служат методологической основой в подготавливаемой коллективом китаистов-литературоведов ИВ АН СССР истории китайской литературы с древнейших времен до наших дней. Важно и то, что одновременно учеными ИДВ АН СССР и ИВ АН СССР ведется работа по изданию на русском языке Библиотеки китайской литературы в сорока томах. Предпринимаемое впервые такое издание (издательство «Художественная литература») будет осуществляться в течение десяти лет.

¹ Лю Дацзе. История развития китайской литературы. Шанхай, 1941, т. 1, с. 1.

² Чжэн Чжэнъдо. Новые пути исследования китайской литературы. — В сб.: Изучение китайской литературы. Пекин, 1957, т. 3, с. 1133.

³ Переводится также как «Резной дракон литературной мысли».

⁴ Напомним, что некоторые исследователи китайской литературы, в частности академик В. М. Алексеев, называют крупного писателя и ученого Лю Сяна (I в. до н. э.) первым и блестящим историком китайской литературы, критиком и библиографом, положившим начало 2000-летней традиции (см.: Китай. М. — Л., 1940, с. 290). Эта точка зрения не вызывает возражений, если иметь в виду первоначальное изучение истории литературы в древний период Китая.

⁶ Труд Чжэн Чжэньдо «История китайской литературы» в 4 томах, вышедший в свет в 1932 г., — существенный вклад в изучение китайской литературы. Его отличает обилие фактического материала и оригинальные наблюдения автора. Что касается методологических аспектов современного литературоведения, эта работа не избежала влияния тех общественно-исторических условий, которые существовали в Китае 30-х гг. В ней содержится ряд неточностей и ошибок, которые автору не удалось исправить в связи с его преждевременной трагической кончиной.

⁶ Чжэн Чжэньдо. Указ. соч., с. 1140.

⁴ «Дагунбао», 6.V.1948.

⁹ Цит. по: Ху Юаньи. История китайской литературы. Шанхай, 1936, с. 5.

⁹ Затем вышла другая его книга, близкая по содержанию к рассматриваемой работе.

См.: Очерк истории китайской литературы (Чжунго вэньсюэ ши гайяо). Гонконг, 1959.

¹⁰ Ху Юаньи. Чжунго вэньсюэ ши. Шанхай, 1936, с. 4.

¹¹ См.: Большая история литературы Китая (Чжунго да вэньсюэ ши). Шанхай, 1940; Цзэн Байчуань. Обзор литературы (Вэньсюэ гайлунь). Шанхай, 1931.

¹² «Цзочжуань» («Комментарий Цзо к летописи Чуньцю») — литературно-исторический памятник, в котором излагаются события периода «Чуньцю» («Весна и Осень» — 721—480 гг. до н. э.).

¹³ «Шицзи» — «Исторические записки» Сыма Цяня (ок. 145 — ок. 86 г. до н. э.).

¹⁴ «Цзычжи тунцзянь» («Зерцало всеобщее, правительству помогающее») — крупнейшая сводная история Китая, созданная видным ученым и литератором Сыма Гуаном (1019—1086).

¹⁵ Фань Вэньлань. Древняя история Китая. М., 1958, с. 271.

¹⁶ В. М. Алексеев. Китайская литература. — В сб.: Китай. М.— Л., 1940, с. 287.

¹⁷ См.: Чжэн Чжэньдо. Указ. соч., с. 1140.

¹⁸ Чжэн Бинюй. История изменения китайской литературы, в 4-х томах. Шанхай, 1936.

¹⁹ Тань Чжэнби. Чжунго вэньсюэ цзинхуаши (История развития китайской литературы). Шанхай, 1932, с. 6.

²⁰ См., в частности, наиболее полный словарь: Тань Чжэнби. Чжунго вэньсюэцзя да цыдянь (Большой словарь литераторов Китая). Шанхай, 1934, 1746 с.

²¹ Тань Чжэнби. Указ. соч., с. 6.

²² Там же, с. 6.

²³ Там же, с. 13.

²⁴ В. М. Алексеев. Артист — каллиграфист и поэт о тайнах в искусстве письма. — «Советское востоковедение», 1947, IV, с. 19—20.

²⁵ См.: Тань Чжэнби. Чжунго вэньсюэши даган. Шанхай, 1940.

²⁶ Там же, с. 3.

²⁷ Лян Ичжэнь. Чжунго миньцзу вэньсюэ ши (История китайской национальной литературы). Чунцин, 1943, с. 10.

²⁸ См.: Тань Пимо. Чжунго вэньсюэ шиган. Гуйлинь, 1947. В 1933 г. опубликована работа Тань Пимо «Чжунго вэньсюэ шиган» («Очерк истории китайской литературы») — курс лекций, прочитанных им в Пекинском педагогическом институте. См. также: Тань Пимо. Сборник статей о древней литературе. Ухань, 1958.

²⁹ Чжунго вэньсюэ ши, в 2-х томах. Пекин, 1958.

³⁰ Чжунго вэньсюэ ши, в 4-х томах. Пекин, 1959.

³¹ Г. А. Джайльс. История китайской литературы. Нью-Йорк — Лондон, 1901, 280 с.

³² Там же, с. 5.

³³ Всеобщая история литературы, т. 1. Литература древнего Востока. СПб. 1880, с. 426—588.

³⁴ См.: Г. Коранашвили. Ошибочные построения. — «Литературная Грузия», 1974, № 12, с. 88—93.

³⁵ Для работ В. П. Васильева, основоположника в разработке истории китайской литературы в России XIX в., не нашлось места и в библиографических заметках, помещенных в конце «Истории китайской литературы» Г. А. Джайльса. Автор ограничивается перечислением лишь работ и переводов с китайского, принадлежавших английским, французским и итальянским синологам, которые Г. А. Джайльсом изображаются как высшее достижение научной мысли.

³⁶ Куранси Такэсиро. Тюкогу бунгаку си. Токио, 1956, с. 1.

³⁷ Г. А. Джайльс. История китайской литературы с. 7.

³⁸ «Луньюй», «Беседы и суждения», гл. Шу эр.

Тянь Хань — «совестливое дитя Китая»

(К 90-летию со дня рождения)

В. С. АДЖИМАУДОВА,
кандидат филологических наук

Тянь Хань начинал как романтик, для его поколения романтизм был не просто художественным направлением, «первой реакцией художественного сознания на социальные сдвиги», но и идеологией, мировоззрением. Его художественная концепция романтизма, отражая потребность в самоутверждении и самопознании личности, была связана с революционно-демократическими идеями коренного преобразования общества, носила антитрадиционалистский характер.

Первые пьесы Тянь Ханя, написанные в 1920 г. в Японии («Скрипка и роза», «Нимб», «Ночь в кафе»), с большим успехом шли в студенческих студиях и театрах в Китае и Японии. В сентиментально-романтической манере автор передал в них особое состояние души молодого современника с его революционно-романтическими порывами и эмоциональным бунтом. Для его героев тех лет характерны полнота самовыражения, отрывание себя в изменившихся социально-исторических условиях. И хотя в художественном отношении первые пьесы несли заметный отпечаток старой классической драматургии, что сказывалось во фрагментарности действия, обилии перипетий, вставных новеллах, фольклорном приеме «узнавания» героя, они принадлежали уже новому искусству, отмеченному нарастанием личностного начала и связью с демократической мыслью эпохи.

Семилетнее пребывание в Японии было периодом напряженной учебы и активного восприятия иноземной культуры. Тянь Хань нашел единомышленников в лице писателей-романтиков, членов общества «Творчество» — Го Можо, Юй Дафу, — с которыми мечтает «обличить пороки, изгнать ложь, заложить основы человеческой жизни... увлечь людей в мир искусства»¹. В Японии он познал личное счастье, добившись брака по любви с И Шуюй, начинающей писательницей, с которой был дружен с детства, но и горечь утраты после казни хунаньскими милитаристами ее отца И Мэйчэня, соратника Сунь Ятсена и своего духовного наставника.

В 1922 г. с молодой женой он возвращается в Китай. Ему предстояло заново познакомиться со своей родиной, претворить в жизнь свои мечты о создании новой, так называемой разговорной драмы европейского типа, прообраз которой он видел в сингэки. Театр стал его профессией.

По детским воспоминаниям о Сянгулин (Вершине святой девы), где водились тигры, он пишет поэтичную пьесу «Ночь ловли тигра», которую Хун Шэнь назвал одной из самых выдающихся драм периода «4 мая». Это лирическая история несчастной любви бродяги Безумца Хуана и дочери богатого охотника Ляньгу. Необычная экспозиция: освещенная лучинами сцена, простые декорации и костюмы, суровые лица тигроловов, удивительные рассказы которых оттеняли трагизм развязки, смерть раненого Хуана, отчаяние его возлюбленной. Тянь Хань, драматург и постановщик, рано обнаружил мастерское владение сценой. Театральная выразительность и зрелищность пьес, предназначенных для сценического исполнения, а не для чтения, станет важной особенностью стиля драматурга. В «Ночи» отразился изменившийся строй

мыслей, повышенная впечатлительность и восприимчивость человека переломной эпохи. Новое в изображении личности в этой пьесе заключалось в том, что герои осознавали, что они жертвы старорежимного уклада семьи, деспотической власти главы дома, социального неравенства, и бунтовали против этого, своим неповиновением бросая вызов обществу.

В том же году в двух одноактных пьесах Тянь Хань делает попытку поставить политические проблемы в центр драматического конфликта. Пьесы «Злой дух пианино» и «До обеда» о рабской участи китайских работниц, явились результатом первых непосредственных впечатлений от забастовок на текстильных фабриках в Чанша, антиимпериалистических выступлений в Пекине и Шанхае. В драме «До обеда» впервые была выведена на сцену работница, участница политической борьбы. Вместе с рабочим-революционером Линем (прототипом ему послужили погибшие рабочие — руководители стачки Хуан Ай и Пан Жэньцюань) она гибнет во время демонстрации от пуль полицейских. Пьесы, слабые в художественном отношении, интересны направлением творческих поисков писателя. Тянь Хань находит положительного героя-борца в поднимающемся «четвертом классе», внося новое в концепцию личности: человек — хозяин своей судьбы, способный бороться за радикальное переустройство общества.

Весной 1923 г., порвав с «Творчеством», Тянь Хань вместе с И Шуюй на свои средства создают двухнедельный журнал «Наньго» («Южное царство»). Так было положено начало одноименному обществу, которое, меняя формы работы, просуществовало восемь лет и внесло огромный вклад в создание современной драмы и кино.

Смерть жены в январе 1924 г. оглушила Тянь Ханя, парализовала творческую энергию; наступил долгий период молчания. Медленно выбираясь из «страны скорби», он ищет спасения в напряженной работе в театре, кино, в преподавании, мечтая соединить разные жанры нового искусства — литературу, живопись, музыку, театр и кино. Летом двадцать шестого года Тянь Хань организует театральное-кинематографическое общество «Наньго» и приступает к съемкам фильма «В народ», развернув в сюжет-ситуацию строки из известного стихотворения Такубоку Исикава: «Мы бесконечно спорим: что делать? Но никто из нас не кричит: "В народ!"»² Фильм, так и не увидевший экран, отразил увлечение автора русским народничеством и толстовством, во многом преломленными через японское восприятие.

Шанхайский частный художественный университет, куда Тянь Хань был приглашен деканом, вскоре реорганизуется в художественное училище Наньго. Здесь изучали иностранные языки, знакомились с западной культурой, с практикой европейского театра. Многие из выпускников стали затем видными деятелями культуры. В училище бесплатно вели занятия друзья и сподвижники Тянь Ханя — Оуян Юйцян и Сюй Бэйхун, возглавившие классы актерского мастерства и живописи. В жарких диспутах о путях развития нового театра принимали участие Сюй Чжимо, Юй Дафу, Чжоу Гаочжи, а в импровизированном театре при училище с залом на пятьдесят человек и маленькой сценой, где давали в основном одноактные пьесы самого Тянь Ханя, вместе со студийцами выступали большие актеры — Чжоу Синьфан, Оуян Юйцян, Хун Шэнь, Гао Байсуй. Тянь Хань был душой общества «Наньго», он занимался всем: написанием сценариев, постановкой, костюмами, декорациями, реквизитом. Его — тридцатилетнего! — называли в училище Тянь Лаода — Почтенным Тянем.

Зимой 1928 г. Тянь Хань организовал гастрольную группу и выехал со спектаклями в Сучжоу, Ханчжоу, Нанкин, Гуанчжоу, Уси, стремясь вывести театр к более широкому зрителю, чтобы нести людям «духовное утешение и радость, помочь им заглянуть в более разумное и светлое общество будущего». Лекции Тянь Ханя о массовом народном театре, сами спектакли с обращенными в зал обличительными или лирическими монологами находили горячий прием. Привлекала и непосредственность молодых актеров, людей нового склада, необычность их поведения и манеры одеваться в подражание западным художникам. Они бескорыстно и самозабвенно служили искусству, жили коммунально, едва сводя концы с концами.

Во время гастролей родились лирические пьесы Тянь Ханя. В Ханчжоу за несколько дней он написал и поставил «Трагедию на озере», в Сучжоу за несколько часов набросал сценарий «Ночных бесед в Сучжоу». Перо его было удивительно легким и быстрым, у него был дар импровизатора. Экспромтом он слагал прекрасные стихи,

по просьбе друзей-актеров моментально сочинял сюжеты драм, мимолетные воспоминания о детстве становились импульсом для написания пьес-этюдov.

Пьесы конца двадцатых годов написаны зрелым драматургом, пережившим смерть жены, арест, революционные потрясения 1925 г. Они выделяются постановкой вечных проблем, желанием выйти за рамки конкретно-бытового изображения, недостойного, по его мнению, искусства. Он был одним из немногих, кто пытался разобраться в коренных вопросах бытия, шагнул, по словам современника, «из литературы в философию». Трагедии несвободы брака и недостижимости личного счастья у Бай Вэй и литератора Ян Мэнмэя («Трагедия на озере»), художника Лю Шукана («Ночные беседы»), Поэта и красавицы-танцовщицы («Голос старого пруда»), Чунь и бродячего музыканта («Возвращение на юг») Тянь Хань придает и другой, философский смысл — как вековечного разлада души и плоти, несовпадения идеала и реальности, совершенного гармоничного искусства и несовершенства земной жизни — «обители грез и юдоли скорбей». В недостижимости идеала — трагическая тема целой галереи образов художников, которых Тянь Хань выделял в особый «класс творцов». Для них быть художником — значит не переставая творить прекрасное, чтобы «в лучах красоты обнажились уродства жизни», чтобы красотой спасти мир.

Яростные инвективы героев Тянь Ханя направлены против жизни «без порывов чувств и слез», без искусства и прекрасного, они стремятся возвыситься над обыденностью, превратить жизнь в искусство. Так, Чунь убегает из дома с бродячим музыкантом, отвергнув соседа, доброго крестьянского парня, олицетворяющего для нее застывший, привычный, старый мир. Она, как ибсеновская «женщина с моря», захвачена мечтой о дальних странствиях и неизведанных краях; Бай Вэй стреляется, чтобы ее возлюбленный, который считает ее погибшей, мог дать трагическое завершение повести об их любви, которую «ожившая героиня превратила бы в комедию»; романтический Поэт, спасая юную танцовщицу от соблазнов света, поселяет ее в тихом доме над старым прудом, чтобы в уединенном созерцании и погружении в мир чистого искусства она нашла путь спасения и путь познания истины. В персонажах разных драм мы узнаем людей одного душевного склада с повышенной впечатлительностью, острым чувством свободы, эстетизацией жизни — вместе взятые, они раскрывают субъективную историю самого автора, «малый мир его души», духовную историю его молодого современника.

Лирико-сентиментальная стихия размыкает характеры героев. Погружены в мир грез Мэмэй («Слива во сне»), Бай Вэй — женщина-призрак, не появляющаяся на сцене танцовщица. Они словно тени скользят между сновидением и реальностью, придавая действию некую туманность и запредельность. Конфликт, не поднимаясь до трагедии, тонет в мелодраматическом пафосе. Герои тяньханевских пьес чувствуют и говорят, как поэты: изысканным, поэтическим слогом изъясняются художники и бездомные странники, поэты и простые крестьянские девушки. Поэт в «Голосе старого пруда», радуясь предстоящей встрече с любимой, перебирает подарки, которые он ей привез, с уайльдовской утонченностью слагая красочные пышные поэмы жемчугу и шелкам, румянам и пудре, вызывающим в нем воспоминание о нежной красоте девушки, печали ее улыбки; скрипач Цинь Синьфан ищет утешения в природе, обращаясь с мольбой о сочувствии к старому платану, оплакивая «томящиеся в комнате розы»; бездомный странник Синь вырезает на коре персикового дерева романс о своем «дырявом башмаке» и т. д.

В этих драмах просматривается литературная вторичность, бодлеровские мотивы печальной красоты, уайльдовское уподобление жизни искусству, верленовская мистическая тайна, искус смерти. В процессе художественного освоения эпохи новая китайская литература, типологически сходная с западной, многое черпала из нее. Это был осознанный принцип «заимствования», по словам Лу Синя², возможный на новом этапе открытой, разомкнутой системы национальной культуры. К тому же усилиями китайских идеологов «литературной революции», начиная с Ху Ши, был создан образ более высокой, как они полагали, чем китайская, западной культуры. В то же время новое в искусстве возникало в тесном взаимодействии с традицией. Тянь Хань прекрасно осознавал эту связь, говоря, что «искусство для искусства» корнями уходит в восточные, а не в западные учения⁴. Буддийско-даосские идеи ухода от мира, покоя пустоты, созерцания жизни как краткого мига, инкорпорированные в китайскую куль-

туру, заново открываются, «вспоминаются» Тянь Ханем через хайку Басё, через эстетско-романтическую поэзию конца века.

После гастрольных выступлений «Наньго» в конце 1928 — начале 1929 г. Тянь Хань получал много писем, были среди них и критические. Авторы одного из них писали: «Мы страдаем от голода и холода и ждем от вас более мужественных и грубых в своей правдивости произведений»⁵. Драматурга не оставила равнодушным эта критика, ведь он шел в литературу с жадной революционно-демократических преобразований общества. Он понимал, что «Наньго», поднявшее флаг «народного массового театра», по существу так и не вышло из маленьких залов, собиравших элитарную публику. «Как сделать, чтобы искусство "Наньго" действительно стало народным? — размышляет он в "Письме к старым и новым соратникам по обществу". — Как сделать, чтобы народ постепенно научился понимать истинную ценность искусства, — вот главное, к чему устремлены наши усилия!»⁶ Логическим завершением этих размышлений стала пьеса «Пляска огня» (1929), в которой, как отмечала китайская критика, «впервые даны сцены борьбы рабочего класса»⁷. Знаменательна трансформация замысла драмы. Задуманная под впечатлением от газетной заметки как комедия о том, «насколько от добродетельности личности зависит в обществе мера добра и зла»⁸, она превратилась в социальную драму, где общечеловеческие категории добра и зла переведены в социально-классовые и даны как непримиримый антагонизм труда и капитала.

Высшим достижением драматургии периода «4 мая» стала «Смерть знаменитого актера» — подлинно национальная драма, исполненная китайского колорита, с яркими, самобытными характерами. Закулисная жизнь старого шанхайского театра, как сколок всего Китая, передает общественную атмосферу в стране после поражения революции. Построенная как «театр в театре», пьеса знакомит с Лю Чжэньшэном, талантливым актером классической оперы, выступающим в амплуа «благородного старца». Со сцены доносятся классические арии, в которых Лю поет о простых и вечных истинах, он верен им и в жизни. В мире, где царит власть денег, где «бал правит Сатана» в облике темного циничного дельца Яна, увлекающего свою талантливую воспитанницу Фэнсянь на дно, Лю Чжэньшэн стремится спасти душу актрисы, любимый театр.

Лю — протагонист трагедии, человек сильной, цельной, не знающей компромиссов и уверток натуры. В кульминации Лю погибает, загублен едва распустившийся талант Фэнсянь. Высокое искусство бессильно в борьбе с социальными силами зла, оно не способно не только преобразовать мир, но даже защитить самое себя. Общество и государство выступают враждебной личности силой, губящей здоровое и нравственное начало в человеке. Таков нравственный итог драмы, который подводит черту под прошлым.

Гонения на передовых деятелей культуры, запрещение литературных обществ, закрытие журналов и, наконец, всколыхнувшие всю страну февральские убийства пяти писателей в Лунхуа ускорили процесс революционизации интеллигенции. В апреле 1930 г. Тянь Хань пишет свою знаменитую «Самокритику», ревизуя свои прежние взгляды, переоценивая их, переходя от общегуманистических и демократических идеалов к осознанной классовой позиции. Он готов решительно расквитаться с прошлым, в котором «горячие чувства и романтические порывы брали верх над рассудком», и призывает писателей «отказаться от туманной расплывчатости взглядов и со всей определенностью решить, интересы какого класса они представляют». Резко осуждая себя и Сюй Бэйхуна за ложный путь «эстетизации жизни», а студийную «богему Наньго — за анархо-индивидуализм и декадентство»⁹, Тянь Хань был, конечно, несправедлив. На его новых воззрениях, как и на всем складывавшемся марксистском литературоведении, лежал отпечаток левого радикализма, нетерпеливого желания форсировать перестройку творческой интеллигенции. Но вернемся к творчеству Тянь Ханя, которое вернее и глубже, чем публицистика и декларации, отразило душевный мир драматурга.

Опубликованная одновременно с «Самокритикой» «Палата номер пять» содержит раздранную метафору: мир — это огромная больница с жестокими, абсурдными порядками, где ненормальное стало нормой, где лечат здоровых богачей и где в страданиях без присмотра умирают бедняки, выход из нее один — смерть. В предсмертной записке больная чахоткой из палаты номер пять завещает сестре «заново построить разумную больницу». Разрыв сестер со средой, сострадание бедным

и больным не носит, однако, характера социального протеста, а их устремленность к идеалу выражена в расплывчато-прекрасной мечте о «разумной больнице». Это было искусство сентиментальное, меланхоличное, эстетическое нацеленное на то, чтобы достучаться до совести, вызвать слезы и сочувствие к униженным.

Спектакль «Кармен» (инсценировка Тянь Ханя, постановка Хун Шэня), прочтенный как бунт свободолюбивой личности, был запрещен летом 1930 г. С ним закрылась последняя страница в истории «Наньго». Вместе с передовыми театральными обществами — «Искусством» Чжэн Боци, «Театральной ассоциацией» Хун Шэня, «Модерном» Чэнь Байчэня и другими — оно стало костяком созданной в августе того же годаевой театральной лиги (с коллективным членством), а в январе 1931 г. Тянь Хань возглавил созданную на ее основе Левую лигу театральных деятелей, провозгласившую борьбу за пролетарский театр. Вскоре по рекомендации писателей Цзян Гуанцы и А Ина Тянь Хань был принят в КПК. Внимание левых писателей и драматургов было приковано к социальным сдвигам в городе и деревне. Драматургия, развиваясь в русле общелитературного процесса, была тесно связана с нарастающим революционным движением в стране. В 1961 г., подытожив более чем полувековой путь так называемой разговорной драмы, Тянь Хань подчеркивал, что «на всех этапах ей была присуща одна общая черта — связь с революционно-демократическим движением, революционный характер». Это было главной особенностью тяньханевских пьес.

Теме классовой борьбы пролетариата посвящены его драмы начала 30-х гг.: «Сезон дождей» — о честном безропотном старике Пане, которого безработица и нищета довели до самоубийства; «Смерть Гу Чжэнхуна» — о рабочем лидере, погибшем во время антиимпериалистической демонстрации 1925 г.; «Мелодия лунного света» — о забастовке рабочих автобусной компании и росте пролетарской солидарности; «Сестра» — о работнице текстильной фабрики, вступившей вместе с братом в ряды революционной армии.

Пьесы показали усиление проповеднической, пропагандистской роли разговорной драмы, которая искала выхода из круга этических проблем в политику. Представление об освобождении личности как предпосылке социальных преобразований уступило место идее освобождения класса, растворения личности в классе. Акцент перешел на социальный статус личности, значимость которой раскрывалась в ее отношении к революции, народу. С характерной для тех лет прямолинейностью писал об этом Цзян Гуанцы: «Теперь, когда на политическую арену вышли массы, жизнь коллектива отодвинула жизнь индивидуума на второстепенное место»¹⁰. На первый план, таким образом, выдвигалась задача создания образа коллективного героя, собирательного портрета народа. В драматургии это привело к созданию тенденциозных драм с положительными идеализированными персонажами из народа. Тянь Хань в пьесах о рабочем классе правдиво обрисовал нищету и грубость рабочего быта, показал, как в забитом труженике пробуждается классовое и социально-нравственное сознание. От стихийного бунта, изображенного в «Пляске огня», он переходит к сознательной борьбе. В просветительно-пропагандистских высказываниях персонажей он хочет донести до читателя и зрителя идею грядущей миссии пролетариата, передать ощущение исторического оптимизма поднимающегося класса. Отсюда ударные, героико-романтические финалы пьес с плакатно-обнаженной символикой. Заключительная картина в «Сезоне дождей» — рабочие фабрики, победившие во время стачки, окружают умирающего Паня. В это время красный луч солнца пробивается сквозь пелену дождя, возвещая конец ненастья и начало ясного дня.

В тридцатые годы окрепло содружество драматургов Тянь Ханя, Хун Шэня, Оуян Юйцяня, Ся Яня. На литературной арене появился мощный талант Цао Юя, заявившего о себе реалистическими трагедиями «Гроза» и «Восход солнца». Новая драматургия вставала в один ряд с прозой и поэзией. Трагические события 18 сентября 1931 г., положившие начало японской агрессии, потребовали создания более действенных пьес для мобилизации масс. Театр разговорной драмы — «подкидыш», выросший на чужой почве, — с трудом пробивался к массовому зрителю. Создание правдивых, политически нацеленных драм в привычной и любимой народом форме стало главной задачей драматургии. Тянь Хань решал ее, синтезируя прозу и поэзию, слово и музыку, насыщая публицистикой, агитационным материалом, кинофрагментами, приближая к «живой газете». Он смело брался за «низкие» политические сюжеты, создавая, подобно многим своим современникам, «драматизированные памфлеты-листовки». Война да-

вала неисчерпаемый творческий материал, в период с 1931 по 1937 г. он написал более двадцати пьес. Вместе с Ян Ханьшэном, Ся Янем и другими литераторами Тянь Хань возглавил многочисленные театральные труппы и общества, которые давали спектакли на фабриках, в вузах, в деревнях, на передовой, в частях Красной армии в часы, отведенные на политучебу. Среди рабочих были организованы театральные коллективы типа «Синей блузы» по аналогии с советскими, для которых Тянь Хань пишет пьесы «Боевой друг», «Единение», «Мать» (инсценировка романа Горького). В Шанхае он создает более тридцати театральных бригад, которые выступали с благотворительными спектаклями в помощь добровольческим отрядам на северо-востоке. По данным, приводимым Тянь Ханем в 1942 г., за первые четыре года войны в стране было организовано две тысячи пятьсот драматических коллективов, в которых приняло участие шестьдесят тысяч человек. Тянь Хань был одной из ведущих фигур этого движения, своеобразным творческим центром, притягивавшим к себе драматургов, режиссеров, актеров.

В эти же годы закладывались основы реалистической кинодраматургии. Киносценарии Тянь Ханя «Тревоги Дунбэя», «Сохранение нации», «Схватка», «Пламя» (по «Пляске огня») и другие, из которых, к сожалению, лишь немногие увидели экран, передали атмосферу общенационального кризиса, когда под вопрос поставлено сохранение нации. Одним из лучших произведений левого кино стал фильм «Три современные женщины» Тянь Ханя в постановке Бу Ваньцана, где драматург нарисовал три ярких, контрастных женских характера. Песни к фильмам, в которых раскрывался незаурядный поэтический дар Тянь Ханя, усиливали эмоциональное воздействие кинематографа. «Победная песня», «Марш добровольцев», «Песня выпускников», «Времена года», «Горячая кровь», «Любовь Хуанхэ» и многие другие, чеканные, маршевые или лирические, задушевные, положенные на музыку известными композиторами Си Синхаем, Не Эром, Хэ Лутином, облетели всю страну, стали популярными массовыми песнями, а «Марш добровольцев» — после 1949 г. — гимном республики. «Мы вступали на порог 1936 г., — писал о "Победной песне" один из критиков, — со звуками этой мужественной песни, проникаясь верой в то, что недалек день, когда она разнесется по всей земле...»¹¹

В феврале 1935 г. гомиьндановские власти, разгромив шанхайский комитет по культуре, арестовали Тянь Ханя. Брошенный в камеру с уголовниками, страдая от ран после избиений, он пишет стихи о несгибаемом духе Цюй Юаня, «чуского узника», достойно встретившего свою судьбу. Друзья Тянь Ханя Юй Хуа, брат Юй Дафу и Сюй Бэйхун помогли ему и его жене Линь Вэйчжун с дочерью освободиться из тюрьмы. Поселившись в Нанкине, писатель с удвоенной энергией принимается за работу. За год выходит семь его пьес: «Мелодия возвращенной весны», «Наводнение», «Перед рассветом» и другие, которые от ставит с Хун Шэнем и У Цзожэнем в Китайской ассоциации работников сцены. Патриотическая трехактная драма «Мелодия возвращенной весны» направлена против капитулянтства и обывательской инертности. Ее герои — китайские студенты-иммигранты из Малайи — возвращаются в Китай, чтобы вступить в отряд добровольцев. Один из них, Гао, после тяжелой контузии три года находился в прострации. Пробудившись, он обнаруживает, что таким же страшным сном охвачена и его родина, ставшая добычей японских агрессоров. «У людей атрофировано чувство родины, — с горечью говорит раненый солдат, прислушиваясь к звукам веселых новогодних хлопучек. — Они бесчувственны, как моя деревянная нога...»¹²

Подчиняя эстетические задачи насущным политическим требованиям дня, Тянь Хань широко вводит в пьесы элементы публицистики. Как открытый политический диспут, столкновение разных характеров, идеологических воззрений и жизненных позиций построена драма «Семь женщин в буре». Продолжить начатую в кино тему современной женщины, Тянь Хань сравнивает новую женщину с могучей Янцзы, которая сама пробивает себе дорогу, в то время как заблоченная Юньхэ с искусственным руслом олицетворяет беспомощную и забитую женщину вчерашнего Китая.

К 25-летию со дня смерти Л. Толстого Тянь Хань инсценирует «Воскресение», чтобы «устаи героев Толстого высказать то, что рвалось из груди». Обратившись к Толстому, он перевел его на художественный язык своей страны, приблизил к проблемам Китая. Тянь Хань был, несомненно, знаком с нашумевшей постановкой «Воскресения» японским реформатором театра Хогэцу Симамура, осуществленной в 1914 г.

Однако он не принял его трактовки, в которой была смягчена социальная критика. В вольном переложении романа у Тянь Ханя исчезли философско-религиозные искания Нехлюдова, устами которого утверждается новое миропонимание. На первый план выдвинулась социально-обличительная тема, борьба ссыльных польских революционеров, тема нравственного обновления и воскресения вступившей на революционный путь Катюши. Драматург ищет исторические параллели между судьбой Польши после раздела, в которой царские наместники искореняли национальную культуру, язык, религию, и судьбой Китая после восстания ихэтуаней, стремясь примером героической борьбы Польши за свою независимость воодушевить соотечественников. Обращение к русской литературе не было случайным, любовь к ней он пронес через всю жизнь. Еще в Японии он познакомился с Герценом и Толстым, и эти «корифеи русской литературы», как он писал впоследствии, «не дали ему уйти далеко в заблуждениях»¹³. Как публицист, он начинал в 1918 г. статьями «Экономические проблемы русской революции», привлекая внимание Ли Дачжао, и «Взгляд на идейные течения русской литературы». В одной из его первых пьес, «Ночь в кафе», фигурирует как герой за сценой слепой русский поэт Василий Ерошенко. Он является своего рода эмоциональной доминантой драмы, с трагичной и мужественной жизнью этого человека невольно сопоставляя свои невзгоды ее персонажи.

В начале 1936 г. Левая театральная лига объявила о самороспуске. В стране в кругах деятелей культуры формируется единый антияпонский фронт. Тянь Хань пишет многоактные пьесы «Окончательная победа», «Голос осени», «Золотой век», «До свидания, Гонконг» (в соавторстве с Хун Шэнем и Ся Янем), «Лугоуцяо», отразив в них общенациональное стремление к единству. Ведущее начало пьес военного времени — патриотическое и героическое. Инцидент у моста Лугоуцяо 7 июля 1937 г., положивший начало массированному наступлению Японии на Китай, лег в основу многих художественных произведений. Популярностью пользовалась написанная коллективом авторов драма «Отстоим Лугоуцяо», пьеса Чэнь Байчэня «Сражение у Лугоуцяо», «Кровь омыла Лугоуцяо» Чжан Цзичуна и другие. Однако, как отмечают китайские биографы Тянь Ханя Хэ Иньтай и Ли Дасань, по масштабу охвата событий, широте эпического разворота и тщательности обрисовки характеров они далеко уступают драме Тянь Ханя¹⁴.

Четырехактная драма «Лугоуцяо» написана в августе 1937 г. за пять дней в Нанкине, гоминьдановской столице, которая пала через несколько месяцев, вскоре после Шанхая. В руках Японии оказалась огромная территория с крупнейшими центрами страны. На карту была поставлена судьба родины. В драме Тянь Ханя трагедия Китая осознается на фоне широких исторических ассоциаций, как одна из страниц разгоравшейся мировой войны, неразрывно связанной с войной в Абиссинии, Испании. В пьесехронике преобладают реальные мотивы и факты, смонтированные куски доподлинных событий, сцены митингов и баталий. На переднем плане — массы, в пьесе действует более восьмидесяти персонажей, за небольшим исключением, они безымянные, обозначены буквами латинского алфавита и по унаследованной от старого театра условности многие сами представляют себя на сцене. Драматург передает общее настроение массы, в которой по мере нарастания событий крепнет мужество и гражданская ответственность, а вместе с ними и ненависть к капитулянтской предательской верхушке, к «толстым шэньши», которые цитатами из древних сочинений прикрывают пассивность, эгоизм, трусливое равнодушие к судьбе страны. Перенеся внимание на толпу, Тянь Хань выделил в ней социальные группы крестьян, солдат, студентов, торговцев, кули, шэньши, офицеров. Понятие народа как органического целого, широкое, не редуцированное, не усеченное, как потом, до рабоче-крестьянско-солдатской массы. Народ — это героически погибший Ли Дэшэн, и подорвавший ручной гранатой танк Ма Чэндун, повторивший его подвиг, и смелая, горячая студентка Ван, и отчаявшийся, слабый Лю Ци, студент из Дунбая, покончивший с собой. Симпатии автора на стороне патриотически настроенного начальника маленького уезда Ваньпи, которому в обстановке попустительства агрессору пришлось принять на себя всю тяжесть удара, «словно японцы объявили войну не Китаю, а именно этому уезду»; комдива, который, несмотря на приказ не отвечать на выстрелы противника, ведет солдат в атаку; старой самоотверженной крестьянки Ван и ее сына, отказавшихся помогать врагу. Совестью и кумиром народа представлен известный генерал Фэн Юйсян.

В пьесе есть еще один образ — построенный еще в 27 г. нашей эры старинный мост Лугоуцяо. Он овеян легендами, описан Марко Поло и носит его имя, воспет в народных песнях и в стихах поэтов; сюда приезжали полюбоваться рождающимся на северо-востоке небосклона молодым месяцем; здесь у моста под ивами на первой остановке Пекинского почтового тракта расставались с друзьями, сочиняя на прощание стихи. Теперь он переходит из рук в руки, полит кровью. Массивный, одиннадцатипролетный мост, украшенный 280 каменными изваяниями львов, он воспринимался со сцены как зримый образ всего Китая, заставляя зрителя сильнее пережить катастрофу, вызывая эмоциональное потрясение.

В пьесе исполнялось девять песен, положенных на музыку Чжан Шу, ими начинались и заканчивались акты, усиливая героико-патриотическое звучание пьесы. Энергичный боевой финал — атака на врага — был подчинен требованиям новой эстетики драмы. Пьеса была поставлена Хун Шэнем и Ма Яньсяном в августе того же года в Нанкине. Она с огромным успехом шла одновременно в четырех театрах, которые давали по два спектакля в день, и только после протеста японского посольства, провокаций и полицейских мер властей была снята с репертуара.

Тянь Хань часто переезжал с места на место, к этому вынуждали и сложности военного быта, и большая революционно-пропагандистская работа во Всекитайской ассоциации деятелей литературы и искусства по отпору врагу, работа в кино, редактирование журналов. Нанкин, Чунцин, Шанхай, Чанша, Ухань, Гуйлинь, Куньмин — вот неполный список городов юга, где он жил и которые стали местом действия его драм. В ноябре 1938 г. он стал свидетелем большого пожара в Чанша, превратившего древний город в руины. Вместе с членами театральных агитбригад он в течение нескольких месяцев помогал жителям города справиться с последствиями трагедии. Это был город его юности, где он учился в педагогическом институте и писал вольнолюбивые статьи в студенческие журналы, где был покорен неподражаемым искусством пекинской оперы и написал для нее свое первое либретто. В Чанша и затем в Гуйлине, куда он переехал в 1941 г., Тянь Хань много времени отдает классическому театру. На десятилетие опередив современников, он первым увидел нависшую над этим театром угрозу и принялся писать сценарии для опер. Он создал «Песнь рыбаков», «Юэ Фэй», «Героическую эпопею новых сынов и дочерей». Позднее, в 50-е гг., были написаны «Сказание о Белой Змейке» и «Се Яохуань» — подлинные шедевры этого жанра.

В лирико-философской драме «Голос осени» нашли отражение события и факты личной жизни автора, взаимоотношения с близкими ему людьми. Звуковые и зрительные образы оды Оуян Сю «Голос осени» пронизывают эту драму. «Когда живое существо стареет, то оно скорбит...» — сказал сунский поэт, поэтому и в драме так печальны голоса осени, поры старости и увядания чувств. Они — в звуках брызг дождя, падающих с листьев бамбука, резком свисте ветра, шуме волн, криках перевозчиков на реке, песне-стоне лодочников. Раздумья писателя Сюй Цзыня, героя пьесы, о гибели страны и разрушении семьи, о назначении писателя и судьбе реалистического искусства, о возможности воплотить в творчестве смысл и общую идею жизни — тревожны и напряженны.

Сюй и любящие его женщины, Цинь и Ху, пережив тяжкие испытания — пожар в Чанша, японскую оккупацию, раны, разлуку, — выходят из кризиса очищенными страданиями. Сюй пишет патриотическую пьесу, Ху организует приют для бездомных, становится «мамой» многих спасенных ею детей, Цинь находит себя в активной борьбе, раскрывшись как деятельная и смелая женщина. Нравственные искания Сюя приводят его к выводу: «Только то, что принесет счастье всем, принесет его и мне»; его охватывает чувство причастности к жизни народа, уже не расплывчатое, а до конца осознанное. И в голоса осени в заключительной сцене вливаются новые звуки лирической песни о Волопасе и Ткачихе, антияпонские лозунги толпы во время шествия с фонарями в честь праздника Середины осени.

Прототипом Ху Ляохун в драме, возможно, была Чжан Ин (Ань Э), революционерка-подпольщица, получившая образование во Франции и Советском Союзе. Она стала ближайшим другом и помощницей Тянь Ханя и прошла с ним рядом до конца жизни. В Гуйлине они вместе создали приюты для беспризорных, детское училище «Сивэй», а в последние годы Сопrotивления по заданию партии работали в Куньмине, развернув там культурно-просветительскую работу. Перу Тянь Ханя и Ань Э

принадлежат написанные после освобождения сценарий для пекинской оперы «Сказание о золотой рыбке», тексты арий для шаосинской оперы, стихи «Жилище отшельника» и др.

Капитуляция Японии не принесла мира на многострадальную землю Китая. В гражданской войне столкнулись две основные политические силы страны — КПК и гоминьдан. «История не помнит другого времени,— писал Мао Дунь,— когда бы в ней было столько противоречий, позора, низости и преступлений». 1946 год Тянь Хань начинает совместной с Ли Гунпу обобщающей статьей о движении за культуру в тылу за восемь лет, а через полгода с болью прощается в некрологе с этим замечательным ученым-демократом и с выдающимся поэтом Вэнь Идо, убитыми из-за угла агентами гоминьдана. Газеты каждый день приносили все новые факты разложения гоминьдановской системы, ужесточения репрессий, американской агрессии. Нашумело шанхайское дело о лотошниках, пекинское — о надругательстве американских солдат над китайской студенткой. Понятно, почему с такой горькой иронией зрители воспринимали реплики героинь пьесы Тянь Ханя «Красавицы», которые в 1945 г. мечтали о послевоенном мире, где не будет бесчестия и насилия. Эту пьесу, которая заняла особое место в художественных исканиях писателя, он писал больше года. В марте 1947 г. она впервые с блеском была поставлена в Уси и Шанхае Хун Шэнем, в 1949 г.— экранизирована фирмой «Куньлунь». Истории трех героинь — работницы Лю, революционерки Ли Синьцун и любовницы банкира Лян Жоин, бывшей жены профессионального революционера, писателя Чжана,— составляющие канву сюжета, соотнесены с широким кругом явлений. Как в старинном китайском театре, Тянь Хань рассказывает эти истории в сценах-эпизодах, отойдя от сложившейся в китайской разговорной драме трех- и пятиактной композиционной структуры. Двадцать одна сцена разной продолжительности — от длинных, равных почти одноактным пьесам, до динамичных, двух-трехминутных, в которых тринадцать раз сменяются декорации,— тяготеют к антитезам и контрастам. Новаторский прием монтажа быстро чередующихся, контрастных эпизодов и ситуаций напоминал смену кадров в современном кинематографе, передавая в то же время традиционное мировосприятие вечного круговорота и безостановочного движения в природе. Драма переносила зрителя из роскошной гостиной в бедную рабочую слободу, из тюремной камеры на широкую набережную Хуанпу, из глухого переулочка в редакцию газеты. Тянь Хань расширил круг действующих лиц, познакомив с жизнью самых разных слоев большого города — рабочими, банкиром, революционерами, драматической актрисой, журналистами и т. д. Разноплановые сюжетные куски были сочленены, сцеплены впервые введенным в разговорную драму авторским текстом от ведущего, который организует материал, являясь в то же время как бы мостом между автором и зрителем.

В пьесе сплелись в тугой узел три женские судьбы. Наибольшей художественной выразительности автор достигает в обрисовке противоречивого характера Лян Жоин. Тянь Хань оставляет ее на перепутье, во власти сомнений, в поисках утраченных идеалов.

Перипетии жестокой участи работницы Лю выписаны в драме с особой тщательностью. Один за другим обрушиваются на нее удары — надругательство японских солдат, безработица, слепота искалеченного бандитами мужа, произвол полицейских. В отчаянии она пытается несколько раз покончить с собой. Образ был соткан из крови и слез, он взывал к милосердию и состраданию к приниженной и бесправной части общества.

Тема Ли Синьцун сливается с темой революционной интеллигенции. Аскеты, живущие «вселенскими горестями», они олицетворяют собой передовую и активную силу общества. В годы Сопrotивления они выпускают патриотическую газету, организуют стачки. В их высказываниях привлекает интеллектуальность, широта исторических и литературных ассоциаций. На этих героях лежат отсветы бурных событий эпохи. Но слишком большая идеологическая нагрузка делала их схематичными, лишенными индивидуального жизненного содержания.

Общая тональность драмы была грустная, чеховская, ей соответствовал и грустный финал. «Когда победа достается жестокой ценой, уместна ли радость?» — писал Тянь Хань. Он завершил пьесу вопрошающей интонацией, не торопясь привести героев к идеалу совершенства, к окончательному благополучному разрешению конфликта.

«Красавицы» — экспериментальная пьеса, она прокладывала пути новаторских исканий в драматургии того периода.

После победы революции в 1949 г. в стране неизмеримо возрос общественный престиж писателя. Тянь Хань избирается депутатом ВСНП, возглавляет секцию драматургов в Союзе писателей Китая и Всекитайскую ассоциацию театральных деятелей. Он работает с огромным подъемом, революция вдохнула в него энергию, дала ему крылья. «Работа — моя самая большая радость,— говорил он.— Я уже стар, остаток сил мне хочется отдать партии».

После необычно долгого, более десяти лет, перерыва, в 1958 г., Тянь Хань снова берется за написание разговорной драмы. Созданная к 700-летию юбилею великого юаньского драматурга историческая драма «Гуань Ханьцин» стала вершиной его творчества. «В этом году тебе шестьдесят,— писал ему Го Можо.— “Гуань Ханьцин” обеспечил тебе долголетие». «Доведись самому Гуань Ханьцину прочесть твою пьесу,— шутливо добавляет он,— он был бы благодарен тебе, а Чжу Лянью вызвалась бы сама играть свою роль»¹⁵. Как и Го Можо, который в разгар национально-освободительной войны обратился к жанру героической трагедии, создав выдающиеся исторические драмы «Цюй Юань», «Гао Цзяньли», «Тигровый знак» и другие, Тянь Хань, раскрывая внутреннюю правду истории, переводит события древности в регистр современности, насыщает проблемами и раздумьями своего времени.

Пьеса была написана в годы борьбы с «правыми» и «большого скачка», когда в захлестнувшем все потоке «левой» демагогической фразы и пренебрежения к профессиональному творчеству тонули попытки отстоять его специфику, реалистические и гуманистические традиции литературы.

Интерес драматурга прикован к личности главного героя, в которой с поразительной силой раскрыта одна сторона, главная для самого Тянь Ханя,— рыцарская верность правде, невозможность поступиться ею, убежденность в том, что писатель «пишет кровью, а не тушью». В этом — жизненный нерв тяньханевской драмы. Только такой Гуань Ханьцин мог в годы всеобщего оцепенения, страха и молчания поднять голос в защиту осужденной по навету девушки. Эпизод казни 17-летней Доу Э стал в драме юаньского драматурга концентрированным выражением духа эпохи иноземного владычества, когда жизнь китайца стоила меньше головы барана и запуганный народ «не смел пикнуть, глядя на жестокие расправы». Пружинной действия в пьесе Тянь Ханя стала борьба главного героя за то, чтобы увидеть свою пьесу на сцене такой, какой она написана, ибо он знает, что «сочинение важнее жизни, человеческий век отмерен, в то время как письменное слово передается потомками и живет в веках». Постоянная для Тянь Ханя тема художника в «Гуань Ханьцине» находит наиболее глубокое и художественно полное воплощение.

В годы мракобесия и разгула реакции в Китае, когда литература утратила свою самостоятельность, идейно-эстетическую ценность, Тянь Хань был одним из тех, кто мужественно отстаивал в ней идеи гуманизма.

¹ Тянь Хань. Письмо Го Можо.— Тянь Хань чжуаньци. Цзянсу, 1984, с. 18 (на кит. яз.).

² Тянь Хань. Моя самокритика.— Там же, с. 31.

³ См.: Лу Синь. Собр. соч., т. 2. М., 1955, с. 307.

⁴ Тянь Хань. Собр. соч., т. 2. Пекин, 1983, с. 417.

⁵ «Наньго юэкань», т. 2. № 1 (на кит. яз.).

⁶ Там же.

⁷ Чжан Сяньхуа. Об отражении жизни и борьбы рабочего класса в творчестве Тянь Ханя 20—30-х гг.— Вэньсюэ яньцзю цункань, вып. 2. 1986, с. 76 (на кит. яз.).

⁸ Тянь Хань. Собр. соч., т. 2, с. 432.

⁹ Тянь Хань. Моя самокритика.— Тянь Хань чжуаньци, с. 74.

¹⁰ Цзян Гуанци. О революционной литературе.— «Вэньсюэ пинлунь», 1987, № 3, с. 10.

¹¹ Хэ Иньтай, Ли Дасань. Биография Тянь Ханя. Чанша, 1984, с. 115 (на кит. яз.).

¹² Тянь Хань. Собр. соч., т. 3, с. 346.

¹³ Тянь Хань. Как я вступил на путь партийной литературы.— «Вэньсюэ шунцзи пинлунь цункань», 1959, № 5 (на кит. яз.).

¹⁴ Хэ Иньтай, Ли Дасань. Указ. соч., с. 135.

¹⁵ Тянь Хань. Собр. соч., т. 7, с. 357.

Уйгуроведение в СССР

Г. С. САДВАКАСОВ*

В кругу востоковедческих дисциплин уйгуроведение (уйгуристика) занимает видное место и как самостоятельная отрасль тюркологической науки комплексно изучает материальную и духовную культуру уйгурского народа.

Уйгуры — древнейший тюркоязычный народ Центральной Азии с развитой городской культурой¹. Об этом свидетельствуют наличие и широкое применение оригинальной древнеуйгурской письменности, памятники которой в большом количестве сохранились до наших дней. Уже к V в. нашей эры уйгуры пользовались письменностью, в основе которой, по-видимому, лежал новосогдийский алфавит. Пещерные храмы и монастыри Восточного Туркестана — всемирно известный ансамбль «Ми ей» («Пещеры тысячи будд»), представляющий собой синтез архитектуры, скульптуры и живописи, — имеют прямое отношение к древнему искусству уйгуров. Выдающимися представителями средневековой уйгурской культуры являлись Махмуд Кашгари («Дивану лугат-ит тюрк», XI в.), Юсуф хас хаджип Баласагуни («Кутадгу билик», XI в.), Адиб Ахмед Югнаки («Атибат-ул хакайик», XII в.). Дореволюционную классическую уйгурскую литературу представляют крупнейшие поэты-мыслители Хиркати, Залили, Навбати, Мухаммад Садык Кашгари, Низари, Гариби, Молла Шакир, Билал Назим, Каши и др. Уйгурская культура во всем своем разнообразии успешно развивается и в наши дни.

Новый этап в развитии уйгуроведения в СССР ознаменовался переходом нашей науки на марксистско-ленинскую методологию. Созданы крупные работы по языку, литературе и истории уйгуров, накоплен большой фактический материал и опыт работы для дальнейшего развертывания научных исследований. Несомненные успехи советских ученых в изучении уйгурской культуры, постоянное совершенствование организационных форм работы в этой области, подготовка высококвалифицированных кадров специалистов и, самое главное, настоятельная необходимость дальнейшего широкого и глубокого исследования проблем уйгуристики создали реальную основу для организации в системе Академии наук Казахской ССР нового научно-исследовательского центра — Института уйгуроведения, который функционирует в Алма-Ате с 1986 г. Создание этого института свидетельствует о возросшем интересе в нашей стране к проблемам уйгуроведения и явилось ярким проявлением торжества ленинской национальной политики КПСС, постоянной заботы партии и правительства о культурном развитии уйгуров.

В соответствии с решениями XXVII съезда КПСС уйгуроведы страны в настоящее время уделяют серьезное внимание повышению теоретического и идеологического уровня научных исследований, глубокому анализу новых явлений и тенденций в социально-экономической и общественно-политической жизни уйгуров, в развитии их национальной культуры. Ведется также целенаправленная работа по борьбе с буржуазной фальсификацией истории, в том числе истории культуры уйгурского народа.

Как известно, основы научного уйгуроведения были заложены еще в первой половине XIX в. учеными России, которые в своих историко-филологических трудах ставили вопрос о происхождении уйгуров, об их языковой принадлежности². Во второй половине XIX в. уйгуроведческая наука достигла больших успехов,

* Г. С. С а д в а к а с о в — доктор филологических наук, член-корреспондент АН КазССР, директор Института уйгуроведения АН КазССР (Алма-Ата).

чему способствовало открытие богатейшего культурного наследия уйгуров, привлекшего внимание самого широкого круга востоковедов. Не случайно для изучения доисламской культуры уйгуров был основан Международный комитет и как филиал его — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении³. Говоря о начальном этапе развития уйгуроведения, нельзя не упомянуть исследования замечательных отечественных ученых Н. Я. Бичурина, М. А. Казем-Бека, И. Н. Березина, Н. И. Ильминского, В. В. Радлова, В. В. Григорьева, Д. М. Позднеева, Ч. Ч. Валиханова, Н. Н. Куропаткина, Н. Ф. Петровского, Ф. Ф. Ольденбурга, крупнейших зарубежных исследователей Ю. Клапрота, А. Вамбери, В. Томсена, Р. Шоу, Ф. В. Х. Мюллера, Н. Ветакера, А. Лекока, В. Банга и др.

Планомерное и систематическое изучение материальной и духовной культуры уйгуров началось в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции. Вопросами уйгуроведения в 20—40-х гг. занимались в основном ученые Москвы и Ленинграда. Нельзя не отметить большой вклад в уйгуроведение советских ученых, прежде всего С. Е. Малова, по праву считающегося главой советского уйгуроведения, а также К. К. Юдахина, А. К. Боровкова, А. Н. Бернштама, В. М. Насилова, Н. А. Баскакова, Э. Н. Наджила, Д. И. Тихонова и др.

С созданием в 1949 г. при президиуме Академии наук Казахской ССР сектора по изучению уйгурской культуры центром советского уйгуроведения становится Казахская республика. Основная масса советских уйгуров живет в Казахстане, десятки тысяч детей обучаются здесь в уйгурских школах на родном языке, в республике функционирует профессиональный уйгурский театр, на уйгурском языке издаются художественная, общественно-политическая и научная литература, учебники и учебные пособия, выходят газеты, организованы радио- и телепередачи.

Достижения советского уйгуроведения могут быть представлены в виде следующего краткого обзора наиболее значительных его разделов.

Языкознание⁴. Уйгуроведение первоначально возникло в связи с обнаружением в Восточном Туркестане богатейших коллекций древнеуйгурских письменных памятников. Много было сделано в этой области отечественными и зарубежными тюркологами еще в дореволюционный период. Эта добрая научная традиция уйгуристики получила в советский период дальнейшее развитие. Эстафету исследования языка памятников древнеуйгурского письма от своих предшественников принял С. Е. Малов, опубликовавший еще в 1928 г. ценнейшую рукопись своего учителя академика В. В. Радлова⁵, а в 1951 г. — фундаментальный труд по памятникам древнетюркской письменности, в котором немало места отведено и уйгурским памятникам. Выход этой книги имел большое значение для дальнейших исследований, повышения интереса к древнеуйгурским памятникам. Большое число вновь открытых уйгурских письменных памятников опубликовано известным востоковедом А. Н. Бернштамом. Его работы в этой области посвящены расшифровке языковых фрагментов, обнаруженных при археологических работах в Семиречье⁶.

Описание языка буддийской сутры «Алтун ярук» («Золотой блеск»), одного из дошедших до нас уникальных древнеуйгурских памятников, принадлежит ближайшему ученику С. Е. Малова Э. Р. Тенишеву. Им же опубликована целая серия статей, в которых даются описание, транскрипция, перевод, примечания, характеристика языковых особенностей уйгурских памятников.

В области изучения древнеуйгурских письменных памятников плодотворно работает Л. Ю. Тугушева, опубликовавшая наряду с рядом интересных статей «Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана⁷. Данное издание содержит первую публикацию уникальных фрагментов древнеуйгурского сочинения X в. из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР — литературного переложения биографии известного путешественника VII в. Сюань-цзана.

В числе ученых, внесших определенный вклад в изучение памятников, а также отдельных сторон истории развития уйгурского языка, можно назвать И. А. Батманова, А. К. Боровкова, Э. Н. Наджила, С. Г. Кляшторного, Д. М. Насилова и др.

Исследование исторического процесса формирования и развития современного уйгурского литературного языка теснейшим образом связано с изучением общенародной основы, диалектной системы и местных особенностей живой разговорной

речи уйгуров с последующим определением его диалектной базы. Исключительную ценность представляют уже опубликованные диалектные материалы С. Е. Милова, собранные им во время двукратной поездки к уйгурам Восточного Туркестана (желтым уйгурам и саларам) в 1909—1911 и 1913—1914 гг. В 50-х гг. во время своего пребывания в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР Э. Р. Тенишев собрал также богатый диалектологический материал по языку синьцзянских уйгуров и опубликовал предварительные итоги этой работы⁵.

Объектом многолетних исследований уйгуроведов были и особенности говоров языка советских уйгуров, живущих на территории Средней Азии и Казахстана. Основательное и планомерное изучение языка уйгуров этих регионов было начато казахстанскими уйгуроведами путем неоднократных экспедиционных выездов, организованных Отделом уйгуроведения при Институте языкознания АН КазССР⁶.

Среди опубликованных монографических исследований по диалектам современного уйгурского языка важное место занимает монография А. Т. Кайдарова, в которой рассматривается общенародная основа уйгурского языка во всех его диалектных проявлениях, определяются их сложные взаимоотношения и диалектная основа литературного языка¹⁰. По языку уйгуров Ферганской долины опубликована монография в двух томах. В этой работе автор вводит в научный оборот и обобщает богатый материал по языку уйгуров Ферганы и подвергает анализу его лексику и морфологию, ранее совершенно не изученные¹¹.

В истории уйгурского языкознания заметное место занимают исследования грамматического строя языка. К числу таких работ прежде всего следует отнести двухтомную коллективную монографию «Современный уйгурский язык», в которой достаточно широко получили освещение лексика, фонетика, морфология, синтаксис¹². Это издание опубликовано также в Урумчи (СУАР) арабским алфавитом (1986—1987).

В области исследования строя современного уйгурского языка большой популярностью пользуется книга Э. Н. Наджиба «Современный уйгурский язык», опубликованная на русском и английском языках.

Лексикология и лексикография — это самые большие разделы уйгурского языкознания, по которым успешно ведутся исследования. В виде монографий, авторефератов диссертаций и научных статей опубликованы: «Китайские элементы в уйгурском языке» В. И. Новгородского (1951), «Русско-советско-интернациональная лексика в современном уйгурском языке» И. Исмаилова (1953), «Персидско-таджикские заимствования в уйгурском языке» Х. Насирова (1972) и др.

После известного «Уйгурско-русского словаря» Н. А. Баскакова и В. М. Насилова (1939) в 1955 г. в Алма-Ате под редакцией Ю. Цунвазо и А. Шамиевой вышел изданный арабским шрифтом первый «Русско-уйгурский словарь» для синьцзянских уйгуров, а спустя год в Москве под редакцией Т. Р. Рахимова был издан более полный «Русско-уйгурский словарь» на 30 тыс. слов. В 1968 г. в Москве издан Большой уйгурско-русский словарь на 33 тыс. слов Э. Н. Наджиба арабским шрифтом с транслитерацией русской графикой. Заслуживает внимания словарь Т. Р. Рахимова под названием «Китайские элементы в современном уйгурском языке» (1970). В трех изданиях (1963, 1969, 1984) вышел «Орфографический словарь уйгурского языка». В Институте уйгуроведения АН КазССР подготовлен к печати первый Русско-уйгурский терминологический словарь по общественным наукам, ведется работа по созданию двухтомного толкового словаря современного уйгурского языка, издание которого планируется в ближайшие годы.

Из числа работ, посвященных различным вопросам фонетики и фонологии уйгурского языка и его диалектов, следует назвать труды Т. Талипова. Интересная по своей природе и отличающаяся рядом специфических особенностей фонетическая система уйгурского языка заслуживает большого внимания ученых-исследователей.

Еще в 20—30-х гг. в Алма-Ате, Ташкенте и Фрунзе развернулась большая научно-практическая работа по созданию обновленного литературного языка советских уйгуров, нового алфавита (вначале на основе латинской, а потом русской графики), правил орфографии и пунктуации, принципов терминотворчества, по составлению учебников и учебных пособий для уйгурских школ. Итоги огромной работы подводились на лингвистических совещаниях и конференциях уйгуров Средней Азии и Казахстана в Алма-Ате (1925, 1930, 1936, 1958, 1979), Ташкенте (1921), Москве

(1937). Необходимо отметить, что в решение этих важнейших задач языкового строительства активно включились представители национальной интеллигенции Абдулла Розыбакиев, Абдулхай Мухаммади, Латиф Ансари, Кадыр Ашуров и др.

Таковы в наиболее общих чертах итоги и результаты научно-практических исследований по уйгурскому языку, проведенных усилиями целой плеяды ученых-уйгуроведов на протяжении послеоктябрьского периода становления и развития уйгурского языкознания в нашей стране.

Литературоведение и искусствоведение. Одним из важнейших направлений уйгуроведческой науки является литературоведение, зарождение и становление которого, несмотря на наличие богатого литературно-художественного наследия уйгуров, относится к 50—60-м гг. нашего столетия.

Первые литературно-критические статьи появились еще в 20-е гг. в виде отдельных заметок на страницах периодической печати или предисловий к сборникам художественных произведений. Так, например, обзорная статья известного партийного деятеля Абдуллы Розыбакиева, опубликованная в 1924 г. в первом альманхе «Биринчи чамдам» («Первый шаг»), была посвящена зарождению уйгурской литературы нового типа. В школьных учебниках по родной литературе 30-х гг. помещались биографические сведения и творческие портреты наиболее талантливых представителей уйгурской советской литературы (Н. Исраилова, И. Искандерова и др.).

В тот период молодые литераторы обменивались мнениями о задачах национальной литературы, об овладении методом социалистического реализма, о тематике и художественном мастерстве и т. д. Естественно, научный уровень опубликованных тогда литературоведческих статей не одинаков, однако они достаточно хорошо отражают зарождение и сложный путь развития молодой уйгурской советской литературы довоенных лет.

Появление наиболее значительных исследований по уйгурской литературе приходится на 60-е и 70-е гг. Этот период является важной вехой в развитии уйгуроведческих дисциплин в нашей стране, о чем свидетельствовала и организация в 1963 г. при Институте языкознания АН КазССР комплексного отдела уйгуроведения, сыгравшего большую роль в деле концентрации научных сил, систематического изучения проблем, связанных с историей и культурой уйгуров. За время функционирования этого отдела значительно увеличился объем научной продукции уйгуроведов, улучшилось ее качество. Много сделано также в подготовке квалифицированных специалистов.

В этот период издан ряд важных работ литературоведов. Особого внимания заслуживает коллективная монография «Очерки истории уйгурской советской литературы» (М. Хамраев, М. Абдрахманов, К. Тохтамов, М. Алиева)¹³, в которой прослеживается общий литературный процесс и дана обстоятельная характеристика жизни и творчества крупнейших уйгурских советских писателей Умара Мухаммади, Изима Искандерова, Нура Исраилова, Исмаила Саттарова и др. Один из разделов книги посвящен исследованию устного народно-поэтического творчества уйгуров советского периода. К монографии приложен очень важный справочный материал — летопись литературной жизни за 1917—1965 гг. Следующий коллективный труд — «Вопросы традиции и новаторства в уйгурской литературе»¹⁴, в котором приняли участие такие уйгурские ученые, как М. Хамраев, А. Кадыров, Р. Сабитов, Ю. Мухлисов, Б. Аршитдинов, Д. Рузиева. Авторы статей на основе изучения классиков уйгурской дореволюционной литературы и произведений фольклора устанавливают их влияние на современную литературу, прослеживают общий литературный процесс с точки зрения взаимодействия и взаимообогащения литератур братских народов СССР. Представляет большой научный интерес сборник «Жанры уйгурской литературы и фольклора» с участием тех же литературоведов и фольклористов¹⁵. В книге впервые в уйгуроведении широко освещаются жанровые особенности романа, поэмы, повести, драмы, исторического дастана, легенды, предания и былины; рассматриваются также некоторые вопросы, касающиеся роста мастерства поэтов и писателей, их творческого поиска.

За последние 15—20 лет опубликован ряд общих и литературоведческих сборников, монографий и множество научных статей, в которых исследуются вопросы развития уйгурской литературы как дореволюционной поры, так и за годы Советской власти, проблемы соотношения традиций уйгурской классической литературы и но-

ваторских черт уйгурской советской литературы, проблемы жанра, художественного образа и литературной критики. Достаточно полное освещение получила теория уйгурского стихосложения в трудах М. Хамраева. Благодаря литературоведческим работам этого ученого уйгурская литература вышла на всесоюзную арену¹⁶.

Изучение творчества классиков уйгурской литературы дореволюционного периода занимает важное место в литературоведческих исследованиях. Работа в этой области велась по двум направлениям.

Научные и популярные издания лучших образцов дореволюционной письменности уйгурской литературы с соответствующими комментариями. В 1963 г. опубликована первая антология уйгурской классической поэзии «Эхо веков» (составители М. Хамраев, В. Юдин, С. Моллаудов, Ю. Мухлисов), в которую вошли произведения двадцати трех уйгурских поэтов-классиков, причем многие из них опубликованы впервые. Вышли избранные (1961) и полные (1976) произведения Билала Назима (подготовил к печати С. Маллаудов), избранные произведения А. Низари (1969, подготовил В. П. Юдин), тексты «Двенадцать уйгурских Мукамов» (1970, подготовил Б. Аршидинов). Газели Билала Назима переведены на русский язык.

Исследовательские работы по истории уйгурской литературы. К числу последних относятся книги О. Маматахунова, С. Моллаудова, Ю. Мухлисова. В изучение древней и средневековой уйгурской литературы, в частности творений Махмуда Кашгари, Юсуфа Баласагуни, Ахмеда Югнаки и др., определенную лепту внесли такие ученые, как Э. Н. Наджип, И. Ширвани, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, А. А. Валитова, Л. Ю. Тугушева, К. Каримов, К. Махмудов, М. Хамраев, Д. Рузиева и др.

В советское время проделана огромная работа по сбору и публикации образцов устного народного творчества. Вышли сборники по всем жанрам фольклора — сказок, пословиц и поговорок, народной лирики (кошак), бейитов, загадок, детского фольклора.

Художественные переводы уйгурских сказок на русский язык осуществлены М. Н. Кабировым¹⁷. Подготовленные им сборники изданы также на немецком, китайском и польском языках. Автором этих строк и Ш. В. Кибировым впервые опубликованы уйгурские пословицы и поговорки на русском языке¹⁸.

Итогом многолетних исследований и поиска алма-атинских литературоведов и фольклористов явилась созданная ими «История уйгурской литературы» в трех книгах. Первая из них посвящена фольклору. В этой монографии впервые подвергаются систематическому анализу все жанры национального фольклора с точки зрения их происхождения, эволюции и трансформации. Авторы на убедительных фактах доказывают, что уйгурское народно-поэтическое творчество, как и у всех других народов, является органической и закономерной частью духовной культуры, в которой поэтично отражается мировоззрение народа, реальные формы его бытия. В книге освещены вопросы становления и развития уйгурской фольклористики, как советской, так и зарубежной. Вторая книга, «Краткая история уйгурской литературы», дает общую картину развития письменной литературы, наиболее ранние образцы которых датируются V в. н. э. В книге даны сведения о месте и значении уйгурской древней литературы в истории литератур народов Центральной Азии и тюркоязычных народов Средней Азии. И наконец, третья книга, «История уйгурской советской литературы»¹⁹, исследует состояние современной литературы с первых после революционных лет до середины 80-х гг. В ней наиболее полно даны творческие портреты таких крупнейших писателей и поэтов, как У. Мухаммади, Н. Исраилов, И. Искандеров, Х. Абдуллин, Дж. Бусаков, произведения которых составляют вехи уйгурской советской литературы.

Сделаны первые шаги в изучении самобытного и оригинального искусства уйгурского народа. Плодотворно работают ученые в области музыкальной культуры уйгуров. Известны труды П. Аравина и К. Ф. Кириной по профессиональной музыке, Т. Алибакиевой по народной музыке. Опубликован ряд статей, характеризующих особенности выдающегося музыкального творения уйгуров «Двенадцать Мукамов»²⁰.

Опубликованы монографии²¹ и многочисленные статьи А. Кадырова, посвященные истории создания и становления профессионального уйгурского театра. В них прослеживаются основные этапы формирования и развития национальной драматургии

за годы Советской власти, дается анализ ключевых спектаклей, сыгравших большую роль в истории становления профессионального творческого коллектива, отмечается вклад театра в многонациональное искусство страны.

История и этнография. Лучшие традиции русского уйгуроведения были продолжены в наше время, нашли свое отражение в трудах советских историков и этнографов²². С развитием востоковедческой науки в СССР, с накоплением фактического материала расширился круг проблем и этнографии уйгуров. Успехи советского востоковедения позволили по-новому поставить ряд проблем по истории Центральной Азии, непосредственно связанных с историей уйгуров. Эти проблемы получили достаточное освещение в трудах советских уйгуроведов А. Н. Бернштама, Д. И. Тихонова, Л. Р. Кызласова, Л. Н. Гумилева, А. Ю. Якубовского, С. Г. Кляшторного, Л. И. Думана, Е. Кычанова, Б. А. Литвинского.

На протяжении всего периода после Октябрьской революции история уйгуров находилась в поле зрения советских исследователей и научных учреждений. В 1921 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества были прочитаны доклады Б. Я. Владимирова «Две уйгурские этимологии» и К. А. Иностранцева «Об авторе «Кутадгу билиг». В этом же году вышла статья Б. Н. Вишневецкого, посвященная антропологической характеристике древних жителей Восточного Туркестана²³.

С годами тематика уйгуроведческих исследований расширяется. Советские ученые охватывают широкий круг вопросов социально-экономической и этнической истории уйгуров: завоевание Цинами Восточного Туркестана; аграрная политика; борьба уйгурского народа против завоевателей; образование самостоятельных государств в результате восстаний 1864 г.; переселение части уйгуров в Россию и его прогрессивное значение²⁴. Особенно значительна роль А. Н. Бернштама в развитии советского уйгуроведения. Им впервые поставлены важные проблемы истории уйгуров, такие, как генезис историко-культурных особенностей Восточного Туркестана, Восточный Туркестан и Семиречье в средние века. Продолжая традиции В. В. Бартольда, А. Н. Бернштам приходит к выводу о том, что особенности исторического развития уйгуров приводили ко все нарастающей общности культурного и этнического характера, ярче всего раскрываемой в возникновении и развитии уйгурского народа и его культуры. Уйгуры и их культура целиком были связаны с историческими судьбами тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана²⁵.

Вопросам истории и культуры уйгуров серьезное внимание уделялось в 40—50-е гг. Заслуживает внимания статья Н. В. Дьяконовой²⁶, в которой отмечается, что искусство древнего Восточного Туркестана развивалось самобытными и сложными путями. Оно создавалось на основе народного искусства сакских и тохарских племен и тех художественных традиций, которые пришли из Индии, через индийские поселения, особенно многочисленные на юге страны; оно было обогащено чертами, проникшими из Средней Азии, объединенной с Синьцзяном экономическими и культурными связями.

Проблемам языка, истории и культуры уйгуров в январе 1944 г. в Институте востоковедения АН СССР было посвящено совещание востоковедов. Здесь были заслушаны доклады А. К. Боровкова «Уйгуры в истории культурной жизни Средней Азии». Обширные литературные связи раскрыл в своем докладе Е. Э. Бертельс, уделяя главное внимание «Кутадгу билику». В этом памятнике, как утверждает автор, прослеживаются три слоя: чисто уйгурский, свидетельствующий о тесной связи с Махмудом Кашгарским и орхоно-енисейскими литературными традициями, затем выделяется восточное влияние и, наконец, влияние, шедшее из Средней Азии с арабскими и персидскими религиозными и культурно-философскими ценностями. Национально-освободительным движениям XIX в. были посвящены доклады А. А. Семенова и Д. И. Тихонова; А. Ю. Якубовский выступил с докладом о Турфанском княжестве; Н. В. Дьяконова посвятила свой вклад изобразительному искусству Восточного Туркестана, Г. Ф. Смыкалов сделал географо-экономический обзор Восточного Туркестана²⁷.

Самым значительным периодом в исследовании истории уйгуров являются 60—70-е гг. XX в. В этот период вопросы социально-экономической истории уйгурского государства X—XIV вв. получили дальнейшую разработку в трудах Д. И. Тихонова. Освоение источников, накопление материала позволили Д. И. Тихонову перейти

от отдельных интерпретаций исторических проблем к первому обобщению, развившемуся в виде большой работы по истории уйгурского государства X — XIV вв.²⁶.

Наряду с социально-экономическими проблемами, которые исследованы на основе уйгурских юридических документов и других источников, Д. И. Тихонов в этой монографии разработал вопросы этнической и политической истории, а также уделил внимание этногенетическим проблемам.

Существенным вкладом в советскую историографию являются работы Л. Н. Гумилева, А. Г. Малявкина. Изучая историю древних племен Центральной Азии, они освещают и историю уйгуров, их связи и взаимоотношения с другими племенами. Ими намечены этапы образования Уйгурского каганата на Орхоне и дальнейшая судьба уйгурских племен после разгрома каганата в 840 г.²⁹. Наиболее полно отражена история уйгурского каганата на Орхоне, роль уйгуров в этнических процессах на территории Центральной Азии в трудах профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Л. Р. Казласова³⁰. Вышел ряд статей и работ, посвященных другим аспектам истории уйгуров Восточного Туркестана³¹.

Изучение и интерпретация старуйгурских и персидских источников из Восточного Туркестана позволили внести определенную ясность в политическую и этническую историю уйгуров в XIV—XVI вв. Заслуживает внимания постановка вопроса о монгольском этническом компоненте, принявшем участие в сложении некоторых групп уйгурского этноса.

Усилиями советских ученых исследованы и интерпретированы археологические и архитектурные памятники Восточного Туркестана, письменные памятники, социально-экономическая, политическая, этническая и культурная история. Однако существует ряд важных проблем, которые ждут своего решения. Эти проблемы нашли свое отражение в недавно вышедших сборниках советских востоковедов³². В них исследованы узловые проблемы древней и средневековой, новой и новейшей истории и истории культуры уйгуров. Хронологические рамки работ широки: от каменного века до современности. Статьи написаны на основании разнообразных репрезентативных источников с учетом результатов исследований отечественной и зарубежной науки. Результаты научных изысканий авторов привели к обоснованному выводу о существовании в древности и средневековье не только тесных историко-культурных и этнических связей между Восточным Туркестаном и Средней Азией, но и единого этнокультурного и исторического региона при наличии определенных особенностей его частей.

В последнее время внимание ученых вновь привлекает этимология этнонима «уйгур», новую интерпретацию которого представил Д. Айтмуратов. Хотя положения автора и гипотетичны, тем не менее они способствуют новым поискам³³.

Этнографические исследования уйгуров представлены в основном работами Д. И. Тихонова, И. В. Захаровой, Н. Н. Чебоксарова, Р. Д. Ходжаевой, Г. М. Исхакова. Первое полевое этнографическое изучение уйгуров Алма-Атинской и Талды-Курганской областей Казахской ССР было осуществлено в 1947 г. комплексной антрополого-этнографической экспедицией под руководством Н. Н. Чебоксарова. Этнографический отряд этой экспедиции собрал большое количество материалов по хозяйству, материальной культуре, общественному и семейному быту и фольклору.

Дальнейшее этнографическое изучение было связано с исследованием общественного и семейного быта уйгурской женщины Казахстана, материальной культуры уйгуров Средней Азии и Казахстана с акцентом на формировании двух групп уйгуров по данным материальной культуры, этнографическим исследованием уйгуров русскими путешественниками³⁴. Большие статьи, освещающие вопросы этнической истории, хозяйства, материальной культуры, семейного быта культуры и искусства, опубликованы в ряде сборников И. В. Захаровой и Д. И. Тихоновым³⁵.

В последние годы этнографическое исследование уйгуров в плане изучения современного быта и культуры проводилось историко-этнографическим отрядом Отдела уйгуроведения АН КазССР на территории Алма-Атинской и Талды-Курганской областей Казахской ССР в 1964, 1966, 1973, 1975 гг., на территории Ошской области Киргизской ССР и Андижанской области Узбекской ССР в 1968 и 1970 гг. Большую работу по обследованию быта и культуры уйгуров Средней Азии и Ка-

захстана проводит также группа этнографов Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР (Ленинградское отделение) под руководством А. М. Решетова³⁶.

Серьезное внимание в работах советских историков (А. М. Нарочницкий, Г. А. Хидяков, Н. Б. Байкова, Э. М. Исмаилова-Мамедова, К. А. Усманов, А. Ахметжанова, Ю. Г. Баранова и др.) уделено исследованию вопроса о характере политики России в Синьцзяне в период XIX — начала XX в., ее обусловленности англо-русским соперничеством. При этом убедительно показано преобладание в политике России торгово-экономических интересов, а не стремления к территориальным захватам за счет Синьцзяна.

Широкое освещение получил ряд актуальных проблем новейшей политической истории уйгуров и других народов СУАР КНР, их современное этнокультурное и социально-экономическое положение, вопросы национальных отношений в трудах Т. Р. Рахимова.

История уйгуров в период Октябрьской революции, гражданской войны, довоенных пятилеток, в годы Великой Отечественной войны, послевоенного строительства и последующих лет также получила освещение во многих работах³⁷.

Необходимо отметить исключительно большое значение первой уйгуроведческой конференции «Актуальные проблемы советского уйгуроведения» (Алма-Ата, 29—31 мая 1979 г.), в работе которой приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Ташкента, Фрунзе, Новосибирска и других городов. Эта конференция была посвящена подведению итогов и определению перспектив дальнейшего развития уйгуроведения в СССР. Исследования советских уйгуроведов показали, что в сложной истории Восточного Туркестана отчетливо выступают разносторонние связи его с народами Средней Азии и Казахстана, которые всегда оказывали народам Синьцзяна политическую поддержку, помогали им в борьбе за независимость. Вместе с тем конференция подчеркнула, что проблемы социально-экономического строя и государственности уйгуров, этнической истории и этногенеза уйгурского народа, истории его взаимоотношений с родственными тюркоязычными народами Средней Азии и Казахстана в древности, средние века и в новое время еще не получили достаточного освещения и ждут своих исследователей.

Назовем наиболее актуальные задачи, существующие на данном этапе развития уйгуроведческой науки в нашей стране.

По языкознанию — дальнейшие всесторонние исследования грамматического строя, фонетики и синтаксиса и лексического состава современного уйгурского языка; создание больших лексикографических трудов, в частности толкового словаря современного уйгурского языка, словаря уйгурской классической литературы, диалектологического, фразеологического, синонимического, терминологического, отраслевых и двуязычных словарей; усовершенствование существующих орфографических словарей; изучение истории уйгурского общенародного и литературного языка дооктябрьского периода на основе анализа языка богатейших письменных памятников уйгуров; изучение диалектов и говоров уйгурского языка и их роли в формировании литературного языка; исследование процесса взаимодействия и взаимовлияния уйгурского языка с другими языками в условиях длительного их контактирования; экстралингвистические факторы в функционировании и развитии уйгурского языка в СССР и СУАР КНР; роль великого русского языка в обогащении и развитии уйгурского языка; вопросы двуязычия и многоязычия.

По литературоведению и искусствоведению — изучение закономерностей становления и развития уйгурской литературы и ее связи с другими братскими литературами, современного литературного процесса в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, основных тенденций развития литературы и искусства Синьцзяна; дальнейшее всестороннее и глубокое изучение особенностей уйгурской классической литературы, издание ее памятников; работы по сбору, изучению и изданию лучших образцов устного народного творчества; более интенсивная работа по различным видам искусства уйгуров.

По истории и этнографии — изучение ценнейшего опыта социалистического и коммунистического строительства как у советских, так и синьцзянских уйгуров, современных этнических процессов в условиях СССР и КНР; расширение работы по изучению проблем социально-экономического строя и государственности уйгуров, этнической истории и этногенеза уйгурского народа, истории его взаимоотно-

шений с родственными тюркоязычными народами Средней Азии и Казахстана в древности, средние века и в новое время; борьба против фальсификации истории уйгурского народа.

Интересы уйгуристики требуют также систематической и четкой координации деятельности всех исследовательских центров уйгуроведения не только Советского Союза, но и других стран, прежде всего с соответствующими научными подразделениями Академии общественных наук СУАР КНР. Координация работы и тщательное обсуждение отдельных проблем требуют также периодических уйгуроведческих совещаний и конференций, которые практиковались ранее.

Необходимо обратить особое внимание на подготовку научных кадров уйгуроведов как на местах, так и путем командирования по линии аспирантуры и стажировки в различные востоковедческие и уйгуроведческие научные центры.

Отмечая успехи уйгуроведения, а также перспективы дальнейшего его развития в нашей стране, следует констатировать необходимость повышения научно-теоретического и методологического уровня исследований, развития комплексных исследований, сосредоточения сил на фундаментальных исследованиях, решающих основные вопросы уйгурского языкознания, литературоведения, искусствоведения и истории.

¹ Основная часть уйгуров живет в настоящее время в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР — всего около 6 млн. человек, часть проживает на территории СССР, главным образом в Казахстане, а также в Узбекистане, Киргизии и Туркмении. В 1979 г. их насчитывалось более 200 тыс. человек.

² Н. Я. Бичурин. Записки о Монголии. СПб, 1828; А. Казем-Бек. Исследования об уйгурах.— ЖМНП, 1841, ч. 31, № 8, с. 37-322.

³ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951, с. 95.

⁴ См.: Н. А. Баскаков. Основные вехи развития советского уйгуроведения.— Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Материалы I Республиканской уйгуроведческой конференции, 29—31 мая 1979 г. Алма-Ата, 1983, с. 9; Э. Н. Наджип, А. Т. Кайдаров, Г. С. Садвакасов. Уйгурское языкознание в СССР на данном этапе. Итоги и проблемы.— См. там же, с. 17.

⁵ В. В. Радлов. Памятники уйгурского языка. Л., 1928.

⁶ См.: Эпиграфика Востока. М.— Л., 1947—1948, I—II; 1952, IV и др.

⁷ См.: Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. Транскрипция, перевод, примечания, комментарии и указатели Л. Ю. Тугушевой. М., 1980.

⁸ Э. Р. Тенишев. Отчет о поездке к уйгурам, саларам и сарыгюграм.— Известия АН СССР. ОЛЯ, 1960, т. XX, вып. 2, с. 181; его же. Уйгурские тексты. М., 1984.

⁹ См.: Н. А. Баскаков. Язык приссыкульских уйгуров. Алма-Ата, 1978; Исследования по уйгурскому языку. Выпуск 2. Алма-Ата, 1970. с. 31—38.

¹⁰ А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969.

¹¹ Г. С. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. Ч. I. Очерк фонетики, тексты и словарь. Алма-Ата, 1970; ч. 2. Лексика, морфология и языковая интерференция, Алма-Ата, 1976.

¹² А. Кайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Современный уйгурский язык. Ч. I. Лексика и фонетика. Алма-Ата, 1963; ч. 2. Морфология и синтаксис. Алма-Ата, 1966 (на уйг. яз.).

¹³ Очерки истории уйгурской советской литературы. Алма-Ата, 1967 (на уйг. яз.).

¹⁴ Вопросы традиций и новаторства в уйгурской литературе. Алма-Ата, 1970 (на уйг. яз.).

¹⁵ Жанры уйгурской литературы и фольклора. Алма-Ата, 1970 (на уйг. яз.).

¹⁶ М. Хамраев. Уйгурская литература.— История советской многонациональной литературы. Т. 5, М., 1974, с. 603—627.

¹⁷ Уйгурские сказки. Составитель М. Н. Кабиров. Алма-Ата, 1963.

¹⁸ Уйгурские пословицы и поговорки. Составление и перевод Г. Садвакасова и Ш. Кабирова. Алма-Ата, 1978.

¹⁹ Уйгурское устное народное творчество. Алма-Ата, 1983 (на уйг. яз.); Краткая история уйгурской литературы. Алма-Ата, 1983 (на уйг. яз.); История уйгурской советской литературы. Алма-Ата, 1986 (на уйг. яз.).

²⁰ П. Аравин, Л. Варшавский. Первая уйгурская опера.— «Советская музыка», 1950, № 10; П. Аравин. Сказание о Чин-Томуре и Махтум-Сулу.— «Советская музыка», 1969, № 10; К. Кирина. Первая уйгурская симфония.— «Советская музыка», 1974, № 1; ее же. Куддус Кужамьяров. М., 1980; Т. Алибакиева. Песенное творчество уйгурского народа. Алма-Ата, 1972; А. С. Шкловская. Особенности ладообразования и формы в уйгурском мукаме. Л., 1986.

²¹ А. Кадыров. Годы становления. Алма-Ата, 1978; его же. Уйгурский советский театр. Алма-Ата, 1984.

²² См.: Г. М. Исхаков, С. Г. Кляшторный, А. М. Решетов, Т. Р. Рахимов. Достижения советских ученых в историко-этнографическом изучении уйгуров.— Актуальные проблемы советского уйгуроведения, с. 34.

²³ Востоковедение в Петрограде. 1918—1922. Петроград, 1923, с. 26; Б. Н. Вишневецкий. К антропологии древнего населения Восточного Туркестана.— «Казанский музейный вестник», 1921, № 1—2.

²⁴ А. Н. Бернштам. Уйгурские юридические документы.— Проблемы источниковедения, т. 3, 1940; А. К. Кибиров. Социально-экономический строй Уйгуристана XIII—XIV вв.— Известия Киргизского филиала АН СССР, вып. 1—9, 1950; Л. И. Думан. Аграрная политика Цинского (маньчжурского) правительтва в Синьцзяне в конце XVIII в. М.— Л., 1936; Д. И. Тихонов. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане.— «Советское востоковедение», 1948, т. V; А. Идаятов. Восстание илийских уйгуров 1864 г.— Известия АН КазССР, Серия уйгуро-дунганской культуры, вып. 1, 1950; Ю. Г. Баранова. К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881—1883 гг.— Труды Сектора Востоковедения АН КазССР, 1959, № 1.

²⁵ А. Н. Бернштам. Проблемы истории Восточного Туркестана.— «Вестник древней истории», 1957, № 2, с. 71.

²⁶ Н. В. Дьяконова. Культурное наследие национальных меньшинств Синьцзяна.— Труды Государственного Эрмитажа, Культура и искусство античного мира и Востока, т. 2, 1952.

²⁷ Известия АН СССР. ОЛЯ, т. 3, вып. 4, 1944.

²⁸ Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М.— Л., 1966.

²⁹ Л. Н. Гумилев. Хунну. М., 1960; его же. Древние тюрки. М., 1967; А. Г. Малявкин. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974; его же. Уйгурские государства в IX—XII вв. Новосибирск, 1983.

³⁰ Л. Р. Кызласов. Тува в составе уйгурского каганата.— Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1960; его же. Средневековая история Тувы. М., 1969.

³¹ А. Г. Малявкин. Китайские источники по истории уйгуров IX—XII вв.— Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии, вып. 2 (16), 1961; К. Кутлукоев. Монгольское господство в Восточном Туркестане.— Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966; А. Идаятов. Национально-освободительное движение илийских уйгуров XIX в. Алма-Ата, 1978 (на уйг. яз.).

³² Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984; История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986, с. 39—51, 209—220, 452—466.

³³ Д. Айтмуратов. Тюркские этнонимы. Нукус, 1986, с. 92—124.

³⁴ Г. М. Исхаков. Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками второй половины XIX века. Алма-Ата, 1975.

³⁵ И. В. Захарова. Уйгуры.— Народы Средней Азии и Казахстана, т. II. М., 1968, с. 488—526; И. В. Захарова, Д. И. Тихонов. Уйгуры.— Народы Восточной Азии. М.— Л., 1965, с. 616—630.

³⁶ Г. М. Исхаков, А. М. Решетов, А. Н. Седловская. Современные этнические процессы у советских уйгуров.— Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980, с. 74—93.

³⁷ М. Н. Кабиров. Очерки истории уйгуров Советского Казахстана. Алма-Ата, 1975; М. Рузиев. Возрожденный уйгурский народ. Алма-Ата, 1976; М. Ерзин. История уйгурской советской печати. Алма-Ата, 1980 (на уйг. яз.); М. Маметов, Д. Исаев. Прошлое и настоящее уйгуров Байрам-Али. Алма-Ата, 1976 (на уйг. яз.).

Т. В. КАРЫМОВ

23 марта 1983 г. президент США Р. Рейган выступил с планами создания космической системы противоракетной обороны, получившей название «звездные войны». За четыре с половиной года как сама программа, так и степень ее политического воздействия на позиции двух ведущих держав мира претерпели различные изменения. С особой остротой проблема СОИ встала во время встречи президента США Р. Рейгана и Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Рейкьявике. «Звездные войны» оказались самым существенным препятствием на пути принципиальных соглашений по разоружению между СССР и США. Доводы американской стороны заключаются в том, что данные системы оружия якобы носят исключительно «мирный, оборонительный» характер, призваны выявить возможности новой техники и технологии, отвечают национальным интересам США и потому не подлежат какому-либо обсуждению.

Советский Союз неоднократно подчеркивал, что реализация программы «звездных войн» означает не что иное, как приглашение к новому, гораздо более опасному витку гонки вооружений, так как появление претендующего на эффективность оборонительного оружия повышает риск возникновения ядерной войны¹ и размывает привычные критерии учета военно-стратегического равновесия. Через СОИ к тому же можно выйти к более грозным видам наступательного оружия по сравнению с существующими ныне. В политическом плане реализация программы означает эрозию режима Договора по ПРО от 1972 г., служившего гарантом взаимной безопасности 16 лет, торможению процесса разоружения.

Перед Вашингтонской встречей руководителей двух держав М. С. Горбачев заявил, что «вопрос о СОИ — это не предмет переговоров... Мы будем говорить о строгом соблюдении Договора по ПРО»². В Совместном советско-американском заявлении на высшем уровне по итогам встречи указано, что стороны будут предпринимать усилия для выработки договоренности о согласованном сроке невыхода из Договора по ПРО³.

Судьба СОИ и Договора по ПРО оказалась на острие дискуссий по многим аспектам таких животрепещущих проблем современного мира, как разоружение и развитие. Поэтому, помимо сугубо военно-стратегических и политико-правовых вопросов, она затрагивает широкий спектр общеполитических, экономических, научно-технических проблем.

Китай — одна из мировых космических держав — проявил значительный интерес к проблеме СОИ. Многочисленные публикации в периодической печати КНР показывают, что китайские специалисты рассматривают СОИ достаточно широко, в наиболее общем контексте международной обстановки. При этом оценки специалистов в различных областях не всегда совпадают. На политику КНР в области безопасности и обороны все большее влияние оказывает теоретический анализ внешнеполитической ситуации, связанной с милитаризацией космоса.

Военно-политический аспект

Негативная реакция КНР на программу СОИ проявилась довольно быстро. 3 августа 1985 г. Дэн Сяопин заявил, что «планы «звездных войн» не должны быть реализованы, поскольку они приведут к качественным изменениям в гонке вооружений между двумя сверхдержавами. Планы «звездных войн» отличаются по своему характеру от пополнения арсенала несколькими ядерными боеголовками или создания новых типов ракет».

Начиная с выступления министра иностранных дел У Сюецяня на XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1984 г., в котором впервые прозвучало требование к «двум сверхдержавам» «прекратить распространение гонки вооружений на космическое пространство», тезис об «опасности милитаризации космоса» стал регулярно появляться в выступлениях китайских руководителей по проблеме разоружения. Он занял свое место и среди девяти принципов разоружения, изложенных в речи Чжао Цзыяна на митинге «Китайский народ в защиту мира во всем мире» 21 марта 1986 г.: «Космическое пространство должно быть использовано исключительно в мирных целях, на благо всего человечества. Никакая страна не должна развивать, испытывать и размещать космическое оружие в какой бы то ни было форме. Необходимо как можно скорее провести переговоры и заключить международное соглашение о всестороннем запрещении космического оружия».

Судя по материалам китайской печати, КНР рассматривает СОИ США как программу создания новейших видов оружия (лазерного, пучкового, кинетического), обладающего широкими границами применения, высокой точностью и значительной силой поражения, как программу, рассчитанную на достижение военно-стратегического превосходства над СССР, поскольку тот, кто овладеет космосом, будет доминировать на Земле¹. Новое поколение оружия будет в состоянии поражать межконтинентальные баллистические ракеты в полете, а также наземные, морские и воздушные цели, но в то же время оно не заменит собой ядерное оружие, так же как ядерное не заменило обычное². Таким образом, формы будущей войны, по мнению китайских специалистов, станут гораздо более сложными, разнообразными, окончательно сотрутся грани между ракетно-ядерной и обычной войной, что приведет к резкому увеличению риска как преднамеренной, так и — тем более — случайной войны.

Известно, что основная цель планируемых на ближайшую перспективу американских программ — это создание стратегической обороны от МБР. По мнению китайских специалистов, такая оборона, если она вообще возможна, не будет создана в ближайшие 10—15 лет, но даже в случае ее создания стратегические наступательные вооружения сохранят свою роль. Считая СОИ попыткой выйти из военно-стратегического тупика, сложившегося на начало 80-х гг., специалисты в Китае констатируют, что создание стратегической оборонной способности в дополнение к стратегической наступательной способности означает возможную эскалацию обеих. «Раз почти невозможно создать абсолютную оборону, то новая оборонная способность скорее всего подстегнет усилия по наращиванию ядерных наступательных сил»³. К тому же появление «космического щита» у одной стороны означает искушение нанести первый обезоруживающий удар по другой стороне, то есть делается вывод, что СОИ — это не просто оборона, а «оборона и наступление, вместе взятые»⁴. Таким образом, очевидно, что в Китае сознают, что развитие событий по американскому сценарию приведет если не к слому военно-стратегического паритета, то к высокой степени дестабилизации стратегической ситуации, растущей неуверенности сторон в своей безопасности.

Немаловажен также тот факт, что в КНР не принимают американскую стратегию сдерживания и считают, что именно ядерное сдерживание на возможно более высоком уровне, «равновесие страха», служит главной пружиной гонки вооружений. Как отмечает сотрудник Академии военных наук Китая Фан Хао, «итогом стратегии сдерживания стала гонка вооружений между двумя странами, появилось и окрепло чувство страха перед войной, которая может начаться вследствие случайности, просчета, потери рассудка... Разве можно считать высокоморальной ту стратегию, когда кто-либо постоянно держит дуло у чужого виска?»⁵

Характерным моментом для современной позиции КНР является также тот факт, что, полностью осознавая американское происхождение программы «звездных войн», в определенном контексте термин СОИ трактуется как создание стратегических оборонительных систем космического базирования, осуществляемое и Соединенными Штатами, и Советским Союзом. Видимо, поэтому в Китае довольно остро отреагировали на достигнутый во время вашингтонской встречи статус-кво в отношении СОИ и Договора по ПРО. В комментариях агентства Синьхуа из Вашингтона 19 декабря 1987 г. указывалось: «Напрашивается вопрос: неужели две сверхдержавы пытаются узаконить новый раунд гонки вооружений в космосе путем достижения кое-каких договоренностей между собой?»

В то же время в связи с пересмотром своих взглядов на современное состояние проблем войны и мира, а также своей военной доктрины Китай проявил и проявляет заинтересованность в прогрессе советско-американских переговоров о сокращении вооружений и достижении компромиссов между СССР и США. Это и понятно. Направляя основные усилия на экономическое строительство, КНР не имеет в настоящий момент планов значительного наращивания своих ядерных сил, о чем свидетельствует длившийся более двух лет (1986—1987) необъявленный мораторий на ядерные взрывы. В случае продолжения гонки вооружений, в том числе космических, стратегическая цель Китая — сократить отставание от ведущих держав мира — окажется более отдаленной, чем в случае частичного разоружения, сдержанности в области стратегической обороны, некоторого ослабления напряженности и укрепления политических гарантий безопасности.

Другим важным стимулом активности Китая в вопросах разоружения является стремление повысить свой политический вес, авторитет борца за мир во всем мире. Этой задаче отвечает выдвигание идеи о том, что уже в будущем веке национальный престиж будет определяться не количеством оружия, а экономическим потенциалом и политическим влиянием в решении глобальных вопросов.

Поскольку программа СОИ, по мнению китайских экспертов, есть угроза миру и стабильности, то политическая оппозиция милитаризации космоса выдвигается в качестве насущной задачи сегодняшнего дня. «Реальность показала, что гораздо легче предотвратить милитаризацию, чем повернуть ее вспять. Учитывая опасность для человечества даже начальной стадии гонки вооружений в космосе, необходимо остановить ее раз и навсегда. Необходимы политические условия для предотвращения милитаризации космоса, запрет на развитие, испытание, производство, размещение и применение всех видов космических вооружений, их демонтаж»⁹.

Стремясь привлечь КНР на свою сторону, американцы пытаются убедить китайцев не в военном, а в политическом характере программы СОИ. Еще в октябре 1985 г. во время визита в Пекин вице-президент США Дж. Буш передал Чжао Цзыяну документ о «советских работах в рамках космической обороны» и довел до китайского премьера некоторые сведения о СОИ США. В достоинствах программы «звездных войн» убеждал китайцев и постоянный представитель США при ООН Уолтерс, позднее с этими же целями в Пекине побывали Эделман и другие высокопоставленные представители американской администрации. Таким образом, Китай, в сущности, оказался единственной социалистической страной, посвященной в программу СОИ. Однако, судя по обеспокоенности перспективами гонки вооружений в космосе, в Китае понимают, что соглашение о стратегическом ядерном оружии потребует ограничения СОИ, а соглашение о космическом оружии вообще остановит американские планы. По мнению китайских специалистов, угроза реализации программы «звездных войн» объективно является основным препятствием на пути достижения существенных соглашений по космосу и целому ряду других аспектов ядерного разоружения¹⁰. Более того, СОИ ставит под угрозу Договор по ПРО 1972 г., имеющий «положительный характер»¹¹. «Широкое толкование» данного договора, полагают в Китае, зажигает зеленый свет для милитаризации космоса.

Советский Союз, как с недавнего времени стали признавать в КНР, заинтересован в скорейшем заключении серьезных договоров по стратегическим вооружениям в США. «Жэньминь жибао» писала, что цель Советского Союза — «добиться мирной обстановки на сравнительно долгое время», «сделать проблему безопасности и сокращения вооружений самой насущной», «устранить тяжелое бремя гон-

ки вооружений», в итоге «избежать опасного соревнования в области космического оружия»¹².

Характерная особенность практических действий КНР на международной арене состоит в том, что СОИ рассматривается как глобальная проблема разоружения. В Китае не акцентируют внимание на противоречиях с США на основе СОИ, но потенциально эта проблема является взрывоопасным фактором в отношениях КНР с США. Упорство США по вопросу СОИ подтверждает опасения КНР в связи с возможной реализацией программы. Мир, по мнению китайских экспертов, станет более нестабильным вследствие, во-первых, усиления угрозы войны, о чем говорилось выше, а во-вторых, нарушения той тенденции в архитектонике мира, которую вывели китайские аналитики, то есть перехода от биполярной системы к многополюсной. При этом не исключается даже опасность беспрецедентной ситуации, когда мир может стать вообще однополюсным¹³.

В Китае однозначно не одобряют участие некоторых западноевропейских стран в программе СОИ, полагая, что эти страны подверглись нажиму со стороны США. При этом высказываются сомнения в том, что Европа от участия в СОИ станет более безопасной: во-первых, в случае начала работ по СОИ будут заморожены договоренности с Советским Союзом и начнется новый виток гонки вооружений; во-вторых, СОИ вызовет расширение противоречий между Западной Европой и США в области оборонной и внешней политики.

Негативную реакцию в Китае вызвало и решение Японии присоединиться к СОИ. «Подключение Японии к планам «звездных войн», — подчеркивалось в прессе, — не может не оказать влияние на военное равновесие и на всю будущую обстановку в азиатско-тихоокеанском регионе. Между Японией и ее соседями также могут возникнуть новые противоречия»¹⁴.

Вплоть до последнего времени в китайской печати не связывали проблему космического оружия с обеспечением безопасности страны. Между тем признание фактора нового витка гонки вооружений ставит Китай перед необходимостью оценки угрозы своей безопасности и поиска мер противодействия. «В таких условиях одновременно с освоением космоса в мирных целях мы должны в полной мере использовать достижения космической техники для ускорения модернизации обороны Китая, внести необходимый вклад в защиту социалистической родины, в защиту мира на Земле»¹⁵, — отмечалось в газете «Гуанмин жибао». Министр космической промышленности Ли Сюйэ, выступая в октябре 1986 г. на торжествах по случаю 30-й годовщины создания космической промышленности, напомнил, что эта отрасль внесла ценный вклад в оборону страны, и заявил: «Имея в виду нужды будущей войны, мы должны сосредоточить лучшие силы на разработке и производстве системы передового и качественного вооружения нового поколения».

Прогнозируя возможные советские контрмеры, связанные с осуществлением программы «звездных войн», военные специалисты в КНР считают, что СССР прежде всего увеличит количество боеголовок, усовершенствует систему мер пассивного противодействия СОИ, а именно выведет противоспутниковое оружие и космические мины, отработает различного рода помехи, ложные пуски и цели. Вместе с тем в Китае, в основном с подачи американцев, обеспокоены усовершенствованием советской ПРО, а следовательно, возможным снижением эффективности, устареванием своих МБР.

В настоящее время в КНР подчеркивают, что в современных стратегических условиях решающим фактором является не количество, а качество вооружений. Такая концепция находит свое отражение в изменяющейся военной доктрине и в военном строительстве Китая: «Высокая стоимость модернизированного вооружения, его быстрое обновление требуют выработки планов развития науки, отвечающих реальному уровню экономики, науки и техники нашей страны. Необходимы «ультрасовременное» мышление и меры... Исходя из этого, следует соответственно сконцентрировать экономические затраты, сузить фронт развития вооружений. Необходимо выделять приоритеты, больше уделять внимания разработкам, меньше — вооружениям, не следует производить и заменять вооружения в больших масштабах. В разработках надо сделать акцент на новейшей военной технике, взяться за самые насущные, самые передовые вооружения и, постепенно сокращая разрыв, технически подготовиться к тому, чтобы догнать и перегнать мировую передовую уровень»¹⁶. Однако на сегодняшний день страна не обладает необ-

ходимыми материалами и научными ресурсами, соответствующей технической базой для военного освоения космического пространства. Китайские специалисты не могут не понимать, что некоторые крупные исследовательские программы превосходят экономические возможности страны. И хотя в сравнительно отдаленном будущем планируется создание лазерных пушек¹⁷, развертывание в КНР первых эшелонов СОИ в ближайшие годы может вызвать деформацию и ломку структуры и сроков постепенной модернизации вооруженных сил и вооружений, отвлечь средства из сферы экономики.

Экономический и научно-технический аспект

По мнению китайских специалистов, одной из явных целей СОИ является попытка экономического истощения СССР. В этих условиях, как полагают в Китае, «цель Советского Союза — сдержать или по крайней мере отсрочить реализацию программы «звездных войн», с тем чтобы избежать немедленной и дорогостоящей гонки космических вооружений»¹⁸.

По мнению китайских экспертов, «ответ СССР на стратегический вызов США» должен состоять в укреплении своей «комплексной государственной мощи». Этот термин требует особых пояснений. Он появился сравнительно недавно и означает возможности государства в военной, экономической, политической, научно-технической областях, взятые в совокупности и во взаимосвязи. Только обладая значительным потенциалом во всех областях, то или иное государство сможет играть заметную роль в будущем мире.

Однако понятие «комплексная государственная мощь» неоднозначно. Многие специалисты в Китае широко цитируют и принимают как очевидное те прогнозы сторонников СОИ, в соответствии с которыми США добьются оживления экономики и даже ее расцвета через «звездные войны». «Выдвинув СОИ, США не только стремятся совершить новый прорыв в военной области, но и намереваются захватить преобладающие позиции в технологии и с помощью новейшей технологии оживить экономику, укрепить государственную мощь и отбросить СССР»¹⁹. Один из специалистов считает, что стратегия «высотной границы» имеет двоякий характер — милитаризацию и индустриализацию космоса²⁰. СОИ в результате становится ключом к решению видимого противоречия: экономика США оказалась в плачевном состоянии в результате гонки вооружений, однако с помощью «звездных войн» и программ, находящихся на гребне этой гонки, США надеются достичь нового экономического роста.

Таким образом, существуют по меньшей мере две трактовки понятия борьбы в сфере комплексной государственной мощи: СССР предлагает встать на путь экономического соревнования, призывая ограничить СОИ, стремится вложить больше средств в экономику и одновременно «сдержать растущее превосходство США в военной технологии и новейшей технологии в других областях»²¹; США навязывают новый этап военно-технического соревнования: «В настоящее время соотношение военных сил двух сторон в целом находится в равновесии, каждой из них трудно оказать давление на партнера, поэтому они еще более нацеливаются на противоборство в области комплексной государственной мощи в будущем веке. А развитие высокой технологии сделало возможным развитие противоракетных оборонительных систем. США усиленно продвигают планы «звездных войн», Советский Союз устремится в погоню»²².

Большинство же китайских специалистов в своей трактовке нынешнего этапа соревнования двух ведущих держав в мире исходит из того, что противоборство между США и СССР приняло формы противоборства не только и не столько военного, сколько научно-технического и экономического. Его основой является стремление сторон к новейшей технике и технологии, овеществляемое путем военного освоения космоса. «США и СССР постепенно перемещают центр внимания из сферы военного противостояния в сферу соревнования в комплексной государственной мощи. Ядром соревнования стала новейшая техника... Обе стороны сознают, что в современном мире достичь гегемонии можно только путем первенства в технике»²³. Другие авторы также отмечают: «Обе стороны сделали упор на соревновании в тре-

бующей триллионных затрат новейшей технике в виде стратегических оборонительных систем»²⁴. В итоге появилась новая модель противоборства, на основании которой становится возможным утверждать, что «конкуренция между СССР и США в области новой научно-технической революции поднялась до уровня борьбы за выживание между двумя общественными системами»²⁵.

Подробно анализируя стратегию социально-экономического развития СССР и обосновывая ее необходимость для Советского Союза, некоторые китайские авторы считают, что СССР оказался перед лицом новой НТР, представленной программами СОИ, «Эврика», а также японской программой научно-технического роста²⁶. Таким образом, программе СОИ в числе других программ придан статус объективной тенденции мирового развития, что означает неизбежность ее дальнейшего продвижения, а также нереальность блокирования военной направленности современных программ НТР.

Анализ всей проблематики, завязанной на СОИ, наряду с другими внутривнутриполитическими и внешнеполитическими выводами, среди которых сделанный руководством КНР в 1984—1985 гг. вывод о том, что рост сил мира превосходит рост сил войны, вероятно, оказал значительное воздействие на новый подход китайских аналитиков к проблемам обеспечения безопасности страны. Показательная в этом смысле основная мысль статьи, опубликованной в журнале «Хунци»: «Необходимо обеспечить безопасность и развитие страны путем наращивания комплексной государственной мощи и осуществления... четырех модернизаций». Безопасность, утверждается в статье, вытекает из комплексной государственной мощи, то есть из всей совокупности военных, экономических и политических условий, в которых доминирует экономический потенциал страны. От него прямо зависит эффективность усилий в оборонном строительстве. При этом в статье подчеркивается, что данное положение является объективной потребностью, существующей в каждой стране перед вступлением в XXI в.²⁷ Один из руководителей Научно-технического общества Китая Пэй Лишэн в 1983 г. сжато выразил цель научно-технической политики руководства страны: «Мы должны направлять усилия на то, чтобы перешагнуть через отдельные стадии промышленного развития, переходя непосредственно к методам, основанным на последних достижениях компьютерной и лазерной техники, на создании новых материалов и успехах биотехнологии».

В качестве одного из направлений ускоренного научно-технического развития в КНР рассматривают сотрудничество с западными странами, прежде всего с США, в том числе и в области космической техники. Например, в 1984 г. министр обороны КНР Чжан Айпин в связи с запуском спутника связи указал, что США, Франция, ФРГ, Италия и другие страны выразили готовность к сотрудничеству с Китаем. В 1985 г. китайская сторона предложила НАСА обмен технической документацией по космическим вопросам и в области технологии проведения испытаний по механическому воздействию на космические объекты. В конце 1986 г. начала функционировать наземная станция слежения за космическими объектами, построенная при содействии США.

Китай пытается развивать также такую форму сотрудничества, как совместное производство некоторых видов техники, налаживает связи с западными фирмами, в частности предложил Западной Европе свое участие в программе «Эврика». Кроме того, КНР включилась в «космический бизнес», предлагая другим странам коммерческие услуги по запуску спутников. Приглашение министра обороны США К. Уайнбергера на полигон Сичан в Сычуани в октябре 1986 г. в очередной раз продемонстрировало настойчивое стремление Китая завоевать себе международный технический престиж, доказать партнерам свою компетентность.

Заслуживает особого внимания проблема техники и технологии «двойного назначения», которая также оказывает влияние на трактовку СОИ в Китае. «Применение современной науки и техники в военной и гражданской областях различается только по цели, однако между сферами их применения не существует абсолютного разрыва. Хотя электронная, ядерная, воздушная и космическая техника появились в первую очередь в связи с военной потребностью, но... они дали огромный технический и экономический эффект, стимулируют общее экономическое развитие в мире»²⁸. Быстрейшее сокращение разрыва между военной и гражданской технологиями рассматривается как стимул ускоренного развития национальной экономики, открывающего новые перспективы повышения уровня оборонного строитель-

ства²⁹. В более широком плане СОИ воспринимается как смычка между военным и экономическим ростом, ведущая к ликвидации существующих между ними «ножниц».

* * *

Анализ проблемы СОИ, проведенный многими китайскими специалистами, свидетельствует о том, что их теоретические и практические воззрения отличаются известной реалистичностью и динамизмом. Данный анализ позволяет уточнить точку зрения КНР по широкому кругу международных проблем и констатировать как известное сближение позиций СССР и КНР, так и некоторые расхождения в оценках тех или иных аспектов политики милитаризации космоса, в понимании опасности, связанной с этой политикой.

¹ См.: Мир и разоружение. М., 1987, с. 87.

² «Правда», 2.XII.1987.

³ См.: «Известия», 12.XII.1987.

⁴ См.: «Гоцзи вэньти яньцзю», 1987, № 1, с. 3.

⁵ См.: «Гуанмин жибао», 28.VI.1987.

⁶ Yimin Song. On China's Concept of Security. UN, Geneva, 1986, p. 29.

⁷ «Гоцзи вэньти яньцзю», 1984, № 4, с. 29.

⁸ «Гуанмин жибао», 21.V.1987.

⁹ Yimin Song. Op. cit., p. 29—30.

¹⁰ См.: «Гоцзи вэньти яньцзю», 1987, № 1, с. 20.

¹¹ См. там же, 1984, № 4, с. 35.

¹² «Жэньминь жибао», 23.XII.1986.

¹³ См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 2.VI.1986.

¹⁴ «Дагунбао», 24.VII.1987.

¹⁵ «Гуанмин жибао», 28.VI.1987.

¹⁶ «Хунци», 1987, № 17, с. 22.

¹⁷ См.: «Цзефанцзюнь бао», 13.II.1987.

¹⁸ «Баньюэ тань», 1987, № 14, с. 55.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 17.I.1987.

²⁰ См.: «Шицзе чжиши», 1987, № 18, с. 16.

²¹ «Жэньминь жибао», 23.XII.1986.

²² Там же, 23.IX.1987.

²³ «Гоцзи вэньти яньцзю», 1987, № 1, с. 3.

²⁴ Там же, с. 18.

²⁵ Там же, с. 3.

²⁶ См. там же, с. 21.

²⁷ См.: «Хунци», 1987, № 17, с. 22.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Проблемы и перспективы использования природных ресурсов в Китае

*Ю. В. МИНАКОВ,
кандидат экономических наук*

Одной из важнейших проблем Китая является рациональное использование ресурсов природной среды для нужд народного хозяйства, для обеспечения продовольствием растущего населения. В условиях Китая приходится учитывать особую роль сельского хозяйства, тесную зависимость экономического развития от состояния продовольственной базы. Принимается также во внимание то, что из всех видов экологического неблагополучия именно деградация природных ресурсов, подрывающих продовольственную базу, представляет в перспективе наибольшую опасность для растущего населения Китая. Этим определяется специфика экологической обстановки в стране.

Важнейшим условием стабильности развития Китая является правильная, научно-обоснованная политика в земледелии. Экстенсивные методы земледелия, основанные на расширении обрабатываемых земель и применении традиционных методов ведения сельского хозяйства, исчерпывают себя в Китае, так как это приводит ко все более усиливающемуся росту эрозии почвы в результате сведения лесов, наступления пустынь, обострения проблемы рационального использования водных ресурсов¹. Тем не менее переход в перспективе к интенсивному пути развития сельского хозяйства (рост орошаемых площадей, использование минеральных удобрений, расширение пастбищных угодий) в условиях острой нехватки в КНР земельных, водных и лесных ресурсов возможен.

По данным китайской печати, Китай уступает среднемировому уровню на душу населения по ряду природных ресурсов: пахотным угодьям — в 3 раза, лесным — в 8, пастбищным — в 3, запасам пресной воды — в 4 раза. Наблюдающаяся тенденция роста населения резко уменьшает возможности страны в воспроизводстве тех или иных видов природных ресурсов².

Одной из серьезных проблем экономического развития Китая является нерациональное использование пахотного фонда страны. По данным китайской печати, площадь пахотных земель в Китае составляет лишь 7 % мирового уровня, а кормят эти земли 23 % населения Земли³. Поэтому наметившаяся в последние годы тенденция сокращения пахотного фонда представляет собой серьезную социально-экономическую и экологическую проблему. Если в период 1949—1977 гг. пахотные площади ежегодно сокращались на 0,6 млн. га, то в 1978—1983 гг. темпы отторжения земли возросли до 0,96 млн. га⁴, причем за годы шестой пятилетки (1981—1985) из пахотного оборота выбыло свыше 2,3 млн. га⁵.

По данным специалистов Пекинского сельскохозяйственного университета, количество земли, приходящейся на душу населения, в 1985 г. составило 0,09 га⁶ (в СССР — 0,82 га), то есть уменьшилось на 50 % против уровня 1952 г.⁷ Если такой темп сохранится, то к 2000 г. на одного жителя будет приходиться только 0,07 га, что создаст серьезные трудности в деле решения продовольственной проблемы. Ученые считают, что подобно установлению государственного контроля за рождаемостью, необходимо ввести государственный контроль за распределением земли. Необходимо применить систему правовых, экономических, социальных мер, чтобы

ограничить отторжение пахотных земель в несельскохозяйственное пользование до 233 тыс. га в год⁹.

В 1986 г. в Китае проводилась проверка использования пахотных земель в несельскохозяйственных целях. По предварительным данным, собранным в 10 провинциях, 30 % всех пахотных земель (а в ряде районов до 60 %) незаконно используются для других целей¹⁰. Поэтому назрел вопрос о создании системы документации, которая должна будет защищать общественную собственность на землю и способствовать рациональному использованию земли. В июле 1986 г. был принят «Закон КНР о землепользовании» («Чжунхуа жэньминь гунхэго туди гуаньли фа»). В статье 1 прямо подчеркивалось, что настоящий закон принят специально в целях усиления законодательства о землепользовании, защите социалистической собственности на землю, охраны и освоения земельных ресурсов, рационального использования земли¹⁰. В Законе о землепользовании, действие которого начиналось 1 января 1987 г., была вновь подтверждена система государственной и коллективной собственности на землю, установленная Конституцией КНР 1982 г., определено право пользования землей для нужд сельского хозяйства, государственного строительства, для строительства в волостях и поселках, установлена юридическая ответственность за нарушение законодательства об использовании земли и т. д. Однако в законе не предусмотрено конкретной формы стоимостной оценки земли, особенно необходимой с учетом многообразия почвенно-климатических условий Китая (общенациональное исследование в 1985 г. показало, что в Китае насчитывается 57 видов почв)¹¹. Китайская печать отмечает, что в среде китайского крестьянства растет тревога в связи с быстрым ростом строительства мелких предприятий, поселков, в результате чего темпы сокращения пахотных земель значительно увеличились (в 1986 г. — 0,62 млн. га).

В 1981—1986 гг. быстро развивалось жилищное строительство, что также приводило к сокращению пахотных земель. В этот период в Китае были построены жилые дома в городах и поселках площадью 4,8 млрд. м². По расчетам китайских специалистов, если каждый двор будет занимать ежегодно около 80 м² на строительство жилья, то только на эти нужды в сельской местности необходимо каждый год использовать 200—300 тыс. га земли¹².

В апреле 1987 г. Государственный совет КНР ввел в действие «Временные положения о налоге за использование пахотной земли», главная задача которого — установить экономико-правовой заслон дальнейшему сокращению пахотных земель под несельскохозяйственное строительство. В соответствии с положениями пахотное поле страны разделено на четыре крупных района в зависимости от величины пахотной земли, приходящейся на 1 человека в данном районе, а также в зависимости от направления использования несельскохозяйственных пахотных земель. В первом районе, где на 1 человека приходится 0,06 га (1 му), устанавливается налог от 2 до 10 юаней за 1 м² во втором районе, где на 1 человека приходится от 0,06 га до 0,12 га — 1,6—8 юаней; в третьем, где на 1 человека приходится от 0,12 га до 0,18 га — 1,3—6 юаней; в четвертом районе, при соответствующем показателе 0,18 га — от 1 до 5 юаней¹³. Дифференциация налогов позволит, по мнению китайских специалистов, учитывать количество и качество земель при строительстве предприятий, жилья, отторжении земель под государственные постройки. Важным аспектом принятых положений является то, что все налоги идут в «фонд восстановления плодородия полей», который используется в общенациональной программе борьбы против эрозии пашни, десертификации, борьбы с засолением почв¹⁴. Документ резко ограничивает возможности расширения жилищного строительства на пахотных землях, устанавливая высокие налоговые ставки. Крестьянам рекомендуется строить жилые дома и постройки на холмах и в предгорьях, а в равнинных местах только на прежних местах застройки.

Предполагается, что в перспективе, к 2000 г., тенденция к росту земель, занятых под промышленное и жилищное строительство, несколько ослабевает в результате создания более рациональной структуры промышленности и сельского хозяйства, размещения городов и поселков. Общая площадь пахотного поля к 2000 г. сократится до 85—90 млн. га, тем не менее более 70 % клина будут занимать орошаемые площади, использование которых позволит повысить к 1995 г. урожайность зерновых с гектара с 41 до 53 ц.

Большое внимание в деле расширения пахотных площадей в конце 70-х — начале 80-х гг. уделялось в Китае проблеме освоения целинных земель. Однако освоение пригодных для земледелия целинных земель увеличит общий пахотный фонд в период 1985—1990 гг. лишь на 1,8 млн. га¹⁵. К 2000 г. освоение целинных земель в основном возможно осуществить в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, провинциях Цинхай, Хэйлуцзян, автономном районе Внутренняя Монголия (около 8 млн. га). Это потребует значительных капитальных вложений в землеустройство, создания инфраструктуры. Так, стоимость освоения 1 га целинных земель с учетом специфики различных районов колеблется от 600 до 2000 юаней¹⁶.

Китайские специалисты, которые участвовали в общенациональном обследовании земельных ресурсов в 1983—1986 гг., охарактеризовали качество пахотных площадей следующим образом: в стране насчитывается 45 млн. га орошаемых земель, из которых на 23 млн. га применяются современные методы ирригации и дренажа¹⁷. Тем не менее эффективность использования оросительных сооружений остается низкой. Только на передовых оросительных сооружениях коэффициент использования воды составляет 55 %, а на большинстве объектов, построенных крестьянами, менее 35 %. Поэтому важнейшей задачей на ближайшие 25—30 лет является проведение политики эффективного использования поливного гектара. Уровень использования водных ресурсов на 1 га орошаемых площадей в Китае ниже среднемирового уровня (8260 м³ против 9480 м³). Предполагается в дальнейшем вводить ежегодно около 0,5 млн. га орошаемых площадей, чтобы к 2000 г. их площадь достигла 52—55 млн. га. Увеличение орошаемого клина предполагается в основном осуществлять за счет введения в оборот малопродуктивных земель (3—5 млн. га в пятилетку) которых насчитывается ныне около 34,5 млн. га¹⁸. К 2000 г. предусматривается восстановить 3,3 млн. га засоленных земель, используя прогрессивные методы агротехники¹⁹. Поэтому ограниченность земельных ресурсов требует серьезного пересмотра инвестиционной политики государства в пользу увеличения капиталовложений в землеустройство, научно обоснованного применения удобрений, новых сортов семян, создания научных кадров для деревни.

Тревожным фактом является то, что рост населения в условиях неизменности пахотного фонда приводит ко все большему сокращению пашни на душу населения. Как было сказано выше, этот показатель к 2000 г. может снизиться до 0,07 га.

Проблема воспроизводства и использования лесных ресурсов в Китае остается также одной из острых экономических, социальных и экологических проблем. По данным китайской печати, оценкам зарубежных специалистов, лесные угодья составляют 12,0 % территории Китая. Это значительно ниже среднемирового уровня (22 %) и уровня ряда других государств (СССР — 36 %, США — 33 %, Япония — 68 %). Общие запасы древесины в Китае в 1985 г. оценивались в 10,26 млрд. м³. Серьезной проблемой эксплуатации и рационального использования лесных угодий в Китае является крайняя неравномерность их размещения на территории страны. Так, если в провинциях Чжэцзян, Хэйлуцзян и Фуцзянь площадь лесов составляет от 40 до 60 %, то в провинции Сычуань — 12,9, Хэбэй — 15, Северном Китае — 4,7, Северо-Западном Китае — только 1,1 %²¹. В результате на северные районы Китая наступает пустыня. Под угрозой находятся около 328 тыс. км² сельскохозяйственных земель. Из-за недостатка лесозащитных полос площадь пустынь увеличивается на 50—70 тыс. км² в год²².

Лесные угодья в 80-е гг. распределялись следующим образом: угодья, используемые для получения деловой древесины — 80,3 %; лесозащитные насаждения — 6,5; технические леса — 7,1; леса и кустарники, используемые для топлива — 2,7; леса специального назначения — 0,5; бамбуковые леса — 0,2 %.

В период шестого пятилетнего плана (1981—1985) предусматривалось расширить площади новых лесонасаждений на 26,6 млн. га и тем самым увеличить площадь лесных угодий с 12 до 14 %. Тем не менее в эти годы продолжалась тенденция к сокращению лесных запасов. Серьезными проблемами, усугубляющими нехватку лесных угодий, являются учащающиеся стихийные бедствия, особенно пожары. Так продолжавшийся в течение месяца (май 1987 г.) лесной пожар уничтожил более 700 тыс. га лесных угодьев основного лесного района Китая — Большого Хингана. Китайская печать обращает внимание на опасные последствия стихийного бедствия для окружающей среды этого обширного района страны.

В период седьмого пятилетнего плана (1986—1990) предусматривается произвести 27,67 млн. га лесонасаждений и поднять их уровень с 12 до 14 % в 1990 г.²³

В долгосрочной программе, опубликованной в китайской печати в 1982 г., намечалось к концу XX в. увеличить площадь, занятую лесами, с 12 % в середине 80-х гг. до 17,6 в 2000 г., а в перспективе — до 30 %. Однако необходимо подчеркнуть, что на расширение лесных угодий серьезное влияние оказывает ряд существующих в Китае экономических, социальных и экологических проблем. Хотя, по подсчетам, лесные ресурсы составляют более 10 млрд. м³, примерно только для 1/3 деревьев имеются условия для их валки и вывоза. По мнению ряда зарубежных специалистов и организаций ООН, общее потребление древесины в Китае ежегодно составляет 200 млн. м³, но государственные заготовки в последние годы не превышают 60 млн. м^{3/24}. Остальную древесину в основном используют крестьяне в качестве топлива.

С целью ослабления топливного голода и экономии древесины к 2000 г. предусматривается в 4 раза увеличить снабжение дровами, используя коллективные и частные лесные участки, предназначенные для выращивания леса на дрова. В то же время к 2000 г. предлагается осуществить свыше 69 млн. га лесопосадок, что позволит довести площадь под лесными угодьями до 17,6 % территории страны.²⁵ Тем не менее рост продуктивности лесных угодий в перспективе будет зависеть от роста капитальных вложений, совершенствования системы управления и ухода за плантациями. В 1985—1995 гг. в Китае, видимо, будет ощущаться нехватка деловой древесины в связи с широкой программой индустриализации. Поэтому КНР увеличивает закупки древесины в ряде зарубежных стран — СССР, США, Бразилии, Канаде.

Большое внимание уделяется развитию системы лесополос в Северном Китае с целью защиты от песков. Первая стадия этих мероприятий (1979—1986), по данным печати, уже закончена. Произведены лесопосадки на 5,93 млн. га (стоимость посадочного материала и работ составили 1 млрд. юаней)²⁶. На втором этапе (1986—1990) площадь лесополос возрастет на 6,51 млн. га, а до конца XX в. — еще на 10,7 млн. га, что позволит увеличить площадь, занятую лесами в этом районе, с 4 до 10,6 %.

Проблема использования степей и пастбищ в Китае непосредственно связана с такими серьезными природными явлениями, как эрозия почв, распространение летучих песков и движение дюн в результате сезонного или круглогодичного отсутствия растительного покрова на поверхности почв, засоление почв вследствие неправильного организованного орошения.

Согласно статистическим данным, в Китае насчитывается 319 млн. га различных видов пастбищ, из которых 231 млн. га водообеспечены²⁸. Увеличение производства мяса на душу населения с 16,7 кг в 1985 г. до 25 кг в 2000 г.²⁹ и других видов продукции животноводства будет зависеть в значительной мере от коренной перестройки системы пастбищного животноводства, роста производства кормов за счет интенсификации пастбищ.

Начиная с середины 80-х гг. слабость кормовой базы является основным тормозом развития животноводства. Естественные пастбища отличаются крайне низкой продуктивностью: 1 м² степей в северных районах Китая дает в среднем 300 г сена в сухом веществе, что значительно ниже среднемирового уровня. В последние годы в Китае уделяется большое внимание развитию искусственных кормовых полей, особенно в северных и северо-восточных районах страны. Приостановлена порочная практика, существовавшая в течение последних 30 лет, когда было распахано и превращено в поля более 6,6 млн. га степных угодий, которые были довольно плодородны, сравнительно хорошо увлажнены и часто служили зимними пастбищами. Сейчас многолетние травы высеваются на площади 4,8 млн. га (2 % увлажненных пастбищ), имеется 3,33 млн. га окультуренных пастбищ. В перспективе каждый год предполагается вводить 1 млн. га окультуренных пастбищ³⁰, что позволит к 2000—2010 гг. увеличить их площади до 15—20 млн. га.

Важную роль в рациональном использовании пастбищ, в развитии степного скотоводства сыграло принятие «Кодекса степей КНР» в ноябре 1984 г., в котором предусматривается ускорение комплексного освоения степных угодий, улучшение работы пастбищных хозяйств, совершенствование травосеяния, повы-

шение продуктивности пастбищ, поддержание баланса между объемом производства кормов и поголовьем скота. В последние годы большое внимание уделяется вовлечению в производственный оборот горных, каменистых почв, которые занимают около 20 % территории страны. По данным специалистов, можно использовать около 13—16 млн. га таких почв для разведения яков, буйволов, верблюдов³¹.

К 2000 г. важнейшей задачей остается защита пастбищных угодий от передвигающихся песков, ветровой и водной эрозии. В настоящее время площадь степей КНР, подвергаемая песчаным заносам, засолению, деградации, уже превысила 46,7 млн. га³².

За год в Китае выпадает в среднем 6032,2 млрд. м³ осадков, из которых 57 % испаряются, 43 % (2614,4 млрд. м³) стекают в реки и водоемы. Суммарный поверхностный сток много лет подряд составляет 2700 млрд. м³³³. По общей средней величине годового стока Китай находится на 6-м месте в мире после Бразилии, СССР, Канады, США и Индонезии, однако в расчете на душу населения Китай имеет один из низких показателей. Крайняя неравномерность распределения водных ресурсов в виде осадков и водного стока в целом по стране создает в перспективе серьезные трудности в деле развития народного хозяйства. Так, если в южной части Китая средний сток составляет 82 % от общей площади стока, обрабатываемая земля — 36 %, население — 54 %, то в северной части Китая соответственно 18 %, 64 и 46 %³⁴.

Согласно расчетам китайских экономистов, в Китае ежегодно можно использовать до 1000—1200 млрд. м³ воды из наземных источников и до 100—150 млрд. м³ подземных вод, что способно к 2000 г. обеспечить народное хозяйство и возрастающее население Китая водными ресурсами. В середине 80-х гг., по данным китайской печати, для нужд производства и удовлетворения жизненных потребностей людей происходили следующие затраты воды. На нужды ирригации ежегодно потреблялось 400 млрд. м³, или 84 % всей расходуемой воды; промышленности — 50 млрд. м³, или 11 %; на бытовые нужды — 13 млрд. м³.

Ввод дополнительных сооружений для обеспечения такого количества воды обошелся бы в 50—80 млрд. юаней³⁵. Поэтому большое значение в использовании водных ресурсов представляют создание рациональной структуры народного хозяйства, экономное использование воды, борьба против загрязнения водных ресурсов. На Всекитайском совещании по водному хозяйству в мае 1983 г. были намечены основные стратегические направления развития водного хозяйства до конца XX в.: поставить под контроль паводки на главных реках страны (Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ, Хайхэ, Ляохэ); в районах, где ощущается нехватка воды, согласно утвержденным планам переброски воды в северные районы, обеспечить городские промышленные предприятия, расширить орошаемую площадь земель с 44 млн. га до 52—60 млн. га; разрешить в основном проблему питьевой воды для населения и нужд животноводства в сельских районах, снабдив чистой питьевой водой 50 млн. сельских жителей, которые страдают от ее нехватки; ускорить строительство небольших гидроэлектростанций, увеличив мощность энергоблоков с 8 млн. кВт в настоящее время до 20 млн. кВт к концу XX в.

В перспективе одной из важнейших социальных проблем является обеспечение чистой питьевой водой растущего населения Китая. В середине 80-х гг. из 800 млн. человек, проживающих в деревнях, лишь 300 млн. использовали безопасную воду. Водопроводную воду потребляют 15 % сельского населения. Острой становится проблема снабжения водой быстро растущих крупных городов и поселков, где ежегодно потребности в воде увеличиваются на 8—10 %. Так, в настоящее время, несмотря на форсированные усилия по ускорению ввода в эксплуатацию объектов водоснабжения, более чем 100 крупным городам ежедневно не хватает 10 млн. м³ воды. Прямые экономические потери при этом достигают 20 млрд. юаней. Китайская печать подчеркивает необходимость установления жесткого режима в производственных и бытовых сферах, повсеместного внедрения передовой технологии и оборудования, позволяющих повысить КПД использования водных ресурсов в различных отраслях экономики³⁶. До 2000 г. предполагается обеспечить водой 50 млн. человек, не имеющих источников водоснабжения. Для этого в ближайшие 13 лет необходимо создать 300 тыс. новых источников водоснабжения (из расчета ежедневного потребления 10 м³ на семью). Тем не менее, хотя к

2000 г. Китай будет располагать достаточным количеством источников для снабжения возрастающего населения питьевой водой, ее качество значительно ухудшится в связи с усиливающимся загрязнением водных ресурсов в результате ускоренной индустриализации страны. Так, если в начале 70-х гг. в китайские реки в сутки сбрасывалось 40 млн. т отработанных промышленных и сточных вод, то в 1984 г. эта цифра возросла до 77,8 млн. т, причем на 80 % загрязнение вод обусловлено промышленными отходами. Из 87 наиболее крупных рек Китая около 54 в значительной степени уже непригодны для водоснабжения промышленных предприятий и населенных пунктов³⁷. Предельно загрязнены сейчас 14 рек. Поэтому в седьмой пятилетке (1986—1990) государство выделяет 12,5 млрд. юаней на охрану водоемов и принятие мер по предотвращению их загрязнения. Особо подчеркивается персональная административная ответственность руководителей предприятий и ведомств за загрязнение водных ресурсов³⁸. Убытки, которые несет государство ежегодно из-за массового загрязнения рек и водоемов, оцениваются в 5 млрд. юаней (2,5 млрд. долл.). Опасность выпадения «кислотных дождей» составляет реальную угрозу здоровью населения вследствие возможного заражения продукции сельского хозяйства. По подсчетам специалистов, проблема загрязнения вод станет еще острее, так как в 2000 г. промышленные отходы составят около 600 млн. т, отходы от разработки угольных шахт — 100 млн. т³⁹.

Предотвращение загрязнения водных ресурсов является одним из основных направлений развития седьмого пятилетнего плана и комплексного прогноза «Китай в 2000 году». Так, в течение десяти лет (1985—1995) в прогнозе предусматривается борьба с негативными тенденциями загрязнения окружающей среды, создание необходимых условий для рационального и эффективного использования природных ресурсов. В дальнейшем (в 1995 г. и далее) предусматривается применение эффективных технологий с целью улучшения окружающей среды, планового изменения биосферы страны⁴⁰.

Тем не менее для исправления сложившегося положения с водными ресурсами требуются крупные финансовые затраты. Согласно подсчетам, для первоначального решения этой проблемы необходимо освоить 30 млрд. юаней. Для комплексного решения проблемы во второй декаде необходимы затраты в 100 млрд. юаней. В обозримом будущем китайское правительство сможет пойти на такие затраты. В то же время несовершенная правовая регламентация соответствующих вопросов, игнорирование этой проблемы руководителями промышленных и сельскохозяйственных предприятий вызывает лишь дальнейшее ухудшение положения. На предприятиях Китая на мероприятия по охране окружающей среды выделяется ежегодно лишь 0,28 % общего объема капиталовложений (в США и Японии — 7 %). По мнению ряда специалистов, Китаю необходимо выделять 1,5 % национального дохода с целью стабилизации негативных явлений в использовании природных ресурсов (по подсчетам, это 9 млрд. юаней ежегодно)⁴¹. В период седьмого пятилетнего плана предусматривается затрачивать в год на нужды природы около 100 млн. юаней. Поэтому, как считает ряд специалистов, к 2000 г. качественное состояние природных ресурсов может в значительной степени замедлить темпы развития народного хозяйства и рост благосостояния народа.

Рассматривая характер использования природных ресурсов в прогнозируемый период (1986—2000), можно отметить, что специфика экологической ситуации в Китае на фоне экономической и научно-технической отсталости затрудняет предотвращение негативных последствий в результате индустриализации и внедрения системы производственной ответственности в деревне. Сложность многих проблем в Китае усугубляется демографической ситуацией и стремлением разрешить продовольственную проблему путем интенсивного использования земельных, лесных и водных ресурсов, что приводит к чрезмерной нагрузке в их эксплуатации и усилению загрязнения среды обитания человека. Увеличивающаяся плотность населения в городах и поселках также будет углублять многие существующие экологические проблемы и вызывать появление и обострение новых кризисных явлений в состоянии окружающей среды.

В 80—90-е гг. важнейшей задачей станет необходимость углубления социально-экономических преобразований в экономике, переход от традиционных методов земледелия к научно обоснованным системам, перестройка структуры земельного

фонда, усиление экологической политики государства. Китайская печать подчеркивает, что для борьбы с загрязнением окружающей среды, за рациональное использование природных ресурсов необходимо активизировать работу Государственной комиссии по охране окружающей среды, которая должна формировать и принимать комплексные решения по данным проблемам¹². В июне 1987 г. в Китае состоялся семинар по вопросам хозяйственной реформы и ее влияния на состояние окружающей среды. Участники семинара призвали принять более жесткие меры по усилению работы в области охраны окружающей среды, усилить правовые аспекты этой работы. В КНР в 80-е гг. принят ряд законов и постановлений по проблемам рационального использования природных ресурсов. Тем не менее, как заявил министр городского и сельского строительства и охраны окружающей среды на заседании Постоянного комитета ВСНП шестого созыва в июне 1987 г., положение дел в этой области остается очень серьезным¹³.

Поэтому важное значение приобретает разработка не только общенационального перспективного плана охраны окружающей среды, но и комплексных планов, учитывающих большое многообразие природно-климатических условий страны. Ученые провинции Хэйлуцзян разработали комплексную экологическую программу до 2000 г. после проведенного в ряде промышленных и сельских районов обследования. Было констатировано значительное по сравнению с прошлым ухудшение состояния воздушного бассейна вследствие промышленного выброса в атмосферу вредных для природы и человека отработанных химических соединений, что приводит к уничтожению лесов и сельскохозяйственных посевов, ухудшению состава почв.

В плане комплексных природоохранительных мероприятий, предложенных экологами к реализации до конца XX в., — газификация городов Северо-Востоchno Китая, повышение использования жидкого топлива вместо угля, увеличение площади зеленых насаждений и т. д.

В ряде сельскохозяйственных районов страны проходят экологические эксперименты, в которых при оценке эффективности сельскохозяйственного производства учитывается степень воздействия на окружающую среду минеральных удобрений, пестицидов и гербицидов, увеличение применения альтернативных источников энергии. В 1987 г. в Китае насчитывалось более 200 экспериментальных центров по рациональному использованию природных ресурсов в сельском хозяйстве¹⁴. С целью охраны богатой флоры и фауны страны предусматривается создание к 2000 г. около 400 заповедников, площадь которых составит примерно 4 % территории страны.

В ряде китайских публикаций подчеркивается тесная взаимосвязь охраны окружающей среды с решением общественных экономических проблем. Сейчас разработана всемирная стратегия защиты окружающей среды и спасения природы. Китай, население которого составляет $\frac{1}{5}$ мирового, готов внести лепту в это благородное дело и обратить серьезное внимание на проблемы экологии в условиях социальной модернизации¹⁵.

Важное значение приобретают широкие контакты китайских ученых и специалистов в специализированных органах ООН, занимающихся проблемами охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Углубляется взаимовыгодное сотрудничество СССР и КНР в области комплексного и рационального использования водных ресурсов реки Амур, бережного использования рыбных ресурсов в прибрежных водах Тихого океана. Имеются широкие возможности сотрудничества наших стран в борьбе против опустынивания, эрозии почвы, лесных пожаров, в создании лесозащитных полос, в лесоразведении. Эти меры позволят обеим странам совместно решить ряд серьезных экологических проблем, ослабить некоторые неблагоприятные последствия экономического роста.

¹ "Beijing Review", 14.IX.1987, p. 4

² См.: Китай в 2000 году. Пекин, 1984, с. 5 (на кит. яз.).

- ³ См.: «Цзинци жибао», 22.X.1985; «Китай», 1987, № 1, с. 11.
- ⁴ См.: «Цзинци жибао», 22.X.1985; «Ляован», 1985, № 47, с. 8.
- ⁵ См.: «Жэньминь жибао», 2.V.1987.
- ⁶ In: «China Daily», march 1987, № 27.
- ⁷ Ibid., march 1987, № 11.
- ⁸ Ibid., march 1987, № 27.
- ⁹ См.: «Жэньминь жибао», 27.XII.1986.
- ¹⁰ См.: там же, 27.VI.1986.
- ¹¹ In: «China Daily», 1986, № 25.
- ¹² Рассчитано по: Чжунго тунци чжайяо — 1985. Пекин, 1985, с. 104; «Жэньминь жибао», 9.XI.1985.
- ¹³ См.: «Жэньминь жибао», 21.IV.1987.
- ¹⁴ In: «China Daily», april 1987, № 11.
- ¹⁵ «Бэйцзин жибао», 19.IV.1986.
- ¹⁶ In: «China Daily», february 1984, № 2.
- ¹⁷ In: Economy. Beijing, 1984, p. 204; «Жэньминь жибао», 19.III.1983.
- ¹⁸ In: «Beijing Review», 22.I.1986, p. 15.
- ¹⁹ Ibid., 14.IX.1987, p. 5.
- ²⁰ См.: Чжунго тунци чжайяо — 1986. Пекин, 1986, с. 2.
- ²¹ Китай в 2000 году, с. 83; Чжунго нунъе няньцзянь — 1980. Пекин, 1980.
- ²² См.: Чжунго нунъе няньцзянь — 1980, с. 352; «Beijing Review», 14.IX.1987, p. 4.
- ²³ In: «Beijing Review», 7.IV.1986, p. 34.
- ²⁴ Ibid., 10.III.1986; 14.IX.1987.
- ²⁵ Ibid., 14.IX.1987, p. 5.
- ²⁶ См.: «Китай», 1985, № 3.
- ²⁷ См.: Китай в 2000 году, с. 93.
- ²⁸ См.: Чжунго тунци чжайяо — 1986, с. 2.
- ²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 1.III.1986.
- ³⁰ См.: «Цзинци жибао», 9.XI.1985.
- ³¹ In: Economy. Beijing, 1984, p. 206.
- ³² См.: «Хунци», 1983, № 11, с. 37.
- ³³ См.: Чжунго тунци чжайяо — 1986, с. 2.
- ³⁴ In: «Water International», 1983, № 3, p. 118.
- ³⁵ «Жэньминь жибао»,
- ³⁶ Там же, 19.IV.1987; 16.IV.1987; «Гуанмин жибао», 26.VII.1986.
- ³⁷ См.: «Гуанмин жибао», 27.V.1987.
- ³⁸ См.: «Нунминь жибао», 21.V.1987.
- ³⁹ In: «Going American Water Works association», 1984, № 6, p. 3.
- ⁴⁰ См.: Китай в 2000 году, с. 49—61.
- ⁴¹ Чжунго тунци чжайяо — 1985, с. 7.
- ⁴² In: «China Daily», 17.VII.1986; «Beijing Review», 14.IX.1987, p. 4.
- ⁴³ См.: «Жэньминь жибао», 14.VI.1987.
- ⁴⁴ In: «China Daily», 31.III.1987.
- ⁴⁵ Ibid., 13.IV.1987.

Литература и искусство Внутренней Монголии

М. ЗЭНЭЭ*

За последние годы в культурной жизни Автономного района Внутренней Монголии (АРВМ) произошло немало существенных изменений. Здесь мы вкратце затрагиваем сегодняшнее положение культуры и искусства в АРВМ.

Литература После образования АРВМ (1 мая 1947 г.) минуло 40 лет. Литература и искусство Внутренней Монголии за это время прошли следующие этапы: 1) в 1949—1956 гг. были заложены основы новой монгольской литературы в АРВМ; 2) 1956—1966 гг. — период поступательного развития новой литературы; 3) в 1966—1976 гг. новая монгольская литература пришла в упадок из-за «культурной революции» или «десятилетней смуты»; 4) после 1976 г. — возрождение монгольской литературы в АРВМ. Последний период, естественно, привлекает сегодня основное внимание.

В годы «культурной революции» считалось, что литература и искусство должны напрямую «служить политике, выполнять приказы сверху», они подвергались левым перегибам. В результате резко сократилось число выпускаемых в АРВМ книг, а те, что выпускались, были, как пишет современная печать, заполнены пропагандой «культы личности», «вознесением ничтожного», «укрытием правды от масс», «провозглашением высокопарных лозунгов».

Сегодня литературная работа в АРВМ характеризуется не только тенденцией к увеличению изданий на монгольском языке, но и к правдивому отражению действительности в художественных произведениях. За последние годы вышли в свет на монгольском языке — роман писателя Сурталта «Суровая зима», на китайском языке — романы «Степная пурга» Б. Самбу, «Счастливым путем» Ванчигсурена, «В долине озера Хулина» Мандаха, «Красный путь» Жалгаху, «Баллада о кавалерии» А. Одчара, «Желание» Ч. Мэргэна и Ван Фулина¹. В этих произведениях сделана попытка показать жизнь общества во всех ее противоречиях и сложностях, а также место и роль личности в обществе. Писатель Малчинху в настоящее время работает над романом «Хубилай-хан».

Роман А. Одчара «Баллада о кавалерии» был опубликован в 1981 г. Писатель (сам в прошлом военный-кавалерист) правдиво рассказал о боевом пути монгольских кавалеристов в период гражданской войны в Китае. Автор приложил немало труда, чтобы восстановить ход событий, происходивших на его глазах, и создал яркие художественные образы монгольских кавалеристов, которые мужественно и стойко сражались против гоминьдановцев.

Произведений крупных форм на современную тематику не так много, отсюда призыв критиков к созданию нового героя — трудолюбивого патриота, активного участника модернизации страны.

Большое место в литературе АРВМ занимают рассказы и небольшие повести. Определелись три направления этого жанра.

1. Рассказы, отразившие события «культурной революции». Сборник рассказов «Призраки», раскрывший и осудивший безмерные преступления «банды четырех», помогает читателю реально представить так называемую феодально-фашистскую политику, проводившуюся «левыми». Кроме рассказа И. Бадрангуя, давшего название всему сборнику, в него включены произведения, отразившие смуту и беспорядки того периода: «Лекарственная сутра» М. Асара, «Тара» М. Жалпанга, «Неиссякаемые воды Хуанхэ» Бадаваа, «Однажды» Ш. Жамбалжава и др. В этих рассказах разобла-

* М. ЗЭНЭЭ — научный сотрудник Института востоковедения АН МНР.

чается левацкая политика периода «культурной революции», из-за которой пострадали многие простые, честные люди.

«Неиссякаемые воды Хуанхэ» — рассказ о трагической судьбе молодого Хурцби-лига, который был разлучен с семьей, единственным ребенком и вынужден провести десять лет в тюрьме. Не выдержав жестоких испытаний, его жена Цэцэнтуйа бросается в воды Хуанхэ. В другой новелле Бадаваа, «Внезапно восшедший святой»³, создан образ льстеца Сундуйжава, который, не выслушав советов отца и матери, оставив жену и детей, связался с хунвэйбинами и поставил превыше всего «репутацию» и карьеру. Сундуйжав, как говорится, «рыл ближнему яму, но попал в нее сам». Преследуя родных и близких, он в конце концов остался в одиночестве.

2. Рассказы, отразившие перемены в общественной жизни после 1976 г. Сюда входят произведения Бадаваа «Цветущий месяц апрель», «У долины озера Хадота», «Янжма», М. Жалпанга «Уважаемый учитель», Ч. Отгончимэга «Девушка Хасчимэг», Улаангэрэл «Шум приближающегося дождя». Герои их — люди трудолюбивые, любящие родной край, активные участники модернизации страны.

Рассказ молодой писательницы Улаангэрэл «Шум приближающегося дождя»⁴ можно считать одним из лучших произведений, затрагивающих проблемы сегодняшнего дня. Автор интересно описала отношение простого скотовода Дэмбэрэла к подрядной системе, раскрывая это отношение через призму нравственного перерождения, глубоких душевных катастроф героя. Нелегким трудом ему удалось приобрести личный скот и вскоре разбогатеть. Он стал нанимать людей, эксплуатировать чужой труд. Насколько прежде Дэмбэрэл преодолевал (и с большим упорством) свои горести и несчастья, настолько теперь он ни о чем не задумывается, пирует, завоевывает «уважение» людей, становится заносчивым и... богомольным. В этом образе автор раскрыл немалые внутренние противоречия современной китайской деревни, становление мелкого собственника.

3. Рассказы о родной земле. В произведениях этого типа описаны бескрайние степи Внутренней Монголии, красота родной земли, многосторонние взаимоотношения человека, общества и природы, нравы, обычаи и устремления трудящихся монголов.

Рассказы Бадаваа «Кузнец Давга» и «Лучи весеннего света», Элзийбурэна «Мираж в степи», Насанбеха «Широта души», Алтангэрэла «Письмо брату», Урэлта «Мечта охотника» и «Олень с семью рогами»⁵ и др. вполне можно причислить к этой тематике. В первом из названных рассказов Бадаваа раскрыл историю борьбы народа, оберегающего как зеницу ока свою землю и природные богатства от внешних и внутренних врагов, на примере жизни нескольких поколений рода кузнеца Давги. В рассказе «Олень с семью рогами» Урэлта глубоко раскрыты преклонение человека перед красотой природы, их удивительно разнообразие и тесные связи.

В современной литературе Внутренней Монголии поэзия занимает одно из главных мест. В печати Внутренней Монголии подчеркивается, что стихи, написанные за последние несколько лет, в идейном и художественном отношении заметно превосходят стихи прежних лет⁶. После «десятилетней смуты» вышли в свет многие поэтические произведения, такие, как «Слеза и сила» Х. Жамбалсана, «Восхождение на вершины» Б. Бурэнбэха, «Сбор антилоп» Ч. Мэргэна, «Вольный белый верблюд» Б. Осора, «Сумъяа» Л. Одчара, «Радуга» А. Нуламсарана.

В поэме Л. Одчара даны образы Сумъяа, ее матери и мужа, пострадавших от «культурной революции», как и тысячи монголов. Мать хранит надежду на возвращение дочери. В слезах днем и ночью ждет она ее. А дочь оклеветана и замучена в период «культурной революции». Поэт с огромной трагедийной силой раскрыл безутешную горе мужа Сумъяа, который требует наказания палачей, погубивших его любимую⁷.

Наиболее известными представителями современной поэзии Внутренней Монголии можно считать Л. Одчара, Ч. Мэргэна, Ш. Лигдэна, Х. Дамбажалсана, Б. Осора, А. Нуламсарана и многих других. Среди стихотворений, ярко раскрывших немалые сложности жизни, есть такие, которые содержат призыв оберегать и развивать свой национальный язык. Это «Родной язык — наше сокровище», «Родной язык», «Два друга-монгола», «Что делать?». Родной язык — несравненное сокровище, утрата которого трагична для монголов. Куда ни пойдешь — на почту, в банк, на прогулку по городу, — пишут авторы, негде поговорить по-монгольски; на кого нам обижаться — на предков или на самих себя?⁸ В поэзии Внутренней Монголии появляется все больше стихов с политическим подтекстом, которые освещают многостороннюю жизнь общества.

Тематика и содержание произведений углубились и имеют тенденцию к дальнейшему развитию.

Число писателей Внутренней Монголии значительно увеличилось с 1980 г. Членов Союза писателей Китая, пишущих на монгольском языке насчитывается более 30, членов Союза писателей АРВМ более 500, большинство из них — начинающие молодые авторы. Рост числа писателей вызывает, с одной стороны, рост требований к ним, но, с другой стороны, сопровождается и появлением слабых произведений⁷.

Лишь в последнее время писатели Внутренней Монголии стали ездить за границу. В сентябре 1986 г. четыре представителя Союза писателей Китая побывали в нашей стране. В состав делегации входили главный редактор пекинского журнала «Национальная литература» («Ундэсний утга зохиол») Малчинху, главный редактор журнала «Унэрцэцэг» Ш. Лигдэн. В ходе беседы они отметили, что современная многонациональная литература КНР намного обогнала китайскую литературу 60-х гг., что подтверждает ущерб, причиненный «культурной революцией» развитию литературы и искусства.

II. Литературоведение. Ныне писатели Внутренней Монголии подразделяются на две группы. Одни пишут на монгольском языке, в их произведениях более четко раскрывается самобытный характер монгольской литературы. В произведениях писателей, пишущих на китайском языке, прослеживается недостаточное выявление традиционных черт и специфических особенностей монгольской культуры, жизни и быта монголов. Авторы таких произведений упрекают в том, что у них «нет ни запаха, ни вкуса монголов; как ни укрась словами — собака не вынюхает; как ни заверни в траву — колова не съест»¹⁰.

Среди писателей АРВМ разворачивается дискуссия о национальной специфике литературы. Одним из ведущих участников этой дискуссии является доцент Л. Бурэнсайн, который 13 лет работал в вузах Внутренней Монголии, затем 15 лет отбывал заключение по обвинению в «местном национализме». В статье «Национальная специфика в литературе» он подчеркивает, что писать о монгольском народе, не получив воспитания среди этого народа, не зная его культуры, его нравов и обычаев, не разбираясь в особенностях его быта, проявлениях его мыслей и чувств, не изучив глубоко его историю, — это все равно что «изобразить обезьяну в одежде». В статье описываются образы, которые имеют монгольские имена Баатара или Доржа, одеваются в монгольскую дели, здороваются по-монгольски «сайн байна уу?», пьют кумыс, кушают мясо, скачут на коне, поют протяжные песни, выводят на пастбища отары овец, однако отличить их от истинных монголов не составит большого труда.

Во Внутренней Монголии стали уделять большое внимание исследованию древнемонгольской литературы. Особенно активно исследуются такие литературные памятники, как «Сокровенное сказание», «Эрдэнийн тобчи», «Алтан тобчи» и «Жангар». Возникло Общество по изучению монгольской литературы, где идет работа по 10 направлениям. Проводятся исследования творчества Инжинаша, «Сокровенного сказания», «Жангара», «Гэсэриады», «Саган цэцэн», монгольских волшебных сказок, детской литературы, устного народного творчества¹¹. Ведется подготовка к созданию Всекитайского общества по изучению монгольской литературы. В этой работе принимает активное участие Институт литератур национальных меньшинств Академии общественных наук Китая. Восемь его сотрудников изучают монгольскую литературу, трое сотрудников в качестве представителей Академии общественных наук Китая побывали у нас в МНР в середине октября 1986 г. В состав делегации входили исследователь «Жангара» Рэнчиндорж, исследователь творчества Инжинаша — Жалгаа, литературовед Дэн Сяофу.

В последние годы в АРВМ появилось немало исследований по монгольской литературе: «Краткая история монгольской национальной литературы», «История монгольской литературы», «Национальная литература древней Монголии», исследования монгольского «Сокровенного сказания» Дорнотива, а также творчества Элдэнтэя, Баяра и др.¹²

За короткий срок оживились исследовательские и поисковые работы в области монгольского устного народного творчества, собраны и изданы многие материалы этого жанра.

Расширилась деятельность литературных критиков. Появились теоретические и исследовательские работы, рецензии монгольских критиков Х. Буянбата, Цаганбарса,

Дамсурэна, Шугэра, С. Уртнаста, Хархуу и др. Уровень теоретических разработок, анализа отдельных произведений и рецензий значительно повысился.

По мере развития монгольской литературы возникла необходимость в выпуске периодических изданий. Появились литературно-художественные журналы «Унуурцэцэг» («Весенний цветок»), «Хун галуу» («Гуси-лебеди»)¹³, «Жирэмийн уран зохиол» («Литература Жирэма»), «Шилийн гол» («Река Шилина»), «Сарнай» («Роза»), «Алтан Ганьдар» («Золотое дерево Ганьдар»), «Шар мурэн» («Река Хуанхэ»), исследовательско-критические журналы «Могол хэл, утга зохиол» («Монгольский язык и литература»), «Алтан тулхуур» («Золотой ключ») и др. В научных вестниках высших учебных заведений, а также в таких журналах, как «Ургэн тал» («Широкая степь»), «Убэр Монголын залуучууд» («Молодежь Внутренней Монголии»), «Хилчин» («Пограничник»), «Альманах», «Эмэгтэйчууд» («Женщины»), «Шинжлэх ухаан, амдрал» («Наука и жизнь»), «Цолмон» («Венера»), публикуются материалы, связанные с монгольской литературой и литературной критикой. Однако, к сожалению, мы не располагаем возможностью приобрести эти журналы.

III. И с к у с т в о. Большинство произведений изобразительного искусства показывает современную сельскую жизнь. Прошло время, когда отвергались работы, наполненные глубоким эстетическим смыслом, и поощрялись произведения, лишенные художественных достоинств. Появилось много картин, отражающих современное политическое и идеологическое состояние Внутренней Монголии. Это картины «Буря», «Степные братья», «Мать с ребенком приветствует председателя Мао», «Близкий человек», «Ужин», «Урожайная осень» и др. В основном они посвящены дружбе монгольского и китайского народов, органичной, как «рыба и вода». Лучшими произведениями искусства называют «Пьес Гада мэрен», «Танец доярок», «Танец с рюмками».

Во Внутренней Монголии после почти 30-летнего отсутствия образован руководящий орган в области культуры, что оказало большое влияние на дальнейшее развитие культуры и искусства. Сейчас действуют 158 художественных коллективов — опера, национальная опера, драма, комедия, цирк, ансамбль «Улаан мучир» («Красная ветвь»). Имеются 746 залов и красных уголков¹⁴. В автономном районе насчитываются более 80 библиотек и 260 клубов. В 1950 г. в АРВМ действовало 240 киноустановок, сейчас их число увеличилось до 3400, с ними работает более 10 тыс. человек. В 1958 г. была образована первая киностудия, деятельность которой все более расширяется, она стала производить собственные фильмы. В настоящее время киностудия АРВМ совместно с молодежной киностудией Пекина и Китайским объединением по производству и распространению фильмов завершает работу над фильмом «Чингисхан»¹⁵. В роли Чингисхана снимается студент Шанхайского художественного института Дэлгэр, в роли его матери — монгольская актриса Цэцэнгуа. В киносъемках занято 70 тыс. человек и 50 тыс. лошадей, что показывает, какие огромные средства и силы выделены на фильм. В конце ноября 1985 г. была осуществлена экранизация монгольской легенды «Сунжидмаа». Фильм получил серебряную медаль Китайского общества киноискусства¹⁶.

В АРВМ действуют два музея, пять выставочных залов, десять организаций по охране исторических памятников. Теперь насчитывается 80 коллективов художественной самодельности «Улаан мучир», первый из которых был образован в 1957 г. в хошуне Западный Сунит. В 1964 г. по инструкции министерства культуры Китая было организовано три коллектива «Улаан мучир». Они побывали с выступлениями в 28 провинциях, городах, автономных районах страны. Ансамбль «Улаан мучир», как пишет китайская печать, служит массам, «преодолевая песчаные моря, переходя через барханы, превращая в театральные занавес синее небо, а в сцену — необозримую степь»¹⁷.

В декабре 1985 г. 30 артистов профессионального художественного ансамбля «Улаан мучир» из столицы АРВМ Хух-Хото побывали с гастролями у нас в стране. В их состав входили популярный в Китае и за его пределами певец М. Лхасурэн, молодые певцы С. Алтай, Насан, исполнители на национальном музыкальном инструменте «морин хуур» Дарамбазар, Дорж, танцор Хас и другие талантливые артисты. Печать Внутренней Монголии назвала эти гастроли «встречей родных братьев, выросших в одной колыбели», писала, что «выступления, проходившие на родном монгольском языке, неоднократно прерывались бурными аплодисментами, так что

воздух трепетал от братских чувств»¹⁸. Монголам Внутренней Монголии, 26 лет не бывавшим в МНР, было о чем вспомнить и рассказать. В своих песнях они воспевали братские чувства и выражали истинное стремление к вечной дружбе.

Главной кузницей, готовящей талантливых артистов Внутренней Монголии, является музыкально-хореографическое училище в городе Хух-Хото. В училище имеются классы пения, музыки, танца и др. Со времени его основания в 1957 г. было подготовлено более тысячи работников искусства. Директором училища является известная певица Буяндэлгэр, удостоенная золотой медали V Всемирного фестиваля молодежи и студентов (1955). Она более 20 лет пробыла в «колонии трудового перевоспитания» и только в 1978 г. реабилитирована.

Все свидетельствует о том, что в последние годы монгольские литература и искусство в АРВМ получают значительное развитие. Образована и успешно действует Ассоциация литературы и искусства АРВМ, она насчитывает в своих рядах 1600 членов и состоит из 7 обществ: писателей, артистов, работников кино и др. Сложились предпосылки для дальнейшего развития литературы и искусства в АРВМ. Эта тенденция исходит из следующих причин:

1) в целях подъема международного авторитета КНР, социально-экономического развития страны, а также ввиду особенностей внутренней и внешней политики Китая неизбежно возникает необходимость развития экономики и культуры «национальных меньшинств», в том числе монголов;

2) развитие культуры и искусства некитайских национальностей призвано ослабить «антикитайские настроения» и недовольство народов национальных меньшинств, возникшие в годы «культурной революции»;

3) были реабилитированы многие патриотически настроенные интеллигенты, пострадавшие из-за различного рода политических кампаний предыдущих лет, эти деятели культуры в той или иной мере оказали влияние на сегодняшнюю молодежь Внутренней Монголии, дали толчок развитию литературы и искусства с национальной спецификой;

4) в настоящее время довольно широко поставлен вопрос о развитии литературы и искусства некитайских народностей.

Монголы спешат воспользоваться этим, чтобы в короткий срок оживить и ускорить развитие литературы и искусства как существенного элемента национальной специфики.

¹ См.: «Монгольский язык и литература» (Хух-Хото), 1982, № 2, с. 65 (на монг. яз.).

² См.: Новое в литературе. Хух-Хото, 1983, с. 18 (на монг. яз.).

³ См.: Ба да в а а. Внезапно восшедший святой. Уланхад, 1981 (на монг. яз.).

⁴ См.: «Унуурцэцэг» (Хух-Хото), 1985, № 12.

⁵ См.: «Ежедневная газета Внутренней Монголии», 27.I.1985 (на монг. яз.).

⁶ См.: Х. Буя н б а т. Новое развитие литературы. Хух-Хото, 1983, с. 28 (на монг. яз.).

⁷ См.: Л. О д ч а р. Увс дэлхий хоёр. Бээжин (Пекин), 1984.

⁸ См.: Счастливая встреча. Пекин, 1982, с. 159—160 (на монг. яз.).

⁹ См.: «Унуурцэцэг», 1985, № 12, с. 77.

¹⁰ Новое в литературе, с. 28.

¹¹ См.: «Монгольский язык и литература», 1981, № 4, с. 5 (на монг. яз.).

¹² История монгольской литературы. Хух-Хото, 1984; Национальная литература древней Монголии. Хух-Хото, 1978 (на монг. яз.).

¹³ См.: «Монгольский язык и литература», 1982, № 2, с. 64.

¹⁴ См.: Современное положение в АРВМ. Хух-Хото, 1984, с. 334 (на монг. яз.).

¹⁵ См.: «Унуурцэцэг», 1985, № 12.

¹⁶ См.: «Ежедневная газета Внутренней Монголии», 21.XII.1985.

¹⁷ Современное положение в АРВМ, с. 337.

¹⁸ «Хун галуу» (Хух-Хото), 1986, № 4.

Новый канал советско-японского диалога

*К. О. САРКИСОВ,
кандидат исторических наук*

25—26 ноября 1987 г. в Токио по инициативе Академии наук СССР, японской газеты «Ёмиури» и Японской ассоциации по культурным связям с зарубежными странами (президент С. Мацумаэ) состоялась первая консультативная встреча представителей общественности и научных кругов двух стран. В состав советской делегации вошли заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР А. Ф. Рюйтель, вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев, бывшие послы СССР в Японии В. М. Виноградов, ныне министр иностранных дел РСФСР, и В. Я. Павлов, сейчас председатель Госкоминтуриста СССР, директор Института востоковедения АН СССР М. С. Капица, директор Института Дальнего Востока АН СССР М. Л. Титаренко, политический обозреватель газеты «Правда» В. В. Овчинников, заместитель директора Центрального экономико-математического института Н. Я. Петраков.

Встреча не была ординарной, хотя с Японией в течение многих лет Академия наук СССР имеет контакты, включая симпозиумы по вопросам мира и безопасности. На этот раз была предпринята попытка создать механизм для неформального диалога, в котором остро нуждаются наши страны. Конечная цель такого диалога: через откровенное обсуждение всех насущных проблем и углубление взаимопонимания выйти на осмысление концепции нового политического мышления применительно к советско-японским отношениям.

В принципе сама встреча напоминала форумы, которые Япония имеет, в частности, с Соединенными Штатами (японо-американский «комитет мудрецов»), с КНР (японо-китайский комитет дружбы XXI в.) и со странами АСЕАН (японо-асеановский комитет дружбы). В названии советско-японской встречи отсутствовало слово «дружба», и это вряд ли случайно. Нынешний уровень отношений между двумя странами с трудом можно охарактеризовать как дружественный.

Можно сразу сказать, что конечной цели достичь не удалось. Но ведь это была первая встреча, и ее ценность в том, что налажен новый канал двустороннего диалога, обозначены основные проблемы, начался интенсивный обмен мнениями по ним. Теперь главное — не потерять темпа, не «заикнуться» на противоречиях, упорно и настойчиво вести дело к интенсификации диалога.

Идея необходимости конструктивного диалога на базе нового политического мышления была подчеркнута в выступлениях советских участников. В частности, была выражена надежда, что начинающиеся встречи в Токио консультативные встречи общественности двух стран сблизят позиции по обсуждаемым вопросам и будут способствовать росту народной дипломатии, формированию нового политического мышления в применении к двусторонним отношениям. Можно предположить, говорил академик П. Н. Федосеев, что наши дискуссии могут и скорее всего будут острыми. Но это не беда. Главное, чтобы они не превращались во взаимные обвинения и упреки, важно, чтобы они несли в себе позитивный заряд и были обращены в будущее.

Накануне встречи к власти в Японии пришло правительство Н. Такэситы. Каковы будут основные стратегические акценты нового японского руководства? Об этом еще трудно судить, но эта тема широко освещалась японской прессой накануне и в дни пребывания советской делегации в Японии. Речь шла о совершенствовании и укреплении союзнических отношений с Соединенными Штатами в надежде решить острые эко-

номические противоречия, об активизации политики в отношении развивающихся стран с упором на страны Азии, обсуждались политические проблемы, связанные с ростом курса иены, огромным потоком японских капиталов за рубеж, переносом производства за границу. Советскую делегацию интересовало, естественно, в первую очередь отношение к проблеме вывода из тупика советско-японских отношений, возможности «нового дыхания» в них.

Впрочем, все по порядку. Первая тема, которая была подвергнута анализу, — международные отношения и их оценка сторонами. Советские участники подчеркивали переломный характер переживаемого человечеством исторического момента. Обстановка в мире сохраняет сложный и противоречивый характер. В центре внимания — проблемы предотвращения ядерной войны, ядерного разоружения, выработка новых принципов международных отношений, создания механизма политического доверия, взаимопонимания и взаимодействия.

Японские коллеги были ознакомлены с концепцией создания всеобъемлющей системы международной безопасности, с военной доктриной государств — участников Варшавского Договора, имеющей оборонительный характер.

Центральной частью глобальных международных отношений являются советско-американские отношения. И хотя советские ученые против того, чтобы все в международных отношениях сводить к отношениям между СССР и США, тем не менее следует признать их стержневое значение в плане решения главных проблем безопасности и мира.

Токийская встреча проходила до подписания советско-американского договора по ракетам средней и меньшей дальности. Однако позитивное влияние даже возможности его подписания сказывалось на ходе консультативной встречи.

Анализируя и давая оценки самому процессу разоружения, начавшемуся благодаря общему изменению взглядов и внедрению нового политического мышления, советские участники подчеркивали, что при всей сложности и противоречивости советско-американского диалога в нем можно увидеть в целом восходящие тенденции. Диалог идет трудно и даже порой при обострении отношений, однако он в динамике, в развитии, обе стороны сознают необходимость перевода двусторонних отношений в плоскость практических и крупных решений.

С японской стороны в анализе глобальной ситуации можно было бы отметить следующие моменты. Во-первых, почти единодушно признано важности предстоящих вашингтонских соглашений по РСД и РМД. Бывший министр иностранных дел Японии Т. Куранари, буквально за две недели до нашей встречи ушедший со своего поста, но выступавший, судя по всему, все в том же сугубо официальном русле, назвал это соглашение «историческим». В целом его подход отражает японскую официальную позицию и не вызывает особых возражений. Он сводится к тому, что договор по РСД и РМД — только первый шаг на пути к более радикальным ядерным соглашениям, вселяющий надежды на прогресс в области сокращения ядерного и химического оружия, а также обычных вооружений, на прогресс в решении региональных конфликтов. Все это прекрасно, но проблема в том, какова же роль Японии в этом процессе? Позиция Японии, как это можно было понять из хода дискуссий, остается достаточно пассивной. Более того, решения и практические шаги японского правительства, направленные на повышение расходов на военные цели, участие в программах СОИ, пусть даже осуществляемых в рамках концепции об «усилении роли в качестве одного из членов западного лагеря», объективно усложняют ситуацию.

Позиция «стороннего наблюдателя» прослеживалась в докладе «Американо-советские отношения и дипломатия Горбачева» профессора Ё. Моримото. Он склонен весь начавшийся диалог США и Советского Союза объяснять с позиций внутренних процессов, которые происходили в двух странах, главным образом экономического характера. Эта увлеченность темой «трудных времен», которые переживали обе страны в своем внутреннем развитии и которые подтолкнули их к новому циклу разрядки, не нова. Она уже активно разрабатывалась в западной политологии. В интерпретации японских политологов этот момент сильно акцентирован. Они считают, что не опасения за судьбы мира, не осознание того, что мир подошел к краю катастрофы, а лишь внутренние причины привели две страны к решению о начале ядерного разоружения. Вряд ли можно отрицать наличие факторов внутреннего порядка. Однако све-

дение всей проблемы только к ним — явное упрощение и даже вульгаризация истинного смысла происходящих перемен в мире.

В докладе Е. Моримото прямо прозвучала мысль о том, что «передышка» якобы больше всего нужна Советскому Союзу. Кстати, этот момент в значительной степени формирует представление японских политологов о причинах активной борьбы Советского Союза за реальные шаги по разоружению.

Тем не менее можно сказать, что советские инициативы, динамизм советской внешней политики, разрабатываемое в первую очередь в Советском Союзе новое политическое мышление, стремление установить такие международные отношения, которые были бы адекватны нынешнему этапу развития человечества, развитию научно-технического прогресса, вызывают большой интерес у японских ученых-международников. Как бы ни ставили они под вопрос реальность или осуществимость провозглашаемых Советским Союзом мер по разоружению и оздоровлению общей атмосферы, они не отрицают главного — именно в результате советских инициатив, новых концептуальных постановок проблем мира и разоружения появилась возможность выхода из порочного круга гонки вооружений и роста международной напряженности.

Выступая от имени Научного совета Академии наук СССР по проблемам мира и безопасности, академик П. Н. Федосеев изложил следующие конкретные цели и принципы международных отношений в рамках нового политического мышления:

— признание глобальной зависимости и взаимообусловленности жизни государств в современных условиях и имманентной необходимости мирного сосуществования государств с разным общественным строем;

— международное признание различных социально-экономических систем и форм политического устройства и осознание того, что стремление руководства той или иной страны судить об общественном устройстве других стран по образцу своей страны, а тем более навязывать им свою систему неминуемо ведет к международным конфликтам;

— невмешательство во внутренние дела других государств, уважение национального суверенитета и права народов самостоятельно решать вопросы внутреннего устройства;

— неприменение силы и военной угрозы в международных отношениях, исходя из того, что политика «с позиции силы» и соответствующая ей практика всегда таили опасность для международного порядка, а ныне, в век ядерного оружия и других средств массового истребления, представляют прямую угрозу делу мира и существованию самого человечества;

— обязательство всех ядерных держав не применять первыми ядерного оружия, то есть не начинать ядерную войну;

— сокращение и полное уничтожение ядерного оружия и других средств массового истребления, в качестве практического шага к этой цели добиться полного запрещения испытаний ядерного оружия;

— снижение уровня обычных вооружений до пределов разумной достаточности, достижение в конечном счете всеобщего и полного разоружения;

— признание принципов международного права, соблюдение международных договоров и соглашений, общепризнанных принципов всемирных организаций, содействии Организации Объединенных Наций в осуществлении ее функций, предусмотренных Уставом;

— ликвидация всех иностранных военных баз, особенно с ядерным оружием и установками для такого оружия;

— отвод от границ ядерного и другого наступательного оружия с последующим созданием «разреженных зон вооружений» и демилитаризованных зон, создание в приграничных районах по взаимному соглашению благоприятных условий для добрососедского сотрудничества;

— поддержание нормальных дипломатических отношений, решение всех спорных вопросов между государствами путем переговоров, соглашений и договоров на принципах равенства и одинаковой безопасности;

— обеспечение прав человека и осуществление гуманитарных принципов в общественной жизни;

— укрепление и развитие мер доверия, расширение гласности в международных отношениях;

— беспрепятственное осуществление торгово-экономических, научно-технических и культурных связей, исходя из того, что дискриминация в этих областях несовместима с принципами международного права и интересами прогрессивного развития человечества;

— осуждение ядерной войны — ограниченной или всеобщей — как самого тяжкого преступления против человечества, запрещение пропаганды войны и наказание виновников такой пропаганды;

— обязательство не переносить борьбу идей на межгосударственные отношения, не превращать идеологическую борьбу в «психологическую войну», а пропаганду вражды и ненависти в отношении других государств и народов рассматривать как элемент военных приготовлений.

Разумеется, эти принципы — программа-максимум. Очевидно, что вряд ли возможно осуществить их одним махом. Путь к реализации этих принципов достаточно длительный и сложный. Однако если эти принципы признать как цель, к которой следует стремиться, то и это уже будет чрезвычайно важным делом.

Мир и безопасность в азиатско-тихоокеанском регионе

Вопросы мира и безопасности в АТР, как и следовало ожидать, оказались в центре внимания. Раскрывая эту тему, советские участники подчеркивали, что в Азии уже накоплен большой и разнообразный арсенал инициатив, которые могли бы стать основой конструктивного диалога общечеловечности двух стран. При этом особо было заявлено, что советская сторона готова обсуждать не только выдвинутые советским руководством инициативы, но и любые другие, выслушивать доводы за и против, вести по ним дискуссии. Советский Союз исходит из того, что азиатская безопасность должна и может быть только плодом коллективных усилий, политической воли и разума всех азиатских народов, никто не может претендовать на абсолютную истину или на монополию политической мудрости.

Советский Союз — европейская и азиатско-тихоокеанская держава. 2/3 территории Советского Союза находится в Азии. Длина береговой линии СССР на Дальнем Востоке составляет почти 19 тыс. км. Дело, однако, не только в географии. С азиатской частью страны Советский Союз связывает свои планы дальнейшего экономического развития. Советское правительство разработало программу, в которой предусматриваются более высокие, чем в целом по стране, темпы роста жилищного и культурно-бытового строительства, промышленного производства, наращивания экспортных возможностей Дальнего Востока и Забайкалья. В ней намечены меры по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды. Предполагается создать на Дальнем Востоке высокоэффективный народнохозяйственный комплекс, который станет составной частью системы общесоюзного и международного разделения труда.

Есть и политические мотивы. На Дальнем Востоке соприкасаются государства, добрососедские отношения с которыми имеют жизненно важное для Советского Союза значение. Это Китай, Япония и Соединенные Штаты. Здесь же и район, отличающийся высоким потенциальным уровнем нестабильности и взрывоопасности, — Корейский полуостров.

Возникает вопрос, что же должно быть сделано, чтобы сохранить мир и спокойствие в этой части мира, чтобы все государства чувствовали себя в безопасности. Советский Союз предлагает свой ответ. Он вытекает из отстаиваемого Советским Союзом нового политического мышления, суть которого состоит в том, что человечество должно отказаться от всяких войн как средства политики и научиться решать международные проблемы мирным путем. Мир, свободный от ядерного оружия и насилия, — таков наш идеал.

Советский Союз хорошо знаком с ситуацией в Азии и понимает, что здесь не может быть механического переноса европейской модели на азиатскую почву. Речь идет не о схеме, а о методе или методологии решения проблем мира и безопасности. В этом смысле некоторые европейские договоренности имеют универсальный характер.

В АТР столько сложных проблем, что потребуется намного больше времени, чем потребовалось Европе, чтобы создать атмосферу, которая позволила бы провести азиатско-тихоокеанское совещание типа хельсинкского и выработать кодекс отношений государств этой части планеты. Советское руководство предлагает не ждать «лучших времен», а засучив рукава всем государствам совместно приступить к сооружению здания мира, безопасности и сотрудничества в АТР. Советскую сторону нередко упрекают в том, что наши идеи азиатской безопасности носят общий, или общеполитический, характер и лишены необходимой конкретики. Это неверно. Мы предложили целый ряд конкретных мер. Но дело даже в другом. Конкретным содержанием эту концепцию должны наполнять сами участники будущей структуры, а для этого необходимо как минимум начать общеазиатский процесс. По нашему мнению, к этой цели можно было бы двигаться тремя генеральными направлениями.

1. Придание большего динамизма двусторонним и региональным отношениям, расширение связей и отношений, урегулирование спорных проблем, рост доверия и взаимной доброжелательности.

2. Урегулирование конфликтов путем переговоров на основе национального примирения, при уважении права каждого народа жить по собственному выбору, независимо решать свои проблемы в условиях мира.

3. Прекращение военной конфронтации, сокращение и ликвидация ядерного оружия, ограничение действий военных флотов и боевой авиации, осуществление мер доверия, сокращение армий до уровня разумной достаточности.

Продвижение по этим направлениям в конечном счете позволит провести азиатско-тихоокеанский форум с целью превратить Азию и бассейн Тихого океана в гигантскую зону мира, безопасности, сотрудничества и процветания.

Нашим оппонентом по вопросам мира и безопасности в Азии была заведующая отделом научно-исследовательского института Управления национальной обороны Японии К. Мияути. Ее анализ ситуации в АТР представляет несомненный интерес. Главный тезис К. Мияути заключается в том, что в отличие от европейской ситуации, где ухудшение или рост напряженности следует скорее отнести к психологическим моментам, в Азии структура международных отношений в 80-е гг. претерпела качественные изменения. Характерно, что первым в ряду самых важных сдвигов японский ученый называет изменения в характере советско-китайских отношений. Можно полагать, что выделение советско-китайского фактора на первое место не случайно с точки зрения геостратегического мышления японцев. В существе отношений между СССР и КНР они видят важнейший стержень всей системы международных отношений в АТР, и поэтому любые сдвиги в этих отношениях рассматривают как отход от сложившейся ситуации. Давая сугубо геополитическую оценку происходящей трансформации в советско-китайских отношениях, они склонны считать, что нормализация советско-китайских отношений или повышение их уровня представляет «негативный» момент с точки зрения безопасности Запада. В этом-то суть и, пожалуй, порочность такого политизированного подхода к структуре международных отношений, и к советско-китайским отношениям в частности. Таково проявление комплекса старого политического мышления, против которого сейчас выступает советская политологическая мысль. Очевидно, что в новых условиях «теория с нулевой суммой» себя не оправдывает, неверно считать, что улучшение отношений с одной страной обязательно должно идти за счет ущемления интересов, в том числе интересов безопасности другой стороны.

Затем Мияути затронула индокитайский фактор. Победа революции в Индокитае и развитие отношений СССР со странами региона рассматривались под углом зрения усиления «военного присутствия» СССР в АТР. И, наконец, третьим фактором она назвала собственно усиление «военного присутствия» СССР в регионе.

Нужно отдать должное докладчику, пытавшемуся проанализировать и другую сторону вопроса, а именно: усиление военных приготовлений США в регионе. Автор, однако, склонен объяснить резкое усиление военного присутствия США в регионе действиями Советского Союза, в частности афганскими событиями. Возможно, что афганские события облегчили принятие в США необходимых законодательных мер для наращивания военного присутствия в регионе, удаленном от Среднего Востока. Но

главная причина роста американского военного присутствия в АТР обусловлена стремлением Вашингтона подорвать сложившийся баланс сил.

Характерно, что, упоминая о размещении крылатых ракет на кораблях американских ВМС, ракет «Лэнс-2» в Южной Корее и истребителей-бомбардировщиков F-16 в Японии, автор доказывал, что американские военные базы в Японии и размещенное на них американское оружие не представляют собой ядерных средств передового базирования. Но, даже оставив в стороне вопрос о том, есть ли в Японии ядерное оружие, нельзя не указать, что в самих США в военно-политических документах, в частности докладах министра обороны конгрессу, Япония наряду с Южной Кореей рассматривается как важнейший пункт размещения американских средств передового базирования. Это истина, которая вряд ли может быть оспорена.

В японском анализе азиатской политики СССР, выделяется экономический аспект, а именно стремление «увязать экономические сотрудничество со странами региона с задачей перестройки советской экономики, особенно с развитием Сибири и Дальнего Востока», и в этой связи отмечается стремление Советского Союза снизить уровень военного противостояния между двумя лагерями. Главный вывод, к которому пришла К Мияути, заключается в том, что активный поиск советской стороной политического решения всех спорных проблем приведет к серьезному изменению политической обстановки в Азии.

Какова же позиция Японии в оценке того вклада, который страна могла бы внести в общеазиатский процесс? Вот здесь и начинаются загадки. Трудно, если вообще возможно, хоть как-то обрисовать контуры японской позиции. В общих чертах она сводится к тому, что Япония готова поддерживать инициативы, направленные на обеспечение прочного мира и безопасности. Как декларация прозвучали в этой связи слова главы японской делегации, бывшего министра иностранных дел Т. Куранари: «Исходя из того, что процветание Японии невозможно без мира и процветания во всем мире, мы как великая экономическая держава готовы заплатить за это любую необходимую плату, мы готовы предпринимать для этого все необходимые усилия как внутри нашей страны, так и за ее пределами». Нельзя не видеть, что под своим вкладом в общеазиатский процесс японская сторона имеет в виду главным образом вклад в американскую стратегию. Конструктивных предложений, направленных на оздоровление международной обстановки, нет. Более выпуклым стал «экономический», или «коммерческий», подход: великие политические державы занимаются своей конфронтацией, «великая экономическая держава» Япония будет платить за «мир и процветание».

Что же касается владивостокских предложений Советского Союза, то бывший глава внешнеполитического ведомства Японии Т. Куранари повторил то, что говорил во времена, когда он выступал как официальное лицо: Япония не пойдет на участие в общеазиатском процессе, пока не будет решена «территориальная проблема». Это прозвучало чуть ли не как предложение о сделке: если Советский Союз уступит Японии в этом вопросе, то Япония пойдет на проведение общеазиатского форума. Но более поразительно то, что, несмотря на неоднократные разъяснения, японская интерпретация советских инициатив по общеазиатскому процессу в устах Т. Куранари оставалась неизменной: советские инициативы — это стремление советской стороны перенести на азиатскую почву принципы хельсинкских договоренностей, то есть фиксацию существующих границ, и т. п. Японская сторона избегала упоминаний о том, что Советский Союз в своих предложениях о начале общеазиатского процесса исходит из того, что в Азии принципиально иная картина, чем в Европе, что невозможно механически перенести европейскую схему на азиатскую и в европейском примере важен опыт, какие-то конструктивные элементы и просто сам пример. Вероятно, из политических соображений японским участникам встречи было выгодно не замечать гибкости в советском подходе к общеазиатскому процессу, попросту его игнорировать. Тем не менее мы явственно почувствовали, каким острым оружием является новое политическое мышление.

Советско-японские отношения

Как представляется, именно в этой области советская сторона стремилась показать, как новое политическое мышление может сказаться на двусторонних отноше-

ниях. Возможно, что это удалось сделать не вполне. Однако целый ряд моментов был принципиально новым.

В основном докладе академика П. Н. Федосеева говорилось о том, что Советский Союз в своей политике в отношении Японии исходит из того, что наши народы являются соседями. Поэтому нам необходимо не только сосуществовать, но и сотрудничать во имя стабильного и мирного развития АТР. Важнейшим принципом двусторонних отношений должен быть учет не конъюнктурных, а долгосрочных интересов наших народов. Необходимо научиться избегать драматизации разногласий, которые возникают между нашими странами, стараться урегулировать их с наименьшим ущербом для позитивного развития двусторонних отношений. Мы знаем, говорил академик П. Н. Федосеев, что в советско-японских отношениях имеются болевые точки, создающие определенные препятствия на пути улучшения сотрудничества между нашими странами. Мы готовы вести дискуссии по всему комплексу советско-японских отношений и совместно искать возможности для их разрешения на основе учета взаимных интересов, проявляя политическую волю и стремление к взаимоприемлемой развязке сложных узлов противоречий.

Говорилось о том, что советско-японские отношения находятся не в лучшей форме. При этом подчеркивалось, что вряд ли имеет смысл спорить, кто в этом повинен. Не исключено, что обе стороны, но суть проблемы в том, что Советский Союз стремился и стремится развивать свои отношения с Японией по всем направлениям. Японская сторона, особенно в последнее время, не демонстрировала адекватной политической воли к развитию двусторонних отношений. Но вчерашний подход уже не годится. Мир меняется, должно меняться и наше мышление, критерии оценок, да и сама система ценностей. Мы должны упорно искать и находить, пусть по крупицам, то, что нас сближает. Разумеется, нет готовых рецептов сотрудничества относительно того, как разморозить наши отношения. Это непростой вопрос. За годы стагнации двусторонних отношений накопилось много проблем, фундаментальных и наносных, реальных и эмоциональных, довольно сильно истощился потенциал взаимного доверия, нанесен ущерб психологической атмосфере. Однако следует исходить из той непреложной истины, что сама география наших стран и здравый смысл диктуют необходимость творческих поисков форм сотрудничества, сближения позиций, достижения компромиссов на разумной и взаимоприемлемой основе. Прежде всего один методологический вопрос. Как представляется, действовать следует комплексно, по всем, а не одному направлению. Итак, каким можно себе представить «пакет» мер?

Прежде всего необходимо интенсифицировать диалог по широкому кругу политических проблем, имея в виду заключение в конечном счете мирного договора. Видимо, это не столь быстрый процесс, и на пути к мирному договору могут быть какие-то промежуточные вехи, которые можно было бы юридически закрепить.

В качестве такого промежуточного этапа можно было бы подумать о реализации мер доверия, включая вопросы об отводе от границ ядерного и другого наступательного оружия. В свое время японская сторона отрицательно отнеслась к советскому предложению о заключении договора, который предусматривал бы для Японии строгое соблюдение «трех неядерных принципов», а для СССР — неприменение против Японии ядерного оружия. А зря. Если японскую сторону волнуют в этой связи ее отношения с Соединенными Штатами, то мы готовы, чтобы в обсуждении этой проблемы приняли участие и американцы. Вообще мы готовы не только к двусторонним, но и к многосторонним переговорам по вопросам мер доверия, включая США, Китай, страны АСЕАН и Индокитая.

В рамках политического диалога можно расширить обмен информацией по международным вопросам, включая оценки положения в АТР; создать механизм политических консультаций, подобный тому, который СССР имеет с рядом западных стран; подготовив подходящую обстановку, осуществить обмен визитами на высшем уровне.

Далее, важно устранить помехи в торгово-экономических связях, активно и заинтересованно искать новые формы экономического сотрудничества, отказываясь от практики дискриминации по политическим мотивам, провести специальные консультации по этому вопросу; разработать новую концепцию двусторонних торгово-экономических связей с целью их динамизации и в расчете на длительную перспективу, поощрять и организовывать усилия ученых, направленных на разработку такой концепции и возможной долгосрочной комплексной программы экономического сот-

рудничества; всячески поощрять и организовывать неформальные общественные механизмы диалога.

В новых условиях было бы целесообразно подумать о новых подходах к проблеме мер доверия. Важную роль мог бы сыграть принцип «разумной военной достаточности», выдвигаемой Советским Союзом. Это понятие предполагает такую структуру вооруженных сил государства, которая достаточна для отражения возможной агрессии, но недостаточна для ведения наступательных действий.

Важное значение в деле улучшения советско-японских отношений должно сыграть экономическое сотрудничество. Очевидно, что без прочного фундамента в виде взаимовыгодного и разветвленного торгово-экономического сотрудничества двусторонние отношения будут всегда подвержены конъюнктурным колебаниям. Определенная стагнация экономических связей между нашими странами в первой половине 80-х гг. была вызвана объективными факторами, в том числе структурной перестройкой японской экономики и быстрым устареванием структуры двусторонних торгово-экономических отношений. Советскими участниками подчеркивалось, что были причины и другого порядка. И здесь следует с большей долей самокритичности сказать о наших просчетах, медленном изменении структуры экспорта в Японию. Происходящие в СССР изменения, важные перемены во внешнеэкономической деятельности, выход на международные рынки непосредственных производителей, поиски новых форм экономического сотрудничества, в частности смешанного предпринимательства, создают предпосылки для коренных изменений в характере и структуре двусторонних торгово-экономических отношений. Но процесс этот непростой и требует перестройки мышления хозяйственных руководителей. По-видимому, его ускорению могли бы способствовать инициативы представителей японских деловых и научных кругов.

С особой силой советские участники встречи отмечали негативное влияние, которое оказывает на двусторонние экономические отношения искусственное ограничение торговли по политическим мотивам, в частности широкое использование в этих целях ограничений КОКОМ. Сугубо негативный фактор — выдвигание официальными кругами принципа увязки экономики и политики, или, другими словами, попытки обусловить подвижки в торгово-экономической сфере уступками советской стороны в политической сфере.

Решающее значение приобретает и морально-психологический фактор, фактор формирования соответствующего морально-психологического климата в обеих странах. Именно в наше время, в эпоху необычайного развития средств массовой информации, необходимо освобождаться от стереотипов прошлого, от «образа врага», предвзятости и искажения правды. Сегодня можно сказать, что общая атмосфера в отношениях двух стран серьезно страдает от таких недугов, как недоверие, элементарное непонимание, искаженное представление о ценностных ориентациях друг друга. При этом, естественно, не следует всю вину возлагать на какую-то одну из сторон. Можно, в частности, признать, что и советские средства массовой информации не всегда создают адекватное представление о тех сложных процессах, которые происходят в японской экономике и политике.

Но очевидно одно: советская общественность проявляет большой и доброжелательный интерес к различным сторонам жизни японского народа, причем, и это очень важно, отнюдь не только к технологическим достижениям японского народа, но и к его культуре, истории, особенностям социальной психологии, религии и традиционной этике, их влиянию на быт и общественное сознание современных японцев. В СССР издается большое количество научной литературы, переводится большими тиражами как классическая, так и современная японская литература. По-прежнему среди советского народа преобладает убеждение о миролюбии японского народа, пережившего трагедию Хиросимы и Нагасаки.

В Японии также есть интерес к Советскому Союзу, к тем переменам, которые происходят в советском обществе. Издавна в японском народе существует и проявляется комплекс уважения к русской культуре, литературе и искусству, достижениям народов в советское время. Но нельзя не заметить и другого — явной враждебности к СССР со стороны влиятельных сил, стремления отравить атмосферу в двусторонних отношениях. Советские люди озабочены активизацией антисоветских элементов, причем эта активность не только не сдерживается, но и поощряется влия-

тельными силами. Шумные антисоветские кампании с эмоциональной окраской серьезно ранят чувства советских людей и заставляют их по-иному смотреть на своего соседа. В конце концов следует иметь в виду, что создание нормальной доброжелательной атмосферы отвечает интересам обоих народов. Исходить из того, что в этом в большей степени заинтересован советский народ,— значит глубоко заблуждаться и проявлять непростительную близорукость.

Следует шаг за шагом накапливать потенциал взаимного доверия усилиями обеих сторон. Нужно активнее искать новые формы связей, контактов между советской и японской общественностью. Более углубленно следует заниматься формированием общественного мнения в отношении друг друга, с тем чтобы не просто анализировать этот процесс, а влиять на него. В этих целях советская сторона предложила провести совместное исследование общественного мнения в СССР и Японии об отношении советских и японских людей, особенно молодежи, к вопросам двусторонних отношений, к глобальным проблемам современности. Интересное мероприятие намерены осуществить советские и японские историки. На своем очередном симпозиуме они обсудят вопрос, как освещаются в учебниках, издающихся в СССР и Японии, история наших стран, наиболее важные вехи во взаимоотношениях между ними.

Назрело время поставить вопрос о всемерном расширении человеческого обмена, контактов на уровне простых людей. Необходимо подумать о существенном увеличении обмена студентами. Известно, что Япония осуществляет огромную по масштабам программу обмена студентами не только с капиталистическими странами, но и с социалистическим Китаем.

В общем, в отношениях между нашими странами есть большие резервы для их развития.

В заключение следует сказать, что встреча была отлично организована газетой «Ёмиури». Состоялись беседы членов делегации с генеральным секретарем правящей Либерально-демократической партии С. Абэ, с председателем палаты представителей японского парламента К. Хара, с министром иностранных дел Японии С. Уно. В самой встрече и дискуссиях приняли участие видные японские ученые, в частности профессор Токийского университета С. Сато, директор научно-исследовательского института «Торэй» Т. Моримото, ведущие сотрудники газеты «Ёмиури», депутаты палаты советников японского парламента Х. Оки и Т. Мацумаэ, заведующий международным отделом ЛДП Т. Ямагути, бывший посол Японии в СССР, бывший директор Японского института международных проблем при МИД Японии Т. Накагава.

Изложенные выше моменты, естественно, не исчерпывают всего спектра мнений, высказанных во время встречи. Запомнилось, например, выступление Т. Моримото, который весьма убедительно показал, какие потенциальные возможности заложены в японо-советском экономическом сотрудничестве, в частности в совместном предпринимательстве, если подойти к нему профессионально и заинтересованно. Т. Моримото принадлежит довольно интересная идея о возможности сочетания сильных сторон экономик двух стран: фундаментальной науки в СССР и технологических и инженерных достижений Японии. Критически оценивая опыт прошлого, Т. Моримото не останавливался на этом, он пытался сформулировать конструктивную идею, которая помогла бы сдвинуть наши экономические отношения с мертвой точки.

Новая встреча назначена на осень 1988 г. Она состоится в Москве.

ХУАНЬ СЯН

В еженедельнике «Ляован» (№ 2, 1988) опубликована статья «Китайско-американские отношения за год» директора Центра исследований международных проблем при Госсовете КНР Хуань Сяна. В ней освещены нынешние отношения между КНР и США, дана оценка перспективы их развития на ближайшее десятилетие. Автор высказывает и некоторые свои соображения в этой области, рассматривает тенденции развития международной обстановки в целом. Ниже с некоторыми сокращениями приводится текст статьи Хуань Сяна.

В последние несколько лет китайско-американские отношения переживали сравнительно стабильный период, некоторое развитие получил обмен между двумя странами в политической, экономической, культурной, научно-технической и военной областях. Хотя, если говорить о резервах и возможностях наших стран, следует отметить, что это развитие отнюдь не достигло должного уровня и что достичь его — дело непростое.

В течение последнего года один за другим возникали вызывающие споры инциденты, в результате которых на пути продолжения последовательного развития китайско-американских отношений появились некоторые факторы нестабильности. Китай в этих спорах проявлял хладнокровие и сдержанность, не прибегал к публичной полемике для их урегулирования. Это не потому, что мы боимся или что-то выпрашиваем у США, а потому, что мы дорожим существующими отношениями, а также не хотим, чтобы ухудшилась обстановка для развития и мира в азиатско-тихоокеанском регионе.

1987 г. стал тернистым периодом в китайско-американских отношениях. В этот период возникли следующие шесть спорных вопросов:

1. Тайваньский вопрос — главный. Он существует уже много лет, и останавливаться на нем подробно нет необходимости. Если его не решить, то он всегда будет оказывать негативное влияние на успешное развитие китайско-американских отношений. К несчастью, в этом году в конгрессе США вновь выражались сочувствие и поддержка резолюциям о «независимости Тайваня».

2. Вот уже в течение двух с лишним лет дискутировался вопрос по поводу того, что конгресс США выступает против политики ограничения рождаемости в Китае.

3. Возник новый вопрос — о Тибете. В мае 1987 г. далай-лама открыто выступил в конгрессе США (по приглашению конгресса) и выдвинул так называемое «предложение из пяти пунктов», направленное на раскол Китая. В чем его суть?

Задолго до того, как Колумб открыл Америку, еще в 1264 г., Тибет появился на карте Китая. Сейчас из 6 млн. лиц тибетской национальности только 2 млн. живут в Тибете, а 4 млн. — в других провинциях Китая. Далай-лама сам родом из провинции Цинхай. Он хочет расколоть Китай и не только отколоть Тибет, но и другие районы, в которых проживают тибетцы, включая провинцию Цинхай, а также части провинций Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Ганьсу. То, что конгресс США (законодательный и выражающий волю народа орган страны, которая официально признала суверенитет и территориальную целостность Китая), прикрывшись вывеской вопроса о «правах человека», поддержал такое предложение далай-ламы, не может не создать проблемы.

4. Вопрос о ракетах «Шелкопряд». Китай в войне между Ираном и Ираком придерживается позиции строгого нейтралитета и примирения воюющих сторон, это известно. Китай никогда не продавал оружие непосредственно Ирану и в последнее

время принял строгие меры к тому, чтобы китайское оружие на международном рынке вооружений не попало Ирану. Администрация США сама продала Ирану значительное количество оружия (например, ракеты «Стингер»), которое использовалось и для того, чтобы сбивать американские самолеты. Однако сейчас США выступили с резкой критикой Китая и оказывают на него грубое давление.

5. Недавно возник вопрос временных ограничений, введенных конгрессом и правительством США, на широкую передачу Китаю технологии, причем этот вопрос был увязан с вышеназванными третьим и четвертым вопросами. Форма политического давления на Китай с помощью рычагов торговли и передачи технологии именуется политическим шантажом, не имеющим ничего общего с равноправными действиями в отношении одного государства с другим. Все это не улучшает отношений между двумя странами и не украшает США.

6. Конгресс США также принял несколько резолюций, например против критики в Китае «буржуазной либерализации», содержащих нападки на то, что в Китае якобы не уважают свободы слова и печати. В резолюциях содержатся также клеветнические утверждения, что в Китае будто бы преследуют интеллигенцию, что Китай будто бы занимается воровством американской технологии и т. д.

Указанные шесть вопросов можно разделить по их характеру на две группы: первая представляет грубое вмешательство во внутренние дела КНР, вторая — политический шантаж в отношении КНР. Говоря в общем, это открытое проявление политики гегемонизма и объясняет, почему факторы нестабильности в китайско-американских отношениях резко усилились.

В последующие десять лет на развитие китайско-американских отношений могут оказать влияние три фактора: первый — изменение международного политического баланса сил; второй — геополитические изменения; третий — взаимное влияние внутренних факторов в двух странах.

В первую очередь позволите взглянуть на меняющуюся в настоящее время международную политическую обстановку. Если говорить об отношениях в большом треугольнике Китай — США — СССР, то обстановка сейчас следующая: в отношениях напряженного противоборства между СССР и США в результате достижения соглашения о ликвидации РСД — РМД начинают проявляться признаки ослабления; после двух лет стабильного развития китайско-американских отношений в них появились некоторые негативные моменты... В целом, если посмотреть под углом зрения глобального баланса сил, в этих трех направлениях в последующие десять лет не предвидится большой вероятности резких и глубоких изменений...

Все это свидетельствует, что ближайшие десять лет будут в целом десятилетием движения к разрядке международной обстановки. Если брать за показатель советско-американских отношений достижение соглашения по РСД — РМД, то здесь начали появляться признаки ослабления напряженности, что заслуживает одобрения. Мы искренне надеемся, что СССР и США смогут достичь справедливых соглашений по вопросам дальнейшего ядерного разоружения, прекращению гонки вооружений в космосе и другим соответствующим вопросам, чтобы двусторонние отношения могли постепенно по-настоящему смягчиться и чтобы вслед за этим по-настоящему смягчилась бы международная обстановка...

В системе геополитических факторов, способных оказывать влияние на отношения между Китаем и США, в определенный период могут возникнуть некоторые изменения, однако они вряд ли будут резкими и драматическими:

— у ряда развитых стран (Запада. — Ред.) существует торговый дисбаланс, бюджетный дефицит, что способствует валютным и биржевым лихорадкам. Это может привести к общемировой финансовой и экономической нестабильности в последующие годы...

— в тупиковой обстановке на Корейском полуострове может произойти определенная разрядка;

— страны АСЕАН какой-то период будут проводить в качестве основной политики курс на развитие собственной экономики. Некоторые из них, возможно, встанут в ряд «новых индустриальных стран». Международное положение АСЕАН в целом будет неуклонно укрепляться;

— что касается обстановки на Индокитайском полуострове и в Афганистане,

то в ближайшие несколько лет в военной области будет наблюдаться спад активности или затухание, однако политическое решение конфликтных ситуаций может затянуться.

Я не намерен подробно останавливаться на внутренних факторах в обеих странах (КНР и США. — Ред.), — факторах, которые оказывают влияние на китайско-американские отношения, и не потому, что не считаю их важными. Наоборот, я считаю, что у части американских политиков и общественных деятелей слишком сильны шовинистские чувства. Они воображают, что монополизировали истину и мощь во вселенной, и совсем не считаются с изменениями в международной обстановке и интересами других стран. Не обращая внимания на то реальное положение, что их собственные силы уже значительно ослабли, они продолжают претендовать на обладание мощью, позволяющей им по-прежнему проводить гегемонизм и по собственному усмотрению шантажировать других. Поскольку они во всем исходят только из американских интересов, не учитывают или не хотят учитывать законные интересы других стран, это неизбежно будет оказывать негативное воздействие на китайско-американские отношения.

Описанная выше ситуация показывает, что мир в настоящее время находится в процессе изменений, однако возможности резких изменений не видно (например, чтобы вспыхнула война или вдруг наступила полная разрядка). Возможно, ближайшие десять лет станут десятилетием постепенного поворота к разрядке, но десятилетием стабильного развития — не обязательно.

Как следует строить китайско-американские отношения в таком меняющемся мире?

Я считаю, что сегодня, когда значение азиатско-тихоокеанского региона в развитии общей международной обстановки возрастает, китайско-американские отношения являются одним из важных факторов, который может оказывать влияние на международную ситуацию. Народы наших двух стран должны приложить все усилия к тому, чтобы стабилизировать эти отношения, развивать их, а не замедлять развитие, не допускать отступления и тем более подрыва. Обстановка последних пятнадцати лет показывает, что надо поддерживать и продолжать развивать успехи в китайско-американских отношениях, достигнутые нелегким путем, в первую очередь надо в корне решить проблему философии отношений между двумя странами. Это главное. Я хотел бы высказать несколько соображений:

1. Надо научиться взаимному уважению. Настоящая дружба всегда строилась на основе равноправия и взаимного уважения интересов друг друга, тем более когда речь идет об отношениях между двумя великими странами. Китай подчеркивает, что все страны — и большие и малые — равноправны. Китаю ничего не нужно от других стран, кроме взаимного равноправия. Произвольно оказывать давление на другую страну, шантажировать и третировать ее — неверно и недопустимо. Методы политического шантажа посредством отказа от передачи технологии и введения ограничений в торговле не могут считаться соответствующими принципам равноправия, взаимного уважения.

2. Следует добиваться более полного взаимопонимания. В китайско-американских отношениях был двадцатилетний период противостояния друг другу и разобщения. Взаимное непонимание в связи с этим естественно. Добавим еще и различия наших стран и народов в культуре, естественном строе, идеологии, законодательстве и т. д. Все это усугубляет трудности в области достижения взаимопонимания.

Но мы в конце концов живем на одной планете, вместе являемся странами Тихоокеанского бассейна, несем большую ответственность за будущее азиатско-тихоокеанского региона, за судьбы человечества. Поэтому улучшение взаимопонимания между нашими странами необходимо. Существующие трудности лишь свидетельствуют о том, что мы должны приложить еще более значительные усилия для их преодоления. Улучшение взаимопонимания вполне возможно, коль скоро у обеих сторон будет желание его достичь, жить в мире, развивать отношения сотрудничества.

Между Белым домом, конгрессом, различными административными учреждениями США и соответствующими учреждениями в Китае имели место споры, и такие споры могут еще возникнуть. В последние полгода конгресс США, лоббисты, общественные деятели предприняли немало действий, нанесших ущерб националь-

ным интересам Китая, серьезно ранивших чувства китайского народа. Одни из этих споров и проблем возникали из-за различия в платформах и интересах, другие — из-за недостатка взаимопонимания. В случае различия интересов надо прибегать к урегулированию на основе того, в чем есть согласие. Недоразумения надо устранять, а справедливую критику следует принимать. Например, в отношении осуществления открытой политики Китая, особенно в вопросе иностранных инвестиций, США высказали в адрес КНР немало критических замечаний по поводу бюрократизма в Китае и несовершенства законов, регулирующих внешнеэкономическую деятельность. Мы считаем, что некоторые из этих замечаний соответствуют реальному положению вещей, прилагаются усилия к исправлению недостатков.

Взаимопонимание должно иметь под собой основу, в первую очередь необходимы желание и воля к его достижению. Далее, надо придерживаться в соответствии с общепринятыми международными нормами принципа взаимного уважения законных интересов друг друга.

3. Нельзя привносить в межгосударственные отношения полемику идеологического характера. Я считаю, что некоторые американские бизнесмены и журналисты преднамеренно делают нападки на Китай, исходя из идейных разногласий. Это плохо. Какой государственный строй и какую идеологию выбирает народ той или иной страны — дело народа этой страны. Другие страны не должны вмешиваться в ее внутренние дела; если поступать наоборот, то в мире не будет спокойствия. Некоторые американские деятели под прикрытием вопроса о правах человека вмешиваются во внутренние дела Китая. Я должен сказать, что по вопросу о «правах человека» есть различные представления и оценки. Не надо навязывать другим свою точку зрения, а следует стремиться к поиску общего и уважать различия. Американский конгресс — это конгресс США, а не конгресс всего мира и, конечно, не конгресс Китая. Ни американский, ни китайский народ не давали конгрессу США права решать дела Китая. США всегда подчеркивают необходимость следовать законам. На основе какого же закона конгресс США вмешивается во внутренние дела Китая?

4. Надо ценить некоторые результаты, достигнутые в отношениях между КНР и США, не наносить ущерб сложившимся отношениям, не подрывать их.

В целом китайско-американские отношения в последние десять лет медленно, но неизменно развивались, причем временами развитие шло поступательно, временами встречались трудности. Мы, китайцы, искренне надеемся на то, что китайско-американские отношения получат длительное, стабильное и всестороннее развитие, что сотрудничество будет непрерывно расширяться. Только такие отношения могут быть выгодны двум нашим странам, выгодны разрядке международной обстановки, выгодны для мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе.

Я уже неоднократно говорил о том, что отношения между такими двумя большими странами, как Китай и США, должны иметь собственную основу и внутреннюю логику, в них не должны чрезмерно привноситься внешние факторы. Конечно, влияние внешних факторов тоже очень важно. Но только когда отношения между двумя странами построены на прочной основе широкого сотрудничества, они могут получить стабильное, продолжительное, здоровое развитие...

Перевод с китайского Д. Андреева

ВАН ЦЗЮЭ

От редакции. Журнал «Проблемы Дальнего Востока» начинает серию публикаций — переводов из печати КНР по наиболее актуальным проблемам социалистического строительства в Китае. Первая группа материалов интересна тем, что один из них является разработкой, предваряющей важнейшее положение XIII съезда КПК — о начальном этапе социализма в Китае, другой отражает оригинальную постановку вопроса о модернизации как общеисторическом процессе. В дальнейшем наш журнал предполагает охватить и другие теоретические проблемы, занимающие китайских обществоведов после XIII съезда КПК.

При изучении любого вопроса следует пользоваться правильным методом. По существу, основным методом наших исследований должна быть марксистская материалистическая диалектика. Этот метод требует прежде всего овладения большим объемом фактического материала, затем анализа внутренних и внешних связей и противоречий, содержащихся в этом фактическом материале, и через анализ — выхода на уровень формулирования абстрактных определений (понятий), выявления присущих вещам особенностей и закономерностей. Только этот метод позволяет нашему познанию не останавливаться на поверхности явленного, а проникать в их сущность и познавать истинный предмет объективного мира. Изучая этапы развития социализма, также необходимо применять этот научный метод.

При исследовании вопроса о начальном этапе социализма методом материалистической диалектики необходимо провести конкретный анализ различных противоречий данного этапа, и прежде всего выявить его главное противоречие, учитывая современное состояние экономики, политики, культуры нашей страны, а также связь данного этапа с прошлым и будущим. Только так можно прийти к истинно научным теоретическим обобщениям. При этом с точки зрения методологии необходимо установить ряд следующих соотношений.

1. Правильно установить соотношение между основными теоретическими положениями марксизма и действительностью социалистического развития Китая. Конечно, исследуя начальный этап социализма в Китае, необходимо исходить из фактического положения социалистического развития страны. Однако при этом надо руководствоваться основными положениями марксизма об этапах общественного развития, тесно сочетать первое и второе. К. Маркс и Ф. Энгельс, применяя основные положения материализма и диалектический метод и опираясь на реальный процесс развития капиталистического общества, в своей теории социализма научно предсказали зарождение и основные этапы развития социализма. В. И. Ленин, исходя из практического опыта социализма, сделал еще более точные определения периодизации развития социализма. Все это может, несомненно, служить важным подспорьем в изучении нами этапов развития социализма. Теоретические положения Сталина и Мао Цзэдуна относительно этапов развития социализма, даже если они и ошибочны, могут помочь прийти к правильному пониманию и также являются ценным идеологическим материалом. Говоря о направляющей роли положений марксизма, мы имеем в виду главным образом не суждения

* «Гуанмин жибао», 5.X.1987.

классиков марксизма по тем или иным конкретным вопросам, а их основные подходы и методы, с помощью которых они пришли к этим суждениям. Например, они считали, что развитие человечества есть «естественно-исторический процесс», управляемый заложенными в нем противоречиями и присущими ему законами. Каждый отдельный процесс развития состоит из определенных этапов и осуществляется в конкретных формах. Это и есть основа их материалистических взглядов и диалектического метода. Мы сможем сделать новые теоретические обобщения в вопросе о начальном этапе социализма в нашей стране только в том случае, если, применив это научное мировоззрение и эту научную методологию, проведем конкретный анализ различных противоречий нынешнего этапа социализма и раскроем присущие ему признаки и закономерности. Одновременно мы тем самым дополним и обогатим марксистскую теорию об этапах развития социализма.]

④ 2. Правильно установить соотношение между состоянием социалистических экономических отношений и состоянием несоциалистических экономических отношений. В процессе изучения основных признаков начального этапа социализма сложилось мнение, что только состояние собственно социалистических экономических отношений является показателем, характеризующим основные признаки начального этапа социализма. Эта точка зрения, пожалуй, является слишком односторонней. Незрелость, несовершенство первого этапа социализма, бесспорно, проявляются главным образом в собственно социалистических экономических отношениях, конкретно — в незрелости и несовершенстве общественной собственности и распределения по труду, однако не только в этом, но и в существовании несоциалистических экономических отношений и в их связи с социалистическими экономическими отношениями. Если посмотреть на реальное положение в развитии социализма в Китае, то видно, что экономические отношения социалистического характера как в сфере общественной собственности на средства производства, так и в сфере распределения предметов потребления по труду еще не могут быть реализованы на равной основе в масштабе всего общества и с охватом всех трудящихся. В этом — конкретное проявление незрелости, несовершенства этих отношений. Одновременно, поскольку социалистические экономические отношения еще не могут охватить все общество и каждого трудящегося в отдельности, неизбежны в качестве дополнения к ним несоциалистические и даже эксплуататорские капиталистические экономические отношения. Таким образом, существование указанных несоциалистических отношений становится проявлением незрелости, несовершенства социалистических экономических отношений вне рамок последних. Поэтому было бы односторонне считать незрелость общественной собственности на средства производства и распределения по труду единственным показателем начального этапа социализма. Однако было бы неправильным также считать, что лишь наличие множественности форм (многоукладности) экономики является главным показателем начального этапа социализма. Только анализ состояния экономических отношений обоих типов по отдельности, а также в комплексе и во взаимосвязи позволит дать правильные оценки и правильные теоретические обобщения, касающиеся основных признаков начального этапа социализма.]

⑦ 3. Правильно установить соотношение между спецификой начального этапа социализма в Китае и общими чертами начального этапа социализма в различных социалистических странах. Изучение вопроса о периодизации развития социализма необходимо вести путем тесного сочетания исследования специфичности начального этапа социализма в Китае с изучением общих черт начального этапа социализма в различных социалистических странах. При изучении указанного вопроса мы, конечно, должны исходить из реального состояния социализма в Китае и раскрывать специфические закономерности его начального этапа. Ясно, что социализм в Китае — это социализм, вышедший из утробы полуколониального, полуфеодального общества. На своем начальном этапе развития он во многом отличается от социализма, вышедшего из недр капиталистического общества. В общем, социалистическая экономика, политические отношения и культура начального этапа социализма в любой стране будут незрелыми, несовершенными, будут нести в себе сложные и многочисленные противоречия. А говоря в частности, незрелость и несовершенство начального этапа социализма в Китае не только более серьезны, но и еще более сложны в конкретных формах их проявления. Вместе с тем следует заметить, что общее обычно скрывается в специфическом, поэтому при изучении специфики начального этапа социализма в Китае нельзя отвергать сравнительное изучение основных закономерностей начального этапа социа-

лизма в различных социалистических странах. Более того, такое сравнительное изучение является важным, неотъемлемым способом еще лучшего раскрытия специфики начального этапа социализма в Китае. К тому же исследование специфики начального этапа социализма в нашей стране в свою очередь дает возможность раскрытия общих закономерностей начального этапа социализма. Таким образом, правильный подход — объединить изучение специфики начального этапа социализма в Китае с изучением общих характеристик начального этапа социализма в различных социалистических странах.

4. Правильно установить связь между начальным и более высокими этапами социализма. Кое-кто считает, что при изучении начального этапа социализма нет необходимости рассматривать вопрос о его более высоких этапах. Дескать, более высокие этапы — это вопрос будущего, и сейчас еще не ясно, что они будут представлять собой, а если приходится говорить о них, то это может быть лишь утопический взгляд на более высокий этап. Эта точка зрения не лишена оснований, но не совсем верна. Дело в том, что теоретические исследования раскрывают внутренние противоречия объективного мира и тенденции их развития, то есть законы его движения. Изучая начальный этап социализма, мы должны раскрыть и его конкретные противоречия, включая основные и второстепенные, взаимосвязь между ними, изучить нынешнее состояние данных противоречий и тенденции их развития. При таком подходе мы неминуемо придем к пониманию тенденции развития, которая определяет более высокий этап, следующий за начальным этапом. Например, какие из противоречий на более высоком этапе обострятся, а какие исчезнут, какие поменяются местами по степени важности и т. п. Именно в силу многообразных изменений, вызванных различными противоречиями, обнаруживается периодичность процесса объективного развития.

Теоретическое выявление этой тенденции развития через изменения самым естественным образом откроет нам общие рамки более высокого этапа. Характеризуя такой этап, разумеется, нельзя, да и нет нужды говорить о нем слишком детально, можно лишь обрисовать его основное направление и общие очертания. Однако именно это возможно и необходимо. К тому же только таким образом мы можем прийти к наиболее глубокому пониманию характера, направленности и признаков начального этапа. Следовательно, с точки зрения методологии изучение начального этапа следует связать с общей характеристикой более высокого этапа.

5. Правильно установить соотношение между изучением производительных сил и изучением производственных отношений. Существует точка зрения, согласно которой различать этапы развития социализма следует по состоянию производственных отношений, поэтому для выяснения этого вопроса достаточно изучать только производственные отношения. Это, конечно, верно, но не совсем. Состояние производственных отношений в конечном счете зависит от характера и уровня развития производительных сил; ни в коем случае нельзя говорить о степени и формах развития производственных отношений в отрыве от уровня и потребностей развития производительных сил, ибо в противном случае можно впасть в ошибку, ведущую к утопизму. Как не существует производственных отношений без производительных сил, так нет и производительных сил без производственных отношений. В этой связи при изучении этапов развития отношений с изучением производительных сил, нельзя изолированно изучать производственные отношения. Многие особенности начального этапа социализма в Китае тесно связаны с низким исходным уровнем производительных сил и слабой материальной базой. А если учесть огромное население страны, то такая особенность, как низкий уровень производительных сил, выглядит еще более остро. Отражаясь в производственных отношениях, особенно в отношениях между индивидами в сфере материальных интересов, противоречия делаются особенно сложными и трудноразрешимыми. С учетом этого выдвигается другая точка зрения: для определения этапов развития социализма следует брать в качестве единственного критерия различие в уровнях развития производительных сил. Представители этой точки зрения ссылаются на указание К. Маркса, что отличие одного общественного строя от другого определяется разным характером производительных сил и различием в применяемых орудиях труда. Обоснованность такого взгляда как будто вполне достаточна. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что необходимо отличать коренные причины разграничения исторических этапов, разграничения этапов развития социализма от основных показателей, характеризующих неодинаковые этапы развития. Различие в характере произ-

водительных сил и уровне их развития является коренной причиной поэтапного общественного развития, а различие в состоянии производственных отношений является основным показателем разграничения этапов общественного развития. Очевидно, что исследование необходимо вести с учетом того, что производительные силы и производственные отношения составляют единое целое.

2.

Реальный социализм и модернизация общества*

ЦЗИНЬ СЮН

От редакции «Гуанмин жибао»

10

Модернизация общества, центральное место в которой занимает модернизация экономики, — это естественно-исторический процесс, через который перешагнуть нельзя. Реальный социализм и современный капитализм находятся в рамках одной и той же эпохи общественного развития. Историческая задача реального социализма состоит в том, чтобы в условиях социалистического строя с применением форм, отвечающих интересам народа, провести и завершить модернизацию общества. Социалистическая модернизация — это всесторонняя модернизация общественной жизни. Ее осуществление в различных сферах — хозяйственной, политической, военной, культурной, нравственной — образует общую схему социалистического строительства, а структурная реформа, в сущности, является модернизацией конкретной общественной системы социализма. Реальный социализм представляет собой длительный исторический процесс, который во временном измерении совпадает с процессом постепенной модернизации социалистического общества. Соответственно начальный этап социализма и есть начальный этап модернизации социалистического общества.

* * *

Со времени 3-го пленума 11-го созыва ЦК партии восстановил правильную марксистскую линию, определил в качестве общей задачи на новый период осуществление социалистической модернизации. По мнению автора, под модернизацией имеется в виду не только модернизация промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники, но и всеохватывающая модернизация всего общества.

1. Историческая задача реального социализма

Реальный социализм возник в странах, не прошедших полного развития капитализма и не завершивших в той или иной степени модернизацию общества. Он существует вместе с современным капитализмом в одной и той же исторической эпохе и будет длительное время сосуществовать с ним, находясь во взаимном контакте и пребывая во

* «Гуанмин жибао», 21.IX.1987.

взаимном соперничестве. К. Маркс и Ф. Энгельс предвидели реальный социализм, однако они дали систематизированную характеристику того социализма, который наступит в итоге полного развития капитализма, после полного крушения мировой капиталистической системы. Поэтому на строительство реального социализма нельзя упрощенно переносить конкретные концепции классиков марксизма, решения могут быть найдены современными коммунистами только в процессе практики на базе основных положений научного социализма.

В определенных исторических условиях часть стран может перешагнуть через стадию полного развития капиталистического строя и стать на социалистический путь, однако развитие современной цивилизации, то есть модернизации общества с модернизацией экономики в качестве центрального звена, — это естественно-исторический процесс, который человеческое общество не сможет миновать, он является обязательным для любой нации в ее развитии. Так называемая модернизация общества предполагает не только создание современной материальной основы этого общества, но и поднятие на современный уровень общественных отношений и общественной жизни, способа деятельности и образа мышления людей, составляющих общество. Процесс модернизации общества начался с подъема современного капитализма, который добился громадного прогресса в развитии производительных сил, науки, техники и в других областях. Вплоть до настоящего времени модернизация общества большинства стран по-прежнему происходит в условиях капиталистического строя. Однако история свидетельствует, что модернизация общества может идти успешнее в условиях социалистического строя. Модернизация общества в Китае может быть осуществлена только на путях социализма. Скованные системой частной собственности, капиталистические государства совершенно не в состоянии полностью осуществить модернизацию общества, в которой, на наш взгляд, отражается всесторонний прогресс человеческой культуры, а могут лишь подготовить необходимые предпосылки к будущему социалистическому развитию.

Коммунистическая цивилизация должна иметь в качестве своей исторической предпосылки полностью развитую современную цивилизацию. Однако все без исключения социалистические страны в большей или меньшей степени еще далеко не завершили модернизацию общества. Таким образом, историческая задача реального социализма состоит в том, чтобы в условиях социалистического строя провести и завершить модернизацию общества, построить социалистическую современную цивилизацию, заложить основы культуры, необходимой для будущего коммунистического развития. Процесс развития реального социализма есть процесс модернизации общества. Развитие реального социализма, и ход модернизации общества неразрывно связаны между собой, общий уровень модернизации общества решающим образом определяет уровень развития социалистического строя. Разговоры о социализме в отрыве от современной цивилизации, попытки строить социализм, перескакивая через процесс модернизации общества, неизбежно приводят к утопическим ошибкам периода строительства социализма, полностью идут вразрез с научным социализмом!

Модернизация общества есть процесс, общий для всего человечества, а реальный социализм и капитализм представляют собой два противостоящих друг другу по своей классовой сущности общественных строя, существующих на базе современной цивилизации. Социалистическая модернизация и капиталистическая модернизация есть две классово противоположные формы модернизации общества. Капитализм способствовал развитию современной цивилизации человечества, но одновременно принес народам неисчислимые страдания. Социализм уничтожил эксплуатацию и гнет, дал возможность широким массам трудящихся в качестве подлинных хозяев в полную меру воспользоваться плодами модернизации общества. Историческая миссия реального социализма и его место в истории (в отличие от капиталистического общества и будущего коммунистического общества) — осуществление модернизации общества как этапа движения к коммунизму. Это самое существенное преимущество, которым должен обладать реальный социализм и которое, конечно, может постепенно выявиться в процессе социалистической модернизации. Социализм не есть обособленное движение в стороне от столбовой дороги развития цивилизации, а есть модернизация общества в интересах народа. Без модернизации не может быть действительного социализма, а без социализма не может быть модернизации для народа. Все для народа. Народу нужна модернизация, народу нужна социалистическая модернизация. В этой связи утверждение единства модернизации общества с социализмом стало коренным принципом, затрагиваю-

щим коренные интересы народа. Преимущества и жизнеспособность социализма раскрываются в его способности содействовать модернизации общества.

2. Общая схема строительства реального социализма

Модернизация общества в современную эпоху есть эволюция всей человеческой общности, всесторонняя модернизация общественной жизни. Таким образом, строительство реального социализма, то есть осуществление модернизации социалистического общества, представляет собой единую стройку, которая охватывает все сферы общественной жизни, включая модернизацию в экономической, политической, военной, культурной, нравственной и других областях, образуя общую схему социалистического строительства. Следует подчеркнуть, что модернизация социалистической экономики ведется в условиях общественной собственности, в политической сфере — под руководством коммунистической партии, в области культуры должна направляться марксизмом, а в области нравственной — иметь своей основой коллективизм.

Цивилизация и обобществление составляют основные признаки модернизации социалистического общества. Цивилизация — это процесс возрастания и развития современной культуры человечества, процесс развития трех больших культур: культуры организации общества (в широком смысле — норм поведения, начиная от технологического режима и кончая основными общественными системами, включая систему производства, экономический строй, политический строй, систему культуры, организацию семьи и т. д.), материальной культуры и духовной культуры. Как отметил К. Маркс, в традиционном обществе преобладают естественные связи, а в современном обществе — исторически возникшие факторы культуры («Предисловие к «Критике политической экономии». Общее введение»). Если рассматривать вопрос целостно, то осуществление социалистической модернизации есть строительство трех больших культур: культуры организации общества, материальной культуры и духовной культуры, причем вестись оно должно согласованно.

Обобществление есть форма организации общества, идущего по пути цивилизации. Это есть процесс развития соотношений интенсивности и экстенсивности, разделения труда и сотрудничества, объединения и конкуренции, дифференциации и интеграции общественных функций. Это есть процесс эволюции соответствующих общественных систем, структур и механизмов. Обобществление идет во всем обществе в целом, охватывая экономическую, политическую, культурную и другие сферы и имеет своей основой развитие общественного характера производства. Осуществляя социалистическую модернизацию, необходимо повсюду претворять в жизнь принцип обобществления, развития общественных начал.

Модернизация экономики составляет основу и стержень модернизации всего общества и подразумевает прежде всего модернизацию производительных сил, однако касается также сферы производственных отношений и находится в единстве с технической модернизацией и модернизацией управления. Общим показателем модернизации производительных сил является индустриализация, новейшим ее направлением является информатика, которая пронизывает модернизацию промышленности, сельского хозяйства, торговли и услуг и т. п. Индустриализация затрагивает проблемы народонаселения и окружающей среды. Модернизацию образования, науки и техники в определенном смысле также можно включить в систему модернизации производительных сил. В сфере социалистических производственных отношений модернизация экономики неизбежно требует модернизации хозяйственной системы и хозяйственного механизма. Это касается обобщественности в структуре форм собственности с общественной собственностью в качестве основной, в структуре хозяйственных прав, а также развития рыночного и планового начал, научной системы и демократизации управления на предприятиях в процессе развития товарной экономики.

В центре внимания социалистической модернизации должна быть модернизация экономики, главная задача которой — развитие производительных сил. Модернизация во всех других областях прежде всего должна служить модернизации экономики. К примеру, модернизация в политической области, то есть развитие политической демократии социализма, должна соответствовать и подчиняться потребностям модернизации экономики. Эффективность управления и политическая стабильность имеют исключительно важное значение для обеспечения высоких темпов экономического развития.

Конечно, поскольку социалистическая модернизация охватывает всю структуру общества и через модернизацию общества нельзя перескочить, постольку в условиях социализма нельзя перешагнуть ни через общую модернизацию общества, ни через модернизацию его отдельных сфер. Модернизация экономики в свою очередь должна проводиться в увязке с модернизацией в политической и культурной сферах. Проводимая изолированно, она никогда не приведет к успеху.

Следует подчеркнуть, что в условиях социализма нельзя также перескочить через процесс развития культуры общественной организации, то есть процесс модернизации общественной организации. Это относится не только к технологии, к организации производства, к конкретным режимам и порядкам в различных областях, но в равной мере и к конкретным общественным системам и структурам социалистического строя. Мы знаем, что через капиталистический строй можно перешагнуть в том смысле, что при этом создается классово противоположный капиталистическому строю, передовой, обладающий рядом преимуществ социалистический строй. В целях модернизации производительных сил и всего общества также должна быть осуществлена модернизация конкретных общественных систем и структур строя реального социализма (хозяйственной системы, политической структуры, системы культуры и др.). Модернизация такого рода систем и структур ведет не к изменению основ социалистического строя, а к непрерывному обновлению конкретных систем и структур, ко все более полному осуществлению коренных принципов и целей социализма. Структурная модернизация при социалистическом строе и структурная модернизация при капитализме не только абсолютно противоположны по своему классовому содержанию, но принципиально различаются и по общественной форме. Например, органы социалистического государства находятся под единым руководством коммунистической партии, нет пресловутой капиталистической многопартийной системы и так называемого «разделения трех властей». Разумеется, структурные реформы и при социалистическом, и при капиталистическом строе неизбежно следуют некоторым наиболее общим закономерностям модернизации общественной организации (к примеру, от раздельного к целостному государству и обществу, от системы единоличного правления к управлению на основе законов и т. п.). Используются, безусловно, и некоторые общие методы и средства, конкретные организационные формы, например такие, как акционерная, подрядная, арендная формы, выборная, мандатная, аттестационная системы и др.

Социалистическая практика последних нескольких десятилетий полностью подтвердила, что осуществление модернизации структуры социалистического строя (например, создание демократического законопорядка) — одна из важнейших составных частей социалистической модернизации. Без структурной модернизации социалистического строя социализм не в состоянии выполнить историческую задачу завершения модернизации общества с модернизацией экономики в качестве главного звена. Структурная модернизация социалистического строя никогда не будет идти сама собой, автоматически, ее необходимо вести путем перестройки, включая постоянно осуществляемую частичную перестройку и всестороннюю перестройку на определенных этапах. Можно сказать, что сутью перестройки является структурная реформа социалистического строя, а перестройка выступает как непосредственная движущая сила развития социалистического строя. Социалистическое общество может продвигаться вперед только на путях перестройки.

Перестройка есть строительство культуры общественной организации, самого социалистического строя. Вместе со структурной модернизацией она осуществляется для достижения определенных целей: эффективность и справедливость, стабильность и развитие (обновление и рост), порядок и самостоятельность составляют три группы важных коренных целей, находящихся во взаимной связи и в то же время во взаимном противоречии. Установление гармонии между эффективностью и справедливостью, стабильностью и развитием, порядком и самостоятельностью составляет три основных целевых принципа структурной модернизации социализма и социалистической перестройки, оно есть подлинное искусство осуществления модернизации.

3. Исторический процесс развития реального социализма и его начальный этап

Поскольку историческая задача социализма заключается в проведении и завершении модернизации общества, исторический процесс реального социализма по времени в целом

совпадает с процессом модернизации социалистического общества. Конкретное содержание модернизации изменяется с эпохой, однако она имеет довольно определенные временные рамки и общие признаки единого процесса, то есть охватывает период от возникновения мировой системы капитализма до вступления мира в коммунизм, тем самым будущая коммунистическая цивилизация находится за пределами модернизации общества. Модернизацию общества перешагнуть нельзя, то есть нельзя перескочить как через весь процесс модернизации общества, так и через каждый из ее основных этапов. Конечно, экономически отсталые страны, учась у других и перенимая опыт, должны и могут уплотнить весь процесс модернизации, перешагнуть через некоторые конкретные этапы и затем восполнить их. Однако для завершения модернизации общества необходим тем не менее длительный исторический срок. Страны реального социализма, естественно, исходили из неодинакового уровня капиталистического развития, поэтому при социализме время, необходимое для осуществления модернизации общества, также не может быть для всех стран непременно одинаковым. В любом случае, полностью сознавая длительность исторического развития реального социализма, необходимо постепенно двигаться вперед в осуществлении модернизации социалистического общества с модернизацией экономики в качестве центрального звена.

Целостный процесс развития реального социализма включает разные этапы. Историческое развитие реального социализма есть не что иное, как процесс модернизации социалистического общества, и социалистические производительные силы в решающей степени определяют развитие всего социалистического строя. В соответствии с этапами развития модернизации общества на основе модернизации производительных сил и соответствующими этапами развития социалистического строя процесс реального социализма в целом можно разделить на этапы: на два — начальный и высший, или на три — начальный, средний и высший, причем каждый этап имеет свою качественную характеристику. Очевидно, что начальный этап социализма и есть начальный этап модернизации социалистического общества, то есть начальный этап модернизации в экономической, политической, культурной, нравственной и других сферах. Разные социалистические страны до революции имели разную экономическую и социальную базу, поэтому у отдельных стран будут различия в наборе этапов социалистического развития, а также различия в длительности аналогичных этапов (например, начальных этапов). Социализм в Китае вышел из утробы полуфеодального, полукolonиального общества, Китай является большой страной с миллиардным населением, следовательно, ему неизбежно потребуются пройти довольно длительный начальный этап социализма.

Процесс модернизации социалистического общества является, безусловно, процессом коренной переделки традиционной культуры, ибо без обновления традиций национальной культуры абсолютно невозможно осуществить модернизацию общества. Вместе с тем модернизация не означает огульное отрицание национальных традиций, она должна критически наследовать традиции человеческой культуры, и прежде всего лучшие традиции собственной нации. Социалистическая модернизация в Китае есть продолжение истории Китая и его революционного движения в новейшее время, есть процесс великого возрождения китайской нации и китайской цивилизации. На протяжении всего исторического процесса социалистической модернизации мы должны наследовать и развивать великий дух китайской нации и славные традиции китайской революции.

4. Социалистическая и капиталистическая модернизация

Исходя из того, что реальный социализм и капитализм находятся в рамках одной и той же исторической эпохи, фундаментальное значение для теории и практики реального социализма имеет правильное понимание и регулирование отношений между социализмом и капитализмом. Здесь подразумевается два вида отношений: отношения сходства и отличий социалистической и капиталистической модернизаций, когда нужно выяснить, в каких аспектах имеются совпадения и близость, а в каких отличия или противоположности, и соответственно решить на этом основании вопрос об учебе у других и об использовании опыта; отношения разделения и совпадения, когда нужно выяснить, в каких аспектах интересы социалистических и капиталистических государств расходятся и идет взаимная борьба, а в каких есть общие интересы и необходимо взаимное сотрудничество.

Поскольку и социалистическая и капиталистическая модернизации сходны в том, что они суть модернизации, они следуют общим закономерностям модернизации общества. В силу же того, что это два типа общественного строя, противоположные друг другу, обе упомянутые модернизации имеют каждая свои специфические закономерности. Модернизация общества носит двойственный характер — надклассовый и классовый. В надклассовом аспекте обе модернизации аналогичны или близки друг другу, имеют общие или близкие критерии ценностей, принципы и методы. В классовом аспекте они отличаются друг от друга или противоположны друг другу, имеют противоположные критерии ценностей, принципы и методы. В разных областях модернизации общества существуют большие различия в степени сходных и отличающих моментов двух типов модернизации, поэтому необходимо конкретно анализировать конкретные вопросы. Отрицание сходства двух типов модернизации и общих закономерностей модернизации неизбежно уведет социалистическое строительство в сторону от модернизации. Игнорирование противоположностей двух типов модернизации, произвольное копирование капиталистической модернизации в свою очередь могут увести модернизацию с социалистического пути.

Нельзя довольствоваться общим рассмотрением сходного и отличного в социалистической и капиталистической модернизации, следует по отдельности изучать связь социалистической модернизации с модернизацией развитых капиталистических стран, а также связь социалистической модернизации с модернизацией стран, развивающихся по капиталистическому пути, имея в виду сходное и отличное в модернизации развитых стран и модернизации развивающихся стран. Социалистические государства в большинстве являются развивающимися системами, поэтому в содержании и процессе модернизации их общества есть еще больше общих моментов с развивающимися капиталистическими странами, то есть и социалистические и капиталистические развивающиеся страны не только следуют всеобщим закономерностям модернизации человечества, но и следуют общим закономерностям модернизации развивающихся стран (двойная структура — традиционная и современная, относительно высокая степень плановости и т. п.). А социалистическая модернизация развивающейся страны и модернизация развитого капитализма имеют двойное различие: с одной стороны, обусловленное коренным различием между социализмом и капитализмом, с другой — различием между развивающимися и развитыми странами. Эти стороны различия нельзя смешивать.

Социалистические страны должны и могут активно воспринимать все полезные для цивилизации человечества прогрессивные достижения, созданные в процессе капиталистической модернизации, в противном случае они вечно будут отставать. Конечно, учиться ни в коем случае не означает просто подражать, не означает копировать конкретную модель модернизации другого государства, а означает соединение общих принципов и общих методов модернизации общества с социалистическим строем и творческое применение их с учетом конкретных условий данной страны. Там, где у двух типов модернизации общества имеются отличия или противоположности, социалистические страны могут и должны опираться главным образом на собственный поиск, собственное творчество, они должны препятствовать и противодействовать проникновению и помехам, идущим от капитализма, и тем самым отставать социалистическую направленность модернизации.

Несмотря на то что между социалистической и капиталистической модернизацией существует принципиальное различие с классовой точки зрения (наши и буржуазные ученые не обязательно придерживаются одинакового понимания даже в том, что такое модернизация), однако с точки зрения развития человеческого общества в целом обе модернизации тем не менее являются двумя различными, длительное время сосуществующими составными частями единой общемировой модернизации, и обе находятся между собой в сложных отношениях взаимных интересов.

С точки зрения общественного строя и идеологии два типа модернизации имеют противоположные интересы и между ними неизбежна длительная борьба, которая также проявляется в соревновании по развитию производительных сил при том и другом строе. В свою очередь общие моменты двух типов модернизации и общие интересы государств, определяемые их растущей взаимозависимостью, стимулируют развертывание широкого сотрудничества и обменов между социалистическими и капиталистическими странами в экономической, экологической, политической, культурной и других областях. Эти общие

интересы человечества требуют, с одной стороны, непрерывного расширения сотрудничества государств в ходе модернизации и достижения развития через сотрудничество, а с другой — соблюдения мирных форм борьбы между идеологиями и странами с неодинаковым общественным строем. Мир и развитие — главные проблемы современного человечества.

Расширение связей с внешним миром является не только необходимым условием для осуществления модернизации в любой стране, но и коренным историческим условием, особенно для отстававших стран, идущих по пути социалистической модернизации минуя полное капиталистическое развитие. Без расширения связей с внешним миром, без изучения опыта капиталистических стран и сотрудничества с ними первоначально отсталые социалистические страны не в состоянии в относительно короткий исторический срок завершить модернизацию общества, которую и развитые капиталистические страны еще не завершили полностью по прошествии нескольких сот лет. Социалистическое общество должно быть активным обществом, социализм может возникнуть и развиваться лишь в условиях открытости. Модернизация общества является всесторонним процессом, поэтому расширение связей с внешним миром также должно быть всесторонним, то есть включающим экономические связи в качестве центрального звена и одновременно включающим связи, относящиеся к материальной культуре, духовной культуре и культуре организации общества. Всестороннее расширение связей с внешним миром требует активного использования в различных областях всех позитивных достижений капиталистического строя (то есть общего богатства современной цивилизации). Одновременно оно требует оказывать решительное противодействие всем негативным плодам капитализма (общественный строй, сохраняющий эксплуатацию и гнет, идеология и прогнивший образ жизни). Только при сохранении полной национальной независимости социалистическое государство может неуклонно обеспечивать социалистическое направление модернизации и преодолевать капиталистическое проникновение, поэтому расширение связей с внешним миром, независимость и самостоятельность неразделимы.

5. Еще о критике традиционной модели социализма

Развитие реального социализма представляет собой исторический процесс непрерывного преодоления утопических факторов и постепенного нарастания и усиления роли науки. Традиционная модель социализма в определенной степени воплотила основные принципы научного социализма, в связи с чем нельзя полностью отрицать рациональную часть ее содержания. Однако эта модель в известной мере отошла от научного смысла теории социализма и в некоторых важных вопросах социалистического строительства содержит утопические тенденции перепрыгивания через исторические этапы. Например, разговор о социализме в отрыве от определенного развития современной промышленности и от опоры на рабочее движение представляет утопию периода социалистической революции. Соответственно разговор о социализме в отрыве от высокого уровня развития производительных сил и хода модернизации общества есть утопия периода социалистического строительства. Общим истоком различных изъянов традиционной модели социализма является то, что реальный социализм в странах, не прошедших через полное капиталистическое развитие, социализм, находящийся в рамках одной эпохи с капитализмом, в большей или меньшей степени отождествлялся с социализмом, который пришел из полного капиталистического развития и возник после крушения мировой системы капитализма. Другим истоком этих изъянов является непонимание того, что исторической задачей реального социализма является завершение модернизации общества. В итоге это может привести к попыткам вольно или невольно, в той или иной мере перескочить через социалистическую модернизацию общества.

Модернизация общества есть естественно-исторический процесс, через который нельзя перескочить. Субъективистские попытки сделать это неизбежно ведут на практике к снижению усилий по выполнению насущных задач и объективно могут играть лишь тормозящую роль, тянуть назад. Та область деятельности, где будет предпринята попытка «перескочить», так или иначе застрянет на отсталой традиционной форме. Попытка перескочить через данный основной этап так или иначе приведет к топтанию на традиционном этапе, предшествующем данному основному этапу. Попытка «действовать наперекор» капиталистической модернизации в областях, где имеется общность методов

модернизации, приведет к отклонению от модернизации в данных областях. Утопические факторы традиционной модели оказали серьезное негативное влияние на осуществление социалистической модернизации и причинили особенно большой вред строительству социалистической культуры организации общества, вследствие чего некоторые конкретные социалистические системы длительное время несут на себе отпечатки и остатки традиционного общества, которые не были своевременно устранены и постепенно закоснели.

Традиционная модель социализма серьезно препятствует ходу модернизации социалистического общества. Стоя перед лицом нарастающего вызова со стороны всемирной модернизации, социалистические страны вступили в период крупного поворота к всесторонней реформе. Это требует от нас, наследуя и развивая великий научный смысл теории социализма, полностью избавиться от традиционной модели, а в теории социалистического строительства провести строгое разграничение между научным социализмом и всевозможными утопиями, с тем чтобы социализм действительно пустил корни в модернизации Китая и мира. Мы глубоко верим, что социализм непременно привлечет к себе все прогрессивное человечество!

Перевод А. Д. Дубровского

3.

Начальный этап социализма*

ДАЙ ЯНЬНЯНЬ

«Китай находится сейчас на начальном этапе социализма» — такова предпосылка, на основе которой развернуты нынешние политические установки руководства КНР. Эта теоретическая формула согласуется с действительным развитием китайского общества. Она имеет большое значение, потому что только тогда, когда есть правильное понимание основных условий Китая, мы можем разрабатывать соответствующие политические установки. Она — плод марксистского анализа.

Марксизм считает, что коммунизм состоит из начального и более развитого этапов. Начальным этапом коммунизма является социализм, который в свою очередь делится на ряд этапов. Конечно, до того, как стали существовать социалистические общества и был накоплен достаточный опыт, марксистские авторы не могли иметь точного представления обо всех этапах социализма, их особенностях и продолжительности. Это становится ясным только со временем.

На основе собственного опыта Китая, положительного и отрицательного, китайские теоретики полагают, что они пришли к некоторому пониманию начального этапа социализма.

Со времени образования народной республики в 1949 г. до 1978 г. в Китае не могли понять необходимости довольно длительного начального этапа социализма. Проводилось множество политических установок. Результатом явилось «больше торопиться, меньше успевать», ставшее причиной задержек в социалистическом строительстве. В 1981 г. ЦК КПК, пересмотрев этот опыт, принял «Решение по неко-

* «Бэйцзин ревью», 1987, № 24, с. 4—5.

торым вопросам истории Коммунистической партии Китая со времени образования КНР». В этом документе впервые был изложен тезис, что Китай еще находится на начальном этапе социализма.

После того как в 1956 г. были в основном завершены социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной и капиталистической промышленности и торговли, Китай стал социалистическим обществом — на его начальном этапе. Этот этап длится не какую-то дюжину лет, как думали вначале. Сейчас представляется, что, даже ведя отсчет от данного момента, этот период продлится несколько десятилетий.

Китай превратился в социалистическое общество из полуфеодалного и полуколониального общества, то есть он миновал этап независимого, развитого капитализма. Общественная производительность труда в стране поэтому по-прежнему является низкой, ее товарная экономика неразвита, так же как ее образование и культура. Без более высокой производительности, вполне развитой товарной экономики и социалистической идеологии построение развитого социализма невозможно.

До 1978 г. в Китае, однако, ограничивали рост товарной экономики, и это препятствовало социалистическому строительству. За последние несколько лет были предприняты огромные усилия в развитии товарной экономики и достигнуты значительные результаты. Но важно понять, что товарная экономика при социализме основывается на господстве общественной собственности, это отличает ее, несомненно, от капиталистической товарной экономики.

На начальном этапе социализма при сохранении господства общественной собственности (включая государственный и коллективный секторы) Китай развивает сейчас внутренний частный сектор и другие экономические секторы (включая предприятия, основанные на совместном китайско-иностранном капитале, и предприятия, полностью основанные на капитале иностранных фирм). Последние рассматриваются как необходимое дополнение к первым. Много лет назад индивидуальные хозяйства и частные приусадебные участки земли крестьян были ликвидированы, это называлось отрезанием «капиталистических хвостов». Следовали единой форме собственности и осуществляли слишком поспешный переход от коллективной собственности к государственной. Все это было отрывом от реальной действительности Китая.

На начальном этапе социализма основной принцип распределения — «каждому по труду», кто больше работает, тот больше получает. Уравнительное распределение не подходит для этого этапа, и его не следовало вводить. К тому же сейчас мы думаем, что следует допустить разные формы распределения, включая некоторые нетрудовые доходы, что можно позволить некоторым людям стать зажиточными раньше других. Конечно, следует избегать чрезмерного разрыва в уровнях личных доходов путем обложения налогом и других мер.

Цель реформы хозяйственной системы Китая — привести эту систему в соответствие с реальными потребностями Китая. В современных условиях она, кроме того, необходима для расширения связей с внешним миром, для импорта передовой технологии и приобщения к опыту управления и достижениям модернизации.

Социалистическая идеология стала господствующей во всем обществе, но мышление людей не может быть совершенно однородным, влияние буржуазных идей будет продолжаться. «Сплошная вестернизация», за которую выступают немногие, является примечательным примером этих разлагающих идей. Борьба против буржуазной либерализации, подразумевающей отказ от социалистической ориентации и выступление против нее, является другой важной задачей первоначального этапа социализма в Китае.

Китайские руководители подчеркнули, что во время проведения борьбы с буржуазной либерализацией необходимо упорно продолжать реформу хозяйственной системы. В период оживления экономики страны и расширения связей с внешним миром нынешние основные политические установки остаются неизменными, потому что они соответствуют реальностям Китая в период начального этапа социализма. Этот этап будет длительным. Таким образом, соответствующие политические установки, которые являются правильными и поддерживаются народом, останутся, конечно, долгое время неизменными.

Перевод Л. В. Сабановой

Важное положение о строительстве социализма*

ДАЙ ЯНЬНЯНЬ

Положение о том, что Китай находится на начальном этапе социализма, всесторонне и основательно изложено в докладе на XIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. Оно было разработано на основе конкретных условий Китая. В докладе говорится, что Китай оказался не перед тем, что предполагали основоположники марксизма, считавшие, что социализм будет построен на основе высокоразвитого капитализма, и не совсем перед тем, перед чем оказались другие социалистические страны.

Китай был полуфеодальной, полуколониальной страной. Через новодемократическую революцию под руководством коммунистической партии Китай двинулся прямо к социализму, миновав этап развитого капитализма. У него была слабая индустриальная основа, отсталые производительные силы и неразвитое товарное хозяйство. Такое положение предопределило то, что, вступив в социализм, Китай должен пройти через весьма длительный начальный этап, на котором предстоит осуществить индустриализацию и коммерциализацию, обобществление и модернизацию производства, которые, как предвидела марксистская теория, осуществлены во многих странах уже при капитализме. Хотя общественные производительные силы значительно развились после образования КНР в 1949 г., они к настоящему времени все еще находятся на низком уровне, особенно по сравнению с развитыми странами. Китай находится на 8-м месте в мире по объему национального дохода, но на 100-м месте по доле национального дохода на душу населения, на 1-м месте по объему производства зерна, но в расчете на душу населения — на уровне только 20 % по сравнению с Соединенными Штатами. В Китае развилось крупное промышленное производство, но наша экономическая модель, сложившаяся до индустриализации, существенно не изменилась. Сельский труд составляет свыше 60 % всего общественного труда. Уровень коммерциализации и обобществления в сельском хозяйстве очень низкий, доля товарного зерна меньше 30 %. Хотя некоторые из сложных наук Китая находятся на мировом уровне, но в общем его наука и техника далеко отстают от развитых стран. Четвертая часть населения страны неграмотна или полуграмотна. Очевидно, что Китай не может одним махом достичь уровня производительности труда развитых стран, которого те добились за несколько столетий. Подсчитано, что Китай достигнет уровня среднеразвитой страны в середине следующего столетия. Начальный этап социализма займет тогда 100 лет от середины 1950-х гг., когда Китай в основном завершил социалистическое преобразование собственности на средства производства.

КПК пришла к правильному выводу о том, что Китай находится все еще на начальном этапе социализма, лишь после учета и положительного, и отрицательного опыта социалистического строительства, а особенно после того, как извлекла уроки из задержек развития, вызванных левацкой руководящей линией.

Два десятилетия после 1957 г. были отмечены «левыми» ошибками, совершенными партией в деле строительства социализма. Например, КПК не считала развитие производительных сил центральной задачей, а «ставила во главу угла классовую

*«Бэйцзин ревью», 1987, № 45, с. 4—5.

борьбу»; в экономическом строительстве она просмотрела объективные законы и пыталась догнать и перегнать развитые страны одним махом, производя сталь во дворах, а также другими катастрофическими мерами «большого скачка». Она поспешно бросилась создавать народные коммуны, повышать уровень общественной собственности и осуществлять полную уравниловку. Многие правильные политические установки, способствовавшие экономическому развитию и улучшению жизни народа, были отброшены как «капиталистические» и «ревизионистские». Они были заменены политическими установками, которые казались очень революционными, но в действительности ставили революцию под угрозу. Кульминацией этих ошибок явилась «культурная революция».

Важной причиной «левых» ошибок было отсутствие правильного понимания того, что Китай был настолько бедным и отсталым, что требовался очень длительный начальный этап социализма.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г. КПК начала исправлять «левые» ошибки. Положение о том, что Китай находится на начальном этапе социализма, было впервые выдвинуто в «Решении по некоторым вопросам истории Коммунистической партии Китая со времени образования КНР», принятом ЦК КПК в 1981 г., и вновь подтверждено в решении ЦК КПК 1986 г. о руководящих принципах построения социалистического общества с передовой культурой и идеологией.

Признание факта, что Китай находится на начальном этапе социализма, дает нам ключ к пониманию и решению главных вопросов сегодняшнего Китая. Таким образом, политическая линия на строительство социализма с китайской спецификой и ряд положений и политических установок были разработаны на основе условий Китая.

Теория начального этапа социализма широко признана как способствующая необратимости и последовательности текущих политических установок Китая. Она означает, что развитие производительных сил будет составлять главную задачу, что Китай должен преобразовать свои закоснелые системы. Она также делает необходимым расширение связей Китая с внешним миром, импортирование передовой иностранной науки и техники, опыта управления и капиталов.

Для повышения производительности труда собственность на начальном этапе не должна быть единой. Хотя господствовать будет общественная собственность, будет позволено развиваться индивидуальной и частной собственности, смешанным предприятиям, основанным на китайском и иностранном капитале, кооперативным предприятиям и предприятиям, основанным исключительно на капитале иностранных коммерсантов. Китай не будет осуществлять полную уравниловку в распределении. Он будет придерживаться главным образом принципа распределения «каждому по труду», разрешая пока нетрудовые доходы...

Члены КПК большей частью поддерживают линию и политические установки партии, отстаивают социализм, реформу и политику расширения связей, но некоторые придерживаются закоснелых взглядов или отвергают социализм. Часто это обусловлено расхождениями в понимании реальности. Одни, чье «левое» мышление глубоко укоренилось, не сумели идти наравне с реформой. Другие отошли от принципов марксизма-ленинизма ради «раскрепощения сознания». Все это будет мешать правильной проведению политической линии партии.

В докладе указывается, что положение о начальном этапе означает, во-первых, что Китай уже является социалистическим обществом и должен твердо придерживаться социализма, и, во-вторых, что социалистическое общество в Китае находится пока на начальном этапе и нужно исходить из этой реальности, не перескакивать через этот этап. В конкретных исторических условиях нового Китая непризнание того, что китайский народ может вступить на социалистический путь, минуя этап полного развития капитализма, есть механицизм в понимании развития революции. Это гносеологический источник правоуклонистских ошибок. С другой стороны, признание того, что можно перешагнуть через начальный этап социализма без осуществления огромного развития производительных сил, — утопия в понимании развития революции. Это главный гносеологический источник «лево»-уклонистских ошибок...

Перевод Л. В. Сабановой

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Пути китайской революции

Marcela Kubešová. *Cesty Cínské revoluce. 1946—1956.* Praha, 1987, 116 s.

Марцела Кубешова. *Пути китайской революции, 1946—1956.* Прага, 1987, 116 с.

Издательство Карлова университета выпустило в свет новую работу известного чехословацкого востоковеда, специалиста по новейшей истории Китая и китайского революционного движения, руководителя кафедры наук о странах Азии и Африки Карлова университета Марцелы Кубешовой.

Рецензируемая монография, основанная преимущественно на китайских источниках, посвящена ключевому десятилетию в судьбах Китая. Оно охватывает, как пишет автор, три периода: первый — гражданская война 1946—1949 гг., увенчавшаяся исторической победой национально-демократической революции и провозглашением Китайской Народной Республики; второй — перерастание демократической революции в социалистическую (1949—1952); третий — начало процесса социалистической революции в самой большой по населению стране мира (1953—1956).

Вопрос о периодизации китайской революции и о характере власти в тот или иной период истории КНР обсуждается с начала 50-х гг. и в Китае, и в Советском Союзе. Подход М. Кубешовой способствует углубленному пониманию этого вопроса. Ее книга состоит из двух частей, рубежом между которыми является 1949 г. — год победы народной революции в Китае.

В первой части монографии излагаются взгляды автора на проблемы формационной характеристики китайского общества 40-х гг., его социальной структуры, особенностей капиталистического уклада, влияния национализма, значения внешнего фактора для революционного процесса в Китае, осу-

ществления Коммунистической партией Китая роли авангардной политической силы в революции.

Вторая часть посвящена определению характера народной революции в Китае, ее перерастанию в социалистическую, партийному строительству в 50-х гг., спорам в рядах КПК о путях и методах социалистического строительства.

Базируясь на ленинской концепции взаимосвязи двух этапов революции, автор анализирует стадиально-формационные особенности Китая. Применяя, выражаясь словами В. И. Ленина «конкретный анализ конкретной ситуации», М. Кубешова отказывается от приблизительного, «арифметически среднего» определения формационного уровня, характерного для Китая 40-х гг. Автор четко определяет свою позицию, считая «неточными и научно малопродуктивными попытки определить формационную стадию развития китайского общества в целом, не учитывая качественную разницу между двумя основными регионами, более развитыми приморскими регионами и отсталыми внутренними регионами страны» (с. 115).

Подчеркивая неравномерность социально-экономического развития, М. Кубешова указывает и на другие особенности развития страны в 40-х гг.: незавершенность процесса классового образования, низкий уровень политического сознания крестьянства, неоднозначность специфики рабочего класса (сохранение патриархальных связей с деревней и вместе с тем высокая степень концентрации пролетариата в крупных городах). Вместе с советскими китаеведами она констатирует, что революционный потенциал рабочего класса в силу ряда причин не был реализован в ходе гражданской войны 1946—1949 гг.

Во второй главе монографии анализируются различные противоречия китайского общества, смена их иерархии. Подчеркивается своеобразие китайской революции, выразившееся в том, что, ликвидируя политическое влияние империализма, она нанесла главный удар по бюрократической буржуазии. В этом смысле национально-демократическая революция приобрела антикапиталистическую направленность, хотя и не затрагивала в период гражданской войны и первые годы существова-

ния КНР собственность национальной буржуазии, занявшей позицию нейтралитета или даже частичной поддержки революционных сил.

В деревне сверглась феодально-патриархальная власть крупных земледельцев (помещиков), однако аграрная реформа была осуществлена лишь в старых освобожденных районах. На большей части территории Китая она была завершена к весне 1953 г., на этапе перерастания демократической революции в социалистическую, когда получило полное развитие решение антифеодальных задач одновременно с созданием народно-демократической власти.

Передача «помещичьей» земли безземельным и малоземельным крестьянам создавала условия для развития капитализма в китайской деревне, но эта тенденция была остановлена осуществлением кооперирования крестьянства, «хотя,— как пишет М. Кубешова,— условия для социалистического способа производства и тем менее для социалистического общественного сознания не полностью созрели» (с. 116).

Сложное неравномерное развитие Китая привело к появлению различных оценок путей и методов социалистического строительства. В монографии сделан вывод о «продолжительности общественных процессов переходного к социализму периода и первоначальной стадии новой общественно-эконо-

мической формации» (с. 116). Этот вывод автора соответствует выдвинутой XIII съездом КПК концепции начальной стадии социализма.

Приятно отметить, что М. Кубешова работает в одном направлении с советскими синологами. Об этом свидетельствует глубокое знание исследований многих советских специалистов, активное участие в подготовленном совместно кафедрой наук о странах Азии и Африки Карлова университета и кафедрой истории Китая МГУ сборнике «Актуальные проблемы истории Китая» (Прага, 1984). Большая статья М. Кубешовой в этом сборнике «Современная китайская историография о политике КПК 1958 года» (с приложением «Мао Цзэдун в 1958 году. Биографическая хроника») посвящена периоду, следующему за тем, который анализируется в рецензируемой монографии. А докторская диссертация М. Кубешовой (1987) «Борьба за социализм в Коммунистической партии Китая (1949—1984)» охватывает и дальнейший период процесса выработки линии социалистического строительства в КНР. Вместе они (монография, статья и докторская диссертация) представляют собой ценный вклад в изучение важного этапа новейшей истории Китая.

*М. Ф. ЮРЬЕВ,
доктор исторических наук*

Перспективы развития промышленности КНР

1. Чжунго гунъе фачжань чжаньлюэ вэньти яньцзю (Изучение вопросов стратегии развития промышленности Китая). Тяньцзинь, 1985, 354 с.

2. Чжунго гунъе цзинцзи фачжань чжаньлюэ яньцзю (Изучение стратегии развития экономики промышленности Китая). Пекин, 1986, 275 с.

На пороге третьего тысячелетия закономерен интерес науки к разработке

проблем прогнозирования. Ускорение научно-технического прогресса во всех новых сферах, усложнение форм и расширение географии мирохозяйственных связей все более настоятельно диктуют необходимость для каждой страны определения собственной стратегии развития, оптимально учитывающей внутренние условия и общие тенденции мировой экономики. Разработка научной стратегии имеет особую значимость для стран с неразвитой экономикой, с еще не сформировавшейся структурой общественного производства, находящихся на переломных этапах своего развития. В Китайской Народной Республике с 1981 г. ведется работа по подготовке комплексного труда «Китай в 2000 году». В тематический план Академии общественных наук Китая

на 1981—1985 гг. в качестве важнейшей темы была включена разработка стратегии социально-экономического развития Китая, не первый год в стране издается журнал «Будущее и развитие». За последние 5—6 лет в КНР по этим проблемам состоялось более десяти международных и общекитайских симпозиумов, в провинциях и под эгидой министерств созывались совещания, обсуждавшие вопросы стратегии развития соответствующих регионов и отраслей, на страницах китайской печати неоднократно помещались материалы дискуссий, освещавшие различные аспекты проблемы. Известными китайскими учеными было опубликовано несколько монографий по этой теме, в том числе такие, как «Новая стратегия экономики Китая» Ма Хуна (1982), «Изучение вопросов стратегии развития народного хозяйства Китая» под редакцией Лю Гогуана (1984), «Проблемы перестройки народного хозяйства КНР» Сунь Шанцина (1984) и др., в которых корифеи экономической науки подняли проблемы, наметили подходы, обобщили отправные моменты разработки стратегии развития Китая. Рецензируемые книги, как это следует из названия, посвящены более узкому вопросу — стратегии развития промышленности КНР. Обе работы подготовлены авторским коллективом Института экономики промышленности АОН Китая. Отдельные ученые института приняли участие в написании и редактировании обеих книг, в их числе такие известные советским ученым экономисты, как Чжоу Шулянь¹, Цзян Ивэй, Пэй Шупин и др. Несмотря на идентичность названия, книги существенно различаются по содержанию, взаимно дополняют друг друга по временным рамкам исходного материала, по степени конкретизации прогнозов, по методам анализа. Книга тяньцзиньского издательства, получившая в 1987 г. премию Сунь Ефана (присуждается раз в два года за труды в области экономики), в основном посвящена проблемам отраслевой структуры промышленности КНР, анализу диспропорций внутри промышленной системы и перспективам их преодоления в ходе совершенствования ее структуры. В работе даны варианты прогнозов развития основных отраслей промышленности, намечены рубежи развития отдельных отраслей к 2000 г.,

подсчитаны вероятные темпы прироста производства за этот период, выявлены структурные сдвиги, которые произойдут, если развитие пойдет по предлагаемой схеме. Отправным пунктом работы явилась установка XII съезда КПК (сентябрь 1982 г.) на учетверение к 2000 г. совокупной промышленной и сельскохозяйственной продукции по сравнению с 1980 г. на основе роста производства и повышения экономической эффективности. Последнее обстоятельство потребовало заложить в стратегию развития такие факторы, как интенсификация производства, экономия сырья и энергии, опережающий рост современных отраслей, осуществление технической реконструкции.

В книге пекинского издательства основное внимание сосредоточено на выявлении комплексных проблем, закономерно возникающих по мере развития промышленности в условиях развертываемой в стране хозяйственной реформы и политики расширения торгово-экономических связей с внешним миром. В этом несомненная теоретическая ценность исследования. Сильной стороной книги является выявление новых факторов, порой недостаточно явных, не успевших проявить себя полностью, действие которых, однако, нельзя не принимать во внимание при разработке действительно научной стратегии развития. В качестве примеров можно назвать бурный рост сельской промышленности, опережающее развитие негосударственных форм хозяйствования, широкое формирование межрайонных и межведомственных объединений, которые являются «знаками» сегодняшней ситуации в промышленности Китая, влияние которых на промышленную систему завтрашнего дня будет все более заметным.

Работа над обеими книгами проходила в период активного претворения в жизнь «политики урегулирования», поэтому идея сбалансированности народного хозяйства, требующая преодоления диспропорций и подтягивания отставших секторов экономики, красной нитью проходит через все главы. Опыт развития промышленности КНР с гипертрофированным вниманием к тяжелой индустрии, к созданию завершенных промышленных систем во внутренних районах сказался в особой

тщательности проработки вопросов соотношения тяжелой и легкой промышленности, капитального строительства и технической реконструкции, топливно-сырьевого комплекса и обрабатывающих отраслей, развития приморских и внутренних районов. Известно, что исключительная демографическая ситуация в Китае требует особой политики в области обеспечения занятости населения, отсюда понятно пристальное внимание авторов обеих книг к поиску пути развития промышленности, учитывающего и требования научно-технического прогресса, и необходимость ежегодного трудоустройства миллионов новых рабочих рук. Вполне понятны и попытки обнаружить «болевые точки» будущего состояния промышленности страны, в том числе нескрываемое беспокойство за экологические последствия быстрого роста промышленности в городе и на селе.

Ретроспективный взгляд на историю развития народного хозяйства КНР без труда обнаруживает все возрастающее значение промышленности в экономике страны, все большее внимание уделялось стратегии ее развития. Наиболее наглядно влияние выбора той или иной стратегии развития промышленности проявилось в годы первой пятилетки (1953—1957) и годы «большого скачка» (1958—1960). Так, в первом случае наблюдалось развитие народного хозяйства, а во втором — имели место огромные потери (с. 1, 7). Плодотворным результатом исследований в области стратегии развития называется шестой пятилетний план экономического и социального развития КНР (1981—1985), составленный в духе требований «урегулирования» и воплощающий идею сбалансированности развития «умеренными темпами и с относительно хорошей эффективностью». Именно такое соотношение темпов и эффективности, по мнению авторов, будет главным критерием при разработке конкретных планов развития на восьмидесятые годы, при этом лишь в девяностые годы темпы роста промышленного производства смогут возрасти. Наглядно идея накопления сил, создания базы для будущего рывка видна из следующей таблицы.

Ускорение темпов прироста промышленной продукции в последнее десятилетие века китайские экономисты связывают с действием ряда факторов,

Т а б л и ц а
Прогноз темпов прироста производства

	1980 — 1990 гг.	1990 — 2000 гг.	1980 — 2000 гг.
Прирост валовой промышленной продукции (в среднем за год, в %) в том числе:	6,7	8,9	7,8
тяжелой промышленности	5,5	10,3	7,9
легкой промышленности	7,9	7,5	7,7

которые научнут работать, если будут выполнены задачи предшествующего периода: урегулированы наиболее острые диспропорции и достигнута начальная степень сбалансированности народного хозяйства, подтянут топливно-сырьевой комплекс и транспорт, осуществлена хозяйственная реформа. Предполагается, что это даст возможность повысить долю национального дохода, выделяемую на накопление, ускорить развитие передовых отраслей тяжелой промышленности, создать ряд новейших отраслей. Опережающее развитие новых и новейших отраслей должно ускорить развитие промышленности в целом и обеспечить выход к 2000 г. на намеченные рубежи «учетверения» (с. 1, 22). Согласно предполагаемому сценарию, в структуре промышленной продукции произойдут заметные изменения: в первое десятилетие доля продукции тяжелой промышленности снизится с 53,1 до 48,4 %, а легкой повысится с 46,9 до 51,6 %; во второе десятилетие доля тяжелой промышленности возрастет до 53,8 %, а легкой промышленности, напротив, уменьшится до 46,2 %. В тяжелой промышленности в целом за весь период сократится доля отраслей топливно-энергетического комплекса (с 24,3 до 16,3 %), а также металлургии (с 18 до 9,6 %). Ожидается повышение доли машиностроения (с 32,2 до 46,8 %), химии и промышленности строительных материалов (с. 1, 53). Структурные сдвиги в легкой промышленности будут связаны с повышением удельного веса пищевой промышленности (с 26,2 до 35,2 %), а также отраслей, выпускающих электробытовую технику и бытовую химию; уменьшится доля текстильной промышленности (с 31,1 до 19,4 %). Последнее авторы объясняют изменениями,

которые произойдут в структуре потребления населения страны по мере достижения уровня «скромного достатка».

Среди разделов книги, посвященных анализу перспектив развития отдельных отраслей промышленности, наибольший интерес представляет энергетическая составляющая прогноза, в котором закладываются очень жесткие требования к повышению эффективности энергопотребления. Согласно поставленной задаче, коэффициент эластичности совокупной продукции (здесь — соотношение темпов прироста энергопотребления и производства продукции) должен будет составить в среднем за период до 2000 г. 0,5 по сравнению с 1,16 в среднем за предшествующие 30 лет (с. 1, 63). Выполнение этого требования позволит добиться учетверения продукции при среднем приросте производства первичных энергоресурсов на уровне 3,5 % в год. В этой связи авторы указывают, что в перспективе все большее предпочтение будет отдаваться неэнергоемким отраслям и производствам, в том числе и в тяжелой промышленности. Одновременно ужесточение грозит мелким предприятиям, характеризующимся высокими энергопотерями.

Стратегия развития других отраслей промышленности в целом традиционна и не содержит каких-либо принципиально новых моментов. Быстрее пойдет развитие машиностроения — коэффициент опережения промышленности составит 1,2; валовая продукция отрасли возрастет в 5 раз, в том числе выпуск продукции судостроения и электроники увеличится в 10—13 раз. Предлагается взять курс на производство оборудования большей единичной мощности, потребляющей меньше энергии на единицу мощности, повышение технологического уровня станкостроения, развития специализации и кооперирования, с тем чтобы в итоге к 2000 г. 90—95 % стоимости продукции отрасли приходилось на машины и оборудование, достигшие мирового уровня 70—80-х гг., а 5—10 % — на самую современную продукцию (с. 1, 127). Интересны соображения авторов о перспективах развития в Китае современных отраслей, таких, как производство информационной техники, биотехнология, создание новых материалов, космическая и ядерная промышленно-

сти, освоение океанических ресурсов. Вместе с тем представляется бесспорным вывод авторов книги о противопоставлении новейших и традиционных отраслей, объявления «затухающими» таких отраслей, как металлургия и автомобилестроение, потенциальные возможности которых еще далеки от полного выявления (с. 1, 195). Сдвиги в территориальной структуре промышленности будут происходить по мере роста потенциала приморских районов, который позволит все в больших масштабах и все дальше на запад осваивать территорию внутренних районов, с перспективой начала широкомасштабного освоения северо-запада и юго-запада страны за порогом 2000 г. (с. 1, 206). Целенаправленная политика в области капиталовложений является огромным преимуществом социалистического хозяйствования. Подтверждая это, авторы на конкретных цифрах обобщают опыт капитального строительства в КНР и предлагают варианты прогнозов роста капиталовложений до 2000 г. в зависимости от доли накопления в национальном доходе, выявляют оптимальную долю капиталовложений, необходимых для осуществления технической реконструкции. По их расчетам, эту долю необходимо повысить до 46 % в 1986—1990 гг. и 32—38 % в 1990—2000 гг. (с. 1, 241). Ускорение научно-технического прогресса авторам видится на пути активного заимствования передовой зарубежной техники, с тем чтобы на этой основе формировать собственную техническую структуру и создавать оригинальную технику.

При разработке стратегии развития промышленности Китая не может быть обойден вниманием, как подчеркивают авторы, демографический вопрос. Влияние «человеческого фактора» на производство в Китае очень велико, и не все его последствия выявлены до конца. По мнению авторов, стратегию развития нужно разрабатывать исходя из того, что численность занятых в промышленности будет возрастать ежегодно в среднем на 4 %. К 2000 г. таким образом, в промышленности будет занято 20 % общего числа занятых в народном хозяйстве, при этом наиболее быстро будет возрастать численность занятых на предприятиях волостей и поселков — в среднем на 7,2 %.

а также на коллективных предприятиях в городах — на 4,2 %. На государственных промышленных предприятиях, где избыток персонала составляет около четверти всех занятых, темпы прироста составят 2,2 % (с. 1, 305).

При несомненных достоинствах книги и ценности содержащихся в ней многочисленных расчетов и прогнозов будущего развития вместе с тем ощущается стремление к излишней конкретизации, зачастую за счет абстрагирования от ряда проблем.

Вторая книга, посвященная стратегии развития экономики промышленности КНР, отвечает на многие вопросы, возникающие при ознакомлении с первым трудом. Эта работа более научна, она нацелена на обнаружение противоречий, выявление факторов, по-разному воздействующих на промышленность. При исследовании взаимодействия промышленности и сельского хозяйства за период 1979—1984 гг. выявляется их взаимоускоряющее влияние в 1982—1984 гг., когда рост производства в обеих отраслях отличался стабильностью, подчеркивается усиление значимости промышленности в связи с интенсификацией производства в сельском хозяйстве, наблюдающейся в ходе реформы в сельском хозяйстве. Вместе с тем отмечается усиление конкуренции между промышленностью и сельским хозяйством за капиталовложения, рынок, трудовые ресурсы. Анализируя взаимоотношения тяжелой и легкой промышленности, авторы работы выявляют факторы, действующие в пользу ускорения развития первой. В их числе — научно-технический прогресс, воздействующий новейшими отраслями на весь комплекс тяжелой промышленности, а также сдвиги в структуре потребления населения. В этой связи в ближайшие 15 лет соотношение темпов роста тяжелой и легкой промышленности может составить 1:0,8 (или 1:0,9), а их доля в совокупной промышленной продукции соответственно 55 и 45 % (с. 2, 73). В то же время отмечается, что в будущем усилится сдерживающее влияние такого лимитирующего фактора, каким является инфраструктура. Ее доля в общих капиталовложениях в народное хозяйство до недавнего времени была ниже оптимального уровня на 10—15 % (с. 2, 88).

По расчетам Центра технико-экономических исследований при Госсовете КНР, в 1990—2000 гг. неразвитость транспортной системы окажет определяющее влияние на движение цен на продукцию всех отраслей промышленности. В этой связи авторы предлагают повысить долю капиталовложений в инфраструктуру с нынешних 40 до 51—53 % (с. 2, 90).

Весьма неоднозначная трактовка дается последствиям бурного роста в КНР сельской промышленности. С одной стороны, отмечается незаменимая роль предприятий волостей и поселков как «резервуара» избыточных трудовых ресурсов, «емкость» которого должна составить к 2000 г. около 200 млн. человек. Большая часть из них будет занята на промышленных предприятиях (в 1984 г. почти 70 % занятых несельскохозяйственным трудом работало в сельской промышленности). С другой стороны, обостряется конкуренция с городской промышленностью за инвестиции, сырье, топливо, энергию, рынок; с сельским хозяйством — за кредитные ресурсы. Серьезной проблемой авторы считают нерациональную структуру сельской промышленности, почти 50 % продукции которой относится к тяжелой промышленности, считают перспективным развитие отраслей, перерабатывающих сельхозпродукцию.

Развернувшаяся в Китае хозяйственная реформа привела в действие ряд новых структурообразующих факторов, влияние которых пока не подвергнуто исчерпывающему анализу. Плодотворной попыткой следует считать рассмотрение в книге пекинского издательства проблем развития в промышленности различных форм и методов хозяйствования, а также вопросов организационной структуры промышленности КНР. Отделение права собственности от права хозяйствования и реальное превращение предприятий в относительно самостоятельных товаропроизводителей, расширение поля деятельности негосударственных укладов и развитие отношений подряда и аренды на предприятиях государственного сектора в условиях реформы системы планирования и ценообразования вносят новые, весьма существенные моменты в нынешние представления о стратегии развития промышленности. Непосредственное влияние на выбор стратегии оказывают

процессы рационализации организационной структуры промышленности — ее децентрализация, нацеленная на повышение роли городов как экономических центров, на преодоление тяги к универсализации производства, местническому и ведомственному протекционизму. Все большее значение в этом смысле приобретают межотраслевые и межрайонные объединения, развивающие горизонтальные связи.

Вместе с тем не все новые факторы роста оказались в поле зрения авторов книги. Может быть, большего внимания заслуживает проблема создания единого социалистического рынка, являющаяся одной из трех важнейших задач реформы хозяйственной системы в КНР, воздействие которого на развитие промышленности будет усиливаться. И тем не менее следует под-

черкнуть, что, несмотря на неполный охват всех проблем, вызванных к жизни реформой, подготовка и публикация обеих книг явились успешной попыткой ученых разобраться в особенности происходящих процессов, дать обоснованные рекомендации по принятию практических решений по проблемам развития промышленности, создать задел для дальнейших исследований.

А. В. НИКОДА

¹Чжоу Шулянь — директор Института экономики промышленности АОН Китая, в 1986 г. посетил Советский Союз в качестве главы делегации ученых-экономистов АОН Китая.

По страницам ежегодника «Япония 1986»

Япония 1986. Ежегодник. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1987, 304 с. с ил.

В конце 1987 г. вышел 15-й выпуск ежегодника «Япония» — «Япония 1986». Сборник традиционно открывается тремя обзорами — экономическим, внутри- и внешнеполитическим, — вводящими читателя в круг проблем и событий, характерных для Японии середины 80-х гг.

Ознакомление со сложными и противоречивыми процессами в экономике страны авторами обзора «Экономические проблемы Японии в середине 80-х годов» О. С. Корчагина и Я. А. Певзнер начинают с исследования динамики основного экономического показателя — валового внутреннего продукта (ВВП) Японии и его сравнения с ВВП других развитых капиталистических стран (США, ФРГ, Великобритании, Франции).

«...В течение двух последних десятилетий (1966—1985 гг.) среднегодовые

темпы прироста ВВП в Японии были выше, чем в других взятых для сравнения странах, и в 1981—1985 гг., несмотря на замедление, составляли 4,1 % по сравнению с 2,5 % в США, 1,1 — в ФРГ, 1,7 — в Великобритании, 1,1 % — во Франции» (с. 6). В то же время общая тенденция к снижению темпов роста ВВП на душу населения особенно отчетливо проявилась в Японии.

Основную причину сохранения Японией более высоких темпов экономического роста авторы справедливо усматривают в прогрессе обрабатывающей промышленности (в основном металлообработки и машиностроения), которая компенсировала абсолютное снижение долей прироста производства черной и цветной металлургии, строительства и резкое падение долей ряда других отраслей.

Анализ динамики производительности труда в различных странах показал, что в послевоенный период среднегодовые темпы прироста производительности труда в Японии были намного выше, чем в США и странах Западной Европы. И при этом произошло резкое снижение темпов прироста ВВП на душу населения. Для исследования этого несоответствия авторы обзора обращаются ко второму полюсу экономического механизма — реализации всей массы производимых товаров и услуг, и прежде всего к конечному

потребительскому спросу. Этот главный компонент общего спроса обнаруживает тенденцию к сокращению по своей доле в ВВП. Снижение потребительского спроса непосредственно связано с ростом безработицы, сокращением (начиная с 1980 г.) темпов прироста заработной платы. В 1981—1985 гг. темпы прироста основного компонента спроса отставали от темпов прироста ВВП. «В 1985 г. положение не улучшилось: ВВП вырос на 4,6 %, а потребительские расходы населения в сумме с государственными расходами — на 2,7 %» (с. 12).

«Палочкой-выручалочкой» для ВВП по-прежнему оставалась внешняя торговля, активное сальдо торгового баланса, обеспечившее в 1983 г. 47 %, а в 1984 и 1985 гг. — соответственно 25,5 и 25 % всей величины прироста ВВП.

Разбираясь в существе данного явления (большого и устойчивого превышения экспорта над импортом), в его экономической и социальной природе, О. С. Корчагина и Я. А. Певзнер подробно исследуют особенности современного научно-технического прогресса в Японии, динамику импортных и внутренних цен, заработной платы, почасовой производительности труда. В итоге они приходят к выводу, что «Япония продолжает оставаться страной более высокой степени капиталистической эксплуатации, и это является основой высокой конкурентоспособности японских корпораций как на внутреннем, так и на внешнем рынке» (с. 17). Этому способствовало и значительное понижение валютного курса иены в 1980—1984 гг., что усилило и без того высокую конкурентоспособность японских товаров. Однако с последней четверти 1985 г. курс иены по отношению к доллару стал резко расти. Хотя это и привело к замедлению экспорта из Японии в 1985 г. и падению его физического объема в 1986 г., «по подсчетам японских экономистов, совокупное действие роста курса иены, падения цен на нефть и понижения процентных ставок оказывает большое положительное влияние на экономику: Япония экономит 6,5 трлн. иен, из которых 2,2 трлн. приносит понижение нефтяных цен на 10 долл. за баррель, 2,8 трлн. — повышение курса на 65 иен и 1,5 трлн. — увеличение прибылей предприятий в результате снижения процентных ставок. Таким образом, на макроуровне обнаруживается большая сопротивляемость

японской экономики ухудшившимся обстоятельствам. Япония в определенном смысле даже выигрывает в результате комбинированного воздействия перечисленных выше факторов» (с. 20).

В то же время повышение курса иены отрицательно сказалось на положении экспортных фирм, в основном мелких и средних, что поставило вопрос о необходимости государственного вмешательства.

В феврале 1986 г. правительство создало фонд кредитования под низкие проценты мелких и средних предприятий с экспортной ориентацией в сумме 1,6 млрд. долл. Однако сохранение вялого внутреннего спроса не позволяет японским предпринимателям компенсировать возможные потери на внешнем рынке расширением внутренней продажи.

Противоречия и слабые стороны экономического роста Японии в первой половине 80-х гг. (низкие темпы роста внутреннего спроса, опора на экспорт, расширение которого происходило в большой степени на основе заниженного курса иены) сказались на ухудшении экономического положения. Государство пытается улучшить дело путем осуществления административно-финансовой реформы (АФР) — начатой в 1980 г. перестройки системы государственного регулирования экономики с целью его смягчения.

О. С. Корчагина и Я. А. Певзнер задаются вопросом: будет ли правительство консерваторов форсировать проведение АФР на базе ее первоначальной программы, то есть таким образом, чтобы одновременно и продолжать приватизацию, и добиваться сокращения (или хотя бы стабилизации) доли государственных расходов в реализации ВВП, или в первоначальную программу будут внесены существенные коррективы? По мнению авторов, наиболее вероятен второй вариант — «в связи с депрессивным состоянием экономики во второй половине 1986 г. и в 1987 г. дело скорее всего сложится таким образом, что, продолжая курс на приватизацию и ослабление оперативного вмешательства в частный бизнес, государство одновременно будет искать пути для увеличения своих финансовых ресурсов с целью форсирования всех видов инфраструктуры (в первую очередь транспортной), а также для развития науки и техники. В этом смысле можно ожидать не ослабления, а,

напротив, усиления кейнсианского направления государственно-экономической политики, и прежде всего увеличения налогов и государственного долга» (с. 27).

Внутриполитическая обстановка в Японии в 1985 г. определялась борьбой демократических сил за сохранение прогрессивных завоеваний первых послевоенных лет. Средоточием конфронтации консервативных и прогрессивных сил стал парламент. «Проходившая в первой половине 1985 г. 102-я, очередная парламентская сессия, неоднократно прерывалась, — пишет автор обзора Ю. Д. Кузнецов, — в результате бойкота оппозиционных партий, выступавших против намерений правительства выйти за пределы лимита в 1 % ВВП на военные расходы и добивавшихся серьезных поправок к правительственным законопроектам» (с. 30).

Премьер-министр Я. Накасонэ, провозгласив курс на «подведение итога послевоенной политике», приступил к решительному его осуществлению. В начале июня группа депутатов от ЛДП внесла на рассмотрение парламента проект реакционного закона «об охране государственной тайны». Активно проводилась административно-финансовая реформа, прежде всего денационализация крупных государственных предприятий — Японской телеграфно-телефонной корпорации, табачной монополии.

«Подведение итога послевоенной политике» означало, как справедливо отмечает автор обзора, «серьезную перестройку в политической и идеологической сферах, целью которой было сохранение и упрочение власти монополистического капитала в условиях крупных изменений в социальной структуре японского общества в результате научно-технической революции и структурных сдвигов в экономике страны. Она предусматривала создание благоприятных условий для пересмотра конституции, трудового законодательства и других демократических преобразований послевоенных лет, реформу системы образования, избирательной системы, ограничение деятельности политических партий, изменение военной политики и т. п.» (с. 32).

Характерно, что само проведение административно-финансовой и других реформ использовалось правительством для ограничения сложившихся после войны демократических процедур. Огром-

ное влияние приобрели различные «консультативные советы» и группы для выработки рекомендаций правительству по отдельным вопросам. Ю. Д. Кузнецов на ряде примеров убедительно показывает, как эти никем не избираемые органы начали подменять не только парламент, но и правительство, воплощая так называемый «президентский стиль» Накасонэ.

«Подведение итога послевоенной политике» не происходило так гладко, как того хотелось правительству консерваторов. В 1985 г. ЛДП не добились большинства на важных выборах в собрание Токийской столичной префектуры. Официальное посещение Я. Накасонэ 15 августа храма Ясукуни вызвало бурю возмущения как в Японии, так и за рубежом; вторичное посещение в ноябре было отменено. Дискуссия по военным вопросам обнажила всю непопулярность попыток правительства добиться ликвидации ограничения на рост военных расходов.

15 ноября 1985 г. консерваторы отметили 30-летие образования ЛДП, была принята новая программа партии, в которой, в частности, восстанавливалось положение о необходимости пересмотра Конституции Японии.

Далее в обзоре дается детальный анализ положения дел в лагере оппозиции, для которой особую остроту приобрел вопрос эффективного отпора наступлению реакции. Этому было уделено много внимания на состоявшихся в конце года съездах КПЯ, Комэйто и СПЯ.

Эти съезды «убедительно показали, что оппозиционный лагерь весьма далек от единства в оценке путей и средств обновления политики страны и не в состоянии бросить серьезный вызов либерал-демократам, выдвинуть реальную альтернативу их власти» (с. 45). Стремление большей части оппозиции так или иначе «вписаться» в существующую систему в значительной мере определялось ухудшением дел в профсоюзном движении. Проводимая приватизация способствовала усилению правореформистского крыла, стремящегося повести это движение по тред-юнионистскому пути, деполитизировать его и выхолостить из него классовое содержание. Автор обзора рисует реальную картину разобщенности организаций трудящихся Японии.

Несмотря на благоприятную для консерваторов обстановку в лагере оппози-

ции и профсоюзном движении в конце 1985 г., правительство потерпело в парламенте два серьезных поражения: ЛДП отозвала законопроект «об охране государственной тайны», так и не поставив его на голосование; не прошел также и законопроект о корректировке числа мест по избирательным округам, хотя его принятие было главной целью созыва внеочередной сессии парламента для ЛДП и лично Я. Накасонэ. Под занавес — 28 декабря 1985 г. — премьер-министр провел третью реорганизацию своего правительства — замену 17 из 20 министров. Реорганизация, по существу, ничего не меняла в политике правительства, поскольку власть оставалась в руках тех же консерваторов.

«1985 год показал, — пишет автор внешнеполитического обзора Д. В. Петров, — что сложные проблемы, с которыми сталкивается японская дипломатия, невозможно решить на старых путях всесторонней поддержки США. Стала давать сбой испытанная тактика активного сотрудничества с Вашингтоном в военно-политических вопросах в обмен на определенные уступки в экономической сфере. Крупные просчеты, лежащие в основе следования в фарватере политики Соединенных Штатов, достигли кульминации на совещании руководителей семи ведущих империалистических держав в Токио, где японской дипломатии пришлось испытать горечь поражения по всем направлениям» (с. 53).

В обзоре в отдельные разделы выделены в силу их значимости такие вопросы, как отношение Японии с США, подключение Японии к участию в программе СОИ, токийское совещание «семерки», обострение противоречий с развивающимися странами, японо-китайские отношения и позитивные сдвиги в отношении Японии с Советским Союзом.

Чем же характеризовались японо-советские отношения в 1985 г.? Имелись благоприятные предпосылки к их оживлению: очевидная бесперспективность проводимой с начала 80-х гг. «политики санкций», определенное улучшение отношений СССР с США в ходе подготовки к встрече в Женеве, требование широкой общественности и деловых кругов Японии о развитии связей с нашей страной. Важное значение имела встреча в Москве М. С. Горбачева с Я. Накасонэ 14 марта 1985 г., во время которой советский лидер подчеркнул, что «Совет-

ский Союз готов развивать взаимовыгодные связи с Японией в различных областях и выступает за придание отношениям между обеими странами добрососедского характера». Он отметил, что СССР готов «ко многим практическим шагам в этом плане» (с. 82). Надо добавить оживленный обмен визитами на различных уровнях в течение 1985 г.

Все это позволило возобновить после восьмилетнего перерыва политический диалог между нашими странами. 15—19 января 1986 г. в Токио состоялись переговоры министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе с Я. Накасонэ, министром иностранных дел Японии С. Абэ и другими японскими руководителями. Одним из важнейших результатов переговоров стало решение о проведении впредь регулярных (не менее одного раза в год) консультаций министров иностранных дел поочередно в Москве и Токио. Было подписано также соглашение о товарообороте и платежах на 1986—1990 гг.

Развитию позитивных сдвигов в этом направлении способствовал и ответный визит С. Абэ в Москву 29—31 мая 1986 г. Обсуждались вопросы, связанные с предотвращением угрозы ядерной войны; проблема заключения советско-японского мирного договора, шаги по улучшению международного климата в АТР. Стороны обязались содействовать дальнейшему расширению торгово-экономических отношений между СССР и Японией на основе взаимной выгоды и умножить усилия для поиска новых форм сотрудничества. Была подчеркнута обоюдная заинтересованность в дальнейшем поступательном развитии советско-японских отношений, подтверждены сделанные ранее японским правительством приглашения М. С. Горбачеву посетить Японию и советским — Я. Накасонэ нанести визит в Советский Союз. 31 мая 1986 г. министры подписали межправительственное соглашение о культурных связях.

«Все эти позитивные результаты означали, что советско-японский диалог ставится на прочную, стабильную основу. При всех возможных расхождениях в оценках и подходах к решению тех или иных проблем договоренность о создании постоянного механизма политических связей и о намерении обеих сторон содействовать его бесперебойной работе явилась новым шагом в развитии совет-

ско-японских отношений, создавая реальные возможности для регулярных контактов и решения всех сложных вопросов за столом переговоров» (с. 85).

При этом, к сожалению, нельзя не упомянуть и сохраняющиеся в двусторонних отношениях негативные моменты. Среди них — раздуваемая под покровительством официальных властей кампания вокруг притязаний на советские территории, попытки на основе формулы «единства политики и экономики» увязать развитие торговых связей с проблемой «северных территорий»; ограничения в соответствии с решениями КОКОМ поставок в СССР новейшей технологии, решение Японии участвовать в создании военного комитета КОКОМ-СТЕМ. Не способствует углублению доверия к миролюбию Японии и ее решение присоединиться к программе СОИ. Вызывает недоумение, что все это имеет место в период, когда появились признаки оздоровления атмосферы советско-японских отношений, поступательного движения в практических областях двусторонних связей.

Среди проблемных статей ежегодника хотелось бы остановиться на трех, наиболее созвучных переживаемому нашей страной периоду. Надо полагать, канули в Лету времена, когда интерес к зарубежному опыту, заимствование каких-либо «ихних» достижений безапелляционно нарекались низкопоклонством, неверием в свои силы и безоговорочно осуждались. Такие статьи сборника, как «Реформа системы образования в Японии» А. А. Макарова, «Венчурный бизнес и венчурный капитал в Японии» И. П. Лебедевой, «Организация государственного управления научно-техническим развитием в Японии» С. А. Рогинко, могут послужить если и не ценным пособием, то хотя бы катализатором для собственных исследований советских специалистов в соответствующих областях. В меньшей степени, правда, это относится к статье о реформе образования в Японии, где автор заостряет внимание на негативных аспектах, несомненно присущих проводимой правящими консерваторами реформе, но практически ничего не сообщает об ее «рациональном зерне», без которого вряд ли возможны в Японии какие-либо преобразования. Провозглашаемые японской реформой «принципы внимания к индивидуальности», «воспитание творческого начала» несколько не противо-

речат целям и методам нашей перестройки средней и высшей школы, еще раз четко сформулированным на февральском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Знакомство с венчурными предприятиями Японии (не только по статье в сборнике, но и более детальное), на мой взгляд, может способствовать преодолению застарелой болезни нашей экономики: чересчур долгому воплощению результатов научных исследований в производство. В стране уже создаются кооперативы по ускоренному внедрению изобретений, но мы еще только в начале пути, и любой опыт в этой области надо только приветствовать. Полезным для наших организаций может оказаться и изучение существующей в Японии разветвленной системы управления научно-техническим развитием, которая «использует широкий спектр организационно-экономических форм, методов и процедур, ориентированных на форсирование НИОКР и массовое использование их результатов в промышленности» (с. 189).

Хочу также обратить внимание читателей ежегодника «Япония 1986» на статьи И. В. Иванова «Япония в середине 80-х годов: буржуазная пресса и общество» и С. Б. Маркарьян. Э. В. Молозянова «Государственная политика в отношении национальных праздников в Японии». Если средства массовой информации Японии еще как-то освещались в нашей печати, в частности, их превосходная техническая оснащенность, то тема национальных праздников — очень важная для понимания жизни и быта любой страны — явно находилась в забвении. Статья в сборнике удачно ликвидирует этот пробел.

Как обычно, ежегодник «Япония» включает в себя обзор научной жизни японоведов, информацию по Японии (подобранную, за исключением пяти заметок из «Санкэй симбун», в основном по англоязычным изданиям), список литературы о Японии, вышедшей в 1985 г. на японском, русском и других европейских языках; приложения, состоящие из статистических материалов по экономике Японии, и хронологию наиболее значительных событий 1985 г.

Все это делает очередной выпуск ежегодника, освещающий широкий круг проблем, интересным не только для специалистов.

Ю. Е. ЕВГЕНЬЕВ

Мир японской книги

Е. В. Завадская. Японское искусство книги (VII—XIX века). М., «Книга», 1986, 222 с., ил.

Из многих и многих
Ничемных привычных вещей
В моем обиходе
Для иных веков предназначен
Только след, оставленный кистью...

Эти слова дзэнского монаха Рёкана, великого поэта позднего средневековья, очень точно характеризуют отношение японских деятелей культуры к Книге, призванной увековечить человеческую мысль, дать бессмертие Слову. Трудно найти в наследии Востока более сложную, более увлекательную и более благодарную тему для исследования. Японское искусство книги, вобравшее в себя богатейший опыт китайской полиграфии, поражает прежде всего своей синкретичностью, неисчерпаемой многоплановостью. Литература, живопись, дизайн сливаются в неразрывное единство с техническими тайнами древнего издательского промысла. «Обложка и характер брошюровки, форма и формат книги, каллиграфическое многообразие, характер размещения текста на странице, фактура и цвет бумаги, различные способы ее декоративной обработки, типографские и авторские печати и колофоны, которые создавались выдающимися мастерами книжной графики, наконец, различные способы переписывания или печатания книги суть основные элементы этого комплекса», — отмечает в предисловии к своей монографии Е. В. Завадская (с. 6).

Но и этим внушительным спектром проблем не ограничивается автор, рассматривая основные этапы творчества крупнейших писателей, формы распространения различных религиозно-философских учений, этические и эстетические установки различных исторических эпох в тесном соотношении с судьбами замечательных художников, мастеров книжного дела. По существу, монография дает срез многочисленных пластов художественной культуры страны за тысячу двести лет. Конечно, столь масштабные задачи мог поставить перед собой лишь маститый ученый-искусство-

вед, чьи работы давно уже стали признанной классикой отечественной науки. И в среде специалистов, и в широких кругах читателей заслуженным признанием пользуются исследования и переводы Е. В. Завадской: «Культура Востока в современном западном мире», «Слово о живописи из сада с горчичное зерно», «Мудрое вдохновение», «Эстетические проблемы живописи старого Китая» и другие.

«Японское искусство книги» по фундаментальности и широте охвата значительно превосходит все ранее сделанное в данной области, будучи итоговим обобщением опыта современных японских авторов: Ясико Кимия, Кадзума Кавасэ, Тадасигэ Оно, а также западных и советских японоведов: Л. Браун, Д. Чиббета, В. С. Гривнина, В. Н. Горегляда, А. С. Коломнец, Б. Г. Вороновой. Монография, содержащая скрупулезный анализ феномена книги, данный в исторической ретроспективе на литературном, изобразительном и архитектурном уровнях, являет собой в известном смысле популярный, очень живо написанный энциклопедический справочник. Знакомясь с материалами и техникой книжного дела, мы узнаем о различных сортах и способах выделки бумаги, о декорировании страницы при помощи цветных порошков, о правилах приготовления красок, подготовки кистей и туши, вырезания печатных досок. Именно эти тонкости ремесла, что кажутся нам порой малозначимыми и второстепенными, в действительности создают неповторимую атмосферу художественного промысла, тесно связанного с особенностями национального характера, эстетического мироощущения.

Особое внимание уделяет автор каллиграфии, ставшей со времени рождения искусства книги структурообразующим элементом иероглифического текста. Показывая адаптацию «четырёх стилей» китайского письма в японской традиции, Е. В. Завадская вскрывает особенности сочетания азбуки с иероглификой, соответствия каллиграфической манеры жанру произведения и выделяет идейную основу дальневосточной каллиграфии — следование вселенским метаморфозам, достижение гармонии с глобальными законами природы. К тому же сводится и общая планировка книги: расположение на странице текста и иллюстраций, колофона и комментария.

Книга как вещь предстает перед нами уникальным произведением искусства, плодом совместных усилий писателя, оформителя, резчика, переплетчика. Со вкусом, обстоятельно и подробно рассказывает автор о свойствах сакуры, груши, жужуба и других пород древесины, используемых для досок, о выборе резцов, изготовлении обложки, футляров-папок и коробов для книг, о книгах-свитках, книгах-гармошках, книгах-бабочках, книгах-веерах. И во всем разнообразии художественных форм книга неизменно остается квинтэссенцией духовных исканий своей эпохи, зеркалом перемен в общественной и культурной жизни страны.

Избранный автором проблемно-исторический метод позволяет проследить в ретроспективе эволюцию японской книги от первых, завезенных из Китая сутр буддийского Канона до массовой городской литературы начала XIX в. Поскольку книга предстает в работе универсальным инструментом национальной культуры, через ее посредство автор рельефно выделяет важнейшие нравственные и эстетические установки определенного исторического периода.

С проникновением буддизма на японские острова распространение буддийской философии на уровне обыденного сознания становится прочной опорой религиозных догм. Категории «моно-но аварэ» («печальное очарование бытия») и «югэн» («сокровенный смысл») диктуют не только содержание, но и форму крупнейших литературных памятников периода Хэйан — «Исэ-моногатари», «Гэндзи-моногатари», «Кокинсю» и др.

Характер книги XIII—XIX вв. исследователь справедливо связывает с расцветом буддийской секты дзэн, завоевавшей популярность благодаря усилиям талантливых проповедников — Эйсай, Догэна, Синрана. Своеобразная субкультура, возникшая в период Асикага (1334—1572) в лоне так называемых «пяти монастырей», породила не только обширную религиозную и художественную литературу «годзан бунгаку», но также и мощную печатную индустрию, специализировавшуюся на выпуске дзэнских текстов и свитков-поучений «сидзюку».

В работе Е. В. Завадской особенно интересны мысли автора о взаимодействии и взаимопроникновении различных областей искусства. Так, безусловно, на оформление японской книги оказали

влияние живопись Сэсю, многолетняя деятельность художников школ Кано и Тоса. В то же время тезис о непосредственном влиянии театра Но на книжное дело в XV в. представляется спорным. Что касается архитектурного стиля «сёин-дзукури» («помещение с книжной полкой») периода Муромати, то едва ли по такой исторической детали можно делать вывод о небывалом в сравнении с другими веками распространении книги на японских островах.

С древности и до наших дней японская культура тяготела к творческому усвоению и переосмыслению высших достижений науки и искусства других народов. Из монографии Е. В. Завадской мы узнаем, каких удивительных результатов добились японские книгоиздатели, переняв опыт корейской полиграфии после двух печально знаменитых походов Тоётоми Хидэёси на материк. Усвоив принцип печати с подвижными литерами, японцы уже в 1592 г. наладили изготовление деревянного шрифта! С другой стороны, контакты с португальскими и испанскими миссионерами, обратившими в христианство сотни тысяч жителей южных районов страны, помогли японским мастерам познакомиться с западной техникой книгопечатания, и в начале XVII в. появились медные иероглифические литеры, отлитые по образцу и подобию европейских. Существование различных видов полиграфической техники, а также рукописных книг и ксилографических изданий создало предпосылки для «книжного бума» в эпоху Эдо, когда на авансцену общественной жизни выдвинулось третье сословие.

Трудно, однако, согласиться с утверждением автора о том, что в начале XVII в. японцы «впервые стали издавать произведения собственной литературы на родном языке» (с. 96). Куда же в таком случае отнести опубликованные пятью столетиями веками раньше бессмертные памятники периодов Камакура или Хэйан?

Характер эдосской культуры, давшей миру неповторимые шедевры поэзии, драматургии и живописи, определяется в основном переведенными на уровень житейской философии буддийскими представлениями об «укиё» — быстротечном иллюзорном мире, в котором человеку суждено наслаждаться эфемерными земными радостями. Вполне естественно, что именно в период Эдо «книга стала существенной частью жизни города, она

впитала в себя эту жизнь и стала самым ярким знаком неповторимого бытия горожан» (с. 105). Культура «укиё», породившая новые массы читателей — ремесленников, купцов, обитательниц «веселых кварталов», — оказалась питательной средой для произрастания бесчисленных популярных книжных жанров. В свою очередь жанровое деление диктовало многообразие полиграфических форм: кана-дзоси, ёсивара-бон, ниндзё-бон, кокэй-бон, ёмихон и др.

Глава монографии, посвященная эпохе Эдо, представляет собой, пожалуй, наиболее синкретический раздел всего исследования, поскольку основана на анализе и чисто литературного, и живописного, и историко-биографического, и библиографического материала. В самом деле, ведь не всегда можно с уверенностью сказать, что первично в книгах того периода — текст Сайкаку или иллюстрации Моронобу, романы Бакина или украсившие их сотни картин Хокусая. И вот тут-то во всем блеске раскрывается талант искусствоведа, умеющего безошибочно выделить главное, несколькими точными штрихами набросать творческие портреты художников. Через призму работ Харунобу, Киёнага, Сяраку, Тоёкуни, Утамаро мы видим и оригинальное преломление неоконфуцианской идеологии, и развитие интереса к передаче индивидуальных черт в портрете, и эволюцию приемов цветной печати гравюры на дереве.

В неожиданных ракурсах предстают перед нами некоторые прославленные мастера. Так, Кацусика Хокусай, всемир-

но известный живописец, гениальный рисовальщик, выступает в новых ролях — поэта, писателя, каллиграфа. Личность Хокусая, оставившего в наследство потомкам свыше пятисот томов блестяще проиллюстрированных книг и сто томов художественных альбомов, по праву можно сравнить с титанами европейского Возрождения.

Бесспорную ценность представляют и любопытные сведения о справочной литературе эпохи Эдо — словарях, энциклопедиях, атласах животных и растений, о книгах по медицине и географии, по нумизматике и архитектуре, о рукописных трактатах различных традиционных школ. Эта панорама позволяет, может быть, впервые дать ответ на давний вопрос: как же смогла Японская империя буквально за несколько лет превратиться из феодальной окраины Азии в крупнейшую мировую державу? Да, Япония была готова к «большому скачку» не только в области экономики, но и в области культуры.

Итак, перед нами уникальное исследование, в котором последовательно прослеживается национальная самобытность японского искусства книги и проводятся убедительные параллели с культурой Запада. В феномене книги мы видим все своеобразие восточного мировосприятия, древней художественной традиции. Особенно отраднo, что работа Е. В. Завадской, приобщившая читателя к прекрасному, по своему полиграфическому уровню вполне соответствует предмету исследования.

А. А. ДОЛИН,

кандидат филологических наук

Состоявшаяся в сентябре 1987 г. в Улан-Баторе I международная встреча переводчиков монгольской литературы не только явилась значительным событием литературной жизни страны, но сыграла колоссальную роль в деле пропаганды монгольской культуры в других странах и стала настоящим праздником творческого общения людей разных национальностей, энтузиастов, объединенных любовью к Монголии и монгольской литературе. На встречу съехались монголисты, поэты-переводчики и издатели из 19 стран мира, в том числе из США, Дании, Англии, Японии, Индии. Она стала интернациональным праздником литературы. В послании председателя Международной ассоциации переводчиков художественной литературы А. Лиловой было подчеркнуто, что данная встреча есть подтверждение возросшего авторитета монгольской литературы.

Участники встречи были единодушны в понимании важности миротворческой миссии, которую призван выполнять художественный перевод как мощное средство объединения народов. «Вражда, зло, недоверие порождены плохим знанием людьми друг друга,— сказал в своем выступлении американский монголовед Х. Гомбожав,— никто так не помогает понять друг друга, как переводчики художественной литературы».

Председатель правления Союза писателей МНР Д. Цэдэв во вступительном слове рассказал о многовековой традиции художественного перевода в Монголии, которая сложилась в XIII—XIV вв. Еще в раннем средневековье на монгольский язык переводились древние трактаты по разным отраслям знаний, что свидетельствует о высоком уровне развития письменной культуры монголов в то далекое время. Переводная литература и сейчас питает собственно монгольскую литературу. В стране выросла своя школа перевода русской и советской литературы. Д. Цэдэв также отметил особенно большой вклад, который вносят советские переводчики в дело пропаганды монгольской литературы в других странах мира. В Москве только что закончилось издание 16-томной Библиотеки современной монгольской литературы на русском языке. «Сегодня,— сказал Д. Цэдэв,— произведения старой и новой монгольской литературы изданы более чем в 80 странах мира».

Переводчики из разных стран поделились своим опытом в решении самых трудных проблем художественного перевода, например проблемы непереводаемого в переводе, то есть передачи национальных реалий на их родной язык. Интересным был рассказ ученого-филолога из ГДР Ренаты Бауве. Переводчик из Франции Жак Легран сказал, что самым трудным для него в переводе стихов является соблюдение национальной поэтической стихотворной формы. О своем подходе к поэтическим переводам говорила поэт-переводчик из СССР Л. Букина.

Нельзя переоценить и той огромной познавательной роли, которую сыграла встреча. В выступлениях участников содержалась информация о состоянии переводов монгольской литературы в странах, представленных на встрече. Довольно неожиданным оказался вывод о том, что в последнее время на Западе значительно повысился интерес к современной монгольской литературе. Помимо традиционно изучаемых (с прошлого века) на Западе монгольского фольклора, эпических сказаний, летописей, сейчас существует стабильный интерес к творчеству Д. Нацагдоржа, основоположника современной монгольской литературы. Большое место на литератур-

ном вечере и во всей встрече было отведено его творчеству, в частности знаменитой поэме «Моя родина», переведенной на многие языки мира. Большой популярностью и в Европе, и на Востоке, в частности в Японии, пользуется роман Ч. Лодойдамбы «Прозрачный Тамир», лирика Явуухулана, новеллы С. Эрдэнэ. Переводчица из Англии Джуди Нордби прочла свой перевод отрывка из рассказа С. Эрдэнэ «Ностальгия».

Особое внимание участников встречи было привлечено к историко-литературному памятнику монголов «Сокровенное сказание» (1240), 750-летний юбилей которого скоро будет отмечать все мировое монголоведение. Почти во всех странах уже осуществлен перевод и издание этого уникального памятника монгольской словесности, не только составляющего гордость страны, но и являющегося одним из основополагающих источников, на котором зиждется все здание мирового монголоведения.

Участники встречи приняли послание «К писателям, творческим работникам и переводчикам художественной литературы всех стран мира».

За большие творческие достижения в переводе монгольской литературы и ее пропаганду за рубежом, премии Союза писателей МНР за 1987 г. были удостоены известный советский ученый, переводчик художественной литературы Г. С. Матвеева и монголовед-переводчик Таданори Мацуда (Япония).

*Л. А. СКОРОДУМОВА,
кандидат филологических наук*

В 1987 г. Всесоюзная ассоциация китаеведов (ВАКИТ) продолжила начатую ранее работу по активизации и консолидации деятельности китаеведов всех научных, учебных и практических учреждений нашей страны. Главным в этой работе стало решение трех задач: достижение комплексности китаеведческих исследований; сочетание их с достижениями общественных наук в СССР; взаимообогащение научного поиска в области теории и практики строительства социализма в СССР и КНР. Практические мероприятия ВАКИТ имели также целью способствовать развитию и укреплению дружеских добрососедских отношений с Китаем.

Крупным событием деятельности ассоциации в прошлом году стало очередное заседание правления ВАКИТ, состоявшееся 3 февраля. В нем приняло участие около 150 человек — представители почти всех отделений ассоциации, а также китаеведы из 20 научных институтов, практических организаций и учебных заведений Москвы.

С основным докладом «О перестройке советского китаеведения в духе решений XXVII съезда КПСС и январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС» выступил председатель ВАКИТ, директор ИДВ АН СССР, доктор философских наук М. Л. Титаренко. Он отметил, что за последнее время советское китаеведение вступило в новый этап, характеризующийся целым рядом факторов, связанных с глубокими переменами как в Китае, так и в нашей стране. Сейчас, как никогда прежде, возрастает значение координации действий советских китаеведов, укрепления связей с научными и практическими организациями самого широкого профиля. Важную роль в этом процессе может сыграть Всесоюзная ассоциация китаеведов.

Выступившие на заседании подчеркивали необходимость поиска новых форм работы, предлагали конкретные шаги по активизации роли ВАКИТ в пропаганде знаний о Китае, укреплению международных связей ассоциации, прежде всего с ассоциациями Китая и других социалистических стран.

В ноябре 1987 г. Московское отделение ВАКИТ совместно с ИДВ АН СССР провело научно-теоретическую конференцию «Великий Октябрь и Китай», на которой присутствовало более 100 представителей китаеведческих центров и других учреждений Москвы, было заслушано 15 научных сообщений.

В прошлом году ВАКИТ принял участие в подготовительной работе по организации в мае 1988 г. в Душанбе Всесоюзной конференции «Взаимодействие и взаимовлияние культур и цивилизаций на Востоке», главным организатором которой является Всесоюзная ассоциация востоковедов. Совместно с ССОД — ОСКД ВАКИТ готовила мероприятия, посвященные 30-летию ССОД.

В 1987 г. ассоциация в качестве коллективного члена была принята в Европейскую ассоциацию китаеведов (ЕАК), в связи с чем была начата подготовка к участию по линии ВАКИТ делегации на XXXI конгрессе ЕАК, который состоится в ГДР в сентябре 1988 г.

Большое внимание ассоциация уделяла повышению качества подготовки китаеведов, воспитанию китаеведческой смены. В рамках решения этой задачи с декабря 1987 г. начали действовать «ВАКИТовские пятницы» — ежемесячный теоретический семинар под руководством академика С. Л. Тихвинского, где ведущие китаеведы страны обсуждают методологические проблемы китаеведения, вырабатывают конкретные предложения по усовершенствованию его информационной базы и подготовке кадров.

Активно проходил обмен работы и научными материалами между секретариатом ВАКИТ, Московским отделением и местными отделениями ассоциации.

В 1987 г. значительно возросла активность местных отделений ВАКИТ. Примечательно при этом, что местные отделения ассоциации начали использовать имеющиеся у них возможности установления прямых контактов с китайской стороной. Так, в ноябре прошлого года члены бюро Приамурского отделения ВАКИТ участвовали

во встрече актива ССОД и ОСКД с китайской делегацией, прибывшей в Хабаровск на празднование 70-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Приморское отделение ассоциации провело во Владивостоке две встречи с делегацией провинции Цзилинь, на которых обсуждались вопросы более тесного сотрудничества научной общественности Приморского края с учеными этой провинции. Развитие подобных форм сотрудничества позволит ВАКИТ внести свой вклад в расширение добрососедских связей между нашими странами.

Большое место в деятельности местных организаций ассоциации играет научно-исследовательская работа. Здесь следует отметить Казахское и Бурятское отделения, проводящие исследования в области истории, идеологии и культуры не только Китая, но и стран Центральной Азии.

Значителен вклад местных отделений ВАКИТ и в дело лекционной пропаганды. Члены ассоциации выступили в 1987 г. с сотнями лекций по проблемам Китая перед жителями республик, областей, городов, воинами Советской Армии, военными моряками. Деятельность местных отделений ВАКИТ неоднократно освещалась на страницах газет, в передачах радио.

Подводя итоги, можно сказать, что 1987 г. стал для Всесоюзной ассоциации китаеведов годом значительной активизации своей деятельности, становления ее как организации действительно всесоюзного масштаба.

Ордена Трудового Красного Знамени издательства «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли 119817. ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области

Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб. ст. Отв. ред. Л. П. Делюсин. — М.: Наука, 1987. — 228 с. — 1 р. 10 к. 10 000 экз.

Ленинская теория некапиталистического пути развития и исторический опыт МНР: Материалы научной конференции. Москва, 4 окт. 1986 г. Редкол. М. П. Мчедлов и др. — М.: Политиздат, 1987. — 199 с. — 75 к.

Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. — Хабаровск: Кн. из-во, 1987. — 512 с. — (Дальневосточная историческая б-ка). — 1 р. 70 к. 15 000 экз.

Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями: Вып. 10. — М.: Наука, 1987. — 343 с. — 1 р. 40 к. 6000 экз.

XIX съезд Монгольской народно-революционной партии. Улан-Батор, 28—31 мая 1986 г. Пер. с монг. — М.: Политиздат, 1987. — 168 с. — (Документы и материалы зарубеж. ком. и рабочих партий). — 30 к.

Ефимов М. Японские вертикали. — М.: Изд-во АПН, 1987. — 287 с., ил. — 1 р. 60 к. 100000 экз.

Проблемы мира и безопасности в Азии. Редкол. А. И. Чичеров и др. — М.: Наука, 1987. — 287 с. — 3 р. 40 к. 2000 экз.

Васильев А. М. Корни тамариска. — М.: Наука, 1987. — 384 с., ил. — (Рассказы о странах Востока). — 1 р. 50 к. 30000 экз.

Фруентов Н. К. Лекарственные растения Дальнего Востока. — 3-е изд., расш., доп. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1987. — 350 с., ил. — 1 р. 60 к. 50000 экз.

Кутаков Л. Н. Москва — Токио: Очерки дипломат. отношений. 1956 — 1986. М.: Междунар. отношения, 1988. — 271 с. — 1 р. 20000 экз.

Лунев С. И. Индия и США: межгос. отношения. — М.: Наука, 1987. — 183 с. — 1 р. 10 к. 2250 экз.

Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пер. с кит. — М.: Политиздат, 1988. — 256 с. — 60 к.